

МАТЕРІАЛЫ
ПО
ЭТНОГРАФІИ
РОССІИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ О.К.ВОЛКОВА

ТОМЪ I

ИЗДАНИЕ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА РУССКАГО МУЗЕЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

СПЕТЕРБУРГЪ. 1910

ОКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, 18 | МОСКВА, КУЗНЕЦКІЙ М., 12

Установа адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П. М. Машарава"
БІБЛІЯТЭКА

524143

Настоящее издание имѣетъ целью ознакомленіе интересующихся этнографіей Россіи съ тѣми вещественными и письменными матеріалами, которые собраны и собираются Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III. Одно количество этихъ матеріаловъ, накопившихся въ теченіе семилѣтней уже дѣятельности Отдѣла, достаточно объясняетъ потребность въ такомъ изданіи.

Систематическія и вполне научныя работы по описанію коллекцій этого Музея будутъ, конечно, возможны только послѣ размѣщенія ихъ и открытія для публики. Въ этомъ же изданіи найдутъ себѣ мѣсто отчеты объ отдѣльныхъ этнографическихъ экскурсіяхъ, этнографическія характеристики отдѣльныхъ мѣстностей, монографіи по отдѣльнымъ этнографическимъ рубрикамъ, описанія наиболее цѣльныхъ и наиболее интересныхъ въ научномъ отношеніи этнографическихъ коллекцій или отдѣльныхъ предметовъ Музея и т. п. Само собою разумѣется, что на первомъ планѣ въ этихъ описаніяхъ желательно было бы поставить этнографію русскихъ народностей нашего отечества, но сравнительно меньшая до сихъ поръ разработанность этнографіи центральныхъ областей Россіи и необходимость изслѣдованія ея въ связи съ этнографіей прочаго населенія дѣлаютъ неизбѣжнымъ отведеніе очень широкаго мѣста и этой послѣдней. Поэтому, настоящее издание, по мѣрѣ возможности, будетъ заключать въ себѣ, кромѣ статей, относящихся къ великорусской, малорусской и бѣлорусской этнографіи, и матеріалы, относящіеся къ прочему населенію Россіи и прилегающихъ къ ней странъ.

Для болѣе удобнаго пользованія этимъ изданіемъ, къ каждому тому его, пока одному въ годъ, будетъ прилагаться алфавитный указатель предметовъ, личныхъ и географическихъ именъ, а также самое краткое изложеніе содержанія и объясненіе рисунковъ каждой статьи на французскомъ языкѣ, чтобы сдѣлать это изданіе хоть въ извѣстной степени доступнымъ для иностранцевъ.

Особенно важное въ этнографическихъ изданіяхъ значеніе рисунковъ заставляетъ редакцію обратить на нихъ самое серьезное вниманіе. Въ настоящемъ изданіи вся техническая и особенно художественная сторона его находится въ завѣдываніи хранителя Отдѣла А. А. Миллера, которому принадлежатъ обложка и всѣ рисунки, сдѣланные отъ руки.

Отражая собою жизнь Этнографическаго Отдѣла, изданіе это будетъ связью между нимъ и учеными и общественными силами Россіи, безъ участія и поддержки которыхъ немыслимо и дѣятельное существованіе самого учрежденія.

Русскій Музей ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III учрежденъ Именнымъ ВЫСОЧАЙШИМЪ Указомъ Правительствующему Сенату отъ 13-го апрѣля 1895 года. 14-го февраля 1897 года ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ утверждено положеніе объ этомъ Музеѣ, опубликованное въ № 44 Собранія Указоненій и Распоряженій Правительства отъ 3-го мая 1897 года. Статья первая этого положенія гласитъ:

„Музей основанъ въ память Незабвеннаго Покровителя русскаго искусства, ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, имѣя цѣлью соединить все, относящееся къ ЕГО личности и исторіи ЕГО Царствованія, и представить ясное понятіе о художественномъ и культурномъ состояніи Россіи“.

Въ статьѣ второй, сообразно съ предуказанной выше задачей, Музей раздѣленъ на три отдѣла: 1) Посвященный специально памяти ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, 2) Художественный и 3) Этнографическій и художественно-промышленный.

Краткой исторіи развитія Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III посвящаются нижеслѣдующія строки.

I.

Началу дѣятельности Этнографическаго Отдѣла предшествовали три совѣщанія, созванныя подъ предсѣдательствомъ АВГУСТѢЙШАГО Управляющаго Русскимъ Музеемъ Императора Александра III ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ГЕОРГІЯ МИХАИЛОВИЧА и происхо-

дившія 30-го января, 13-го февраля и 17-го апрѣля 1901 года ¹⁾. Въ совѣщаніяхъ этихъ, специально посвященныхъ вопросамъ объ устройствѣ и организаціи Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III, по приглашенію АВГУСТѢЙШАГО Предсѣдателя, приняли участіе слѣдующія лица: старшій этнографъ Музея Этнографіи и Антропологии Императорской Академіи Наукъ Д. А. Клеменць, академикъ Н. П. Кондаковъ, прив.-доц. СПб. Университета Д. А. Коропчевскій, предсѣдатель Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества академикъ В. И. Ламанскій, директоръ Минусинскаго Музея Н. М. Мартыановъ, академикъ А. Н. Пыпинъ, директоръ Музея Этнографіи и Антропологии Императорской Академіи Наукъ академикъ В. В. Радловъ, вице-предсѣдатель Императорскаго Географическаго Общества членъ Государственнаго Совѣта сенаторъ П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, академикъ А. И. Соболевскій, бібліотекаръ Императорской Публичной Библіотеки почетный академикъ В. В. Стасовъ, вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ гофмейстеръ гр. И. И. Толстой, гофмейстеръ А. Н. Харузинъ, академикъ А. А. Шахматовъ, при архитекторѣ ВЫСОЧАЙШАГО Двора В. Ф. Свиньинѣ, секретарѣ АВГУСТѢЙШАГО Управляющаго Русскимъ Музеемъ Императора Александра III А. А. Тевяшевѣ и секретарѣ засѣданія, состоящемъ въ распоряженіи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ГЕОРГІЯ МИХАИЛОВИЧА, П. Н. Шефферъ.

Въ этихъ совѣщаніяхъ подвергались обсужденію слѣдующіе вопросы:

I. Какую этнографію нужно имѣть въ виду, говоря о будущемъ Этнографическомъ Отдѣлѣ Музея: этнографію народовъ, живущихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, или всемірную этнографію.

Вопросъ этотъ получилъ слѣдующее рѣшеніе: будущій Этнографическій Отдѣлъ Музея долженъ заключать въ себѣ:

1) Главный отдѣлъ, которому должно удѣлять и теперь и всегда возможно большее вниманіе,—отдѣлъ этнографіи: а) Россіи въ географическихъ границахъ Имперіи, б) сопредѣльныхъ съ Россіей странъ, если въ нихъ живутъ племена, которыя есть и въ Россіи (Д. А. Клеменць высказался за слѣдующую формулировку пункта б: „сопредѣльныхъ съ Россією странъ, тѣхъ, на которыя распространяется русское политическое, экономическое или нравственное вліяніе“), в) славянскихъ племенъ, хотя бы они и не соприкасались съ русской границей.

2) Придаточные отдѣлы, въ которыхъ долженъ быть сосредоточенъ матеріалъ для сравнительнаго изученія этнографіи Россійской Имперіи.

3) Библіотеку.

Такое рѣшеніе вопросъ получилъ во второмъ засѣданіи. Рукописные матеріалы третьяго засѣданія свидѣлствуютъ, что окончательная формула вопроса, голосовавшаяся въ засѣданіи 17-го апрѣля, была измѣнена.

Баллотировались 4 формулы: 1) общая этнографія съ исключительнымъ преобладаніемъ этнографіи Россійской Имперіи, 2) этнографія исключительно Россійской Имперіи, 3) этнографія Россійской Имперіи и этнографія сопредѣльныхъ странъ и 4) этнографія Россійской Имперіи и этнографія славянъ.

Въ голосованіи приняли участіе 11 лицъ. Первая формула отвергнута единогласно. За вторую формулу подали свой голосъ: АВГУСТѢЙШІЙ Управляющій Русскимъ Музеемъ

¹⁾ Протоколы двухъ первыхъ засѣданій подписаны ихъ участниками и напечатаны, протоколъ же третьяго засѣданія сохранился въ видѣ рукописныхъ матеріаловъ и остался неподписаннымъ, такъ какъ послѣ этого другихъ засѣданій не было. Въ матеріалахъ имѣется, кромѣ того, письменно изложенное мнѣніе проф. Д. Н. Анучина, гдѣ высказаны взгляды его на задачи Музея и его соображенія о способахъ выполненія этихъ задачъ.

Императора Александра III ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ МИХАИЛОВИЧЪ, гр. И. И. Толстой и акад. Н. П. Кондаковъ. Третья формула въ чистомъ видѣ собрала три голоса: П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, Д. А. Коропчевскаго и А. Н. Харузина. За формулу, слившую въ себѣ 3-ю и 4-ю редакціи, т.-е. за „этнографію Россійской Имперіи, этнографію сопредѣльныхъ странъ и славянъ“, подали голосъ четыре лица: академики В. И. Ламанскій, А. Н. Пыпинъ и А. И. Соболевскій и Д. А. Клеменць. Наконецъ, за 4-ую формулу въ чистомъ видѣ голосовалъ В. В. Стасовъ.

Послѣ выясненія результатовъ этого голосованія и послѣ дальнѣйшихъ объясненій по поводу голосовавшихъ формулъ, къ формулѣ „этнографія Россійской Имперіи, славянъ и сопредѣльныхъ странъ“ присоединились П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, В. В. Стасовъ и А. Н. Харузинъ, такъ что, въ концѣ обсуждения, эта формула объединила 7 голосовъ изъ 11 голосовавшихъ.

II. Какого держаться порядка при расположеніи коллекцій — племенного или географическаго.

Собраніе признало необходимымъ, при расположеніи коллекцій, держаться порядка географическаго (областнаго), но не проводить его черезчуръ строго и особыми коллекціями характеризовать нѣкоторыя болѣе важныя черты народной жизни, наблюдаемая въ цѣломъ рядѣ областей.

По вопросу о распредѣленіи коллекцій Музея соотвѣтственно съ культурно-географическими областями, на которыя можно раздѣлить Россію, работала выдѣленная изъ состава совѣщанія особая подкомиссія изъ слѣдующихъ лицъ: Д. А. Клеменца, Д. А. Коропчевскаго, В. И. Ламанскаго и П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго.

Подкомиссіей принято было дѣленіе на слѣдующія географическія и культурно-историческія области: 1) Московская промышленная, 2) Центральная земледѣльческая, 3) Озерная, 4) Финляндія, 5) Крайній Сѣверъ, 6) Балтійская, 7) Литовская, 8) Привислянская, 9) Бѣлорусское Полѣсье, 10) Малороссійская, 11) Новороссійская, 12) Донско-Прикавказская, 13) Закавказская, 14) Приволжская, 15) Приуральская, 16) Киргизская, 17) Туркестанская, 18) Западно-Сибирская, 19) Средне-Сибирская, 20) Восточно- и Полярно-Сибирская и 21) Приамурско-Приморская. Противъ этого сильнаго дробленія, съ одной стороны, и связанныхъ съ такой системой неудобствъ для Музея, имѣющаго главной задачей племенные и бытовыя характеристики, съ другой,—выступилъ съ отдѣльнымъ мнѣніемъ Д. А. Клеменць въ особой запискѣ, напечатанной на правахъ рукописи. Въ запискѣ этой Д. А. Клеменць предлагаетъ, для основы дѣленія, крупныя культурно-географическія области, отстаиваетъ антропогеографическій принципъ, сводя количество географическихъ областей всего къ 5-ти для территоріи Россіи. Въ той же запискѣ авторъ настойчиво защищаетъ включеніе въ задачи Музея Императора Александра III изученіе этнографіи странъ сопредѣльныхъ, находящихся въ сферѣ культурнаго, экономическаго и моральнаго вліянія Россіи. Въ дальнѣйшемъ, при обсужденіи вопроса объ областяхъ, на которыя слѣдуетъ раздѣлить матеріалъ, сторонники дѣленія на 21 область пошли на уступки и соглашались съ возможностью менѣе дробнаго дѣленія и установленія, вмѣсто 21-й, всего 10—12 областей. Голосованія этого вопроса не было.

Ко времени упомянутыхъ выше совѣщаній относится еще одинъ печатный документъ, принадлежащій перу академика В. И. Ламанскаго: „О желательномъ расположеніи коллекцій Музея Императора Александра III“. Авторъ разсматриваетъ всѣ существующіе способы классификаціи матеріала въ музеяхъ и приходитъ къ выводу, что наилучшимъ, единственно подходящимъ и наиболѣе соотвѣтственнымъ задачѣ является географическій порядокъ расположенія коллекцій. По предложенному В. И. Ламанскимъ плану расположенія коллекцій, онѣ должны были уложиться въ 13-ти географическихъ областяхъ. Въ этой

же запискѣ тракуются вкратцѣ вопросы о составѣ и характерѣ этнографическихъ коллекцій и о способахъ ихъ собиранія и пополненія.

Къ концу февраля 1900 года относятся первые шаги Управленія Музея Императора Александра III въ практической области: приступлено было къ приобрѣтенію коллекцій. АВГУСТЪЙШИМЪ Управляющимъ Русскимъ Музеемъ Императора Александра III, по рекомендаціи академика В. В. Радлова, командированъ былъ въ Среднюю Азію художникъ С. М. Дудинъ для сбора коллекцій и фотографированія типовъ разноплеменнаго населенія этой области. Позднѣе приобрѣтена была первая значительная коллекція у собирателя образцовъ русскаго орнамента К. Д. Далматова.

Но систематическій сборъ коллекцій начался только въ 1902 году, когда, 10 января 1902 года, ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ утвержденъ временный штатъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. День 10 января 1902 г. и долженъ считаться днемъ основанія Этнографическаго Отдѣла.

II.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный временный штатъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) завѣдующаго Отдѣломъ, 2) трехъ хранителей Отдѣла, 3) одного канцелярскаго чиновника и 4) трехъ служителей Отдѣла.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ отъ 23 марта 1902 года на должность завѣдующаго Отдѣломъ назначенъ старшій этнографъ Музея Императорской Академіи Наукъ Д. А. Клеменць. ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ отъ 3 апрѣля 1902 года хранителями Отдѣла назначены были: магистрантъ исторіи Востока К. А. Иностранцевъ, Е. А. Ляцкій и Н. М. Могилянскій.

На содержаніе Отдѣла ассигнуется 54.368 руб. въ годъ, изъ нихъ 40.000 руб. на составленіе коллекцій, причемъ остатки отъ этой суммы, если бы таковыя оказались, причисляются къ спеціальнымъ средствамъ Музея и расходуются исключительно на указанное назначеніе.

Въ составѣ служащихъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ, за время со дня его основанія, произошли слѣдующія измѣненія. Хранитель Е. А. Ляцкій, согласно прошенію, уволенъ въ отставку съ 1 марта 1907 года; на его мѣсто назначенъ былъ, ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ отъ 6 октября 1907 г., докторъ естественныхъ наукъ Парижскаго Университета Ѳ. К. Волковъ, съ 1 сентября того же 1907 г. Хранитель К. А. Иностранцевъ, согласно прошенію, уволенъ въ отставку приказомъ отъ 3 февраля 1909 г., съ 12 декабря 1908 г., и на его мѣсто назначенъ былъ, приказомъ отъ 2 марта 1909 г., А. А. Миллеръ, съ 12 декабря 1908 года. Кромѣ того, приказомъ отъ 25 іюня 1908 г., на службу въ Этнографическій Отдѣлъ, сверхъ штата, причисленъ кн. Д. Э. Ухтомскій.

III.

Уже съ конца ноября 1901 года намѣченные на должности штатныхъ служащихъ Музея: Д. А. Клеменць, К. А. Иностранцевъ, Е. А. Ляцкій и Н. М. Могилянскій собирались еженедѣльно, подъ предсѣдательствомъ АВГУСТЪЙШАГО Управляющаго и товарища Управляющаго Музеемъ графа Д. И. Толстого, съ участіемъ въ этихъ засѣданіяхъ секретаря Музея А. А. Тевяшева, причемъ обсуждались, главнымъ образомъ, нижеслѣдующіе во-

просы: а) о программѣ для собиранія этнографическихъ матеріаловъ для будущаго Отдѣла Музея, б) о командировкахъ съ цѣлью собиранія этнографическихъ коллекцій и в) объ основаніи и устройствѣ библиотеки при Этнографическомъ Отдѣлѣ. Засѣданія этихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ АВГУСТЪЙШАГО Управляющаго или товарища Управляющаго гр. Д. И. Толстого, превратились, затѣмъ, въ регулярныя, почти еженедѣльныя засѣданія Совѣта Этнографическаго Отдѣла, обязанности секретаря котораго, съ 15 марта 1902 г. и до настоящаго времени, исполняетъ хранитель Отдѣла Н. М. Могилянскій. Необходимо упомянуть, кромѣ того, что многіе вопросы, связанные съ постановкой новаго дѣла, дебатировались и готовились въ многочисленныхъ частныхъ совѣщаніяхъ четырехъ штатныхъ служащихъ Отдѣла у гр. Д. И. Толстого въ теченіе конца 1901 и всего 1902 гг.

Дальнѣйшая дѣятельность Этнографическаго Отдѣла выразилась въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. Важнѣйшіе организационные вопросы, выработка плана расположенія матеріала въ новомъ Музеѣ, направленіе дѣятельности по собиранію коллекцій, а также многіе техническіе вопросы, какъ, напр., вопросъ о шкапахъ и прочей музейной мебели, сдѣланы предметомъ вѣдѣнія Совѣта Этнографическаго Отдѣла. За истекшій почти 8-лѣтній періодъ Совѣтъ Отдѣла имѣлъ всего 242 засѣданія (до половины октября 1909 г.), изъ коихъ 45 состоялись подъ личнымъ предсѣдательствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ГЕОРГІЯ МИХАИЛОВИЧА, 190 засѣданій — подъ предсѣдательствомъ гр. Д. И. Толстого и 7 засѣданій — подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго Отдѣломъ.

Въ началѣ 1902 года издана была Отдѣломъ программа для собиранія этнографическихъ коллекцій, съ краткой общепонятной инструкціей и указаніемъ пріемовъ собиранія и сохраненія этнографическихъ матеріаловъ. Вначалѣ программа эта была разслана многимъ провинціальнымъ учрежденіямъ, коллекціонерамъ и любителямъ-собирателямъ, а также, въ помѣщеніи Музея, выдавалась бесплатно интересующимся ею лицамъ. Программа эта въ теченіе 5 лѣтъ вышла вторымъ и третьимъ дополненными изданіями.

Для болѣе удобнаго наблюденія за сборомъ коллекцій, ихъ систематизаціей и описаніемъ, Совѣтъ призналъ съ технической стороны удобнымъ раздѣлить захватываемую сборомъ территорію на 4 района, по числу хранителей Отдѣла (завѣдующій Отдѣломъ принялъ на себя хранительскія обязанности по одному изъ 4 районовъ): Д. А. Клеменць взялъ районъ Сибири съ сѣверными инородцами тундры Европейской Россіи и сопредѣльными странами: Тибетомъ, Монголіей и Китаемъ, Е. А. Ляцкій — районъ, составившійся изъ сѣверной Россіи до верхняго Поволжья, Финляндіи, Прибалтійскаго края, Польши, Бѣлороссіи и зарубезныхъ славянъ, Н. М. Могилянскій — среднюю Россію отъ верхняго Поволжья, восточную Россію, Малороссію и Новороссію съ Бессарабіей и К. А. Иностранцевъ — Кавказъ, Среднюю Азію, Крымъ и сопредѣльныя страны Ближняго Востока.

Такое районное дѣленіе, съ небольшими измѣненіями, сохраняется и до настоящаго времени. Сообразно съ районами распредѣляется ежегодно и бюджетъ Отдѣла, причемъ, для наблюденія за исполненіемъ смѣтныхъ предположеній, ассигновокъ, отчетовъ и счетоводства вообще, съ начала 1903 года учреждена была, подъ предсѣдательствомъ товарища Управляющаго гр. Д. И. Толстого, финансовая комиссія изъ завѣдующаго Отдѣломъ, непремѣннаго члена изъ хранителей и завѣдующаго бухгалтеріей Музея.

Е. А. Ляцкимъ была выработана и Совѣтомъ утверждена инструкція для дѣятельности этой комиссії. Обязанности непремѣннаго члена финансовой комиссії съ начала 1903 года до августа 1908 года исполнялъ хранитель К. А. Иностранцевъ, съ августа до конца 1908 года — Н. М. Могилянскій и съ 1909 года — А. А. Миллеръ.

Главное вниманіе и заботы Совѣта за все время, истекшее со дня основанія Отдѣла, были направлены на накопленіе коллекцій и выставочнаго матеріала вообще — моделей,

фотографій и т. п., ихъ систематизацію, описаніе, внесеніе въ списки, печатаніе послѣднихъ и временную укладку вещей въ сундуки или въ спеціальныя помѣщенія для ихъ храненія.

Завѣдующій Отдѣломъ взялъ на себя веденіе инвентаря и общее наблюденіе за ходомъ регистраціонныхъ работъ, К. А. Иностранцевъ — наблюденіе за печатаніемъ списковъ коллекцій, Н. М. Могилянскій — веденіе карточного каталога уложенныхъ въ ящики или хранящихся въ спеціальныхъ помѣщеніяхъ коллекцій.

На первую очередь поставлены были сборы русскихъ коллекцій и, по преимуществу, великорусскихъ. Для сбора этнографическихъ матеріаловъ лучшимъ средствомъ, дающимъ наиболѣе цѣнные результаты, Совѣтъ всегда признавалъ командировки, съ цѣлью сбора на мѣстахъ, лицъ изъ состава Этнографическаго Отдѣла. Первые командировки служащихъ въ Отдѣлѣ лицъ начались почти непосредственно послѣ открытія Отдѣла. Въ разное время командированы были съ цѣлью сбора коллекцій:

Завѣдующій Отдѣломъ Д. А. Клеменць совершилъ лѣтомъ 1904 г. экспедицію на Алтай, причемъ обслѣдовалъ лѣвобережный районъ Катуня и Чуйскій районъ теленгитовъ до границы съ Китаемъ.

Хранитель К. А. Иностранцевъ имѣлъ всего 5 командировокъ: въ октябрѣ 1902 года — на Кавказъ (въ Тифлисъ, Кутаисъ, Батумъ, Елисаветполь, Баку), въ 1904 году, съ 10 апрѣля по 28 мая, — въ Караногайскую степь, станицу Гребенскую Терскаго казачьяго войска, плоскостную Чечню и сѣверную часть Дагестана, въ маѣ 1905 года — въ Таврическую губ., въ маѣ 1906 г. — въ г. Тифлисъ, причемъ также производилъ сборы у татаръ въ Корджуртѣ и у кабардинцевъ въ Нальчикѣ, и въ сентябрѣ 1907 г. — въ Ленкорань и Тифлисъ.

Хранитель Е. А. Ляцкій имѣлъ всего 3 командировки: лѣтомъ 1902 года (въ теченіе 3½ мѣс.) работалъ въ губерніяхъ: сначала въ Новгородской и Псковской, а позже въ Минской и Могилевской, съ 1 іюня по 15 іюля 1903 года собиралъ коллекціи въ Костромской и Новгородской губерніяхъ и съ 10 апрѣля по 18 іюня 1904 г. — въ Архангельской губ.

Хранитель Н. М. Могилянскій былъ командированъ 6 разъ для сбора коллекцій: съ 1 іюня по 15 августа 1902 года работалъ въ Тульской, Орловской, Черниговской и Курской губ., съ 1 іюня по 15 іюля 1903 г. — въ Калужской, Орловской и Черниговской губерніяхъ, въ 1904 году командированъ былъ съ 10 по 24 іюня въ Казань и Сарапульскій у. Вятской губ. и съ 10 іюля по 10 августа — въ Воронежскую губ., въ 1905 г., съ 24 марта по 10 мая, — въ Бессарабію и Подольскую губ., въ 1906 г., съ 26 марта по 10 мая, — въ Бессарабію и, наконецъ, въ 1908 г., съ 5 по 26 апрѣля и съ 3 іюля по 15 августа, — въ Черниговскую губ.

Хранитель Ѳ. К. Волковъ съ 1 іюня по 30 августа 1908 г. былъ командированъ въ Черниговскую губ. и съ 1 іюля по 10 августа 1909 г. — въ Волынскую губ.

Хранитель А. А. Миллеръ былъ командированъ съ 15 апрѣля по 1 іюня 1909 г. въ Дагестанъ и Карабахскую степь на Кавказѣ.

Кн. Д. Э. Ухтомскій въ 1908 г. совершилъ экскурсію въ Гусиноозерскій и другіе дацаны Забайкальской области.

Хранители Отдѣла Ѳ. К. Волковъ и А. А. Миллеръ, еще до назначенія своего хранителями Отдѣла, командированы были: Ѳ. К. Волковъ лѣтомъ 1904 года и лѣтомъ же 1905 г. — для сбора среди малорусскаго населенія Галиціи (Австрія) и А. А. Миллеръ лѣтомъ 1906 г. — къ донскимъ калмыкамъ, лѣтомъ 1907 г. — въ Абхазію и Мингрелію, зимою 1907 г. — въ Могилевскую губ. и лѣтомъ 1908 г. — на Кавказъ съ спеціальной цѣлью сбора коллекцій ковровыхъ издѣлій.

При началѣ поступленія коллекцій, когда предметовъ было еще немного, всѣ хранители занимались составленіемъ регистраціонныхъ списковъ, въ настоящее же время работа хранителей по регистраціи коллекцій значительно сократилась: для регистраціи кол-

лекцій усиленъ штатъ служащихъ по вольному найму регистраторовъ коллекцій вслѣдствіе того, что, при усложнившейся работѣ по подготовкѣ къ близкой выставкѣ коллекцій, у хранителей остается мало свободного времени для ихъ регистраціи.

Обязанности постоянныхъ регистраторовъ въ настоящее время исполняютъ: А. А. Макаренко (съ іюля 1902 г.), А. А. Рагозина (съ сентября 1904 г.) и Э. К. Пекарскій (съ сентября 1905 г.).

Съ цѣлью практической подготовки къ выставкѣ коллекцій, а также для изученія типовъ музейной мебели, какъ, напр.: шкаповъ разныхъ системъ, витринъ и турникетовъ, устройства моделей, манекеновъ и мелкихъ техническихъ деталей выставочныхъ приспособленій, служащія въ Музеѣ лица неоднократно командировались въ разные музеи, на фабрики музейной мебели и въ модельныя мастерскія за границу. Въ разное время осмотрѣны были лучшіе изъ европейскихъ музеевъ.

Завѣдующій Отдѣломъ Д. А. Клеменць, съ цѣлью осмотра музеевъ, имѣлъ лѣтомъ 1902 г. специальную командировку въ Гельсингфорсъ, Стокгольмъ, Бременъ, Гамбургъ, Цюрихъ, Мюнхенъ, Нюрнбергъ, Дрезденъ, Прагу, Бѣлградъ и Букарестъ.

Хранитель Э. К. Волковъ командированъ былъ лѣтомъ 1906 г. въ Вѣну, Прагу и Будапештъ для изученія постановки музейнаго дѣла.

Хранитель Е. А. Ляцкій съ тою же цѣлью, а также для изученія постановки библиотекъ, былъ командированъ въ Парижъ лѣтомъ 1906 г.

Хранитель Н. М. Могиланскій съ тою же цѣлью имѣлъ 4 командировки за границу: въ декабрѣ 1904 г.—въ Берлинъ и Лейпцигъ, въ іюль-августѣ 1906 г.—въ Стокгольмъ, Христианію и Копенгагенъ (объ этой поѣздкѣ представлень рукописный отчетъ), въ іюнѣ 1908 г.—на торжественное открытіе Nordiska Museet въ Стокгольмѣ и, наконецъ, лѣтомъ 1909 года—въ Дрезденъ на фабрику извѣстной фирмы Aug. Kühnscherf & Söhne.

Для сбора коллекцій на огромной территоріи Россіи собственныхъ силъ Отдѣла было, конечно, недостаточно, и Совѣтъ съ самага начала озаботился пріисканіемъ собирателей на мѣстахъ, что было одной изъ важныхъ задачъ для хранителей во время ихъ поѣздокъ въ разныя мѣста Имперіи, или же командированіемъ изъ Петербурга лицъ, извѣстныхъ Отдѣлу или рекомендованныхъ ему разными учрежденіями и лицами. Такихъ порученій по сбору, въ разныхъ мѣстахъ, коллекцій было за 7 лѣтъ очень много, и приводимыя ниже свѣдѣнія по годамъ далеко не исчерпываютъ полного списка лицъ, принимавшихъ участіе въ сборѣ коллекцій.

Въ 1902 году состоялась экспедиція Ф. Я. Кона въ Саянскій край. А. И. Поповъ и Э. К. Пекарскій работали по сбору коллекцій въ Якутской области, Д. П. Першинъ—въ Иркутской губ., Н. А. Гребницкій—въ Приморской области, И. А. Зарѣцкій—въ Малороссіи (губерніи Харьковская и Полтавская), проф. И. Н. Смирновъ—среди инородцевъ Поволжья: черемись, чувашъ, вотяковъ и мордвы, художникъ С. М. Дудинъ—въ Средней Азіи, О. П. Семенова-Тянь-Шанская—въ Рязанской губ., Е. Р. Романовъ—въ Бѣлороссіи, А. Н. Кондратьевъ—въ Псковской губ., А. Д. Неуступовъ—въ Вологодской губ.

Въ 1903 году: проф. И. Н. Смирновъ—въ Поволжьѣ у инородцевъ: мордвы, черемись, чувашъ, Н. Н. Шавровъ—на Кавказѣ, А. С. Пираловъ—на Кавказѣ (въ губ. Тифлисской и Эриванской), Ф. Я. Конъ—въ Саянскомъ краѣ, инженеръ В. Е. Поповъ, В. М. Іоновъ и Э. К. Пекарскій—въ Якутской обл. среди тунгусовъ, И. А. Зарѣцкій—въ Малороссіи, А. И. Кондратьевъ—въ Псковской губ., Е. Р. Романовъ—въ Бѣлороссіи, А. И. Поповъ—въ Якутской области, О. О. Визель—у поморовъ Архангельской губ., Д. П. Першинъ—въ Иркутской губ., Д. Т. Яновичъ—во Владимірской губ., В. П. Шнейдеръ—въ Тамбовской губ., О. П. Семенова-Тянь-Шанская—въ Рязанской губ., художникъ И. Я. Билибинъ—въ Архангельской губ., В. И. Срезневскій—въ Олонецкой губ.

Въ 1904 году: И. А. Зарѣцкій—въ Малороссіи, А. А. Макаренко—въ Енисейской губ., А. В. Адриановъ—въ Енисейской губ., И. С. Абрамовъ—въ Курской губ., А. И. Поповъ—въ Якутской обл., проф. Н. Я. Марръ—въ Грузіи, Н. И. Коробка—въ Волинской губ., И. Ф. Нижарадзе—въ Сванетіи, художникъ И. Я. Билибинъ—въ губ. Вологодской и Архангельской, Н. Н. Виноградовъ—въ Костромской губ., Ю. О. Горбатовскій—въ Тарскомъ у. Тобольской губ., студ. С. В. Теръ-Аветисянъ—на Кавказѣ, В. П. Шнейдеръ—въ Тамбовской губ., О. П. Семенова-Тянь-Шанская—въ Рязанской губ., Д. Т. Яновичъ—въ Тверской и Владимірской губ., И. К. Зеленевъ—въ Вятской губ.

Въ 1905 году: С. П. Швецовъ—въ Алтайскомъ округѣ, А. В. Адриановъ—въ Енисейской губ., И. А. Зарѣцкій—въ Малороссіи, А. Д. Неуступовъ—въ Вологодской губ., В. К. Костко—въ Бѣлороссіи, А. П. Черный—во Владимірской губ., В. П. Шнейдеръ—въ Тамбовской, Пензенской и Симбирской губ., студентъ Н. А. Горбуновъ—въ Кахетіи, И. С. Абрамовъ—въ Курской губ., г-жа Н. А. Люба—въ Монголіи, А. Н. Букейхановъ—у киргизъ, г. Шахъ-Назаровъ въ Тифлисской и Эриванской губ., И. К. Зеленевъ—въ Вятской губ., Д. Т. Яновичъ—въ Тверской губ., студ. А. В. Журавскій—въ Большеземельской тундрѣ, Ц. Жамцарановъ—у бурятъ Забайкальской обл., И. Ф. Нижарадзе и кн. И. А. Джаваховъ—въ Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи на Кавказѣ, Н. Н. Виноградовъ—въ Костромской губ., Н. И. Амадуни—въ Персіи и Б. Г. Донать—въ Китаѣ.

Въ 1906 году: А. А. Макаренко—въ Енисейской губ., М. Н. Хангаловъ—у бурятъ (Сибирь), А. В. Адриановъ—въ Семипалатинской области, П. Н. Бекетовъ—въ Области Войска Донского, В. П. Шнейдеръ—въ Пензенской губ., И. К. Зеленевъ—въ Казанской и Вятской губ., А. П. Черный—во Владимірской губ., И. С. Абрамовъ—въ Волинской губ., А. Н. Прусевичъ—въ Подольской губ., студ. М. М. Меденица—въ Черногоріи, студ. А. И. Парушевъ—въ Болгаріи, А. К. Сержпутовскій—въ Минской губ., Н. А. Шабунинъ—въ Архангельской губ., Н. Н. Виноградовъ—въ Ярославской губ., С. И. Сергель—у зырянъ Вологодской губ., И. А. Гальнбекъ—въ Эстляндіи, Э. К. Пекарскій—въ Минской губ., З. П. Валаевъ—въ Осетіи на Кавказѣ, П. Н. Бекетовъ—у киргизъ Семипалатинской обл., С. И. Руденко—у башкиръ Пермской, Уфимской и Оренбургской губ., Г. Н. Ахмаровъ—у казанскихъ татаръ, А. Н. Петровъ—въ Персіи. Отъ бакши донскихъ калмыковъ Дамбо Ульянова поступили вывезенныя имъ изъ Тибета книги: „Ганчжуръ-Данчжуръ“.

Въ 1907 году: А. А. Макаренко совершилъ экспедицію на среднюю Тунгузку для сбора коллекцій у тунгусовъ, С. М. Толстой работаль среди инородцевъ нижняго Енисея, А. В. Адриановъ—въ Енисейской губ., Л. Жаповъ и Б. Вампиловъ—у забайкальскихъ бурятъ, И. С. Абрамовъ—у старообрядцевъ въ Вѣткѣ, Гомельскаго у., Могилевской губ., студ. А. И. Ивановъ—въ Рославльскомъ у., Смоленской губ., А. М. Высоцкій—въ Кіевской и Подольской губ., А. А. Рагозина—въ Тобольской губ., А. К. Сержпутовскій—въ Волинской и Минской губ., А. Н. Прусевичъ—въ Подольской губ., С. И. Сергель совершилъ экспедицію къ лопарямъ Швеціи, Норвегіи и Финляндіи, художникъ В. А. Плотниковъ работаль въ Архангельской губ., Г. Н. Ахмаровъ—въ Казанской губ., З. П. Валаевъ—въ Осетіи, С. А. Гатуевъ—въ Чечнѣ, М. О. Зандукели—у хевсуръ Тифлисской губ., С. И. Руденко—у башкиръ Уфимской и Оренбургской губ.

Въ 1908 году: А. А. Макаренко совершилъ вторичную поѣздку на среднюю Тунгузку съ цѣлью дополнительнаго сбора тунгусскихъ вещей, А. Я. Тугариновъ работаль въ Туруханскомъ краѣ, А. В. Адриановъ—въ Енисейской губ., М. Н. Хангаловъ—въ Забайкальѣ, студ. С. Е. Маловъ—у черневыхъ татаръ въ Сибири, студ. Н. П. Красниковъ—въ Орловской губ., художникъ А. М. Высоцкій—въ Воронежской губ., И. С. Абрамовъ—у старообрядцевъ Черниговской губ., М. Е. Евсевьевъ—у приволжскихъ инородцевъ, П. З. Рябовъ—въ Херсонской и Таврической губ., А. А. Рагозина—въ Минской губ., студ. А. А.

Баталинъ — въ Олонецкой губ., студ. П. П. Ефименко — въ Костромской губ., М. О. Зандукели — у хевсуръ на Кавказѣ, г-жа А. Л. Млокосъвичъ — въ Дагестанской обл., Н. А. Державинъ — въ Горійскомъ у. Тифлисской губ., Ф. Т. Сахокіа — у мингрельцевъ Кутаисской губ., П. А. Комаровъ — въ Средней Азіи у сартовъ, Г. Н. Ахмаровъ — въ Казанской губ., Ф. Ф. Караваевъ — у киргизъ Акмолинской обл., Р. Г. Зарринъ — у латышей Курляндіи.

Наконецъ, въ 1909 году осуществлены были слѣдующія командировки и сборъ коллекцій на мѣстахъ: А. К. Сержпутовскій командированъ былъ въ Польшу и Литву, П. З. Рябковъ собиралъ коллекціи въ Херсонской и Таврической губ., А. В. Адриановъ — въ Енисейской губ., М. Н. Хангаловъ — въ Забайкальѣ, В. И. Анучинъ — у енисейскихъ остяковъ, В. А. Бабенко — въ Екатеринославской губ., Д. М. Головачевъ — у бурятъ и ороchonъ, г-жа А. Л. Млокосъвичъ — въ Дагестанѣ на Кавказѣ, П. П. Ефименко — въ Харьковской губ., М. О. Зандукели — въ Батумской обл., С. И. Руденко отправился въ экспедицію къ вогуламъ, обскимъ самоѣдамъ и остякамъ (возвращеніе экспедиціи ожидается къ марту 1910 г.), М. Е. Евсевьевъ занятъ былъ сборомъ коллекцій у приволжскихъ финновъ, А. А. Флоренскій — у армянъ въ Закавказьѣ, г. Святскій — въ Сѣвскомъ у. Орловской губ., Д. К. Зеленинъ имѣлъ порученіе собрать специально коллекцію русскихъ земледѣльческихъ орудій, К. М. Шероцкій собиралъ въ Подольской губ., студ. С. П. Петровъ — у мещеряковъ Уфимской губ., Р. Г. Зарринъ — у латышей Курляндіи, г-жа В. П. Шнейдеръ — въ Нижегородской губ., худ. В. А. Плотниковъ — въ Архангельской губ., И. С. Абрамовъ — въ Области Войска Донского.

Къ сказанному о сборѣ коллекцій нужно добавить, что въ 1906 году Чешскій Народнописный Музей въ Прагѣ предложилъ свои услуги Совѣту Этнографическаго Отдѣла для сбора коллекціи чешскаго народнаго быта. Совѣтъ ассигновалъ для этой цѣли въ распоряженіе проф. Нидерле 3000 рублей, и въ періодъ 1906—1909 гг. уже получена значительная коллекція чешскихъ бытовыхъ предметовъ; сборъ этой коллекціи будетъ вполне законченъ въ ближайшемъ будущемъ.

Въ маѣ 1908 года Отдѣломъ ассигновано въ распоряженіе Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи 1.000 рублей на доставку въ Петербургъ и передачу Русскому Музею Императора Александра III декоративнаго матеріала отъ древнихъ, быстро разрушающихся памятниковъ искусства въ Самаркандѣ.

Каждый предметъ изъ поступающихъ въ Музей коллекцій, какъ сказано выше, регистрируется, т.-е. получаетъ двойной №; первый есть № коллекціи, къ которой предметъ принадлежитъ, а второй — № ему специально принадлежащій. Подъ первымъ № онъ заносится въ инвентарь, а подъ двойнымъ описывается въ специальномъ спискѣ коллекціи, — описывается, конечно, суммарно, общими чертами, которыя позволили бы всегда узнать описанный предметъ, т.-е. что онъ представляетъ изъ себя по матеріалу, величинѣ, назначенію, названію, откуда онъ происходитъ (мѣстность — уѣздъ, губернія, село, деревня), какъ приобретень Музеемъ и отъ кого. Въ виду того, что зданіе для Этнографическаго Отдѣла еще не достроено и для храненія вещей нѣтъ еще настоящей музейной мебели, которая должна удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ, большинство вещей складывается въ специальные, большіе сундуки, предварительно же вещи подвергаются дезинфекціи и пересыпаются разными веществами, которыя препятствуютъ развитію вредныхъ насѣкомыхъ въ тканяхъ, войлокѣ или деревѣ и т. д. Сундуки нумеруются, и каждый № сундука получаетъ свою карточку съ обозначеніемъ №№ коллекцій и всѣхъ №№ предметовъ, въ данномъ сундукѣ находящихся. Такихъ сундуковъ въ настоящее время хранится въ подвалахъ Музея 507, причемъ много вещей находится внѣ сундуковъ въ тѣхъ же подвалахъ или же въ двухъ специальныхъ помѣщеніяхъ въ саду при Музеѣ.

IV.

Приращеніе собираемыхъ для Музея предметовъ шло, за періодъ отъ 1900 до начала 1909 года, достаточно успѣшно; ростъ коллекцій по годамъ и способъ ихъ приобрѣтенія видны изъ слѣдующей таблицы:

Г О Д Ы.	П Р И О Б Р ъ Т Е Н О.			
	Командировками хранителей и отдѣльныхъ лицъ.	Покупкою въ Петербургѣ.	Принесено въ даръ.	И Т О Г О.
	К о л и ч е с т в о п р е д м е т о в ъ.			
Въ 1900 году	2.526	1.207	—	3.733
„ 1901 „	1.570	728	199	2.497
„ 1902 „	7.135	1.038	3.698	11.871
„ 1903 „	7.296	867	898	9.061
„ 1904 „	10.375	2.563	1.234	14.172
„ 1905 „	5.018	1.305	163	6.486
„ 1906 „	10.712	1.780	3.788	16.280
„ 1907 „	5.127	1.526	92	6.745
„ 1908 „	6.393	1.246	232	7.871
И Т О Г О	56.152	12.260	10.304	78.716

Составъ коллекцій по наиболѣ крупнымъ категоріямъ виденъ изъ нижеприведенной таблицы, составленной по регистрационнымъ спискамъ, которые, по ихъ провѣркѣ хранителями, печатаются въ количествѣ 50 экземпляровъ:

Г О Д Ы.	З А Р Е Г И С Т Р И Р О В А Н О.					И Т О Г О.
	Велико-россы.	Малороссы.	Бѣлоруссы.	И н о р о д ц ы.		
				Россіи.	Странъ прилегающихъ.	
К о л и ч е с т в о п р е д м е т о в ъ (въ скобкахъ обозначено число коллекцій).						
Въ 1902 году	4.984 (58)	441 (9)	16 (1)	4.539 (66)	923 (9)	10.903 (143)
„ 1903 „	2.675 (64)	1.029 (9)	430 (8)	8.396 (88)	909 (11)	13.439 (180)
„ 1904 „	7.615 (131)	886 (16)	843 (22)	2.509 (69)	1.860 (21)	13.713 (259)
„ 1905 „	4.856 (60)	275 (7)	156 (3)	2.880 (71)	864 (13)	9.031 (154)
„ 1906 „	2.360 (58)	931 (20)	1.083 (13)	4.875 (118)	629 (49)	9.878 (258)
„ 1907 „	2.943 (47)	827 (9)	239 (3)	6.677 (110)	1.802 (49)	12.488 (218)
„ 1908 „	1.998 (21)	700 (10)	333 (3)	2 820 (65)	615 (19)	6.466 (118)
И Т О Г О	27.431 (439)	5.089 (80)	3.100 (53)	32.696 (587)	7.602 (156)	75.918 (1.315)

Какъ видно изъ цифръ первой таблицы, около 71½% всѣхъ поступленій приходится на предметы, принесенные Музею въ даръ.

Первымъ, неоцѣнимымъ въ научномъ отношеніи по богатству и разнообразію собраннаго матеріала, является Даръ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА—богатѣйшая коллекція предметовъ буддійскаго культа, собранная кн. Э. Э. Ухтомскимъ. Описаніе предметовъ этой коллекціи любезно принялъ на себя непремѣнный секретарь Императорской Академіи Наукъ академикъ С. Э. Ольденбургъ. Коллекція эта поступила въ началѣ 1902 года, была выставлена въ теченіе двухъ недѣль въ бѣлоколонномъ залѣ Музея Императора Александра III, причемъ 11-го марта, въ 1 ч. 15 м. дня, выставку изволили посѣтить и осматривать ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ съ ГОСУДАРЫНЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ АЛЕКСАНДРОЙ ТЕОДОРОВНОЙ и ВЕЛИКИМИ КНЯГИНЯМИ КСЕНІЕЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ и МАРИЕЙ ГЕОРГИЕВНОЙ. Въ тотъ же день выставку посѣтили ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИЯ ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и СЕРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. АВГУСТѢЙШИЙ Управляющій Русскимъ Музеемъ Императора Александра III ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ МИХАИЛОВИЧЪ представилъ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ завѣдующаго Этнографическимъ Отдѣломъ Д. А. Клеменца и хранителей Этнографическаго Отдѣла: К. А. Иностранцева, Е. А. Ляцкого и Н. М. Могилянскаго.

Вторымъ цѣннымъ вкладомъ въ собранія Музея является пріобрѣтенная на средства ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и принесенная въ даръ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ коллекція русскихъ старинныхъ вышивокъ и тканей, собранная Н. Л. Шабельскою и представляющая рѣдкое по полнотѣ и высокому достоинству отдѣльныхъ предметовъ собраніе, извѣстное не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ.

Кромѣ того, по волѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ разное время, переданы въ даръ Этнографическому Отдѣлу Русскаго Музея Императора Александра III еще слѣдующія коллекціи: 1) пріобрѣтенное у А. В. Верещагина большое собраніе китайскихъ вещей, 2) изъ Царскосельскаго арсенала—замѣчательная коллекція эскимосскихъ, алеутскихъ и тлинкитскихъ вещей, 3) коллекція предметовъ, представленныхъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ депутаціей отъ калмыковъ Астраханской губ., 4) коллекція предметовъ съ Всероссийской кустарно-промышленной выставки и 5) астрономическіе часы, поднесенные изобрѣтателемъ, крестьяниномъ Францемъ Карасемъ, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ АВГУСТѢЙШИМЪ Управляющимъ Русскимъ Музеемъ Императора Александра III принесена въ даръ коллекція керамики.

Далѣе, на первомъ мѣстѣ, по цѣнности принесенныхъ въ даръ коллекцій, стоитъ, несомнѣнно, пожертвованная наследницами Н. Л. Шабельской—В. П. Шабельскою (нынѣ кн. Сидамонъ-Эристовъ) и Н. П. Шабельскою часть коллекціи, состоящая, главнымъ образомъ, изъ цѣнныхъ головныхъ уборовъ, украшеній и старинныхъ русскихъ костюмовъ.

Изъ другихъ коллекцій, принесенныхъ въ даръ Музею, нужно отмѣтить пожертвованія въ видѣ систематически собиравшихся коллекцій, поступившія отъ нижеслѣдующихъ лицъ и перечисленные здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ ихъ полученія:

Отъ ген.-лейт. А. А. Боголюбова—коллекція ковровыхъ издѣлій изъ Средней Азіи, В. П. Шнейдеръ — большая и очень полная коллекція ложекъ, кн. А. А. Оболенской — коллекція русской керамики, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—коллекція предметовъ быта сибирскихъ инородцевъ, Калмыцкаго Управленія—коллекція предметовъ быта калмыковъ, Управленія Уральскаго Казачьяго Войска—коллекція предметовъ и моделей рыболовства, В. В. Стасова—коллекція вышивокъ зап. Китая; изъ архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, по инициативѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ статсъ-секретаря П. А. Столыпина, передана коллекція предметовъ быта и портретовъ сектантовъ; отъ іеро-

монаха Антонія—коллекція предметовъ сѣверно-русскаго стариннаго и современнаго быта, Общества изученія Амурскаго края—цѣнная коллекція быта пріамурскихъ инородцевъ, наконецъ, Е. П. Султановой—коллекція старинныхъ русскихъ набоекъ, собранная ею покойнымъ мужемъ, академикомъ Н. В. Султановымъ.

Ниже мы приводимъ списокъ другихъ лицъ и учреждений, которыя сдѣлали въ разное время пожертвованія отдѣльными, часто очень цѣнными, предметами и небольшими коллекціями, оговариваясь, что перечень этотъ не претендуетъ на абсолютную полноту. Пожертвованія поступали отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений (въ хронологическомъ порядкѣ поступленія): Н. Ф. Бурдукова, кап. Машукова, Военнаго Министерства, П. К. Козлова, А. Н. Казнакова (3 пожертвованія), П. Е. Островскихъ, А. Н. Пыпина, К. Х. Середина, С. И. Корзухина, проф. И. Н. Смирнова, Д. А. Коропчевскаго, Д. Т. Яновича, В. А. Брюллова, гр. Д. И. Толстого (9 пожертвованій), Бугульминской уѣздной земской управы, А. А. Макаренко, А. А. Рагозиной, А. Е. Гончаровой, Министерства Финансовъ, О. П. Семеново-Тянь-Шанской, А. И. Попова, А. С. Боткина, А. Н. Гудзенко, Е. А. Семеново-Тобольскаго Музея, М. Н. Михайловскаго, барона А. Е. Фелькерзамъ, Е. П. Свѣшниковой, ген.-майора С. И. Соболевскаго (три раза принесены въ даръ цѣнные вещи), гр. Н. В. Толстой, г-жи Васильчиковой, В. И. Чернышева, А. В. Селиванова, кап. II ранга Родіонова, ген.-адъют. А. И. Пантелѣева, Хабаровскаго Гродековскаго Музея, г-жи А. А. Газенкампфъ, Барандака Кыйтыкова, Владивостокскаго Музея (черезъ ген.-лейт. Гродекова), И. А. Булыгина, П. В. Оленина, г-жи Н. А. Люба (3 пожертвованія), А. А. Клопова, А. В. Журавскаго, наследниковъ А. Н. Пыпина, С. Ѳ. Русовой, А. Т. Пашковой, М. И. Лебединскаго, ген.-майора А. И. Вершинина (2 пожертвованія), В. В. Стасова, Н. А. Янчука, А. К. Голубева, С. М. Толстого, П. М. Мордина, И. А. Сидоренкова, Н. И. Тай-хо, А. А. Миллера (3 пожертвованія), Императорской Археологической Комиссіи, гофм. В. А. Верещагина, Е. В. Ведровой, Миръ-Ахметъ-Хана Талышинскаго, г-жи Афанасьевой, Д. В. Стасова, Э. К. Пекарскаго, И. А. Бончъ-Осмоловской, г. Павловскаго, С. М. Дудина, Б. Г. Донатъ и отъ г-жъ Е. Н. Клеменць, В. А. Радловой, А. М. Бобовичъ.

Получая пожертвованія, Совѣтъ Отдѣла выражалъ письменно благодарность жертвователямъ, а также лицамъ, въ той или иной формѣ оказавшимъ Музею содѣйствіе въ достиженіи его задачъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ Совѣтомъ Отдѣла присуждены были медали Музея Императора Александра III. Золотая медаль присуждена была почетному академику тайному совѣтнику В. В. Стасову. Серебряныя медали присуждены были: академику А. Н. Пыпину, ген.-майору С. И. Соболевскому, В. П. Шабельской (кн. Сидомонъ-Эристовой) и Н. П. Шабельской, П. М. Мордину, Д. А. Цыссъ; бронзовыя медали присуждены были: И. А. Булыгину, Барандаку Кыйтыкову, А. Д. Неуступову, А. К. Голубеву и А. А. Макаренко.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ АВГУСТѢЙШІЙ Управляющій Русскимъ Музеемъ представлялъ лицъ, оказавшихъ Музею важныя услуги, къ ВЫСОЧАЙШЕЙ наградѣ орденами.

V.

Содѣйствіе выполненію поставленныхъ Отдѣломъ задачъ не ограничивалось однимъ принесеніемъ въ даръ коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ. Содѣйствіе это выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и встрѣчено было Отдѣломъ всюду, куда бы Отдѣлъ за таковымъ ни обращался, будь то правительственное или общественное учрежденіе, или отдѣльное лицо, административною или иною властью облеченное, или же простой обыватель, близко знакомый съ мѣстными условіями быта,—всюду Отдѣлъ нашель полное

сочувствіе и посильное стремленіе, по мѣрѣ силъ и возможности, притти на помощь общей культурной цѣли.

Въ непрестанныхъ заботахъ о развитіи ввѣреннаго ЕГО управленію Музея, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ МИХАИЛОВИЧЪ изъ спеціальныхъ средствъ Музея соизволилъ основать спеціальныи „издательскій капиталъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III“, отчисливъ, для издательской дѣятельности Отдѣла, изъ вышеозначенныхъ суммъ 20.000 рублей. Изъ этихъ средствъ производились расходы на составленіе указателя по библиографіи русской этнографіи. Этимъ же средствамъ обязанъ нынѣ выходомъ въ свѣтъ первый томъ „Матеріаловъ по этнографіи Россіи“. На тѣ же спеціальныя средства, съ соизволенія ЕГО ВЫСОЧЕСТВА АВГУСТЪЙШАГО Управляющаго, отнесены расходы по особымъ, съ цѣлью изученія постановки музейнаго дѣла и библиотекъ, командировкамъ за границу, которыя не могли бы осуществиться изъ суммъ, предназначенныхъ на приобрѣтеніе и пополненіе коллекцій.

Въ 1906 году Комитетомъ по образованію и устройству Портъ-Артурскаго Музея, вслѣдствіе передачи Портъ-Артура и Квантунской области Японіи, передано было Этнографическому Отдѣлу Русскаго Музея Императора Александра III процентныхъ бумагъ и денегъ всего на номинальную сумму 11.844 руб. 98 коп., которые получили наименованіе „Портъ-Артурскаго капитала“, причеиъ расходы изъ него производятся согласно съ волею жертвователей.

Съ постоянною готовностью приходили на помощь Отдѣлу, въ разнообразныхъ отрасляхъ его дѣятельности, члены Императорской Академіи Наукъ и служащіе въ ея ученыхъ учрежденіяхъ. Многимъ обязанъ Отдѣлъ участію въ предварительныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ 1903 году, по монтировкѣ Музея мебелью — старшихъ зоологовъ Зоологическаго Музея Академіи Наукъ В. Л. Біанки, Н. М. Книповича и этнографа Музея Академіи Наукъ Б. Э. Адлера, а также б. старшаго зоолога Музея Академіи Наукъ Е. А. Бихнера. Въ имѣвшихъ мѣсто 20-го и 27-го мая и 11-го іюня 1908 года засѣданіяхъ спеціальной комиссіи, обсуждавшей общіе принципиальные вопросы по монтировкѣ Музея шкапами, витринами и прочей музейной мебелью, предсѣдательствовалъ академикъ С. Э. Ольденбургъ, при участіи директора Музея Этнографіи и Антропологіи имени Петра Великаго академика В. В. Радлова и старшаго зоолога Музея Академіи Наукъ Г. Г. Якобсона.

Въ трудахъ по направленію работъ въ библиотекѣ Отдѣла и составленію указателя по библиографіи русской этнографіи принимали участіе академики: К. Г. Залеманъ, С. Э. Ольденбургъ, А. Н. Пыпинъ, А. И. Соболевскій и А. А. Шахматовъ.

Приватъ-доценты Императорскаго С.-Петербургскаго Университета А. И. Ивановъ и А. Н. Самойловичъ принимали участіе въ описаніи и регистраціи коллекцій Музея.

Важное содѣйствіе успѣшному сбору коллекцій оказало Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, любезно снабжавшее лицъ, командируемыхъ на мѣста для сбора коллекцій, открытыми листами. Отъ представителей власти на мѣстахъ: Намѣстника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказѣ, генераль-губернаторовъ, губернаторовъ и прочихъ лицъ, служащихъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, командируемые Музеемъ собиратели коллекцій встрѣчали всегда всякое содѣйствіе къ достиженію поставленныхъ цѣлью командировки задачъ. Томскій губернаторъ камергеръ Н. Л. Гондатти и якутскій губернаторъ И. И. Крафтъ любезно согласились принять личное посильное участіе въ направленіи сбора коллекцій для Отдѣла.

Министерство Путей Сообщенія оказало, съ своей стороны, важное содѣйствіе Отдѣлу: во-первыхъ, при перевозкѣ вещей для Музея, установленіемъ спеціального, чрезвычайно льготнаго, тарифа и, во-вторыхъ, предоставленіемъ для штатныхъ служащихъ бесплатнаго проѣзда по всей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Министерство Финансовъ создало для Отдѣла возможность осуществить задачу выставки предметовъ въ новомъ зданіи, ассигновавши въ 1908 году въ распоряженіе Отдѣла 248.000 рублей на монтировку Музея спеціальной музейной мебелью.

Назвать всѣ мѣстныя учрежденія и отдѣльныхъ лицъ, оказавшихъ посильное содѣйствіе на мѣстахъ при собираніи коллекцій и прочихъ этнографическихъ матеріаловъ, пересылкѣ и упаковкѣ вещей, ихъ храненіи, совѣтами и полезными указаніями на мѣстѣ, нѣтъ возможности въ этомъ краткомъ очеркѣ исторіи развитія Этнографическаго Отдѣла.

VI.

Съ самаго начала Совѣтъ озаботился организаціей при Отдѣлѣ библіотеки, которая и основана 1 января 1902 года. Для этой цѣли на три года ассигновано было по 5.000 руб. въ годъ. Вначалѣ, когда книгъ было еще немного, обязанности библіотекаря исполнялъ хранитель Отдѣла Е. А. Ляцкій, которому въ помощь—изъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе библіотеки—приглашена была, съ начала 1902 года, Л. А. Гальпертъ, оставшаяся на службѣ до кончины ея въ концѣ 1906 года, и одинъ служитель. Къ этому времени относится пожертвованіе академикомъ А. Н. Пыпинымъ матеріаловъ для библіографіи русской этнографіи. Е. А. Ляцкій, подъ общимъ руководствомъ А. Н. Пыпина, принялся за составленіе указателя по библіографіи русской этнографіи—трудъ, пока еще имъ до конца не доведенный. Въ декабрѣ 1906 г. учреждена Совѣтомъ библіотечная комиссія, подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго Отдѣломъ, изъ одного, по выбору Совѣта, хранителя Отдѣла и библіотекаря. Членомъ библіотечной комиссіи, съ момента ея основанія, состоитъ хранитель Ѳ. К. Волковъ, подъ руководствомъ котораго составляется систематическій каталогъ по выработанной имъ и утвержденной Совѣтомъ схемѣ. Общее управленіе библіотекой, съ декабря 1906 года, перешло въ вѣдѣніе вышеупомянутой библіотечной комиссіи, а на должность библіотекаря (не штатную) Этнографическаго Отдѣла приглашенъ, съ февраля 1907 г., В. А. Егуновъ, состоящій и донинѣ въ этой должности.

Ростъ библіотеки за истекшій періодъ, съ 1902 по 1908 г., и расходы на ея содержаніе показаны въ двухъ нижеприведенныхъ таблицахъ:

Поступленіе книгъ.

ГОДЫ.	Книгъ на русскомъ языкѣ.		Книгъ на иностранныхъ языкахъ.		И Т О Г О.		Въ томъ числѣ.			
							Куплено.		Пожертвовано.	
	Назв.	Томовъ.	Назв.	Томовъ.	Назв.	Томовъ.	Назв.	Томовъ.	Назв.	Томовъ.
1902	980	2.355	329	766	1.309	3.121	713	1.100	596	2.021
1903	379	1.070	174	400	553	1.470	318	506	235	964
1904	648	1.177	182	314	830	1.491	371	535	459	956
1905	1.184	2.659	212	492	1.396	3.151	970	2.374	426	777
1906	411	742	117	215	528	957	283	609	245	348
1907	255	542	172	267	427	809	310	617	117	192
1908	290	453	98	208	388	661	277	428	111	233
Итого.	4.147	8.998	1.284	2.662	5.431	11.660	3.242	6.169	2.189	5.491

Расходы по библиотекъ.

ГОДЫ.	Вознагражденіе служащихъ.		Покупка книгъ.		Переплетныя работы.		Прочіе расходы.		ИТОГО.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1902	474	25	3.139	43	364	26	267	25	4.245	19
1903	720	—	4.048	60	267	74	253	87	5.290	21
1904	720	—	2.204	60	685	60	162	81	3.773	01
1905	750	—	4.297	73	738	76	198	72	5.985	21
1906	876	43	1.589	89	739	35	82	57	3.288	24
1907	1.027	50	2.954	46	534	35	244	22	4.760	53
1908	1.345	—	1.813	84	579	40	229	87	3.968	11
Итого.	5.913	18	20.048	55	3.909	46	1.439	31	31.310	50

Значительное количество книгъ, какъ видно изъ приложенной таблицы первой, поступило въ даръ отъ разныхъ лицъ и учреждений. Пожертвованія въ разное время сдѣлали слѣдующія лица и учреждения:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ МИХАИЛОВИЧЪ, гр. Д. И. Толстой, Д. А. Клеменцъ, К. А. Иностранцевъ, Е. А. Ляцкій, А. Н. Пыпинъ, А. А. Иностранцевъ, Д. А. Коропчевскій, Н. М. Могилянскій, Е. Р. Романовъ, Т-во М. О. Вольфъ, А. Ф. Марксъ, А. А. Макаренко, свящ. А. С. Ивановъ, В. С. Передольскій, Н. И. Троицкій, О. М. Колласъ, С. Ф. Ольденбургъ, наслѣд. А. Н. Пыпина, В. В. Стасовъ, А. С. Пираловъ, А. И. Вершининъ, М. М. Стасюлевичъ, А. А. Левенсонъ, Ф. К. Волковъ, А. А. Рагозина, Н. Я. Янчукъ, Д. Дорошенко, А. Н. Норцовъ, Э. К. Пекарскій, Г. Н. Ахмаровъ, М. А. Большаковъ, Н. Н. Виноградовъ, Н. С. Державинъ, А. И. Зачиняевъ, А. А. Миллеръ, свящ. Г. Яковлевъ, А. Янулайтисъ, И. С. Абрамовъ, К. Т. Аникіевичъ, В. П. Врадій и С. И. Руденко.

Императорскій Эрмитажъ, Императорская Академія Наукъ, Публичная Библиотека, Археологическая Комиссія, Археологическое Общество, Императорское Православное Палестинское Общество, Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Императорское Русское Географическое Общество съ его отдѣленіями: Восточно-Сибирскимъ, Западно-Сибирскимъ, Оренбургскимъ, Кавказскимъ, Троицкосавско-Кяхтинскимъ, Хабаровскимъ и Алтайскимъ, Московское Археологическое Общество, Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, Общество Археологии, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ, Общество изученія Амурскаго Края, Подольское Церк.-Историч. Археологическое Общество и Общество Любителей Исторіи, Археологии и Этнографіи Чердынскаго Края; музеи: Императорскій Публичный и Румянцевскій въ Москвѣ, Минусинскій Мѣстный, Художественно-Промышленный барона Штиглица, Кавказскій, Чешско-Славянскій Этнографическій въ Прагѣ, Пермскій Научно-Промышленный, Самарскій Городской Публичный, Смоленскій Археологическо-Историческій, Національный въ Вашингтонѣ, Славянскій Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Исторіи, Сѣверный въ Стокгольмѣ, Изящныхъ Искусствъ въ Бостонѣ, Олонецкій Промышленный, Естественно-Историческій Полтавскаго Губернскаго Земства; Устюженское, Новгородское и Черниговское уѣздныя земства; Вологодская, Донская, Могилевская, Кіевская и Полтавская духовныя консисторіи; Комитетъ

Кустарной Выставки; Центральный статистический комитетъ; губернскіе статистическіе комитеты: Астраханскій, Архангельскій, Бакинскій, Варшавскій, Виленскій, Витебскій, Владимірскій, Воронежскій, Гродненскій, Енисейскій, Казанскій, Калужскій, Кіевскій, Ковенскій, Костромской, Курскій, Минскій, Могилевскій, Московскій, Ставропольскій и Олонецкій; областныя статистическіе комитеты: Дагестанскій, Карсскій, Кубанскій, Семипалатинскій, Семирѣченскій, Уральскій и Якутскій; Императорскіе университеты: С.-Петербургскій, Московскій, Казанскій, Св. Владиміра, Варшавскій, Томскій, Харьковскій и Новороссійскій; Историко-Филологическій Институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ; Восточный Институтъ во Владивостокѣ; губернскія ученые архивныя комиссіи: Полтавская, Пермская, Костромская, Нижегородская, Тверская, Владимірская, Воронежская, Пензенская, Саратовская, Таврическая, Тамбовская, Ярославская, Симбирская, Черниговская и Оренбургская; Виленская Комиссія для разбора и изданія древнихъ актовъ; Управление Кавказскаго Учебнаго Округа; Харьковское Общество распространія грамотности въ народѣ; Государственный Контроль; Комитетъ Министровъ; министерства: Императорскаго Двора, Народнаго Просвѣщенія, Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ и его Отдѣлъ Сельскаго Хозяйства и Экономіи; Земскій Отдѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; Переселенческое Управление; Хозяйственный Департаментъ, Лѣсной Департаментъ, Канцелярія Начальника Закаспійской Области, Департаментъ Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ, Московское Отдѣленіе Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора, Главное Управление по дѣламъ печати, Управление Виленскаго Генераль-Губернатора, редакція „Вѣстника Торговли и Промышленности“ и редакція журнала „Сибирскіе Вопросы“, Александровская публичная бібліотека въ Самарѣ, Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера, Кавказская шелководственная станція, Мурманская научно-промышленная экспедиція, Братство св. Гурія въ Казани.

Книгами, журналами, атласами и пр. не исчерпываются, однако, вполне хранящіеся въ бібліотекѣ матеріалы для изученія этнографіи. Въ ней хранятся также разнаго рода спеціальныя собранія, напр.: коллекціи лубочныхъ картинъ, приобретаемыя Отдѣломъ рукописи, записки, тетради съ замѣтками, альбомы рисунковъ и т. п.

Въ 1904 году переданы въ бібліотеку пожертвованныя кн. М. К. Тенишевой этнографическіе матеріалы, которые были собраны по спеціальной программѣ этнографическимъ бюро, учрежденнымъ на свои личныя средства покойнымъ кн. В. Н. Тенишевымъ.

Библіотека,—несмотря на то, что находится во временномъ, тѣсномъ и мало приспособленномъ, помѣщеніи,—за послѣдніе годы, трудами В. А. Егунова, приведена въ образцовый порядокъ и открыта ежедневно для спеціально работающихъ по этнографіи. Библіотекою подготовлены матеріалы для составленія систематическаго каталога по утвержденной Совѣтомъ схемѣ.

VII.

Съ самаго начала своей дѣятельности Отдѣлъ обратилъ особое вниманіе на приобретение этнографическихъ матеріаловъ въ видѣ фотографическихъ снимковъ и фотографическихъ негативовъ. Съ этой цѣлью приобретаемы были фотографическіе аппараты, и всякая экспедиція или небольшая экскурсія, организованная Отдѣломъ, снабжалась, по возможности, аппаратами и пластинками. Снятыя пластинки возвращаются въ Отдѣлъ, гдѣ проявляются и регистрируются наравнѣ съ прочими коллекціями. Негативы хранятся въ спеціальномъ шкапу, а отпечатки (подъ тѣми же №№)—въ спеціальныхъ альбомахъ. Для легкаго отысканія какъ негативовъ, такъ и отпечатковъ, составляется карточный каталогъ. Карточки составлены по фамиліямъ собирателей, по №№ коллекцій, по народностямъ и по №№ альбомовъ, что даетъ полную возможность въ любой моментъ отыскать нужный предметъ.

Многіе изъ поступающихъ въ Отдѣлъ предметовъ, прежде ихъ укладки, фотографируются или срисовываются. Всѣ матеріалы для цинкографій въ текстѣ и фототипій, назначенныхъ для напечатанія въ первомъ томѣ „Матеріаловъ по этнографіи Россіи“, приготовлены были фотографіей при Этнографическомъ Отдѣлѣ.

Фотографическіе матеріалы Отдѣла по этнографіи и антропологиі въ настоящее время состоятъ изъ негативовъ (около 8.000) и отпечатковъ (около 9.500). Ростъ этихъ матеріаловъ по годамъ, съ 1901 по 1909-й, виденъ изъ прилагаемой таблицы:

1901 г.	17 коллекцій	1309 негативовъ	22 отпечатка (безъ негативовъ).
1902 г.	36 "	1779 "	611 " " "
1903 г.	11 "	273 "	47 " " "
1904 г.	18 "	202 "	197 " " "
1905 г.	21 "	872 "	183 " " "
1906 г.	22 "	1134 "	140 " " "
1907 г.	24 "	1052 "	192 " " "
1908 г.	16 "	706 "	92 " " "
1909 г.	5 "	644 "	2 " " "

Фотографическіе матеріалы Отдѣла всегда предоставлялись имъ въ распоряженіе ученыхъ учреждений и лицъ, для учебныхъ цѣлей и съ цѣлью популяризаціи этихъ матеріаловъ. Были изготовлены въ разное время отпечатки и предоставлены, по цѣнѣ ихъ стоимости, въ распоряженіе Музея Антропологиі и Этнографіи Императорской Академіи Наукъ, для иллюстраціи учебниковъ географіи Э. Ф. Лесгафта и А. П. Нечаева, а также для популярныхъ изданій А. Е. Рябченко. Выслана специальная серія фотографій по ходатайству Кіевскаго Коммерческаго Института. Съ ноября 1904 по 1-е сентября 1907 г. работалъ въ фотографіи Отдѣла студ. В. К. Костко, съ октября 1907 и по настоящее время работаетъ студ. А. Н. Павловичъ.

VIII.

Для исполненія проекта монтировки Отдѣла музейной мебелью, составленнаго Этнографическимъ Отдѣломъ, сообразно съ общими принципами, установленными комиссіей подъ предсѣдательствомъ академика С. Э. Ольденбурга, приказомъ АВГУСТЪЙШАГО Управляющаго Русскимъ Музеемъ Императора Александра III отъ 17-го января 1909 г., назначена специальная комиссія, подъ предсѣдательствомъ гр. Д. И. Толстого, изъ завѣдующаго Этнографическимъ Отдѣломъ, всѣхъ хранителей Этнографическаго Отдѣла, архитектора Музея В. Э. Свинына, которому порученъ техническій надзоръ за производствомъ работъ, и секретаря Музея А. А. Тевяшева. Представителемъ отъ Государственнаго Контроля для участія въ работахъ этой комиссіи назначенъ старшій ревизоръ Н. Н. Кузнецовъ. Секретаремъ и дѣлопроизводителемъ комиссіи назначенъ хранитель Этнографическаго Отдѣла Н. М. Могиланскій. Комиссія эта имѣла въ текущемъ году 12 засѣданій, причемъ въ одномъ изъ нихъ принялъ участіе, приглашенный въ качествѣ свѣдущаго въ дѣлѣ монтировки, Е. А. Бихнеръ. Комиссія выработала условія конкурса и сдала по конкурсу заказъ на поставку главной части музейной мебели—шкаповъ и витринъ изъ желѣза и зеркальнаго стекла—пользующейся всемірной извѣстностью дрезденской фирмѣ „Авг. Кюншерфъ съ Сыновьями“. Къ концу 1910 года предполагается закончить монтировку Отдѣла музейной мебелью. Съ этого момента начнется работа по выставкѣ собраннаго матеріала, по заранѣе разработанному и установленному плану, съ цѣлью, въ возможно недалекомъ будущемъ, открыть Отдѣлъ для обозрѣнія публики и для работъ ученыхъ специалистовъ.

С.-Петербургъ. 17-го октября 1909 г.

Рис. 1.

Поѣздка въ центральную Россію для собиранія этнографическихъ коллекцій.

Въ концѣ 1901 года я получилъ лестное для меня приглашеніе занять должность хранителя Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Первые мѣсяцы 1902 года ушли на предварительную организаціонную работу, на выработку плановъ будущихъ экскурсій, а къ маю мѣсяцу выяснилось, что мнѣ, къ моему большому удовольствію, предстоитъ немедленно же приступить къ практической работѣ—коллекціонированію на мѣстѣ, въ русской деревнѣ, тѣхъ этнографическихъ матеріаловъ, которые должны въ новомъ Музеѣ дать наглядную характеристику быта русскаго народа. Сборъ коллекцій въ сѣверныхъ губерніяхъ порученъ былъ моему коллегѣ, мнѣ же досталась центральная Россія, причемъ губерніи Московская и Владимирская, по особымъ соображеніямъ, оставлены были пока въ сторонѣ, а на первую очередь были поставлены губерніи Тульская и Орловская.

Послѣ краткихъ сборовъ, пригласивъ съ собой, въ качествѣ сотрудника, студента Спб. Университета Д. Т. Яновича, рекомендованнаго мнѣ покойнымъ Д. А. Коропчевскимъ, и запасшись двумя фотографическими аппаратами, я приступилъ въ началѣ іюня 1902 года къ практической работѣ въ большомъ селѣ Ивлевѣ, Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи.

Это былъ годъ крупныхъ крестьянскихъ волненій, когда со всѣхъ сторонъ приходилось выслушивать общее мнѣніе, что „не время теперь заниматься наукой въ деревнѣ“. Наконецъ, стало почти избитымъ общимъ мѣстомъ, что фабрика, отхожіе промыслы почти стерли съ лица земли всю „этнографію“: народная пѣсня уступила мѣсто солдатской или фабричной пѣснѣ, домашнія сукна и ткани уступили мѣсто кумачу и бумазеѣ,—словомъ, всѣ бытовья особенности утрачены, и не найти уже ни старыхъ костюмовъ, ни украшеній.

ни головныхъ уборовъ, которыми такъ богаты дашковскія коллекціи Румянцевскаго Музея въ Москвѣ. Вѣдь, тѣ коллекціи были собраны 40 лѣтъ тому назадъ... Сколько воды утекло за это время, сколько особенностей быта навсегда ушло уже въ область преданія!

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ читатель не найдетъ ни обстоятельной этнографической монографіи, ни даже обработаннаго очерка, сколько-нибудь претендующаго на полноту.

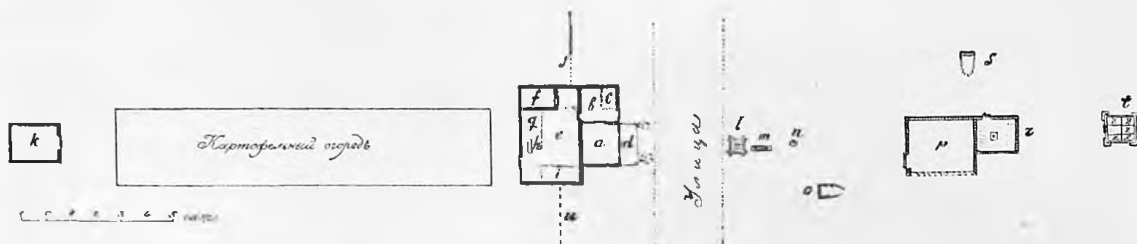

Рис. 2. *a*—изба, *b*—сѣнцы, *c*—чуланъ, *d*—присадникъ, *e*—дворъ, *f*—свиная закута, *g*—конюшня, *h*—ясли, *i*—овчарухъ (баранья закута), *j*—ворота, *k*—рига, *l*—колодезь, *m*—корыто для скота, *n*—„слега“ на „сохѣ“—журавль, *o*—погребъ сосѣда, *p*—„царай“, *r*—„пунька“, *s*—погребъ, *t*—амбаръ.

Это—лишь немного приведенные въ систему листки изъ дневниковъ полутора-мѣсячной экскурсіи, и цѣль ихъ—дать читателю нѣкоторое понятіе о томъ богатомъ этнографическомъ матеріалѣ, который можно найти до сихъ поръ въ разстояніи всего 5 часовъ ѣзды отъ Москвы и въ 7—8 верстахъ отъ желѣзной дороги ¹⁾.

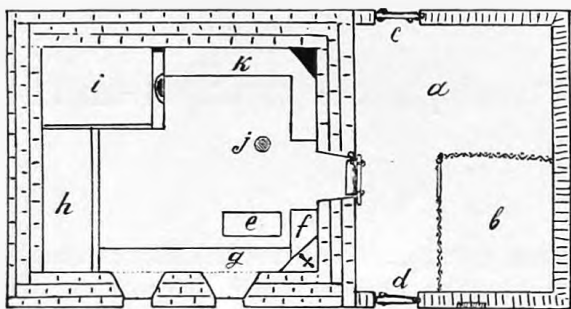

Рис. 3. *a*—сѣнцы, *b*—чуланъ, *c*—дверь во дворъ, *d*—дверь на улицу, *e*—столъ, *f*—кѣнникъ, *g*—лавка, *h*—примость—надъ нимъ полѣти, *i*—печь, *j*—камень подъ кадку съ водой, *k*—суднѣя лавка.

Ивлево—громадное село, состоящее изъ нѣсколькихъ „слободъ“, изъ коихъ каждая носить свое названіе и представляетъ собой длинную широкую улицу—расположено по немноговодной, степной рѣченкѣ Уперту, верстахъ въ 7—8 отъ уѣзднаго города (рис. 1). Позже мнѣ пришлось проѣхать десятки большихъ и малыхъ селъ и деревень Богородицкаго, Новосильскаго, Епифанскаго уѣздовъ, и всюду этотъ основной типъ расположенія поселка является доминирующимъ. Особенно

рѣзко поразившею меня особенностью было то, что здѣсь *дворовъ*, т.-е. отдѣльныхъ усадебъ въ томъ смыслѣ и томъ внѣшнемъ ихъ обликѣ, къ какому я привыкъ у себя въ Черниговской губерніи, какъ бы не существуетъ совсѣмъ: это, на первый взглядъ,—въ совершенномъ безпорядкѣ разбросанныя постройки, безъ видимыхъ границъ между отдѣльными дворами, безъ плетней, заборовъ или чего-нибудь подобнаго. Уже съ перваго взгляда на этотъ поселокъ ясно, что глубокая должна быть разница въ самой психологіи обитателя этой деревни, если сравнить ее съ тѣмъ душевнымъ укладомъ, который естественно развивается въ знакомой мнѣ съ дѣтства малорусской деревнѣ. Тутъ вся жизнь его протекаетъ на виду у всѣхъ его односельчанъ,—онъ живетъ, такъ сказать, постоянно на людяхъ. Какой просторъ для развитія замкнутости, индивидуализма представляютъ обычнаго типа

¹⁾ Всѣ предметы, фотографіи которыхъ приводятся въ статьѣ, принадлежать Этнографическому Отдѣлу Русскаго Музея Императора Александра III. Коллекціи №№ 152, 153 и 160. Типы и постройки—изъ коллекцій фотографій №№ 757 и 759.

малорусскія селенія, гдѣ можно пройти селомъ цѣлую версту и не увидѣть оконъ жилого помѣщенія на улицу, гдѣ каждый дворъ—со всѣхъ сторонъ огороженное, замкнутое, доступное взорамъ лишь ближайшихъ сосѣдей цѣлое!

Рис. 4.

Однако, если ближе присмотрѣться къ этому кажущемуся беспорядку въ расположеніи построекъ села, очень скоро замѣчаешь, что все здѣсь расположено по совершенно опредѣленному, всегда и вездѣ почти правильно повторяющемуся плану.

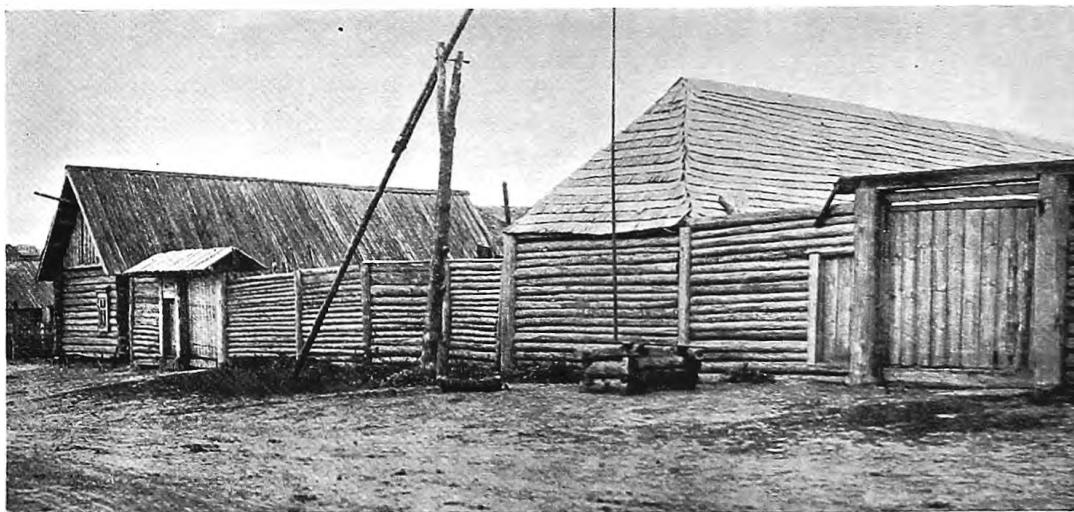

Рис. 5.

Одна изъ усадебъ Глашкиной слободы—усадебка крестьянъ Роговыхъ—была точно обмѣрена, по моему порученію, моимъ сотрудникомъ Д. Т. Яновичемъ, причѣмъ записаны были тщательно всѣ мѣстныя названія съ сохраненіемъ, по возможности, выговора крестьянъ (рис. 2).

Жилое помещеніе, изба,—по словамъ 70-тилѣтняго старика, священника о. Ильи Никольскаго, болѣе 40 лѣтъ тогда уже прожившаго въ Ивлевѣ,—сильно измѣнилось за это время. Прежде были сплошь однѣ курныя избы съ однимъ окномъ въ стѣнѣ и волоковымъ

Рис. 6.

окномъ вверху. Курныя избы не перевелись, однако, совершенно: ихъ, на примѣръ, мнѣ пришлось видѣть въ достаточномъ количествѣ въ селѣ Красное-Буйцы, Елифанскаго уѣзда.

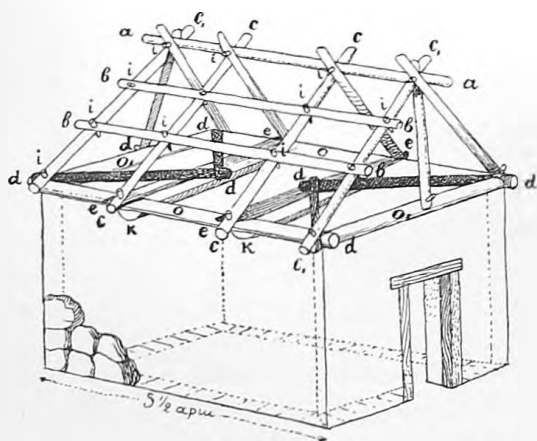

Рис. 7. Схема „пуньки“ въ Калгановой слободѣ села Ивлева Богородицкаго уѣзда Тульской губ. „Верхъ“ пуньки: *a*—князевая, *b*—пожилина, *c*—стропило, *c*—наугольникъ, *d*—стрѣлка, *e*—переметь, *i*—клепша, *k*—матица, *o*—погонное-продольное, *o*—погонное-поперечное.

Зажиточные хозяева строятъ избы изъ кирпича—теперь это наиболее часто встрѣчающійся типъ избы; болѣе бѣдными утилизируются и другіе матеріалы,—на примѣръ, мѣстный, такъ называемый „елецкій камень“ или сѣрый известнякъ, который идетъ, главнымъ образомъ, на постройку нежилыхъ зданій: сараевъ, амбаровъ, пунекъ, кузницъ и т. п. Цементомъ служитъ глина съ мятой и рубленой соломой. Помѣщенный выше чертежъ—зарисованный Д. Т. Яновичемъ планъ избы кр. Роговыхъ (рис. 3). Нечего и говорить, насколько велико вліяніе строительнаго матеріала. Достаточно взглянуть на избы и характеръ построекъ въ болѣе богатой лѣсами сосѣдней Орловской губ., и мы имѣемъ совершенно иную картину (рис. 4—изба Орловскаго уѣзда, болѣе бѣднаго лѣсомъ, и рис. 5—изба и дворъ Брянскаго уѣзда, болѣе богатаго лѣсомъ).

Изъ построекъ особенно любопытны лѣтнія помѣщенія для спанья, это—такъ называемыя пуньки; въ нихъ спасаются на лѣто не столько отъ жары, сколько отъ кишасихъ въ избахъ насѣкомыхъ. Помѣщеніе это безъ окна, но съ отверстіемъ для воздуха; строится или изъ камня или, иногда, изъ соломеннаго плетня на тонкихъ сваяхъ (рис. 6—изображеніе „кровати“ или пуньки Новосильскаго у., Тульской губ.). Обыкновенная же пунька—просто холодное помѣщеніе безъ печи; при постройкѣ одной изъ пунекъ Д. Т. Яновичемъ записана была вся строительная терминологія, см. схему (рис. 7).

Рис. 8.

Рис. 9.

Въ селѣ Ивлевѣ, гдѣ большинство мужского населенія уходитъ на заработки въ города въ качествѣ каменщиковъ (по словамъ стариковъ, очень давнее занятіе ивлевцевъ), естественно замѣчается стремленіе одѣваться въ покупныя, городскія матеріи, хотя, въ особенности у женщинъ, еще можно было найти очень много предметовъ изъ одежды и украшеній собственнаго домашняго производства. Въ этомъ, краткомъ по необходимости, описаніи моей поѣздки я не могу исчерпать и сотой доли того обильнаго и интереснаго матеріала, который дали нѣсколько уѣздовъ двухъ губерній въ отношеніи одежды и украшеній, и мнѣ придется, къ сожалѣнію, ограничиться лишь самыми бѣглыми замѣчаніями.

Начать съ техники самаго собиранія. Почти повсемѣстно первое предложеніе продать какой-нибудь предметъ костюма или стариннаго „обряда“ вызываетъ смущеніе и недоувѣріе— не шутка ли это? „Зачѣмъ тебѣ?“—сердито говоритъ старуха:—„все это ни къ чему“—и уходитъ отъ васъ съ нескрываемымъ нерасположеніемъ. Молодыя бабы, дѣвушки смущаются, краснѣютъ, не рѣшаются, чтобы не вызвать насмѣшекъ, не сдѣлать чего-нибудь

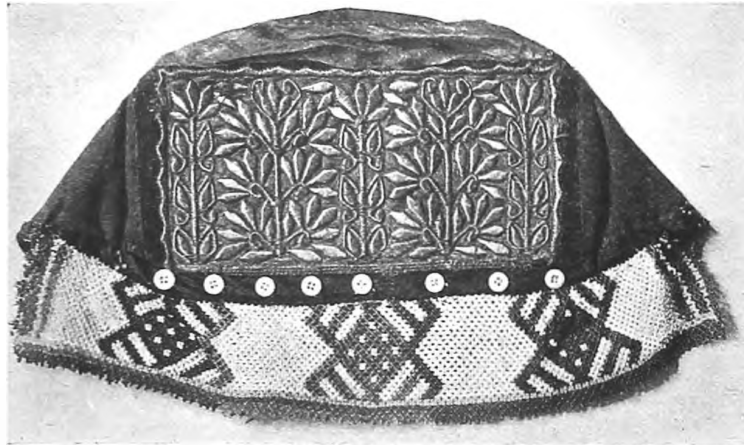

Рис. 10.

неудобнаго, непривычнаго. Въ такихъ случаяхъ я всегда держался правила—спокойно, не шутя и обстоятельно объяснять цѣль приобрѣтенія. „Вещи, „обряды“ исчезаютъ, и наши внуки не будутъ знать, какъ жили и во что одѣвались дѣды, я же куплю эти вещи, и ихъ навсегда сохранять въ Петербургѣ на память нашимъ потомкамъ“.—„А, вишь-ты! что же,

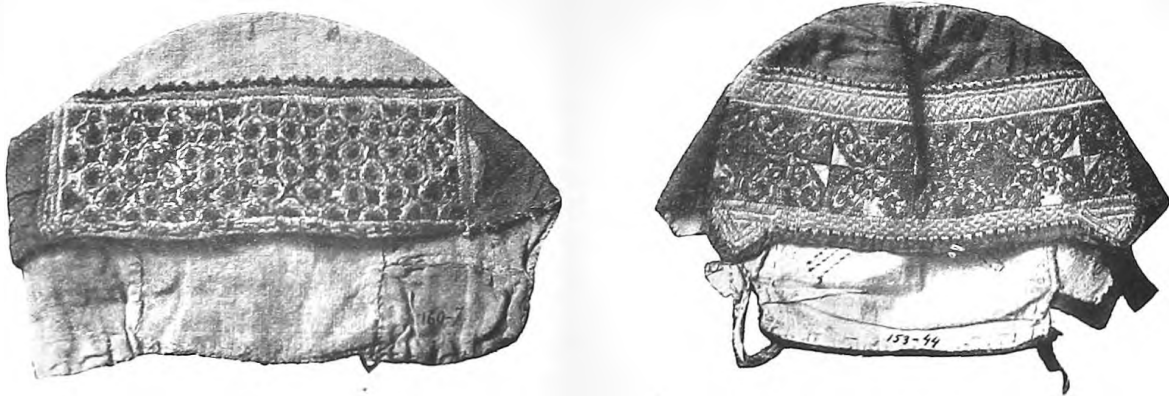

Рис. 11.

это правда!“—„Ну, бабы, живѣй! тащи скорѣй свои обряды, пускай на вашу работу посмотрятъ въ Питерѣ“—скажетъ какой-нибудь бывалый крестьянинъ. Минута нерѣшительности—и двѣ-три молодухи побойчѣе уже бѣгутъ за ключами и спускаются въ погреба, гдѣ хранятся нерѣдко, для безопасности отъ пожара, драгоценности и лучшія одежды деревенскихъ франтихъ. Первые полученныя деньги производятъ невѣроятный эффектъ. Черезъ 2—3 часа являются уже десятки, потомъ чуть не всѣ бабы изъ села, а на другой день бѣгутъ изъ сосѣднихъ деревень. Но, нужно предупредить собирателей, такимъ обра-

зомъ можно получить не все, и далеко не все лучшее съ этнографической точки зрѣнія. Много, при этомъ, останется въ сундукахъ, какъ не стоящее вниманія, какъ такое, что и показывать стыдно. А, между тѣмъ, среди именно этого материала можно откопать то старенькую „строчку“, то кусочекъ „начельника“ отъ старинной „сороки“, то выщѣтшую старинную вышивку шелкомъ. По вышеуказаннымъ условіямъ жизни Ивлева, отъ стариннаго костюма женщинъ, какъ болѣе консервативнаго элемента, осталось немного, и далеко не все пришлось возстановить даже въ частяхъ. Почти исчезла „сорока“, головной уборъ замужней женщины, на который, по рассказамъ, тратились десятки рублей. Тѣмъ не менѣе, сохранились „паневы“, верхнія накидки — „сѣряки“ изъ тонкаго бѣлаго домашнего сукна, „сарафаны“, „занавѣски“ — родъ передника съ рукавами, домашнего приготовления рубахи съ подоломъ, украшеннымъ „перетыками“.

Гораздо полнѣе сохранился женскій костюмъ въ нѣкоторыхъ селахъ Новосильскаго уѣзда, гдѣ, какъ, напр., въ с. Вышней Залегощи, этотъ женскій „обрядъ“ сохранился въ поразительной полнотѣ и разнообразіи и до сихъ поръ пользуется всеобщимъ признаніемъ. На двухъ помѣщенныхъ здѣсь снимкахъ (рис. 8 и 9) изображены двѣ замужнія женщины въ праздничныхъ костюмахъ; изъ нихъ одна — въ „сорокѣ“, головномъ уборѣ, состоящемъ, въ цѣломъ, изъ 14 отдѣльныхъ частей, надѣтъ который — длинная и сложная процедура, требующая и много времени и большой сноровки. Рис. 10 представляетъ часть сороки съ бисернымъ „налобникомъ“; шитье — золотой ниткой. Между прочимъ, небольшое количество серебра въ ниткахъ этихъ „золотныхъ“ головныхъ уборовъ служитъ причиной ихъ

Рис. 12.

Рис. 13.

массовой гибели: скупщики покупают уборы сотнями и выжигают из них серебро. На рис. 11 изображены две сороки, шитые разноцветными шелками: первая—очень редким по технике швом, вторая—с серебряной ниткой. Рис. 12 изображает часть сороки—так наз. „назатылень“ с бисерной частью, спускающейся с затылка на спину по шею (так называемый „позатылень“).

Сороки отличаются поразительным разнообразием и варьируют не только от уезда к уезду, но иногда от волости к волости, от одной деревни к другой. Боль-

Рис. 14.

Рис. 21.

шой пестротой и внешним блеском отличается, например, костюм замужней женщины в Дмитровском у., Орловской губ., тогда как костюм девушки состоит из очень скромной повязки на голову и всего одной рубахи, с пояском, на талии (рис. 13 и 14 спереди и сзади).

Сорока спереди и сзади (табл. I). Сорока почти всегда и везде укрепляется на особой подставке или основе—так называемой „кичке“ чрезвычайно разнообразной формы, нередко в виде рогов—тогда она и называется „рогатой“ и делается из грубого простеганого холста, иногда на деревянной даже основе (рис. 15, образец кички). Подобного рода кичек привезен мною добрый десяток сортов, отличающихся по форме, вели-

чинѣ, способу укрѣпленія на головѣ, что дѣлаетъ головной уборъ женщины весьма разнообразнымъ. Случается, что и весь головной уборъ отъ „кички“ получаетъ названіе кички. Это нужно имѣть въ виду постоянно: выраженія „сорока“, „кичка“ часто употребляются *pars pro toto*. Упомянутые „рога“ часто и теперь еще служатъ причиной серьезныхъ житей-

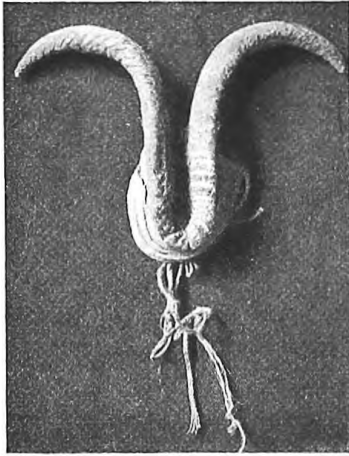

Рис. 15.

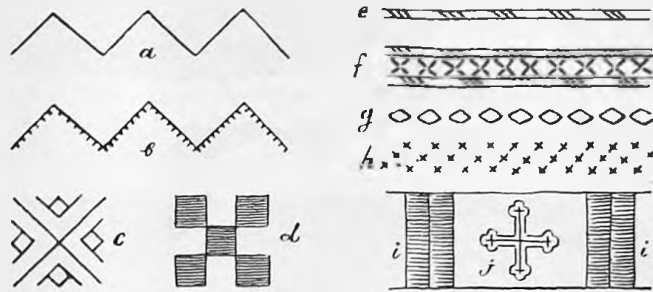

Рис. 23. *a*—дуги, *b*—рогатки, *c*—коготочки промежъ хрестовъ, *d*—кирпичики, *e*—галуночки, *f*—кресточки съ голуночками, *g*—вороньи глазки или кружечки, *h*—рёбрышки, *i*—столбочки, *j*—поповъ хрѣсть.

скихъ осложненій. „Не пойду замужъ въ деревню такую-то — не хочу ходить съ рогами“ — отвѣчаетъ, какъ мнѣ утверждали, засватанная дѣвушка. „Рога“ же послужили одной изъ причинъ, ускорившихъ гибель этой эффектной принадлежности туалета. „Не носить уже

Рис. 16.

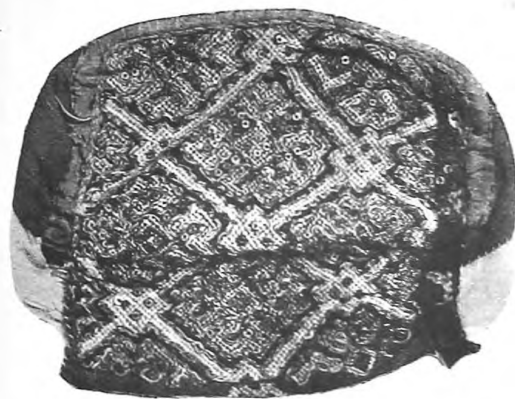

Рис. 17.

у насъ кичекъ“ (т.-е. вообще головныхъ уборовъ стариннаго типа) — говоритъ, иной разъ съ грустью въ голосъ, молодая женщина:— „попъ къ причастію не пускаетъ и „въ церковь не ходи“ говоритъ:— „что въ Божій храмъ съ рогами лѣзешь?“ Преслѣдованіе духовенствомъ (главнымъ образомъ, молодымъ) стариннаго „обряда“ — фактъ, съ которымъ приходилось встрѣчаться неоднократно. Мужское населеніе сочувствуетъ искорененію „обряда“ изъ матеріальныхъ соображеній: „другая баба этого добра на цѣлыхъ 70 цѣлковыхъ на голову

наворотить,—ну ихъ совсѣмъ!“ Мнѣ, дѣйствительно, приходилось слышать, что въ былыя времена на головной уборъ расходовалось до 100 рублей и даже болѣе того.

Въ Сѣвскомъ у., Орловской губ., въ с. Бобрикѣ, мнѣ удалось приобрести иного рода

Рис. 18.

головные уборы, которые мѣстными крестьянами называются просто: „головное“. Это невысокіе чепцы, тулья которыхъ шьется либо просто изъ малиноваго бархата, либо изрѣдка

Рис. 19.

расшита золотомъ, причемъ орнаментъ представляетъ иногда тонкіе образцы развитого художественнаго растительнаго орнамента, исходной точкой котораго является, повидимому, лотось. Судя по всему (рис. 16), образцы эти не мѣстнаго производства: мнѣ не удалось найти ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы можно было приписать ихъ производство мѣстнымъ мастерицамъ. Сходные по характеру головные уборы найдены были

мною въ дер. Логаревкѣ, Сѣвскаго у. Но орнаментъ на нихъ совсѣмъ иной, ничего общаго не имѣющій съ этими высокохудожественными образцами растительнаго орнамента. Это— „повойники“, шитые шелкомъ и украшенные блестками и золотыми нитками (образецъ виденъ на рис. 17). Рис. 18 представляетъ „начельникъ“ къ такому повойнику. Рис. 19 изображаетъ группу, снятую въ дер. Логаревкѣ, гдѣ молодуха одѣта въ паневу и праздничный повойникъ. Относительно данной „паневы“ нужно замѣтить, что она очень уже отличается отъ тѣхъ паневъ, которыя упоминались мною раньше: и по орнаменту, и по способу ношенія, и по покрою своему она гораздо ближе къ малороссійской плахтѣ.

Производство сорокъ, какъ уже выше было сказано, исчезаетъ повсемѣстно; однако, въ с. Глоднѣвѣ, Дмитровскаго уѣзда, мнѣ удалось найти наглядное доказательство того,

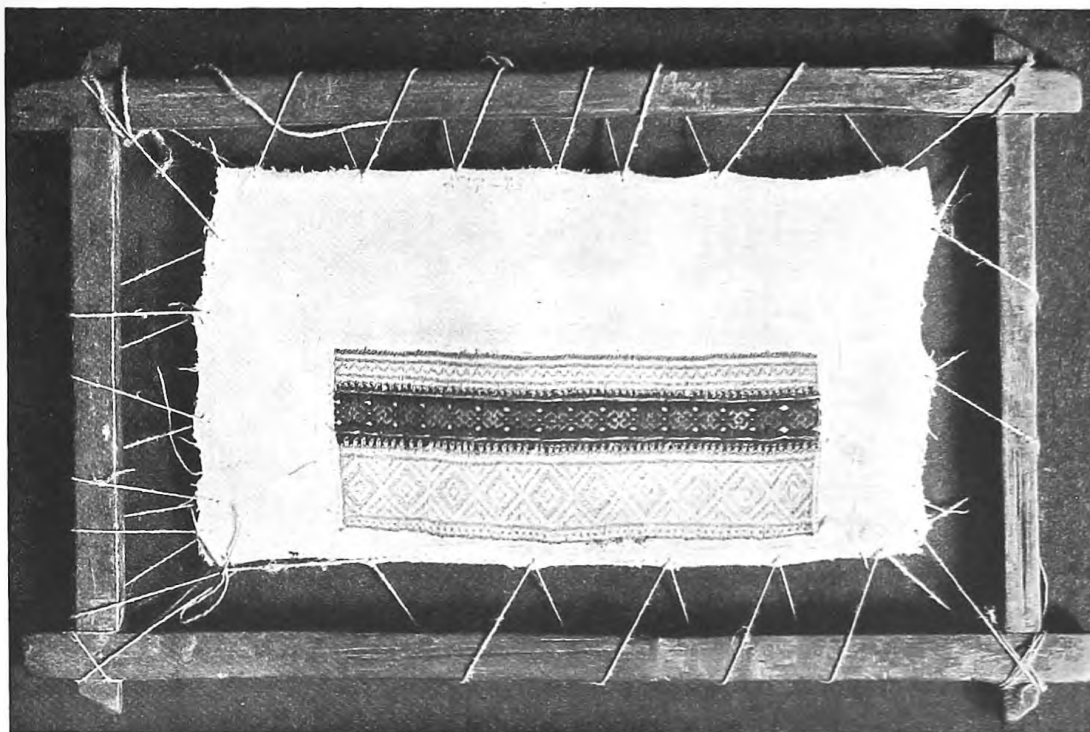

Рис. 20.

что сорока (изобр. на табл. I)—мѣстнаго производства: на рис. 20 представлены найденныя мною ручныя пальцы, на которыхъ серебряною ниткой и разноцвѣтной шерстью начата на кускѣ холста вышивка для начельника будущей сороки.

Уже теперь по имѣющимся въ Этнографическомъ Отдѣлѣ матеріаламъ возможно было бы начать полное интереса этнологическое изысканіе о женскихъ головныхъ уборахъ. Добытый мною матеріалъ показываетъ массу сходства, если не полного тождества, этихъ сорокъ съ тѣми образцами, которые собраны были еще раньше финскимъ собирателемъ А. Heikel'емъ гораздо восточнѣе, у чисто мордовскаго населенія. Это та же сорока, даже по имени *hagakka* (*Elster* въ нѣмецкомъ переводѣ Heikel'я). Возможна уже была бы, мнѣ кажется, попытка сравнительно-лингвистическаго обслѣдованія—держась, притомъ, географическаго распредѣленія этихъ головныхъ уборовъ—вопроса о томъ, что же это такое этотъ головной уборъ, который всю свою терминологию беретъ изъ пернатата царства: кика,

кичка, кокошникъ, сорока, нагакка и т. п.? Каково его происхождение и распространение во времени у разныхъ народовъ и каковы границы его распространения? Въ настоящее время Музей располагаетъ обильнѣйшимъ матеріаломъ, собраннымъ въ теченіе послѣднихъ 6—7 лѣтъ мною и другими собирателями въ губерніяхъ: Воронежской, Пензенской, Самарской, Симбирской, Тамбовской, Рязанской, Калужской, Харьковской и др.

Мужской костюмъ сохранился сравнительно въ гораздо меньшей степени. Правда, пестрядевыя рубахи и штаны, холщевыя рубахи домашняго производства, кафтаны и поддевки изъ домашняго грубаго сукна еще можно встрѣтить почти повсемѣстно, но очень рѣдко приходилось встрѣчать полный мужской костюмъ—отъ головнаго убора до обуви, приготовленный домашними средствами изъ дома сдѣланнаго матеріала. Вышеупомянутая уже деревня Логаревка очень любопытна именно въ томъ отношеніи, что въ ней довольно

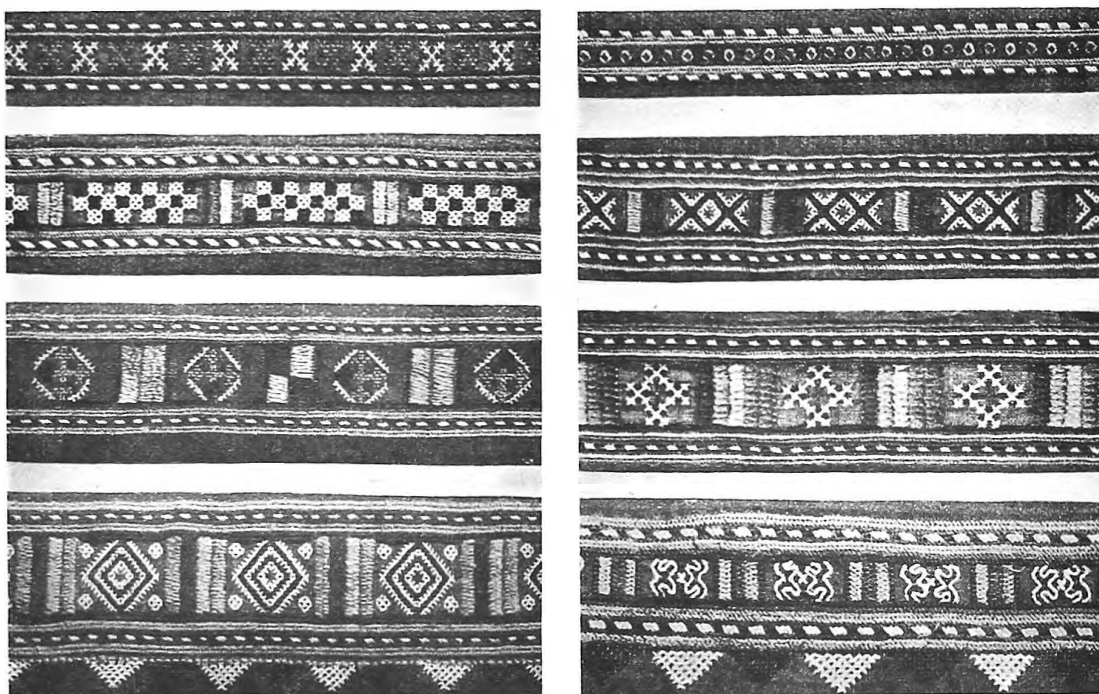

Рис. 22.

часто можно было встрѣтить мужчинъ, съ ногъ до головы одѣтыхъ въ костюмъ, со всѣми принадлежностями, собственнаго домашняго издѣлія. Валеная шапка на головѣ—бѣлая или коричневая, бѣлая холщевая рубаха, шерстяной поясокъ, бѣлые холщевые порты, суконныя онучи и лапти—все свое, дома въ деревнѣ изготовленное добро (рис. 21, стр. 8).

Обильнѣйшій матеріалъ по орнаменту получился въ результатѣ шестинедѣльныхъ сборовъ. Говорить объ орнаментѣ вообще немислимо въ этой маленькой замѣткѣ, высказывать соображенія и догадки—рискованно и не особенно убѣдительно, разъ они не подкрѣплены серьезными фактическими данными. Объ орнаментѣ и его происхожденіи написано столько, что теперь приходится писать уже цѣлые трактаты съ цѣлью доказать ошибочность нѣсколькихъ положеній, широко укоренившихся и распространившихся иногда, сообразно съ энергіей и талантомъ ихъ защитниковъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что ни въ одной другой области, пожалуй, не было построено столько апріорныхъ теорій, гипотезъ, высказано соображеній и разнаго рода предполо-

женій. До исторіи орнамента и разныхъ стилей во всякомъ случаѣ еще очень далеко, и только будущему предстоитъ разрѣшить многіе вопросы, сюда относящіеся, — когда собранъ будетъ полный матеріалъ отъ древнѣйшихъ доисторическихъ временъ у всѣхъ обитателей земли, при строгомъ критическомъ къ нему отношеніи. Собранныя мною коллекціи внимательно осматривалъ покойный В. В. Стасовъ, причемъ постоянно повторялъ одну и ту же фразу: „все это финское“, а вотъ здѣсь или тамъ „видно восточное вліяніе“. Слѣдующія строки принадлежатъ покойному проф. Казанскаго университета И. Н. Смирнову, близко знакомому съ инородческимъ населеніемъ Поволжья, также подробно ознакомившемуся съ моими собраніями за 1902 г.: „Уже В. В. Стасовъ, въ своемъ

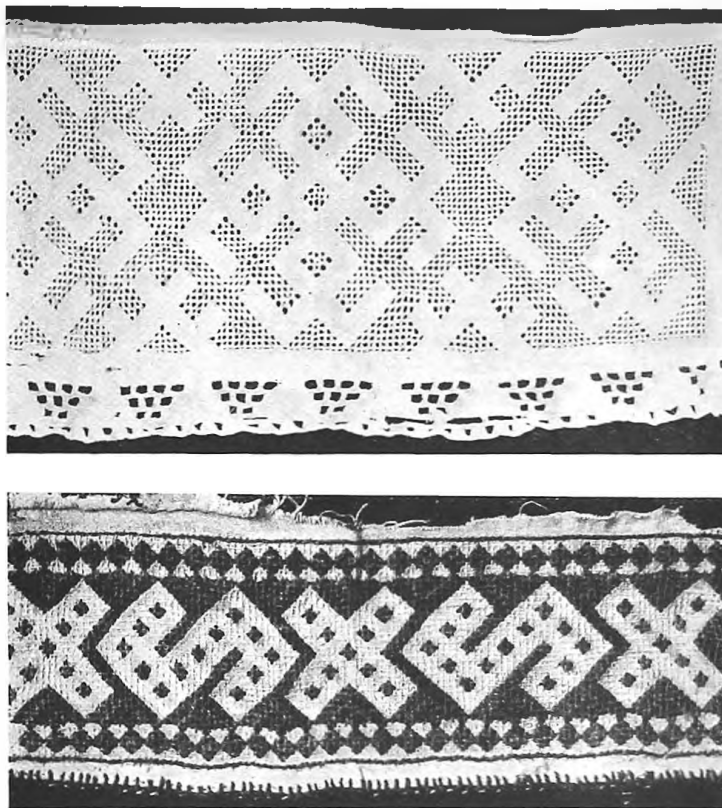

Рис. 24.

изслѣдованіи объ орнаментѣ, указалъ на зависимость русскаго орнамента отъ восточнаго и на ту посредническую роль, которую играли въ распространеніи послѣдняго урало-алтайскіе насельники Поволжья. Коллекціи Музея Императора Александра III, собранныя въ Средней Азіи художникомъ С. М. Дудинымъ, въ Поволжьѣ—авторомъ этихъ строкъ и въ средней Россіи — Н. М. Могиланскимъ, подтверждая основное положеніе В. В. Стасова, даютъ возможность установить, что главная роль въ передачѣ азіатскихъ, иранскихъ мотивовъ на западъ принадлежала чувашамъ, преимущественно низовымъ: у нихъ эти мотивы встрѣчаются въ наибольшемъ разнообразіи; распространяясь далѣе на западъ и на сѣверъ, они убываютъ; ни у мордвы, ни у черемисъ растительный и животный орнаменты не имѣютъ, на примѣръ, такого широкаго употребленія, какъ у чувашей“¹⁾. Здѣсь

¹⁾ „Энцикл. Слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. XXXVIII: Чуваши, стр. 936.

мы опять лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ предположеній (И. Н. Смирновъ говоритъ, однако, болѣе категорически: *установить*), о которыхъ уже упоминалось выше. Не будетъ, думается, слишкомъ оптимистическимъ предположеніе, что новые матеріалы позволятъ установить болѣе опредѣленно, въ чемъ именно состоитъ это „восточное вліяніе“, о которомъ говорилъ и писалъ В. В. Стасовъ, изъ какихъ элементовъ оно слагалось, какими путями и до какихъ предѣловъ оно распространялось, и, что самое важное, пожалуй, это—опредѣлить время или эпоху различныхъ по времени волнъ этого восточнаго вліянія.

Рис. 25.

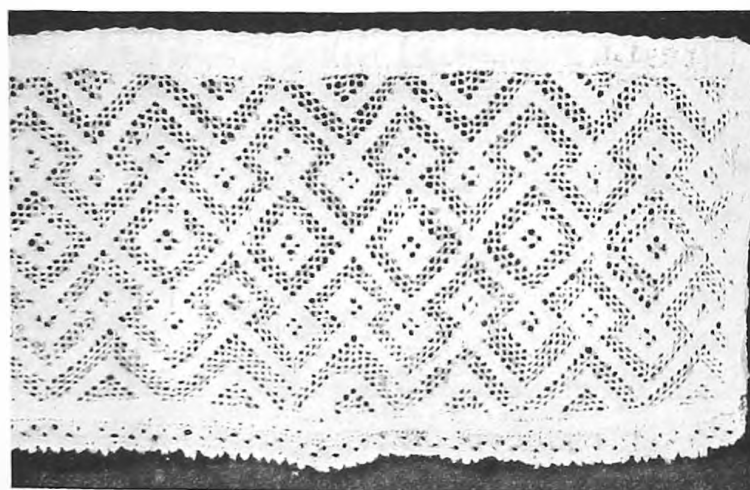

Рис. 26.

Приведу лишь самыя бѣглыя фактическія свѣдѣнія объ образцахъ орнамента, который добытъ въ теченіе моей экскурсіи. Прежде всего, укажу на предметы, которые орнаментируются. Въ небольшомъ, правда, количествѣ встрѣчается рѣзьба по дереву. Это отдѣлъ изъ самыхъ бѣдныхъ въ нашихъ коллекціяхъ. Рѣзьбой украшаются крыльца, оконные наличники, подставки для иконъ въ избахъ, дуги, повозки. Въ видѣ бордюра подъ крышей располагаются окрашенные въ извѣстномъ порядкѣ бѣлой краской кирпичи. Орнаментируется самымъ примитивнымъ образомъ гончарная посуда.

Но самое обильное поле для удовлетворенія этой потребности къ украшенію — это разнообразнѣйшія узорныя ткани, такъ наз. „перетыки“, рушники, или божники—полотенца,

которыми украшаются образа, — рубахи, занавѣски, паневы, головные уборы, шейныя украшения: ожерелья, гайтаны, мониста и т. п. Разнообразіе самихъ предметовъ, орнаментальныхъ мотивовъ и техники здѣсь поистинѣ поразительное.

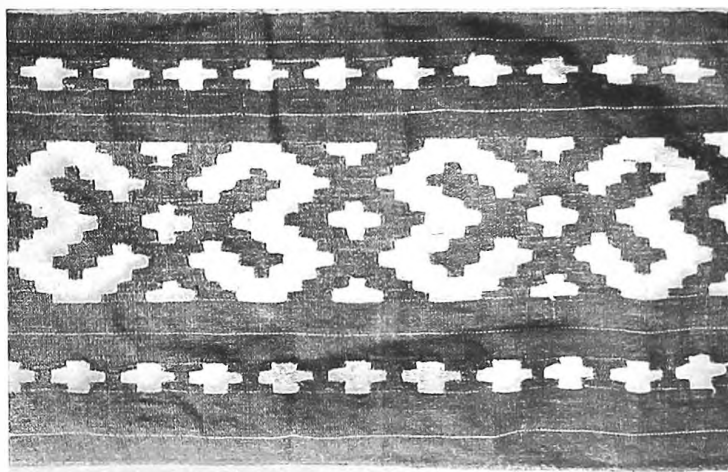

Рис. 27.

Въ селѣ Ивлевѣ набрана была большая коллекція вышивокъ шелкомъ и бумагой по кумачу и красному холсту, — вышивокъ очень тонкой работы, безъ канвы, по счету нитокъ холста или кумача (рис. 22). Большинство путаетъ названія узоровъ или вовсе ихъ не

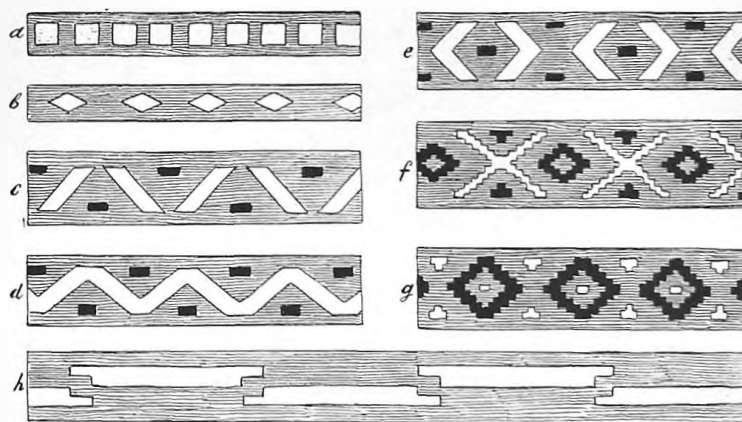

Рис. 28. *a*—забратья близѣнки, *b*—закладки, *c*—косиньками, *d*—дугами, *e*—копытцы, *f*—заборы „хрестами“, *g*—заборы „кругами“, *h*—заборы „челночками“.

знаетъ, но нѣсколько пожилыхъ женщинъ дали согласныя показанія о нѣкоторыхъ элементахъ, изображенныхъ на рис. 23, стр. 9.

Любопытныя можно было бы сдѣлать сопоставленія съ матеріалами, собранными у мордвы А. Heikel'емъ. Такъ, напр., орнаментальный элементъ подъ названіемъ „вороньи глазки“—тотъ же самый, что у мордвы называется, въ нѣмецкомъ переводѣ А. Heikel'я, „Vogelauge“.

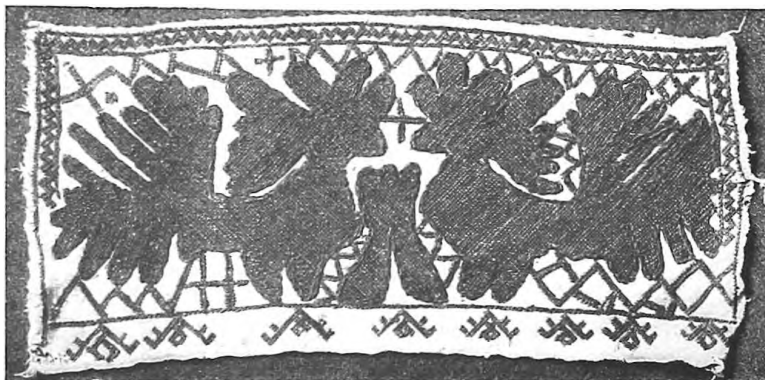
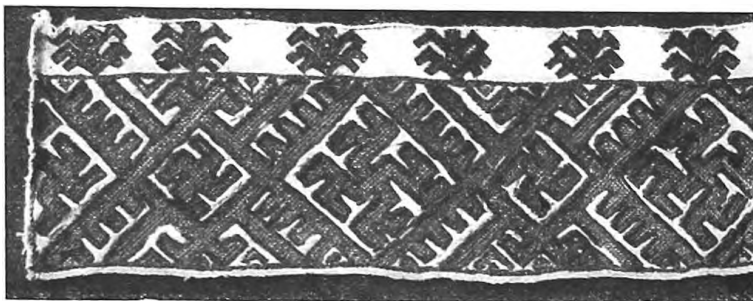

Рис. 29.

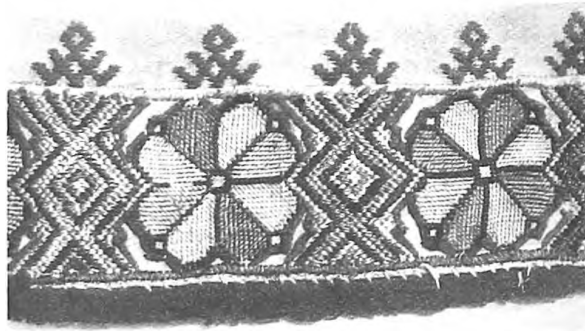

Рис. 30.

Не менѣе распространеннымъ способомъ орнаментировки являются не только въ Ивлевѣ, но и повсюду и въ Тульской, и въ Орловской губерніяхъ такъ называемыя „строки“—на концахъ полотенецъ, подолахъ рубахъ, „занавѣскахъ“ (родъ фартука) и т. п. Образцы ихъ, чистыхъ бѣлыхъ и иногда полихромныхъ, видны на приложенныхъ изображеніяхъ (рис. 24), гдѣ онѣ носятъ чисто-геометрической характеръ.

На рис. 25 виденъ образчикъ сильно стилизованнаго изображенія человѣческихъ фигуръ. Еще одинъ шагъ—и узоръ получаетъ чисто-геометрической характеръ. Въ приведенномъ образцѣ (рис. 26) едва ли кто-нибудь заподозритъ комбинацію сильно стилизованныхъ человѣческихъ фигуръ, но если расположить рядами полную серію—не требуется никакого на-

пряженія фантазіи,—до такой степени ясна вся цѣль переходовъ.

На рис. 27 данъ образецъ такъ называемой „перетыки“—это родъ полихромнаго тканья. Чертежъ (рис. 28) даетъ понятіе о характерѣ перетыкъ и названіяхъ нѣкоторыхъ орнаментальныхъ мотивовъ, на нихъ попадающихся.

Очень распространена, далѣе, вышивка, чрезвычайно разнообразная по стилю и самому характеру техники вышиванія. Выше (рис. 29)—образцы вышиванія бумажной ниткой по холсту. Рис. 30 представляетъ образцы вышивки разноцвѣтнымъ шелкомъ. Въ селѣ Вышней Залегощи, Новосильскаго уѣзда, собрана была значительная коллекція такихъ вышивокъ. На рис. 31 и 32 даны образцы вышивокъ на концахъ полотенецъ; разнообразіе ихъ—огромное, и собранная коллекція заключаетъ въ себѣ много десятковъ экземпляровъ. Къ концамъ полотенецъ, подоламъ рубахъ и „занавѣсокъ“ пришиваются полоски „строкъ“,—какъ видно на приложенной таблицѣ II, весьма разнообразныхъ по характеру орнамента.

Собрана также большая коллекция украшений из цветного бисера. Некоторые образцы их видны на таблицѣ III, сверху—два „мониста“, внизу—„ожерелье“ и „поднязь“ къ сорокѣ. На рис. 34 изображены „чипочки“. Мы ограничились здѣсь лишь некоторыми образцами.

Трудно въ такомъ бѣгомъ очеркѣ говорить о разныхъ ремеслахъ и ихъ техникахъ. Собраны разнообразныя принадлежности для тканья и плетенья—цѣлые ткацкіе станки, очень грубой, примитивной формы, принадлежности для плетенья поясковъ, кружевъ и т. п. На рис. 33 изображены „коклюшки“ для плетенья кружева. Стоитъ только внимательно оглянуться кругомъ—и всюду можно найти инструменты и технику поразительной старины. Для примѣра, упомяну объ одной изъ пригородныхъ, слившихся уже съ городомъ Богородицкомъ, стоящимъ на желѣзной дорогѣ, слободѣ, гдѣ найденъ былъ въ работѣ гончарный кругъ, у котораго еще не было даже приспособленія для приведенія его въ дѣйствіе ногою, съ цѣлью совершенно освободить руки. Изображенный на чертежѣ (рис. 35) гончарный кругъ приводится въ движеніе рукой; ему сообщается вращательное движеніе, и въ то время, когда онъ движется по инерціи, гончаръ работаетъ; затѣмъ опять нужно сообщать движеніе кругу и т. д.,—все это въ самой неудобной позѣ, прямо на полу избы съ подкладкой чурбана подъ сидѣнье.

Рис. 31.

Рис. 32.

62146

Бібліотека БДУ

Установа адукацыі
"Віцебскі ўніверсітэт"
Ім. М. Горькага
БІБЛІЯТЭКА

Географічны факульт.
МПИ ім. ГОРЬКОГО
Кат. эканамічнага і
17.12.1971
Подпіс

Гадзіна: 1971
571

Позже, осенью, мнѣ удалось собрать еще двѣ не малыя коллекціи: одну въ Бѣлгородскомъ у. Курской губ., другую—въ Черниговской. Не могу, при этомъ, упустить удобнаго случая выразить печатно мою искреннюю признательность тѣмъ лицамъ, которыя на мѣстахъ оказали мнѣ много содѣйствія, обезпечившаго успѣхъ предприятия. Прежде всего, я долженъ принести мою глубокую благодарность городскому судѣ гор. Богородицка—В. А. Миткевичу и его семьѣ за помощь какъ при собираніи коллекціи, такъ и по приведенію ея въ порядокъ (регистрація, укладка и отправка въ Петербургъ), что дало массу экономіи во времени. Кромѣ того, не могу забыть радушнаго пріема, гостепрѣимства и всякаго содѣйствія, оказанныхъ мнѣ въ с. Красное-Буйцы, Епифанскаго уѣзда—графомъ А. В. Олсуфьевымъ, въ с. Моховомъ, Новосильскаго уѣзда—И. І. Шатиловымъ и въ с. Брасовѣ, Сѣвскаго у., Орловской губ.—гофмейстеромъ Н. П. Лавриновскимъ. Содѣйствіе, оказанное мнѣ вышеупомянутыми лицами, трудно оцѣнимо: его результаты—богатѣйшія собранія вещей, сохраненныя навсегда для науки.

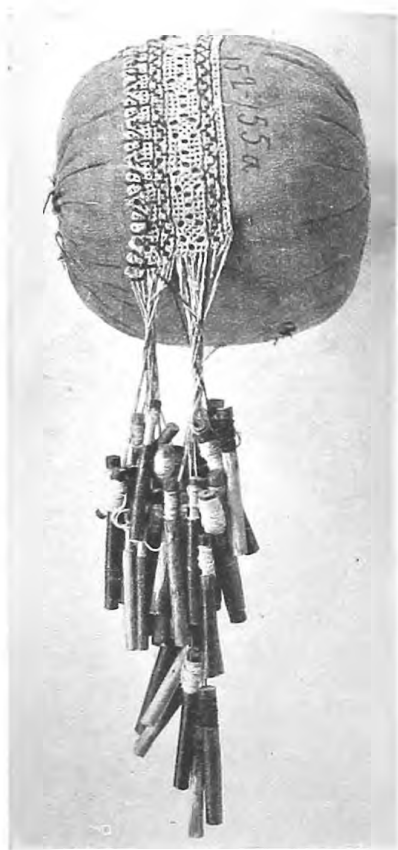

Рис. 33.

Въ заключеніе, не могу не коснуться вопроса о физическомъ типѣ населенія этихъ губерній. Для правильно поставленныхъ антропометрическихъ изслѣдованій, которыя одни только могутъ дать серьезныя объективныя данныя для рѣшенія подобныхъ вопросовъ, у меня не было вовсе ни времени, ни средствъ. Взятые съ собою антропометрическіе инструменты не пришлось и вынуть, хотя нерѣдко мы мечтали съ Д. Т. Яновичемъ о томъ, что намъ удастся измѣрить хотя бы полсотни человекъ. Все это осталось только въ мечтахъ, и то, что мнѣ хочется сказать дальше, есть лишь бѣглое впечатлѣніе путешественника. Два тезиса, однако, можно установить съ полной очевидностью. Населеніе обѣихъ губерній—очень смѣшанное: въ первой случайной группѣ лицъ, снятыхъ на улицѣ на фотографическую пластинку, вы легко отмѣтите очень различныя антропологическіе типы. Вы встрѣтите низкорослыхъ субъектовъ, съ широкими плоскими лицами, выдающимися скулами, и—сравнительно высокихъ, стройныхъ, съ красивымъ, правильнымъ оваломъ лица, тонкимъ профилемъ. Одни лица будутъ говорить вамъ о чемъ-то далекомъ—сѣверномъ и восточномъ, вамъ приходятъ на память чуть не остяки и самоѣды; другія лица говорятъ

о степяхъ южной Россіи—ихъ можно было бы помѣстить въ Полтавскую или Екатеринославскую губерніи. То же справедливо и относительно мужчинъ, и относительно женщинъ.

Примѣсь инородческаго элемента къ славянскому племени не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Для Орловской губерніи этотъ фактъ вполне краснорѣчиво доказанъ обстоятельными изслѣдованіями и наблюденіями д-ра П. И. Якобія, котораго я, къ сожалѣнію своему, не засталъ въ бытность мою въ Орлѣ (о его работахъ по антропологии мнѣ было извѣстно еще раньше появленія его статей въ „Вѣстникѣ Европы“). Нечего и говорить о томъ, какъ желательна была бы правильная постановка антропологическихъ изысканій въ такихъ, напр., историческихъ мѣстахъ, какъ Комарицкая волость, бывшая пограничною полосой русскаго государства и игравшая въ его жизни, въ извѣстные моменты, столь важную роль. Но все это—дѣло будущаго,—дѣло подготовленныхъ къ этому

научныхъ работниковъ. Мнѣ не удалось, къ сожалѣнію, даже положить начало собранію точнаго антропологическаго матеріала, такъ какъ въ мою задачу входило собраніе этнографическихъ, бытовыхъ предметовъ.

Съ собираніемъ этихъ послѣднихъ теперь невозможно медлить. Времени упущено не-возвратно ужъ очень много. Болѣе 60 лѣтъ тому назадъ академикъ К. Э. фонъ-Бэръ говорилъ въ Географическомъ Обществѣ: „Если бъ богатый чело-вѣкъ, желая оставить прочный памятникъ своей любви къ наукамъ и Россіи, спросилъ меня, что ему сдѣлать для этого—я отвѣчалъ бы: доставьте возможность изслѣдованіемъ Россіи въ теченіе нѣсколь-кихъ лѣтъ составить полное этнографическое опи-саніе нынѣшняго населенія ея и дайте средства издать подобное описаніе“. И далѣе: „Запасы для работъ этнографическихъ уменьшаются съ каждымъ днемъ вслѣдствіе распространяющагося просвѣще-нія, которое сглаживаетъ различія племенъ. Народы исчезаютъ и остаются одни имена ихъ“. Заботясь о сохраненіи памятниковъ народнаго быта вообще, особенно печалился фонъ-Бэръ положеніемъ русской этнографіи: „Вообще—говорилъ онъ—изъ собственно русскихъ произведеній едва ли мы найдемъ что-ни-будь въ музеяхъ, кромѣ развѣ лаптей, которые Петръ Великій подарилъ на память въ Копенгагенѣ“.

Не мало было сдѣлано съ тѣхъ поръ русскими изслѣдователями и учеными обществами, въ томъ числѣ и Императорскимъ Географическимъ Обще-ствомъ, къ которому обращался К. Э. фонъ-Бэръ. Собраны и цѣнныя коллекціи, какъ, напр., въ Румян-цевскомъ Музеѣ въ Москвѣ, многими мѣстными музеями и многими коллекціонерами. Но не было еще такого учрежденія, которое первой своей задачей поставило бы создать Музей русской этнографіи. Пожелаемъ же, чтобы на-чавшій въ 1902 году свою дѣятельность Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Импе-ратора Александра III какъ можно быстрѣе заполнилъ этотъ важный пробѣлъ и сталъ тѣмъ „богатымъ чело-вѣкомъ“, къ которому зывалъ К. Э. фонъ-Бэръ. Средствами для этого онъ располагаетъ, силы научныя, мы вѣримъ, найдутся.

Почва для работы богатѣйшая: это $\frac{1}{6}$ часть поверхности всей суши со 140-милліоннымъ населеніемъ, со всѣмъ разнообразіемъ ея природы и не меньшимъ разнообразіемъ вѣтвей чело-вѣчества, укоренившагося на этой огромной территоріи.

Рис. 34.

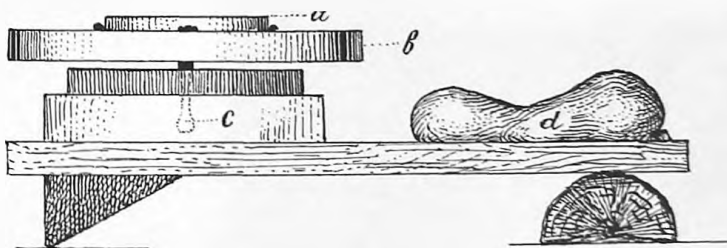

Рис. 35. *a*—доньшко, *b*—кругъ, *c*—спень, *d*—подушка.

Н. Могиланскій.

Рис. 1. Кладбище с. Заболотья, Ковельск. у.

Старинныя деревянныя церкви на Волыни.

Въ одной изъ первыхъ по времени и едва ли не наиболѣе удачныхъ попытокъ изслѣдованія украинскихъ церквей старинной постройки ¹⁾ Волынь названа „областью безмѣрно богатою и совсѣмъ еще не тронутою“ въ этомъ отношеніи. Въ полной справедливости этого мнѣнія мнѣ пришлось убѣдиться лѣтомъ прошлаго года во время моей этнографической экскурсіи по Волыни или, лучше сказать, по ея центральной и сѣверной частямъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего около шести недѣль, я могъ удѣлять церковной архитектурѣ очень немного времени, причемъ мое вниманіе привлекали только старинныя церковныя сооруженія, такъ какъ новыя врядъ ли могутъ заинтересовать не только этнографа, но и кого бы то ни было своей безцвѣтной шаблонностью казенной архитектуры. Кромѣ того, къ несчастію, оказалось, что и я уже опоздалъ: изъ того, о чемъ говорили съ такой любовью гг. Мартиновичъ и Горленко, уцѣлѣло уже немного, и едва ли не самыя лучшіе образцы стариннаго украинскаго церковнаго зодчества уже исчезли, оставивши послѣ себя память только въ заботливо сдѣланныхъ въ свое время фотографіяхъ Городецкаго Музея барона Э. Р. Штейнгеля, за любезное сообщеніе которыхъ нашему Отдѣлу Русскаго Музея Императора Александра III я и спѣшу выразить ему самую сердечную благодарность.

Такимъ образомъ, предлагаемые мною матеріалы не могутъ быть ни полными, ни достаточно обстоятельными съ точки зрѣнія исторіи развитія нашей церковной архитектуры. Но желаніе пополнить, хотя въ извѣстной степени, существующій въ наукѣ пробѣлъ относительно старинныхъ волынскихъ церквей ²⁾, заставляетъ меня не откладывать опубли-

¹⁾ П. Мартиновичъ и В. Горленко. Церкви старинной постройки въ Полтавской епархіи („Полтав. Епарх. Вѣд.“ 1888 г., №№ 16 и 17).

²⁾ Изъ старинныхъ деревянныхъ церквей на Волыни описано, сколько мнѣ извѣстно, только шесть проф. Г. Г. Павлуцкимъ—въ „Древностяхъ Украины“, вып. I, Кіевъ, 1905 г., и одна (въ с. Мидскѣ, Ровен. у.)—въ Извѣстіяхъ Императорской Археологической Комиссіи, вып. 28, 1908 г., стр. 105.

Рис. 2. Часовня въ м. Славутѣ, Заслав. у.

ной архитектуры г. В. Щербаковскій ²⁾ строить свою классификацію старинныхъ украин-скихъ церквей, очевидно, на количествѣ

Рис. 3. Часовня въ с. Высоцкѣ, Ровен. у.

кованіе собранныхъ мною фактовъ, — тѣмъ болѣе, что и въ настоящемъ своемъ видѣ они могутъ привести уже къ нѣкоторымъ заключеніямъ и, во всякомъ случаѣ, поспособствуютъ дальнѣйшему изученію Волыни въ этомъ отношеніи.

Въ упомянутой выше замѣткѣ гг. Мартиновича и Горленко, помѣщенной въ такомъ мало распространенномъ изданіи, какъ епархіальныя вѣдомости, и потому, кажется, совершенно незамѣченной позднѣйшими изслѣдователями украинской церковной архитектуры, — говорится, что „наиболѣе рѣзкими типическими особенностями отличаются“ на Украинѣ „старинныя деревянныя трехглавыя и пятиглавыя церкви“, въ которыхъ „каждая глава выстроена какъ бы на отдѣльномъ корпусѣ, сообщенномъ съ главнымъ корпусомъ зданія“. На существованіе трехъ срубовъ въ основномъ строеніи старинныхъ украинскихъ церквей указываетъ также и проф. Г. Г. Павлуцкій ¹⁾, связывая это обстоятельство съ фактомъ трехкупольности. Наконецъ, авторъ одного изъ новѣйшихъ опытовъ изслѣдованія украинской церковной архитектуры г. В. Щербаковскій ²⁾ строить свою классификацію старинныхъ украинскихъ церквей, очевидно, на количествѣ срубовъ, хотя называетъ ихъ все-таки по количеству куполовъ — одно-, дву-, трех-, пяти- и девятикупольными.

Приводимые г. Щербаковскимъ три примѣра извѣстныхъ ему одно- и двухкупольныхъ (или, правильнѣе, одно- и двусрубныхъ) церквей не представляются намъ достаточно доказательными, такъ какъ однокупольная церковь въ м. Торговицѣ, Уманск. у., Кіевск. губ., имѣетъ, кромѣ основного сруба, еще алтарную абсиду, а двѣ двухкупольныя (въ с. Гнильцѣ — Сквир. у. и въ Снижкахъ — Таращ. у., Кіев. г.) извѣстны ему только по описаніямъ, причемъ объ одной изъ нихъ онъ самъ говоритъ, что, когда онъ ее видѣлъ въ дѣтствѣ, то она казалась ему трехкупольною. Какъ бы то ни было, если такія одно- и двусрубныя церкви когда-нибудь и существовали на Украинѣ, то развѣ случайно и, во всякомъ случаѣ, были въ высшей степени рѣдки, если не считать простѣйшихъ церков-

¹⁾ Г. Павлуцкій. Деревянныя и каменные храмы (Древности Украины, вып. 1. Кіевъ. 1905, стр. 5).

²⁾ Щербаковскій, Вад. Дерев'яні церкви на Україні і їх типи (Зап. Наук. Тов. им. Шевченка, т. LXXIV. Львів. 1906, кн. 6).

ныхъ сооруженій въ видѣ односрубной часовни или хаты съ крестомъ на крышѣ, замѣнявшихъ, а иногда замѣняющихъ церкви и теперь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ мнѣ пришлось, напр., это видѣть лѣтъ около 30-ти тому назадъ въ с. В. Дунавцѣ въ Добруджѣ: тамъ церковь была въ видѣ обыкновенной хаты съ крестомъ на крышѣ и съ походнымъ иконостасомъ на полотнѣ—внутри. Затѣмъ, церкви съ количествомъ куполовъ болѣе пяти также встрѣчаются на Украинѣ въ видѣ чрезвычайно рѣдкаго исключенія. Поэтому, намъ приходится остановиться на характеристикѣ старинныхъ украинскихъ церквей, данной гг. Мартиновичемъ и Горленкомъ, а именно на раздѣленіи ихъ на трехглавыя и пятиглавыя или, лучше сказать, на трехсрубныя и пятисрубныя. Но въ это раздѣленіе необходимо внести поправку въ видѣ причисленія къ первой категоріи однокупольныхъ церквей, состоящихъ, тѣмъ не менѣе, изъ трехъ срубовъ, причѣмъ восточный и западный срубы почти всегда увѣнчаны по концамъ маленькими крестиками, тогда какъ надъ среднимъ всегда есть куполь или хотя небольшая башенка съ куполомъ. Въ этомъ порядкѣ мы и рассмотримъ старинныя церковныя сооруженія, найденныя нами на Волини.

Рис. 4. Часовня въ с. Высоцкѣ, Ровен. у.

1. Часовни (каплиці).

Наиболѣе простыми церковными сооружеціями въ этой мѣстности являются, прежде всего, часовни на кладбищахъ. Рис. 1-й представляетъ видѣ кладбища возлѣ с. Заболотья, Ковельскаго у. Какъ само кладбище, такъ и находящаяся посреди его „капличка“ — происхожденія очень недавняго, но послѣдняя, очевидно, построена по старинному образцу, въ видѣ почти квадратнаго сооружеція изъ одного сруба съ четырехскатной крышей и небольшой луковичеобразной маковицей наверху. Противъ обыкновенія, капличка эта не имѣетъ даже „ганка“, который постоянно встрѣчается въ этого рода постройкахъ, — т.-е. небольшого крылечка или сѣней у входа.

Въ болѣе древней и болѣе сложной формѣ мы встрѣчаемъ подобное же сооружеціе на кладбищѣ въ м. Славутѣ, Заслав. у. Эта старинная, хотя и сильно обновленная постройка (рис. 2) сохранила еще свою „опасань“, поддерживаемую рядами деревянныхъ столбиковъ. Крыша — четырехскатная шатровая, съ небольшимъ восьмерикомъ и шапкообразной маковицей наверху.

Наибольшей же древностью и особенной оригинальностью отличалась — теперь, какъ мы слышали, разрушенная уже — кладбищенская капличка въ с. Высоцкѣ, Ровен. у., фотографію

Рис. 5.

которой (рис. 3 и 4) мы получили отъ бар. Э. Р. Штейнгеля. Планъ ея, насколько можно судить по фотографіи, представлялъ собою нѣсколько вытянутый шестиугольникъ; ея крыша изъ драницъ значительно выдавалась со стороны входа, образуя надъ нимъ висячій навѣсъ, увѣнчанный небольшою колоколенкою на четырехъ столбикахъ, поддерживавшихъ низенькій восьмерикъ, къ которому снизу придѣланъ былъ маленькій навѣсикъ изъ драницъ и сверху восьмигранная шлемообразная маковица¹⁾). Два окна, находившіяся высоко, почти подъ самой крышей, были пробиты въ заднихъ стѣнкахъ сруба, которыя сходились угломъ, образовавшимъ нѣчто въ родѣ абсиды.

Рис. 6. Церк. Архистр. Михаила въ с. Немировкѣ, Овруч. у. 1760 г.

II. Церкви.

а) Трехсрубныя—однокупольныя.

Церкви этого рода на Волыни построены всѣ по одному общему плану (рис. 5) и составлены изъ трехъ, почти всегда квадратныхъ, срубовъ, расположенныхъ въ одну линію, съ востока на западъ, изъ которыхъ восточный всегда округленъ сръзанными углами, образуя абсиду, а къ западному очень часто пристроено небольшое продолженіе въ видѣ притвора или сѣней. Въ отношеніи покрытія эти церкви могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одна имѣетъ крышу, общую для всѣхъ трехъ срубовъ, въ другихъ же каждый

¹⁾ Такого рода колоколенки, обычныя надъ католическими костелами, устраиваются и до сихъ поръ еще на многихъ православныхъ кладбищенскихъ „капличкахъ“.

срубъ имѣеть свое отдѣльное покрытие: средній — куполовидное, а боковые — двускатное, съ закругленіемъ, на алтарномъ концѣ и обрубленное въ видѣ фронтона — на входномъ.

Церковь Архистр. Михаила въ с. Немировкѣ, Овруч. у. (рис. 6), построена въ 1760 г. Всѣ три сруба — подъ одною общею крышею, въ настоящее время, изъ жести. Планъ этой церкви уцѣлѣлъ вполнѣ, но стѣны, — образующія немного ниже крыши совершенно своеобразный уступъ, который, впрочемъ, врядъ ли можетъ быть объясненъ закрытіемъ „опасані“, — вѣроятно, представляютъ собою результатъ позднѣйшей реставраціи. Колокольня, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ далѣе въ своемъ мѣстѣ, сохранилась, повидимому, въ своемъ первобытномъ видѣ.

Церковь Архистр. Михаила въ с. Повитѣѣ (Повитѣе), Ковельск. у. (рис. 7), построенная въ 1782 г., состоитъ также изъ трехъ срубовъ подъ одной общей двускатной крышею (теперь желѣзной), посреди гребня которой поставлена четырехугольная башенка съ двумя окнами, когда-то четырехгранной пирамидальной крышей и маковицей въ видѣ южно-русского шлема, на очень низенькомъ восьмерикѣ. Съ западной стороны въ 1885 г. пристроены подъ отдѣльной, двускатной же, крышею — сѣни.

Рис. 7. Ц. Архистр. Михаила, въ с. Повитѣѣ, Ковельск. у. 1782 г.

Рис. 8. Ц. Архистр. Михаила въ с. Замшанахъ, Ковельск. у. 1809 г.

Рис. 9. Церк. Ч. и Ж. Креста Господня въ с. Заболотѣѣ, Ковельск. у. 1795 г.

Церковь Архистр. Михаила въ с. Замшанахъ, Ковельск. у. (рис. 8), построенная въ 1809 г., даетъ намъ вполне типичный видъ алтарной абсиды храма съ ея пятистороннимъ срубомъ и пятискатной же крышей. Пристройки съ боковъ, позднѣйшаго происхожденія, сразу выдають себя своей несимметричностью и безвкусицею.

Церковь Ч. и Ж. Креста Господня въ с. Заболотьѣ (Заболотье), Ковельск. у. (рис. 9), построенная въ 1795 г., имѣетъ очень много общаго съ предыдущими, но отличается отъ нихъ уже не четырехугольною, а восьмиугольною башенкою и такими же куполомъ и маковицей. Окна средняго сруба помѣщены выше, чѣмъ окна въ алтарь и въ „бабинцѣ“. Церковь эта составляетъ исключеніе еще въ томъ отношеніи, что одѣвающія ее сверху

Рис. 10. Церк. св. Великом. Евстафія, въ м. Турійскѣ. 1662 г., рем. 1858 г.

шелевки (тесъ) помѣщены не въ вертикальномъ направленіи, какъ обыкновенно, а въ горизонтальномъ.

Церковь св. Великом. Евстафія въ м. Турійскѣ, Ковельск. у. (рис. 10), построенная въ 1662 г. и отремонтированная въ 1858 г., интересна для насъ въ томъ отношеніи, что часть ея крыши, соответствующая среднему срубу, начинаетъ уже замѣтно обособляться, принимая очертанія четырехсторонняго шатроваго купола, на который насажена четырехугольная же башенка съ тоже четырехугольно-пирамидальною маковкой.

Церковь св. Параскевы въ с. Залисахъ (Заліси), Ковельск. у. (рис. 11), построенная въ 1794 г., очень характерна, въ сравненіи съ предыдущею, дальнѣйшимъ развитіемъ и, наконецъ, полнымъ обособленіемъ покрытія своего, нѣсколько повышеннаго сравнительно съ прочими, средняго сруба. Это покрытіе образуетъ уже вполне самостоятельный пира-

мидално-четырёхсторонній шатровый куполь съ небольшимъ восьмерикомъ и соотвѣтственной маковицей, древне-южно-русской формы. Покрытія остальныхъ двухъ срубовъ сохраняютъ вполнѣ свою прежнюю форму, но въ высоту достигаютъ лишь края повышеннаго средняго сруба. Покрывающія срубы тесины расположены въ горизонтальномъ направленіи.

Церковь св. Ап. Іоанна Богослова въ с. Татарновичахъ, Овруч. у. (рис. 12), построенная въ 1805 г., имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и церковь въ Турійскѣ, съ той разницей, что здѣсь выходящая изъ пирамидально-четырёхскатной части крыши средняго

Рис. 11. Ц. св. Параскевы въ с. Залисахъ, Ковельск. у. 1794 г.

сруба башенка уже не четырёхсторонняя, а восьмигранная, причемъ куполь соотвѣтственной восьмерику конструкціи уже значительно модернизированъ. Колокольня этой церкви, какъ мы увидимъ далѣе, гораздо болѣе удержала свой архаическій характеръ.

Церковь св. Николая Чуд. въ г. Овручѣ, построенная въ 1748 г. и, къ сожалѣнію, теперь уже не существующая, была превосходнымъ образцомъ старинной деревянной архитектуры на Украинѣ. Фотографія Городецкаго Музея бар. Э. Р. Штейнгеля (рис. 13), любезно предоставленная въ распоряженіе Этногр. Отдѣла, передаетъ ея конструкцію въ видѣ чуть-чуть уже попорченномъ прибавленіемъ къ южной и, вѣроятно, и къ сѣверной ея сторонамъ совершенно излишнихъ пристроекъ, но нельзя не сказать, что и эти пристройки придѣланы къ ней достаточно гармонично и почти не портятъ общаго впечатлѣнія. Часть

Рис. 12. Ц. св. Іоанна Богослова въ с. Татарновичахъ, Овруч. у. 1805 г.

Рис. 13. Ц. св. Николая Чудотворца, въ г. Овручѣ. 1748 г.

крыши, соответствующая среднему срубу, и здѣсь имѣетъ еще четырехсторонне-пирамидальную форму, но эта усѣченная пирамида значительно скрадывается полнымъ развитіемъ восьмерика и восьмиграннаго же, еще гонтоваго, купола, къ счастью, не подвергшагося деградации вслѣдствіе замѣны дерева желѣзомъ. Вся постройка отличается замѣчательной выдержанностью, гармоничностью и благородствомъ формъ, заставляющими жалѣть о томъ варварствѣ, съ которымъ, въ стремленіи стереть всѣ мѣстныя особенности края, истребляются самыя дорогіе памятники стариннаго вполне самобытнаго искусства.

Благовѣщенскій соборъ въ г. Ковлѣ (таб. IV сверху и рис. 14-й въ текстѣ) представляетъ собою еще одинъ изъ многочисленныхъ, къ несчастью, примѣровъ уничтоженія исторической старины. Это былъ трехсрубный храмъ, построенный въ 1505 г. ¹⁾, съ значительно развитой срединной частью, пирамидально-шатровое покрытие которой едва замѣтно изъподъ широкой, но очень низкой восьмигранной башни и очень смѣло, для деревянной постройки, увеличеннаго восьмиграннаго же купола. Куполь этотъ сохранялъ еще свое покрытие изъ гонты и такъ характерный для украинскихъ церквей выступъ крыши ²⁾ между куполомъ и башней,

¹⁾ Если только г. Теодоровичъ, изъ книги котораго мы беремъ эту цифру, не смѣшиваетъ годъ основанія прихода съ годомъ постройки церкви.

²⁾ Мартиновичъ и Горленко, *op. cit.*, стр. 616.

образующій родъ зонтика для прикрытія стѣнъ ея отъ дождевой воды, стекающей съ купола. Длина западнаго и восточнаго срубовъ почти вдвое меньше длины средняго; въ такой же пропорціи различна и ихъ высота. Наверху пятискатная крыша восточнаго сруба и двускатная западнаго увѣнчаны только очень маленькими главками съ крестами.

в) Трехсрубныя—трехкупольныя.

Церковь св. Троицы въ с. Сущинахъ, Овруч. у. (рис. 15), построена поздно—въ 1845 г., но сохранила въ полной чистотѣ строго изящный типъ очень стариннаго трех-

Рис. 14. Благовѣщ. Соборъ въ г. Ковлѣ. 1505 (?) г.

купольнаго храма. Она состоитъ, по обыкновенію, изъ трехъ срубовъ одинаковой высоты, съ небольшою пристрочкою къ западному срубу у входа. Каждый изъ этихъ четырехстороннихъ срубовъ покрытъ вполнѣ самостоятельнымъ шатровымъ четырехскатнымъ куполомъ, съ небольшимъ восьмерикомъ и маковицей луковичеобразной формы. Средній куполь нѣсколько большаго размѣра увѣнчанъ, сверхъ своего восьмерика, еще добавочнымъ восьмерикомъ меньшаго размѣра, для увеличенія высоты, и маковкой въ видѣ остроконечнаго южно-русскаго шлема, замѣненнаго, вѣроятно, во время реставраціи, восьмигранной луковичеобразной маковицей. Тогда же и первоначально покрытые гонтою куполы были замѣ-

нены желѣзными, а срубы были обшелеваны вновь, но съ сохраненіемъ прежняго вертикальнаго направленія тесинъ.

Церковь св. Димитрія въ с. Бѣлошицахъ (Білошиці), Овруч. у. (рис. 16), построенная

Рис. 15. Церк. Св. Троицы въ с. Суцанахъ, Овруч. у. 1845 г.

въ 1776 г., отличается отъ предыдущей добавленіемъ къ среднему четырехскатному шатровому куполу восьмигранной башенки съ такимъ же, теперь желѣзнымъ, куполомъ, не-

Рис. 16. Ц. св. Димитрія въ с. Бѣлошицахъ, Овруч. у. 1776 г.

большимъ восьмерикомъ на немъ и традиціонной шлемообразной маковицей. Она также имѣетъ небольшую пристройку къ входному (западному) срубу.

Церковь Св. Николая Чудотв. въ Сушкахъ, Житом. у. (рис. 17), построена въ 1793 г., но, къ сожалѣнію, слишкомъ усердно обновлена, благодаря чему сохранились только старинныя очертанія плана и основныхъ формъ, въ значительной степени скрадываемыя пристроенной вплотную къ церкви колокольной нелѣпо-новѣйшаго стиля. На первоначальныхъ хорошо выдержанныхъ

восьмиугольныхъ срубахъ, съ такими же шатровыми покрытіями, превратившимися въ широкіе откосы крышъ, возвышаются восьмистороннія же башенки съ гармоническими, покрытыми когда-то гонтою, куполами, которые увѣнчиваются невысокими восьмериками съ маковицами въ видѣ заостренныхъ шлемовъ.

Церковь Пресв. Троицы въ Новоградъ-Волинскѣ (Звягель) (рис. 18 и 19); годъ построения неизвѣстенъ, но она уже упоминается въ 1794 г. по случаю перехода ея отъ униатовъ къ православнымъ. Это—также одинъ изъ лучшихъ остатковъ волинской церковной старины, къ счастью, сравнительно недурно сохранившійся и поддерживаемый подѣ научнымъ покровительствомъ мѣстнаго Отдѣла Общества изслѣдованія Волыни. Четырехсторонніе

Рис. 17. Церк. св. Николая Чудотв. въ Сущахъ. Житом. у. 1793 г.

срубы покрыты теперь желѣзными куполами, сохранившими, впрочемъ, свой первобытный, повидимому, характеръ, заключающійся въ четырехскатномъ пирамидальномъ покрытіи, переходящемъ въ восьмигранную луковичу съ небольшими восьмериками и пропорціоно-малыми маковками шлемовидной формы. Особенную прелесть этого храма составляетъ идущая вокругъ него прекрасно сохранившаяся опасань, навѣсъ которой и теперь покрытъ еще гонтой. Нижняя часть опасани забрана досками, составляющими родъ барьера, опирающагося на каменный фундаментъ. Колокольня этой интересной церкви, построенная годомъ позже, отдѣляется отъ нея довольно глубокой трещиной скалы; черезъ трещину переброшенъ мостикъ, видный на снятой нами фотографіи. Рис. 19 представляетъ опасань Троицкой церкви на болѣе близкомъ разстояніи. Къ сожалѣнію, деревья, окружающія церковь со всѣхъ сторонъ, препятствовали намъ сдѣлать фотографію ея сбоку, съ сѣверной или съ южной стороны, откуда конструкція ея была бы, разумѣется, гораздо яснѣе.

Этимъ превосходнымъ представителемъ старинныхъ трехкупольныхъ церквей мы должны и кончить обзоръ этихъ остатковъ самобытной деревянной архитектуры на Воляни, встрѣтившихся намъ во время экскурсіи прошлаго года и представляющихъ этнографическій интересъ. Пятисрубныхъ и пятикупольныхъ церквей мы не нашли нигдѣ въ посѣщенныхъ нами мѣстностяхъ, слышать же пришлось только объ одной, въ с. Волосковцахъ, Острожск. у., но о ней намъ не удалось пока получить никакихъ точныхъ свѣдѣній. Этого обстоятельства мы коснемся немного дальше, теперь же скажемъ еще нѣсколько словъ о

Рис. 18. Ц. Пресв. Троицы въ г. Новоградъ-Волинскѣ. 1794 г.

двухъ церковныхъ сооруженіяхъ, имѣющихъ если не архитектурный, то историческій интересъ: прежней церкви въ с. Вербкахъ, Ковельск. у., и домовою, а теперь приходскою церкви въ с. Городкѣ, Ровенск. у.

Церковь Пресв. Троицы въ с. Вербкахъ, нынѣ не существующая, принадлежала монастырю, находившемуся на небольшомъ островкѣ, среди болотъ, образуемыхъ разливомъ рѣки Туріи, возлѣ г. Ковля. Время основанія этого монастыря, въ которомъ завѣщаль похоронить себя князь А. М. Курбскій, и постройки самой церкви—неизвѣстно, но описаніе ея есть уже въ визитаціонномъ актѣ 1760 года. Воспроизводимый нами рисунокъ (рис. 20), сдѣланный проф. Иванишевымъ для сочиненія „Жизнь князя А. М. Курбскаго на Литвѣ и на Воляни“ (Кіевъ. 1849), представляетъ эту церковь послѣ реставраціи ея въ 1818 г. Рисунокъ этотъ ясно указываетъ, что это была церковь трехсрубная и однокупольная, съ двумя, очевидно, позднѣйшими боковыми пристроечками,—повидимому, даже дощатыми,—которыя и подали Иванишеву поводъ дать ей на планѣ видъ креста; это представляетъ несомнѣнную ошибку. Средній срубъ церкви былъ покрытъ пирамидально-четырёхскатной гонтовой крышей съ четырёхсторонней же башенкой и такимъ же шатровымъ куполомъ съ небольшою шлемообразною маковицей. Въ настоящее время на мѣстѣ этой церкви построена

другая, новѣйшаго образца, а къ острову ведутъ, на разстояніи полуверсты, деревянные мостки, изображенные у насъ на рис. 21.

Церковь св. Николая Чудотв. въ с. Городкѣ, Ровен. у. (рис. 22), каменная, построена въ 1740 г. на средства уніатскаго митрополита Аванасія Шептицкаго и была его домовою церковью, находясь въ непосредственной связи съ его резиденціей, принадлежащей теперь бар. Э. Р. Штейнгелю. Въ церкви этой до сихъ поръ сохраняется, воспроизводимый нами на таблицѣ IV (справа), портретъ основателя, къ сожалѣнію, значительно уже пострадавшій отъ времени. Очень интересны въ ней также царскія врата съ коронованной фигурой

внизу, представленной въ лежачемъ положеніи съ растущимъ изъ груди стволомъ вино-градной лозы.

Упомянутое объ этой подробности царскихъ вратъ приводитъ насъ къ подобной же

Рис. 19. Опасань церкви Пресв. Троицы въ Новоградъ-Волинскѣ. 1794 г.

особенности въ церкви Покрова Пресв. Богородицы въ с. Ходакахъ, Овруч. у., построенной въ 1777 г. Внизу царскихъ вратъ этой церкви (рис. 23) также помѣщена въ лежачемъ положеніи фигура, повидимому, царя (Давида?)— несомнѣнно символическое изображеніе извѣстнаго выраженія: „жезлъ изъ корене Іессеева и цвѣтъ отъ него“. Съ лѣвой стороны видна икона Богоматери довольно стариннаго письма, на которомъ очень замѣтно уже вліяніе западной живописи. Другія, совершенно подобныя же, царскія врата находились еще недавно въ ризницѣ церкви с. Татарновичей, построенной въ 1805 г., но были, вѣроятно, взяты изъ старой еще церкви ¹⁾.

Изъ предметовъ церковной обстановки, хранящихся въ Городецкомъ Музеѣ бар. Ф. Р. Штейнгеля, не можемъ не упомянуть о чрезвычайно интересной иконѣ св. Іоакима, который изображенъ (табл. IV слѣва) въ полномъ костюмѣ знатнаго лица изъ украинской козацкой старшины.

¹⁾ Подобныя же царскія врата съ лежащей внизу фигурой упоминаются въ чрезвычайно интересной статьѣ прот. Е. Съцинскаго: „Исчезающій типъ деревянныхъ церквей Подолія“. (Труды Подольск. Церк.-Археол. Общ., т. X). Кам.-Подольскъ. 1904, стр. 7.

Рис. 20. Ц. Пресв. Троицы въ с. Вербкахъ, Ковельск. у. Нач. XVIII в.

Рис. 21. Мостки къ церкви Пресв. Троицы въ с. Вербкахъ.

III. Колокольни (дзвониці).

Колокольня при церкви св. Николая въ г. Овручѣ представляетъ собой самую простѣйшую постройку въ этомъ родѣ, за исключеніемъ развѣ колокольни въ м. Ратно, Ковельск. у., состоящей изъ обыкновеннаго, растущаго на корню, дерева съ прицѣпленнымъ къ нему колоколомъ, фотографію которой, къ сожалѣнію, сдѣлать намъ не удалось. Овручская „дзвоничка“ (рис. 24) состоитъ просто изъ четырехъ столбовъ, до высоты около $\frac{1}{3}$ отъ земли обшитыхъ шелевками съ маленькой балюстрадой и четырехскатной шатровой крышей, съ крестомъ наверху.

Колокольня при б. Благовѣщенскомъ соборѣ въ г. Ковлѣ (рис. 25) отличается уже гораздо болѣе развитымъ характеромъ: нижняя часть ея состояла изъ сруба, даже не обшитаго шелевками, сверху ея была четырехскатная гонтовая крыша съ краями, значительно выдававшимися надъ срубомъ и поддерживаемыми консольями. Надъ крышей возвышалась четырехсторонняя башенка, закрытая только до половины барьеромъ, а выше состоявшая изъ четырехъ арокъ съ каждой изъ сторонъ, поддерживавшихъ четырехскатную же крышу изъ гонты.

Колокольня при церкви с. Немировки (рис. 6) представляетъ уже дальнѣйшее развитіе „дзвониці“: она окружена уже опасанью и состоитъ изъ трехъ ярусовъ, изъ которыхъ

верхній, служащій помѣщеніемъ для колоколовъ, уже обшитъ тесомъ, для прохода же звуковъ („голосу“) оставлено четыре большихъ отверстія „голосника“. Крыша — также пирамидально-четырехскатная, а, кромѣ нея, каждый изъ ярусовъ имѣетъ свою крышу или, лучше сказать, навѣсъ.

Колокольня при церкви св. Николая Чудотв. въ Шолонкахъ, построенная неизвестно когда, но очень старинная, хотя недавно и обзображенная неумѣлымъ обновленіемъ. Она, въ первоначальномъ своемъ видѣ, сохранившемся, благодаря

Рис. 22. Ц. св. Николая Чудотв. 1740 г. въ с. Городкѣ, Ровен. у., съ б. митроп. домомъ, принадл. теперь бар. Штейнгелю.

воспроизводимой нами (рис. 26) фотографии Городецкого Музея, состояла из основного сруба, окруженного „опасанью“, на котором находится второй срубъ, тоже съ галерейкою вокругъ и крышей, и, наконецъ, изъ третьяго яруса, въ которомъ уже помѣщались колокола и стѣны котораго состоятъ уже не изъ сруба, а изъ довольно примитивной аркатуры, соответствующей „опасани“ нижняго и средняго ярусовъ. Покрытіе этого яруса представляло собою гонтовую четырехскатную пирамиду, на усѣченной вершинѣ которой находилась гонтовая же шапкообразная маковица. Въ такомъ видѣ она представляется вполне типичной украинской „дзвоницею“, какую мы находимъ вездѣ, гдѣ только сохранились старинныя формы церковной архитектуры, и, главнымъ образомъ, въ Восточной Галиціи. Въ настоящее время всѣ ярусы колокольни въ Шоломкахъ обшиты досками, и она имѣетъ совершенно закрытый видъ.

Колокольня при церкви Пресв. Богородицы въ с. Ходакахъ, Овр. у. (рис. 27), принадлежитъ вполне къ тому же чистому и изящному типу, какъ и предыдущая, но только въ еще болѣе развитомъ и усовершенствованномъ видѣ, выше котораго, особенно въ колокольняхъ, украинской деревянной архитектурѣ подняться было трудно. вмѣсто трехъ, она состоитъ изъ четырехъ, квадратныхъ въ планѣ, ярусовъ, изъ которыхъ нижній—въ сравненіи съ другими, довольно высокій—обшитъ (вѣроятно, впрочемъ, только впоследствии) досками, три же остальные образуются постепенно суживающимися, поставленными одна на другой аркатурами, уступы которыхъ покрыты, какъ всегда, крышами съ наружной стороны. Аркатура второго яруса состоитъ изъ 20 арокъ—по пяти съ каждой изъ четырехъ сторонъ, третій ярусъ состоитъ изъ 16 арокъ—по четыре съ каждой стороны, а четвертый—изъ 8-ми, по двѣ съ каждой стороны. Сверху находится еще небольшой восьмерикъ и на немъ—шлемообразная маковица съ отогнутымъ нижнимъ краемъ, представляющимъ защитный навѣсъ восьмерика. Вся колокольня производитъ впечатлѣніе чрезвычайно изящной простоты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устойчивости. Въ аркахъ второго и четвертаго ярусовъ замѣтно даже нѣкоторое стремленіе къ архитектурнымъ украшеніямъ, въ видѣ выступовъ и вырѣзовъ, такъ мало свойственныхъ строгому украинскому стилю. Теперь къ колокольнѣ этой пристроены еще небольшія сѣни.

Рис. 23. Царскія врата въ ц. Покрова Пресв. Богородицы въ с. Ходакахъ. 1777 г.

Колокольня церкви въ с. Татарновичахъ, Овруч. у. (рис. 12), представляетъ собою уже упадокъ того характернаго стиля, котораго образцы мы только-что видѣли въ Шоломкахъ и Ходакахъ. Въ ней только два яруса, и оба они вполнѣ закрыты досками (вѣроятно, впрочемъ, это закрытіе уже позднѣйшее). Въ ея четырехсторонней башенкѣ всего по одному „голоснику“, но четырехсторонняя же шатровая крыша, съ очень маленькой такой же башенкой, напоминаетъ еще стиль церкви въ Турійскѣ (рис. 10).

Рис. 24. Колокольня при ц. св. Николая въ Овручѣ.

Колокольня церкви въ с. Бѣлошицахъ (рис. 16)—о трехъ ярусахъ, но всѣ они закрыты досками, а желѣзныя крыши только заставляютъ догадываться о ея прежнемъ гораздо болѣе изящномъ видѣ, несомнѣнно испорченномъ передѣлками.

Колокольня церкви въ м. Ушомирѣ, Житом. у. (рис. 28), имѣетъ тоже три яруса и тоже вся обшита тесомъ, но сквозь эту обшивку все-таки просвѣчиваютъ ея старинныя формы, значительно испорченныя желѣзной крышей. Въ верхнемъ этажѣ, гдѣ помѣщаются колокола, въ обшивкѣ пробито по три, съ каждой изъ четырехъ сторонъ, круглыхъ „голосника“.

Рис. 25. Колокольня при б. Благовѣщ. соборѣ въ г. Ковлѣ.

Колокольня церкви въ с. Сущинахъ, Овруч. у. (рис. 15), вполнѣ отличается отъ всѣхъ предыдущихъ какъ по матеріалу, такъ и по своей древне-русской формѣ. Она построена изъ кирпича, но, несомнѣнно, не очень давно, такъ какъ въ книгѣ г. Теодоровича, изданной въ 1888 г., о церкви въ Сущинахъ говорится, что при ней находится „деревянная весьма ветхая колокольня“¹⁾, о кирпичной же вовсе не упоминается. Колокольня эта состоитъ изъ двухъ сквозныхъ арокъ, образуемыхъ тремя столбами и покрытыхъ небольшою желѣзною крышей. Трудно, конечно, догадываться, почему именно строители дали ей эту древнюю форму, напоминающую, въ упрощенномъ видѣ, колокольни древнихъ церквей въ Псковѣ, но очень возможно, что это остатокъ давней мѣстной традиціи, удержавшейся не только въ Галиціи и Буковинѣ, но и въ Новоградъ-Волинскѣ, гдѣ при старинной католической церкви имѣется подобная же колокольня. Во время моихъ поѣздокъ по Галиціи и Буковинѣ, я имѣлъ случай видѣть двѣ совершенно подобныя же колокольни очень давней постройки: одну—при церкви въ с. Дидьовій (Дидьова), въ Галичинѣ, а другую—въ м. Сторонецъ-Путилів, въ Гуцульщинѣ на Буковинѣ.

IV. Кресты.

Въ ближайшей связи съ церковными сооруженіями находятся кресты и кладбища. Во время нашей поѣздки по Волини мы не могли не обращать вниманія на „хвигури“, т.-е. придорожные кресты, на кресты церковныхъ погостовъ и, наконецъ, на надгробные кресты.

¹⁾ Теодоровичъ, Н. И. Историко-статист. описаніе церквей и приходовъ. Волинской епархіи. Почаевъ. 1888, т. I, стр. 429.

„Хвигури“, подвергавшіяся, не особенно еще давно, очень энергическому преслѣдованію и даже просто истребленію со стороны администраціи, по подозрѣнію ихъ въ польско-католическомъ происхожденіи, на основаніи того, что онѣ не встрѣчаются въ Великороссіи, кое-гдѣ все-таки сохранялись въ волинской глуши, особенно въ Полѣсьѣ, а въ послѣднее время опять начали появляться. Въ наиболѣе развитомъ видѣ—это деревянные кресты, иногда очень значительныхъ размѣровъ (до 5-ти и болѣе метровъ высоты), украшенные изображеніями, разумѣется, достаточно грубыми, распятаго Христа, и, кромѣ того, возможно

большимъ количествомъ орудій страстей Господнихъ: губки и копія, лѣстницы, молота, клещей, гвоздей, тридцати серебрянниковъ и т. п., а также маленькими херувимами и пр. Эти изображенія, не особенно замѣтныя на нашей фотографіи придорожнаго креста въ с. Андреевичахъ (рис. 29), вполне ясно видны на фотографіи креста, стоящаго на перекресткѣ въ с. Городкѣ, Ровен. у. (рис. 38). Этотъ послѣдній украшенъ также и деревяннымъ изображеніемъ лѣтуха наверху. Рис. 32 изображаетъ гораздо болѣе простой крестъ на островѣ, возлѣ церкви сел. Вербки, Ковельск. у. На этомъ крестѣ больше всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе пелена—родъ полотенца, которымъ онъ опоясанъ внизу. Полотенце это никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ маленькими „короговками“ или просто платками (хустками), очень часто прикрѣпляемыми къ надгробнымъ крестамъ, главнымъ образомъ, козаковъ въ Черниговской и Полтавской губ. Гораздо болѣе правдоподобна связь его съ почти совершенно исчезнувшимъ въ Восточной Европѣ обычаемъ одѣвать статуи святыхъ и перемѣнять ихъ одежды въ извѣстное время. Къ этому обычаю относится и надѣваніе на скульптурныя изображенія распятаго Христа чего-то въ родѣ пелены или коротенькой туники сверхъ той пелены и куска ткани вокругъ бедеръ, которые изображаются всегда на распятіяхъ письмомъ или скульптурою. По моему мнѣнію, то полотенце, которое мы видимъ надѣтымъ на крестъ на рис. 29 и 32, есть не что иное, какъ переживаніе такой добавочной пелены или туники. На послѣднемъ изъ нашихъ изображеній, на полотенецѣ нашитъ маленькій крестъ изъ красной ткани. Въ настоящее время истинное значеніе этого обычая уже совершенно забыто, а благочестивыя женщины часто вѣшаютъ на придорожные кресты рубашечку умершаго ребенка или спеціально для этого сшитый передничекъ, какъ приношеніе въ благодарность за выздоровленіе больного ребенка и т. п.

Рис. 26. Колокольня при ц. въ Шоломкахъ (въ первонач. видѣ).

Три придорожныхъ креста, стоящіе рядомъ попереку дороги возлѣ с. Залисы, Ковел. у. (рис. 33), имѣютъ совершенно особенное значеніе. Это—кресты противъ холеры, преграждающіе этой страшной путешественницѣ путь въ деревню: они поставлены на всѣхъ четырехъ вѣздахъ въ с. Залисы во время одной изъ эпидемій, предшествовавшихъ нынѣшней.

Рис. 27. Колокольня въ с. Ходакахъ, Овруч. у.

дерева, положеннаго на могилу горизонтально и украшеннаго на одномъ изъ концовъ (ближе къ головѣ покойника) небольшимъ деревяннымъ же крестикомъ, или же изъ

Рис. 28. Колокольня въ м. Ушомирѣ, Житом. у.

длиннаго ящика изъ досокъ, наподобіе гроба съ двускатной крышей. Такого рода надгробія, очень обыкновенныя въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ, составляютъ одну изъ довольно многочисленныхъ чертъ, заставляющихъ предполагать, что сѣверныя уѣзды Волыни были прежде населены бѣлоруссами. Вслѣдствіе технической неудачи, постигшей наши снимки такихъ надгробій, мы помѣщаемъ здѣсь изображеніе бѣлорусскаго надгробія, снятаго А. К. Сержпутовскимъ (рис. 37).

*

Приведенныя нами немногія описанія старинныхъ деревянныхъ церквей Волыни даютъ, несмотря на свою краткость, все-таки нѣкоторыя свѣдѣнія для общей характеристики этихъ сооружений. Разумѣется, позднѣйшія передѣлки и „обновленія“, которымъ онѣ подвергались, почти всѣ безъ исключенія, стерли съ нихъ очень много стариннаго и оригинальнаго, но, тѣмъ не менѣе, церкви эти удержали свой основной характеръ, не особенно много отличающій ихъ отъ большинства прочихъ уцѣлѣвшихъ церквей того же типа и

того же времени на Украинѣ. Какъ и эти послѣднія, старинныя волынскія церкви отличаются, прежде всего, очень строгимъ вкусомъ, чрезвычайно скупымъ на внѣшнія архитек-

турныя украшенія. Даже шестиугольныя двери съ рѣзными „лутками“, составлявшія чуть ли не единственное и, во всякомъ случаѣ, наиболѣе частое наружное украшеніе староукраинскихъ храмовъ, на Волыни отсутствуютъ, что могло произойти какъ отъ сравнительной бѣдности волынскихъ церквей, такъ, впрочемъ, и потому, что подобныя двери, если онѣ и существовали въ немногихъ церквахъ, могли быть уничтожены при „обновленіи“. Не замѣчается на старинныхъ волынскихъ церквахъ и другой оригинальной особенности староукраинскихъ церквей—небольшихъ фигурныхъ оконъ, въ алтарѣ и въ боковыхъ стѣнахъ, въ видѣ креста и т. п. Отсутствуетъ въ нихъ и еще одна характерная черта: рамена ихъ надкупольныхъ крестовъ обращены одно къ сѣверу, а другое къ югу въ плоскости, перпендикулярной къ продольной оси храма, тогда какъ въ старинныхъ украинскіихъ церквахъ рамена всѣхъ крестовъ были всегда въ оси церкви, т.-е. были направлены одно на западъ, другое—на востокъ ¹⁾).

Какъ мы уже видѣли выше, и однокупольныя и трехкупольныя старинныя церкви на Волыни построены по одному и тому же плану и отличаются только высотой срубовъ и своими покрытіями. Въ однокупольныхъ двускатная крыша или бываетъ общая для всѣхъ трехъ срубовъ, или же, переходя въ куполь на среднемъ срубѣ, остается двускатной на западномъ и округляется въ пятискатную на алтарной абсидѣ (рис. 30). Въ трехглавыхъ же церквахъ всѣ три сруба имѣютъ свои самостоятельные четырех- или восьмискатные куполы (рис. 31). Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что на сѣверѣ Волыни, въ Ковельскомъ у., существуетъ всего одна только трехкупольная церковь (въ с. Мизовѣ), въ Овручскомъ же уѣздѣ намъ извѣстны только двѣ такія церкви—въ Сушанахъ и Бѣлошицѣ. Прочія извѣстныя намъ трехкупольныя церкви находятся въ средней части и на югѣ Волынской губ.—въ Житомирскомъ и Новоградъ-Волынскомъ уѣздахъ и проч. Изъ шести церквей Волынской губ., описанныхъ Г. Г. Павлуцкимъ и находящихся двѣ—въ Житомирскомъ и четыре—въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздахъ, одна только—однокупольная, а всѣ прочія—трехкупольныя. Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ преобладаніе однокупольныхъ церквей въ сѣверной части Волынской губерніи и трехкупольныхъ—въ южной. Интересно указать, что въ Кіевской губерніи, судя по работѣ профессора Павлуцкаго, рѣшительно преобладаютъ церкви трехкупольныя и довольно

Рис. 29. Придорожный крестъ въ с. Андреевичахъ.

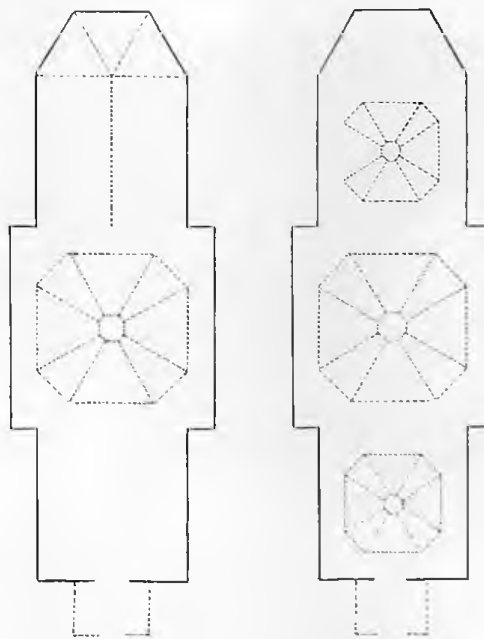

Рис. 30.

Рис. 31.

¹⁾ Мартиновичъ и Горленко, *op. cit.*, стр. 616.

часты уже церкви пятисрубныя и пятикупольныя, которыя почти совершенно отсутствуют на Волини (всего одна на югѣ). Въ Подольской губерніи преобладають церкви трех-

Рис. 32. Крестъ при церкви въ с. Вербкахъ, Ковельск. у.

купольныя; пятикупольныхъ въ послѣднее время было только двѣ, изъ которыхъ одна была, около середины прошлаго столѣтія, превращена въ трехкупольную ¹⁾. Между тѣмъ, въ Черниговской и въ Полтавской губер-

Рис. 33. „Холерные“ кресты въ с. Залисахъ, Ковельск. у.

ніяхъ, а также въ южной Украинѣ, сколько мнѣ извѣстно, при существованіи и трехкупольныхъ церквей, между старинными храмами преобладають пятикупольныя, встрѣчающіеся не только на югѣ, но и довольно далеко на сѣверѣ, какъ, напр., замѣчательныя пятикупольныя церкви въ с. Пакуль, Черниговскаго у., и въ зашт. г. Коропѣ, Кролевец. у., Черниговской губ. Съ другой стороны, въ Восточной Галиціи, гдѣ однокупольныя церкви, даже въ сѣверной части, встрѣчаются только изрѣдка, рѣшительно преобладають церкви трехкупольныя, чрезвычайно развитой архитектуры, съ многоярусными, очень сложной конструкціи, крышами и съ почти вездѣ сохранившеюся древнею опасанью. Въ сравненіи съ російскою Украиной, количество церквей старинной постройки и вполне выраженного типа въ В. Галиціи просто поражаетъ каждыя, кто сколько-нибудь заинтересованъ церковной архитектурой, и, въ свое время, произвело впечатлѣніе на гр. А. С. Уварова, который первый замѣтилъ, что полного развитія украинскаго церковнаго стиля слѣдуетъ искать именно тамъ. Если въ сѣверной Галиціи мы не замѣчаемъ особаго преобладанія однокуполь-

ныхъ церквей, какъ на сѣверѣ російской Украины, то это, можетъ-быть, потому, что тамъ (у лемковъ) выработался, подъ очевиднымъ вліяніемъ словаковъ, свой совершенно особенный трехкупольный стиль, превратившій западный срубъ съ его куполомъ въ высокую башню-колокольню. Зато на югѣ австрійской Украины, особенно въ Гуцульщинѣ и на Буковинѣ, замѣтно также преобладаніе пятиглаваго или, вѣрнѣе, пятисрубнаго типа, хотя нѣсколько отличающагося отъ російско-украинскаго меньшимъ развитіемъ срубовъ въ вышину, а иногда и довольно яснымъ вліяніемъ румынско-южно-славянской церковной архитектуры.

¹⁾ Сѣцинскій, Е., прот. Исчезающій типъ деревянныхъ церквей Подоліи. Кам.-Под. 1904 г., стр. 9.

типу, гораздо ближе къ подобнымъ же сооружениямъ В. Галиціи, занимають средину между церковной архитектурой лѣвобережной Украины и Галичины, причемъ наибольшей архаичностью, обилиемъ и сохранностью памятниковъ отличается В. Галиція, тогда какъ наибольшаго развитія и богатства украинскій церковный стиль достигаетъ въ лѣвобережной Украинѣ и Кіевщинѣ ¹⁾—бывшемъ средоточіи политической жизни Украины въ ея лучшія времена. Примѣромъ такого высшаго развитія украинскаго церковнаго стиля можетъ служить прекрасно описанная и изображенная Н. Е. Макаренко Покровская церковь въ Ромнахъ, перенесенная теперь въ Полтаву ²⁾.

Само собою разумѣется, что, при такомъ сравнительно ничтожномъ количествѣ данныхъ, какимъ мы располагаемъ теперь, врядъ ли возможна сколько-нибудь серьезная попытка разрѣшить вопросъ о происхожденіи и исторіи развитія украинскаго церковнаго стиля. Для этого необходимы, прежде всего, статистическая и типологическая регистрація и описаніе всего уцѣлѣвшаго до сихъ поръ матеріала, чего пока у насъ еще нѣтъ. Съ другой стороны, необходима хотя бы

Рис. 34. Старое кладбище въ с. Андреевичахъ.

приблизительная возможность возстановить, по крайней мѣрѣ, главныя черты древне-рускаго деревяннаго зодчества до XV—XVI в. Но, просматривая, однако, сдѣланныя до сихъ поръ попытки собиранія и изслѣдованія матеріаловъ по этому вопросу, нельзя не поддаться впечатлѣнію, что—хотя бы въ томъ, напр., матеріалѣ, который заключается въ настоящей статьѣ—замѣчаются, какъ будто бы, какіе-то намеки на соотношеніе между собою различныхъ формъ, представляемыхъ церковнымъ зодчествомъ Украины,—на нѣкоторыя переходныя ступени, связывающія эти формы. Такъ, напр., въ церковныхъ сооруженияхъ Волыни мы находимъ совершенно простой, четырехсторонній срубъ, чаще всего—съ четырехскатной крышей, затѣмъ—такой-же срубъ, но уже съ зачаткомъ абсиды, на восточной сторонѣ (рис. 3 и 4) и добавочный срубъ съ входной стороны, образующіе, въ концѣ концовъ, комбинацію трехъ срубовъ подъ одной общей крышей; далѣе—выдѣленіе изъ этой крыши сначала одного, а затѣмъ и всѣхъ трехъ куполовъ, сначала четырехскатныхъ шатровыхъ, а потомъ восьмискатныхъ и округляющихся въ луковцеобразную форму; еще далѣе (въ описаніяхъ проф. Павлуцкаго)—прибавленіе къ тремъ срубамъ еще двухъ боковыхъ и превращеніе трехсрубнаго храма въ пятисрубный съ планомъ въ видѣ креста. (Такое превращеніе описано у проф. Павлуцкаго относительно двухъ церквей: церкви св. Архистратига Михаила въ Печановкѣ, Кіев. губ., и Петропавловской церкви въ м. Чуд-

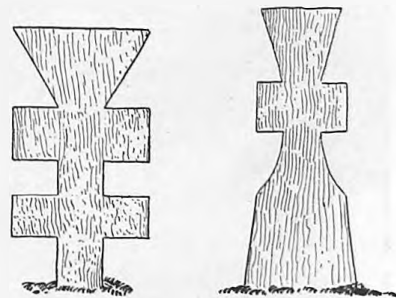

Рис. 35.

¹⁾ Относительно Кіева XVII вѣка см., напр., Смирнова, Я. И.: Рисунки Кіева въ Труд. XIII Археол. Съѣзда, табл. III, 1 и 2, гдѣ между изображеніями церквей явно преобладають пятиглавыя.

²⁾ Н. Макаренко. Памятники украинскаго искусства XVIII в. (оттискъ изъ журн. „Зодчій“, 1908 г.).

новъ, Волин. губ.). Если существованіе и послѣдовательность такихъ переходныхъ ступеней въ развитіи формъ церковнаго зодчества на Украинѣ подтвердятся на большемъ количествѣ фактовъ, если соотношеніе между ними окончательно выяснится, то тогда возможно будетъ поставить вопросъ и о томъ пути, какимъ шло развитіе этихъ формъ.

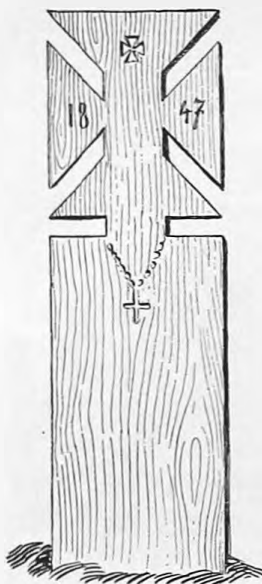

Рис. 36.

Была ли это эволюція прогрессивная или регрессивная? Произошли ли извѣстныя намъ формы церквей на Украинѣ путемъ развитія маленькихъ деревянныхъ съ шатровыми покрытіями сооружений (какія, можетъ-быть, только и были возможны въ небольшихъ поселеніяхъ послѣ принятія христіанства), къ которымъ, въ видѣ подражанія небольшимъ каменнымъ храмамъ, прибавленъ былъ другой срубъ, составившій алтарную абсиду, а, затѣмъ, и третій, для помѣщенія большаго количества молящихся, и т. д. до трехкупольнаго и, наконецъ, пятикупольнаго храма включительно? Или, наоборотъ: не произошли ли трехкупольныя церкви изъ первоначальныхъ пятикупольныхъ, составлявшихъ прямое подражаніе въ деревѣ греческимъ крестовымъ храмамъ, путемъ постепенной атрофіи двухъ боковыхъ срубовъ, а, затѣмъ, подвигаясь въ болѣе бѣдныя и менѣе населенныя мѣстности, эти трехкупольныя формы, путемъ подобной же атрофіи восточнаго и западнаго куполовъ, не превратились ли въ однокупольныя и не дошли ли, въ своемъ упадкѣ, до единичнаго, четырехсторонняго сруба?

Въ пользу возможности перваго предположенія говоритъ мнѣніе покойнаго акад. Павлинова, который постарался прослѣдить формы церковнаго зодчества въ Россіи, совершенно такъ же, какъ и мы, начиная съ самыхъ простѣйшихъ, и нашелъ между ними генетическую связь, указывающую на происхожденіе болѣе сложныхъ формъ изъ болѣе простыхъ ¹⁾.

Въ пользу втораго склоняется акад. архит. В. В. Сусловъ, думающій, что украинскія

Рис. 37.

деревянные церкви произошли изъ первоначальныхъ пятикупольныхъ храмовъ крестоваго типа, отъ которыхъ были отняты сѣверный и южный срубы, что случилось, по его мнѣнію, вслѣдствіе дѣятельности „отцовъ-доминиканцевъ“, стремившихся обратить галицкихъ „русскихъ“ въ латинскую вѣру ²⁾. Но, къ сожалѣнію, кромѣ нѣсколькихъ поспѣшнаго довѣрія къ увѣреніямъ „Памятниковъ искусства въ Польшѣ“, что нынѣ существующія древнія церкви въ Галиціи построены о. доминиканцами (кстати, и до сихъ поръ еще не успѣвшими обратить галицкихъ украинцевъ въ католичество), г. Сусловъ не указываетъ никакихъ промежуточныхъ формъ превращенія, какъ онъ полагаетъ, римской базилики въ крестовую и, затѣмъ, въ галицко-украинскую трехкупольную церковь и

самъ, въ концѣ концовъ, находитъ, что всѣ сдѣланныя имъ предположенія „еще нуждаются въ нѣкоторыхъ подтвержденіяхъ“ ³⁾.

¹⁾ Павлиновъ, А. М. Исторія русской архитектуры. М. 1894, стр. 210 и слѣд.

²⁾ Сусловъ, В. В. Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. СПб. 1889, стр. 44, 49.

³⁾ Сусловъ, *op. cit.*, стр. 51.

Справедливость требует, впрочем, упоминания о томъ, что у насъ есть, такъ сказать, историческій примѣръ превращенія пятикупольной церкви въ трехкупольную. Это—церковь въ с. Паланки, Ямпольск. у., Подольской губ., описанная уважаемымъ о. прот. Е. Сѣцинскимъ ¹⁾. Одинъ изъ боковыхъ ея куполовъ сгорѣлъ въ 1801 г. и былъ замѣненъ двускатной крышей, а въ 1840 г. былъ снятъ и другой боковой куполь, и церковь сдѣлалась трехкупольною. „Это зданіе въ прежнемъ видѣ,—говоритъ о. Сѣцинскій,—представляло очень рѣдкій теперь типъ пятикупольной церкви, одинъ экземпляръ котораго имѣется еще въ с. Ярышевѣ, Могилевск. у.“ Эти слова могутъ навести на мысль, что, можетъ-быть, въ Подоліи число пятикупольныхъ церквей было когда-нибудь болѣе значительнымъ и что теперь, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, онѣ замѣнились трехкупольными. Но намъ кажется, что если бы это и было такъ, то отъ этого еще слишкомъ далеко до эволюціи трехкупольныхъ церквей изъ пятикупольныхъ, тѣмъ болѣе что и церковь въ Паланкахъ, сдѣлавшись трехкупольною, осталась всетаки пятисрубною.

Въ подкрѣпленіе мнѣнія, что трехкупольныя церкви могли образоваться изъ крестовыхъ пятикупольныхъ, можно было бы указать на присутствіе въ планѣ всѣхъ трехсрубныхъ церквей небольшого выступа, врядъ ли увеличивающаго сколько-нибудь замѣтно помѣстительность средняго сруба, но всетаки неизмѣнно существующаго, какъ бы въ видѣ переживанія или остатка когда-то бывшихъ сѣвернаго и южнаго срубовъ. Но этотъ выступъ могъ образоваться и другимъ путемъ, просто вслѣдствіе большаго удобства пристраивать одинъ срубъ къ другому, немного отступя отъ угла постройки, или даже, еще проще, вслѣдствіе желанія соблюсти симметрію съ алтарнымъ срубомъ, который, въ подражаніе абсидѣ каменныхъ храмовъ, дѣлался немного уже средняго сруба.

Въ образованіи украинскаго типа деревянныхъ церквей могли, разумѣется, играть извѣстную роль стороннія вліянія, заимствованія извнѣ. Вліяніе греко-византійской церковной архитектуры на церковное зодчество древней Руси не отрицается никѣмъ и, несомнѣнно, имѣло мѣсто, хотя и въ отдаленномъ смыслѣ, и по отношенію къ украинскому деревянному церковностроительству. Кіевскіе и другіе каменные храмы греческой постройки и особенно крестоваго плана всегда должны были представляться идеаломъ деревянныхъ церквей на Украинѣ, что, конечно, не мѣшало этимъ послѣднимъ развиваться совершенно самобытнымъ образомъ и вырабатываться въ оригинальный архитектурный типъ. Но тутъ является вопросъ: не принимали ли участія въ образованіи этого типа украинскихъ церквей какія-нибудь болѣе позднія вліянія? Г. Нарбековъ еще не такъ давно усматривалъ въ немъ „въ зна-

Рис. 38. Крестъ въ с. Городкѣ, Ров. у.

¹⁾ Сѣцинскій, *op. cit.*, стр. 9.

чительной степени“ отраженіе вліянія сѣверной деревянной архитектуры ¹⁾. Г. Сусловъ предполагалъ, напротивъ, западныя вліянія до Антверпенскаго собора включительно ²⁾... Здѣсь, разумѣется, не мѣсто входитъ въ разсмотрѣніе этихъ предположеній, тѣмъ болѣе что они не разъ уже были отвергнуты позднѣйшими и очень серьезными изслѣдователями. Говоря о возможныхъ вліяніяхъ на указанную деревянную церковную архитектуру, нельзя, впрочемъ, не упомянуть еще о томъ, что въ нѣкоторыхъ, особенно южныхъ, мѣстностяхъ В. Галиціи намъ приходилось видѣть одно- и трехкупольныя украинскія церкви, представляющія собою замѣтное подражаніе крестовымъ храмамъ Румыніи и особенно Сербіи, съ закругленными въ видѣ абсидъ боковыми срубами, сѣвернымъ и южнымъ. На эту особенность южно-славянскихъ храмовъ было уже обращено вниманіе гг. Покрышкинымъ ³⁾ и Соколовскимъ ⁴⁾, но могли ли эти формы имѣть какое-нибудь вліяніе на эволюцію украинскихъ церквей—это вопросъ совсѣмъ еще не затронутый. Для выясненія его, какъ и всѣхъ прочихъ вопросовъ о происхожденіи и развитіи украинскаго деревяннаго зодчества, остается ждать дальнѣйшихъ изслѣдованій, а прежде всего—приведенія въ извѣстность и внимательнаго хроно- и типологическаго изученія матеріала. Окончательные же выводы появятся сами собой изъ сопоставленія добытыхъ научныхъ фактовъ.

Въ заключеніе, считаемъ пріятной обязанностью выразить свою живѣйшую благодарность, кромѣ бар. Э. Р. Штейнгеля, Ор. Авк. Фотинскому и П. А. Балицкому за ихъ любезныя указанія и доставленныя ими фотографіи.

Э. Волковъ.

¹⁾ Нарбековъ, В. Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII в. Казань, 1903 („Православн. Собесѣдникъ“, 1903), стр. 105.

²⁾ Сусловъ, *op. cit.*, стр. 49, 50.

³⁾ Покрышкинъ, П. Православная церковная архитектура XII—XVIII ст. въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ. СПб. 1906.

⁴⁾ Kaz. Mokłowski i Mar. Sokółowski. Do dziejów architektury cerkiewnej na Rusi czerwonej. Kraków. 1905 (odb. ze Sprawozdań Komisji do badania historii sztuki w Polsce, t. VII, z. IV).

Земледѣльческія орудія бѣлорусскаго Полѣсья.

(Къ этнографіи бѣлоруссовъ-полѣшуконъ южной части Слуцкаго и сѣверной половины Мозырскаго уѣздовъ, Минской губ.).

Мало извѣстныя намъ племена, жившія по берегамъ Припети и ея лѣвыхъ притоковъ, составили въ историческія времена большой народъ, который теперь принято называть бѣлоруссами. Сами себѣ они даютъ другія названія: живущихъ въ малолѣсныхъ полевыхъ мѣстахъ называютъ *палевиками* или *лицьвинами*, а занимающихъ полѣсскую часть Бѣлоруссіи—*палешуками*. Полѣшуки живутъ небольшими селеніями, разбросанными на большомъ разстояніи одно отъ другаго среди обширныхъ лѣсовъ и огромныхъ болотъ, въ малодоступной, глухой мѣстности, и живутъ, притомъ, очень изолированно. До самаго послѣдняго времени сюда слабо проникала городская культура, такъ что весь бытъ и укладъ домашней и хозяйственной жизни сельскаго населенія мало чѣмъ отличались отъ жизни его предковъ въ XIV—XV столѣтіи. Только съ проведеніемъ полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ и съ осушеніемъ нѣкоторыхъ непроходимыхъ топкихъ болотъ этотъ глухой край постепенно начинаетъ оживляться и утрачивать свои характерныя черты.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мною описаны тѣ земледѣльческія орудія, при помощи которыхъ бѣлоруссы-полѣшуки до недавняго времени обрабатывали землю и вели свое нехитрое сельское хозяйство. Теперь мало-по-малу эти примитивные снаряды выходятъ изъ употребленія и замѣняются болѣе усовершенствованными общераспространенными земледѣльческими орудіями. Чертежи и рисунки исполнены съ набросковъ, сдѣланныхъ мною лично съ натуры¹⁾. Матеріаломъ для описанія послужили мои замѣтки, сдѣланныя во время многолѣтняго пребыванія въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ въ концѣ прошлаго столѣтія и при этнографическихъ экскурсіяхъ по порученію Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III въ 1906—7 гг.

1. Орудія для обработки почвы.

Матыка, капаница—мотыка, является, вѣроятно, самымъ древнимъ орудіемъ, съ которымъ первобытный человѣкъ приступилъ къ обработкѣ земли. Мотыки имѣютъ разнообразный видъ. Но всѣ онѣ въ общемъ сходны между собою: это—прямая или нѣсколько изогнутая палка, около 1^м длиною, съ однимъ или нѣсколькими крючками на концѣ. Главное различіе между мотыками заключается въ тѣхъ или иныхъ особенностяхъ этого крючка,

¹⁾ Приведенные въ статьѣ рисунки, за исключеніемъ 4, 8 и 11, изображаютъ предметы, принадлежащіе Этнографическому Отдѣлу Русскаго Музея Императора Александра III. Коллекціи №№ 910, 1213, 1226, 1467, 1521 и 1543.

который принимает разныя формы или лопаточки или зубьевъ и находится въ наклонномъ положеніи къ рукояткѣ подъ разными углами. Самымъ первоначальнымъ видомъ этого орудія, повидимому, была мотыка, представлявшая изъ себя палку или сукъ дерева съ крючкомъ на концѣ. Такую примитивную мотыку еще и въ настоящее время можно встрѣтить въ глухихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи (рис. 1, фиг. 1—4). Она употребляется для разрыхленія почвы въ огородахъ. Это—сукъ крѣпкаго дубоваго или грабоваго дерева съ однимъ или двумя крючками на концѣ. Кромѣ прямого назначенія, такое же орудіе употребляютъ для сбрасыванія съ возовъ навоза (рис. 10, фиг. 1). Это—*крукъ*. Онъ отличается отъ мотыки лишь тѣмъ, что имѣетъ крюкъ нѣсколько длиннѣе. Дальше мотыка постепенно совершенствуется и принимает самыя разнообразныя формы, какъ это можно видѣть изъ прилагаемыхъ рисунковъ. На рисункѣ 1, фиг. 5 изображена мотыка, въ которой на крюкъ насаженъ желѣзный наконечникъ. Такой мотыкой разрыхляютъ твердую почву, а особенно—когда обращаются въ пахоть подлѣсную землю, въ которой крѣпкіе корни деревьевъ препятствуютъ пахать сохой. Желѣзный наконечникъ мало-по-малу принимает разнообразныя формы, какъ это изображено на рис. 1, фиг. 6 и 7. Затѣмъ, вмѣсто деревяннаго крюка, дѣлаютъ мотыки изъ желѣза и придаютъ имъ самыя разнообразныя формы. При этомъ, изогнутая шейка оканчивается раструбомъ, въ который вбивается деревянная ручка. Такія мотыки распространены повсемѣстно и употребляются при разныхъ работахъ.

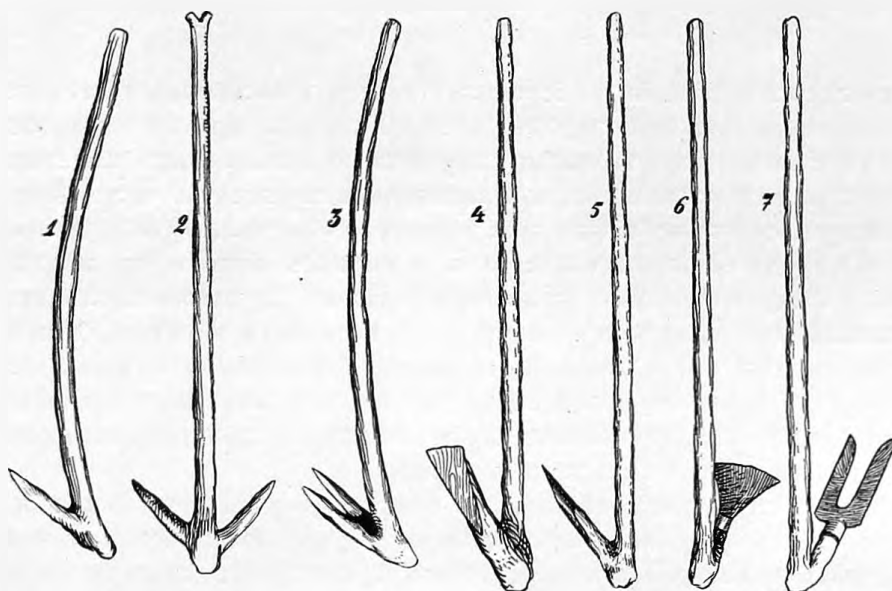

Рис. 1.

Усовершенствованіе и развитіе мотыки могло итти въ двухъ направленіяхъ: изъ нея, съ одной стороны, явился „заступъ“ или „залезнякъ“—лопата, съ другой—„сѣшка“, а дальше—„саха“ и плугъ.

Заступъ, рыдаль, залезнякъ—лопата, въ самомъ первоначальномъ видѣ представляет заостренную деревянную лопату съ двумя суками по сторонамъ и съ прямой рукояткой приблизительно въ 1^м длиною (рис. 2, фиг. 6). При работахъ, руками держатъ рукоятку, а ногой наступаютъ на сукъ и вдавливаютъ лопату въ землю. Отъ этого и самое орудіе получило названіе заступа (отъ слова ступать). Заступъ дѣлаютъ изъ крѣпкаго дубоваго дерева, но такъ какъ деревянная лопата быстро притупляется и портится, то на нее насаживаютъ подковообразный желѣзный наконечникъ (рис. 2, фиг. 4 и 5). Это уже—*залезнякъ*, хотя онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, удержалъ названіе заступа или *рыдля*—отъ слова рыть. Въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи этого орудія лопату дѣлаютъ изъ желѣза и только въ раструбъ вбиваютъ деревянную рукоятку (рис. 2, фиг. 2 и 3).

Заступъ, изображенный на рисункѣ 2, фиг. 1, приспособленъ для выбрасыванія грязи, тины и другихъ жидкихъ веществъ. Это—необходимое орудіе при очисткѣ колод-

цевъ, канавъ и т. п. При обработкѣ почвы на огородахъ заступъ является почти единственнымъ земледѣльческимъ орудіемъ: онъ замѣняетъ и соху, и борону. Обыкновенно огородъ занимаетъ очень маленькую площадь земли, обнесенной заборомъ. Въ такомъ тѣсномъ пространствѣ сохой невозможно пахать землю. Поэтому, какъ говорятъ бѣлоруссы, „агородъ капаюць заступамъ“, т.-е. разрыхляютъ почву заступомъ; потомъ прокладываютъ борозды, дѣлаютъ грядки и „тасуюць“ ихъ, т.-е. заступомъ разбиваютъ затвердѣвшіе комья земли. Для этого работникъ или работница стоитъ въ бороздѣ, наклонившись надъ грядкой, и плашмя заступомъ быстро махаетъ обѣими руками вправо и влево. При этомъ острая лопасть заступа входитъ въ почву и разрыхляетъ ее. Мотыка и заступъ—незамѣнимыя орудія при разработкѣ на пашню подлѣсныхъ земель, когда корни срубленныхъ листовыхъ деревьевъ въ теченіе многихъ лѣтъ сохраняютъ въ землѣ свою живучесть и препятствуютъ пахать

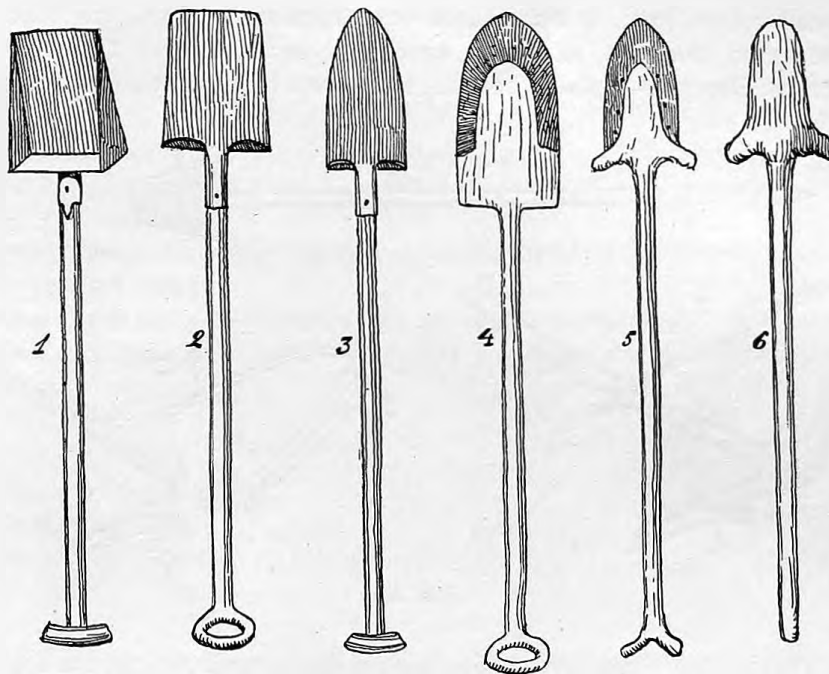

Рис. 2.

почву сохой или плугомъ. Мотыкой слегка разрыхляютъ только верхній слой почвы, тогда какъ заступомъ проникаютъ и вглубь, выбрасывая наружу подпочвенные продукты. Кроме того, заступомъ легко перерубаютъ тонкіе древесные корни и выкапываютъ корчи. Для этой цѣли дѣлаютъ крѣпкій заступъ нѣсколько иного устройства. На рисункѣ 3, фиг. 1 изображенъ такой заступъ, состоящій изъ крѣпкой стальной лопасти клинообразной формы съ деревянной ручкой (длина около 2^м), на другой конецъ которой насаженъ крѣпкій желѣзный наконечникъ въ видѣ копья. Стальной лопастью перерубаютъ корни, а наконечникомъ выворачиваютъ ихъ изъ земли.

Сошка—небольшая соха (рис. 3, фиг. 2), употребляется для окучиванія рядовъ картофеля, для проложенія сточныхъ бороздъ на полѣ, засѣянномъ рожью, и т. п.; состоитъ изъ *рагача*—крѣпкаго дубоваго ствола (а) съ толстымъ сукомъ (b) у комля и загнутымъ корнемъ (с), къ которому привязана *мылица*—рукоятка (d); на сукъ насаживается *сашникъ* (e)—лемехъ, въ который, по бокамъ сука, втыкаются двѣ *палицы* (f, g)—нѣсколько выгнутыя наружу дощечки, служащія для отбрасыванія земли. Рычагъ *рагача* оканчивается однимъ

или двумя суками, къ которымъ прилаживается коромысло съ оглоблями (см. рис. 4). Въ оглобли впрягаютъ вола или лошадь. Это—самая примитивная сошка, сохранившаяся до настоящаго времени въ глухихъ мѣстахъ бѣлорусскаго Полѣсья. Будучи прототипомъ сохи, она постепенно совершенствовалась. На рис. 3, фиг. 3 изображена сошка, въ которой, вмѣсто сука, въ „рагачъ“ вдолбленъ крѣпкій *рогъ* (b), или *спичакъ* (деревянный коль); одинъ его конецъ — „палецъ“ (c) входитъ въ „рагачъ“ (a); на другой конецъ насаженъ *нарѣгъ* (e) или „сашникъ“ — лемехъ, въ который вбиты заостренные клинушками концы двухъ палицъ (f, g)—слегка изогнутыхъ дощечекъ. Чтобы „рогъ“ находился въ наклонномъ положеніи къ „рагачу“ приблизительно въ 45°, употребляютъ *уздой* (d)—крѣпкую веревку, которою „рогъ“ подвязываютъ къ „рагачу“. Здѣсь уже болѣе практично прилаживаютъ *мылицу* (i)—рукоятку, *падмылакъ* (j) и *масницу* или *клинъ* (h), при помощи котораго сошка соединяется съ оглоблями, какъ это видно на рис. 5.

Другой видъ сошки (рис. 4) отличается отъ описаннаго тѣмъ, что толстый сукъ рогаца развѣтвляется на два рога, на концы которыхъ насаживаются два сошника съ одной палицей у cadaго. Это уже—прямой переходъ къ сохѣ (см. рис. 6), которая отличается отъ

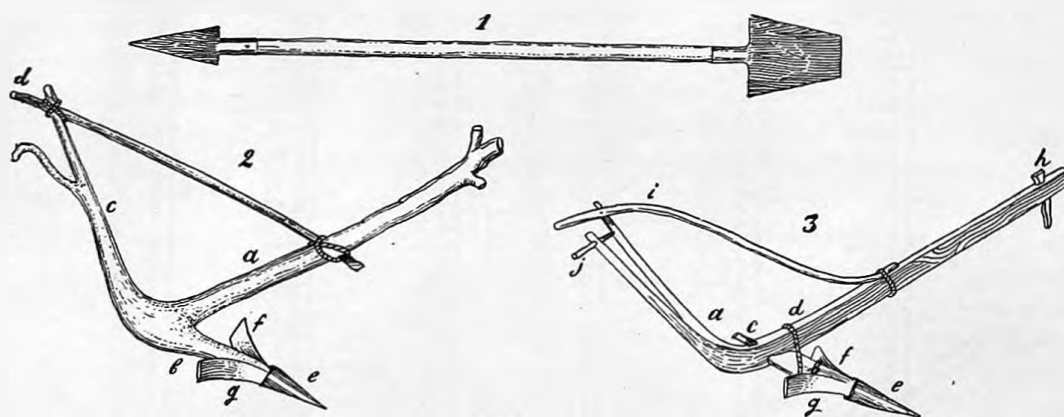

Рис. 3.

такой сошки лишь бѣльшимъ размѣромъ, болѣе длиннымъ рычагомъ рогаца и не одинаковымъ устройствомъ сошниковъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что и въ сошкахъ иногда устраиваютъ сошники не одинаковой формы. Тогда и палицы дѣлаются разными и располагаются несимметрично, какъ это видно на рис. 4 и 5. Верхній сошникъ имѣетъ острое рѣжущее ребро, а нижній — плоской клинообразной формы. Точно такъ же верхняя палица короче нижней. Последняя приподнимаетъ землю, а верхняя отбрасываетъ ее въ сторону. Впрочемъ, на Воляни (Луцкій уѣздъ), въ Литвѣ (Виленская губернія, Троцкій уѣздъ) и въ Царствѣ Польскомъ (Сѣдлецкая губернія, Радинскій уѣздъ) мнѣ пришлось встрѣтить у литовцевъ-дзуковъ, волянянъ и подляховъ такую сошку, въ которой оба сошника имѣютъ острое рѣжущее ребро. Эти сошники своими плоскими боками наклонены другъ къ другу почти подъ прямымъ угломъ и образуютъ желобокъ. Такая старинная сошка доставлена мною въ Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Императора Александра III. Обыкновенно сошкой пахутъ при помощи одного быка или лошади. Въ Волянской губерніи въ сошку, имѣющую одинъ лемехъ, впрягаютъ корову, какъ менѣе сильную. Какъ на быка, такъ и на корову надѣвается деревянное *ярмо* (рис. 4). Ярмо состоитъ изъ деревяннаго четырехграннаго бруска (a) около 1^м длиною, *кульбаки* (b) — изогнутой подъ прямымъ угломъ деревяшки, вдолбленной въ брусокъ, и *занозы* (c) — деревянной палочки,

пропущенной сквозь дырочки въ брускъ и въ свободномъ концѣ кульбаки. Такимъ образомъ, получается продолговатая четырехугольная рамка, которая надѣвается на шею быка. Къ концамъ бруска привязываются оглобли, которыя, въ свою очередь, прилажены къ рогачу сошки (рис. 4 и 5). Такое одиночное ярмо, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ для упряжки быка въ сани или телѣгу, а также въ борону, волокушу и т. п. Лошадь или запрягаютъ въ тѣ же оглобли при помощи хомута и дуги, или отбрасываютъ оглобли, оставляя только

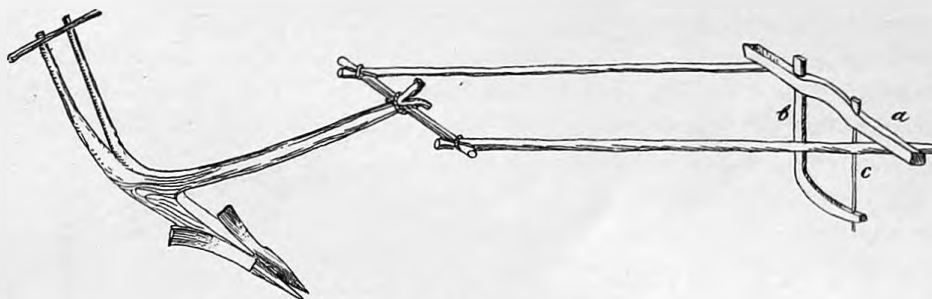

Рис. 4.

коромысло, привязанное къ концу рогача, и соединяють его посредствомъ веревочныхъ постромокъ съ гужами хомута.

Саха—соха—мало чѣмъ отличается отъ сошки второго типа, т.-е. имѣющей два сошника; она только—нѣсколько бѣльшаго размѣра и имѣетъ очень длинный рогачь. „Саха“

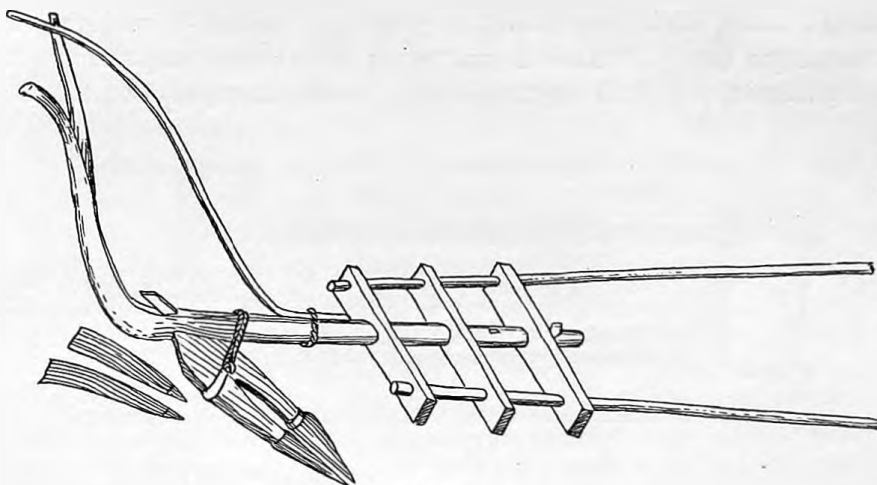

Рис. 5.

(рис. 6) заключаетъ въ себѣ слѣдующія части: *рогачь* (1), состоящій изъ ствола дерева длиною около 4^м; средняя часть его (а) называется *биломъ*, конецъ (b)—*галбѣю*, закругленіе (c)—*пяткаю*, вилообразный корень (d)—собственно *рогачомъ*, одинъ свободный рогъ корня (e) носить названіе *падмылка*, а на другой насаживается *мылица* (2)—рукоятка, противоположный конецъ которой изогнуть и привязанъ къ билу; возлѣ пятки въ рогачь продолблена наискось дыра, въ которую входитъ *палець* (f)—шипъ *плахи* (3); *плаха* или „расоха“ сдѣлана изъ крѣпкаго жилистаго дерева; она имѣетъ вилообразную форму съ двумя *рагами* (g, h), на которыя взбиваются желѣзные *нароги* (4, 5) или *сашники*—лемехи; въ „сашники“ втыкаются нѣ-

сколько изогнутыя и скрученныя двѣ палицы (6, 7)—дощечки, изъ коихъ нижняя (6) болѣе длинная, чѣмъ верхняя (7); чтобы палицы оттопыривались отъ плахи, подъ нихъ забиваютъ камушки; плаха укрѣпляется въ наклонномъ положеніи къ рогачу—приблизительно въ 45°; для этого подъ плаху въ прорѣзъ подкладывается *падпалакъ* (8)—изогнутая желѣзная пластинка съ крюкомъ на одномъ и ушкомъ на другомъ концѣ; посредствомъ „узвоя“ (9)—крѣпкой веревки—„падпалакъ“, охватывающій плаху, привязывается къ рогачу; подъ эту веревку забиваютъ деревянный клинъ (10), чтобы придать плахѣ тотъ или иной наклонъ. „Нароги“

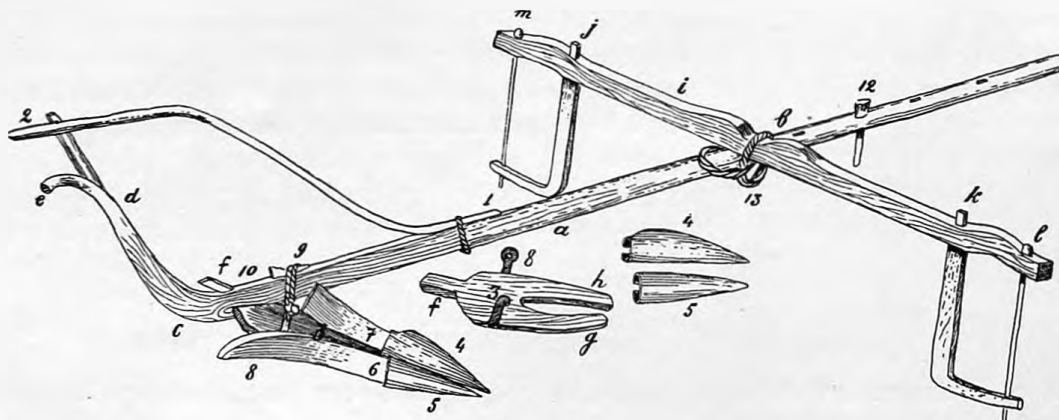

Рис. 6.

или „сашники“ не одинаковой формы: верхній (4) нѣсколько длиннѣе нижняго; онъ представляетъ клинокъ ножа, обращеннаго лезвиемъ вверхъ; нижній (5) имѣетъ нѣсколько расплюснутую коническую форму; верхній служитъ для того, чтобы разрѣзывать почву въ вертикальномъ направленіи, а нижній—приподнимать землю, которая скользитъ по его пло-

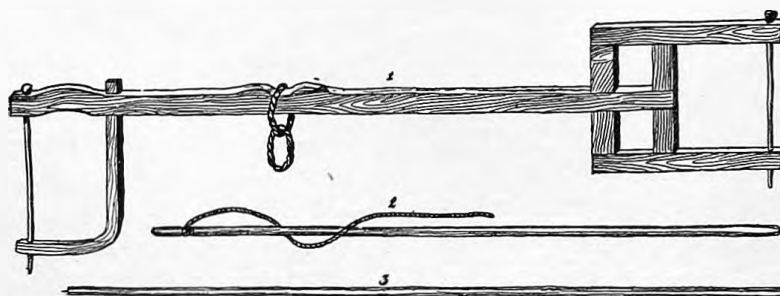

Рис. 7.

ской поверхности, переходитъ на нижнюю палицу, поднимается вверхъ и верхней палицей переворачивается и отбрасывается на сторону борозды. Въ билѣ рогача, ближе къ головкѣ, продавливаютъ нѣсколько продолговатыхъ сквозныхъ дырокъ, въ которыя втыкаютъ *масницу* (12)—крѣпкій деревянный клинъ съ головкой. За этотъ клинъ цѣпляютъ *цяжмо* (13) или *калачъ*—приложенная къ яру петля изъ крѣпкой веревки или свитый изъ дубовыхъ прутьевъ калачъ. Иногда бываетъ два калача. Переменная „масница“ (12) въ ту или другую сторону, т.е. удлиняя или укорачивая рогачъ, достигаютъ того, что соха пашетъ мелко или, наоборотъ, — глубже захватываетъ слой почвы. На рисункѣ 6 изображено (i) ярмо для пары быковъ. Оно представляетъ изъ себя деревянный рычагъ приблизительно въ

2^м длиною; по концамъ сдѣланы утолщенія плоской формы, чтобы дерево менѣе натирало шею быка; въ эти утолщенія вдолблены двѣ *кульбаки* (j, k) и двѣ *занозы* (l, m), образуя собою двѣ рамки, охватывающія шею быковъ. Иногда въ соху запрягаютъ быка и лошадей. Для такихъ случаевъ дѣлается особое ярмо (рис. 7, фиг. 1), въ которомъ на правомъ концѣ рычага устраивается прямоугольная рамка, надѣваемая на шею лошади поверхъ хомута. Калачъ прилаживается не на срединѣ рычага, а нѣсколько ближе къ лѣвому концу рычага. Это дѣлаютъ для того, чтобы на долю лошади приходилось меньше тяжести и труда. Извѣстно, что быкъ сильнѣе и выносливѣе лошади; хотя онъ ходитъ тише лошади, но зато можетъ болѣе продолжительное время таскать огромную тяжесть. Соха — любимое земледѣльческое орудіе полѣскихъ бѣлоруссовъ, которые очень неохотно расстаются съ нею. Объясняется это тѣмъ, что соха имѣетъ много преимуществъ предъ плугомъ: во-первыхъ, она изготовляется самимъ хозяиномъ и требуетъ очень мало расходовъ, такъ какъ почти вся состоитъ изъ деревянныхъ частей, за исключеніемъ желѣзныхъ сошниковъ и „падпалка“; во-вторыхъ, она болѣе подходитъ для песчаныхъ и подлѣсныхъ, а иногда каменистыхъ полѣскихъ земель и не такъ портится, какъ плугъ, а если и испортится, то починка производится домашнимъ способомъ и не требуетъ денежныхъ расходовъ. Кромѣ того, бѣлоруссы очень недовѣрчиво относятся ко всякому нововведенію: желая жить, „какъ жили отцы и дѣды“, предпочитаютъ дорожному плугу традиціонную соху, сколоченную изъ кривыхъ деревяшекъ, клинушковъ и палочекъ и связанную веревочками и калачами.

Правда, соха высыхаетъ въ хорошую, сухую погоду и разбрасывается. Отъ сырости дерево разбухаетъ, части сохи измѣняютъ форму и портятся. Бѣлоруссы почти постоянно починяетъ свою любимицу: тамъ свяжетъ веревочкой, тамъ забьетъ клинушекъ, тамъ вобьетъ камушекъ, — словомъ, безъ исправленія не сдѣлаетъ ни одной борозды. Для этого „араты“—оратай—постоянно носятъ за поясомъ *секіэрку*—небольшой топоръ, которымъ и производятъ необходимыя исправленія сохи.

Неотъемлемыми принадлежностями сохи являются особая *пуга*—кнутъ, а у нѣкоторыхъ—*асно*. Пуга (рис. 7, фиг. 2) свита изъ пеньки и привязана къ длинному (1^м,50 длиною) *пугѣю*—кнотовищу, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ для оскабливанія съ паллицъ и сошниковъ липкой земли и для выковыриванія изъ нихъ пырея и корней растений. Пахарь то и дѣло потряхиваетъ соху и тычетъ концомъ кнотовища въ засѣвшую между сошниками землю. Собственно, для прямого назначенія — погонять быковъ — пуга употребляется довольно рѣдко. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее замѣняетъ *асно* или *асцѣнь* (рис. 7, фиг. 3). Это—длинная (около 2^м) палка, въ одинъ конецъ которой вбитъ маленькій острый гвоздь. Асномъ подкалываютъ быковъ, чтобы они скорѣе шли какъ въ сохѣ, такъ и въ повозкѣ. Впрочемъ, такое жестокое обращеніе съ животными мало-по-малу замѣняется болѣе гуманнымъ. Поэтому, *асцѣнь* выходитъ изъ употребленія и сохранился только въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Полѣсья.

Когда земля вспахана, ее обрабатываютъ бороной. Олишемъ здѣсь еще одно старинное земледѣльческое орудіе, которое занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между сохой и бороной. Это—„вершалина“, „астрога“, „смыкъ“—волокуша, какъ ее называютъ на сѣверѣ.

Когда земля вспахана, ее обрабатываютъ бороной. Олишемъ здѣсь еще одно старинное земледѣльческое орудіе, которое занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между сохой и бороной. Это—„вершалина“, „астрога“, „смыкъ“—волокуша, какъ ее называютъ на сѣверѣ.

Когда земля вспахана, ее обрабатываютъ бороной.

Олишемъ здѣсь еще одно старинное земледѣльческое орудіе, которое занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между сохой и бороной. Это—„вершалина“, „астрога“, „смыкъ“—волокуша, какъ ее называютъ на сѣверѣ.

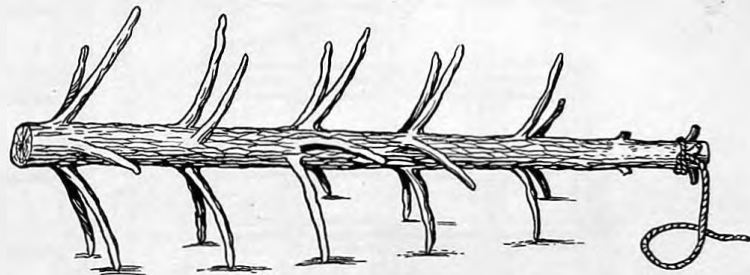

Рис. 8.

Вершалина или астрога (рис. 8)—волокуша, представляет из себя верхнюю часть ствола елового дерева съ крѣпкими заостренными сучьями. Ее употребляют иногда вмѣсто бороны, но главное ея назначеніе—это разрыхлять такія подлѣсныя земли, которыя, по обилію крѣпкихъ древесныхъ пней и корней, не поддаются вспашкѣ не только плугомъ, но даже и сохой. По такой землѣ сначала таскаютъ при помощи быковъ или лошадей волокушу, которая своими сучьями кое-какъ разрыхляетъ верхній слой почвы, потомъ нетронутыя мѣста взрываютъ мотыкой или заступомъ. Для обработки песчаной подлѣсной почвы это—незамѣнимое земледѣльческое орудіе. Другой видъ волокуши—это *смыкъ*. *Смыкъ* состоитъ изъ связанныхъ рядомъ нѣсколькихъ (5—7) верхушекъ елового дерева съ крѣпкими заостренными сучьями, расположенными съ одной стороны, и по формѣ напоминаетъ четырехугольную борону; крайніе изъ этихъ стволовъ длиннѣе срединныхъ на 1^м,50 и представляютъ изъ себя оглобли, въ которыя впрягаютъ вола или лошадь. Возможно, что волокуша была изобрѣтена человѣкомъ еще прежде сохи. Обращеніе подлѣсныхъ земель въ пашни и до настоящаго времени производится первобытнымъ способомъ. Обыкновенно, прежде всего,

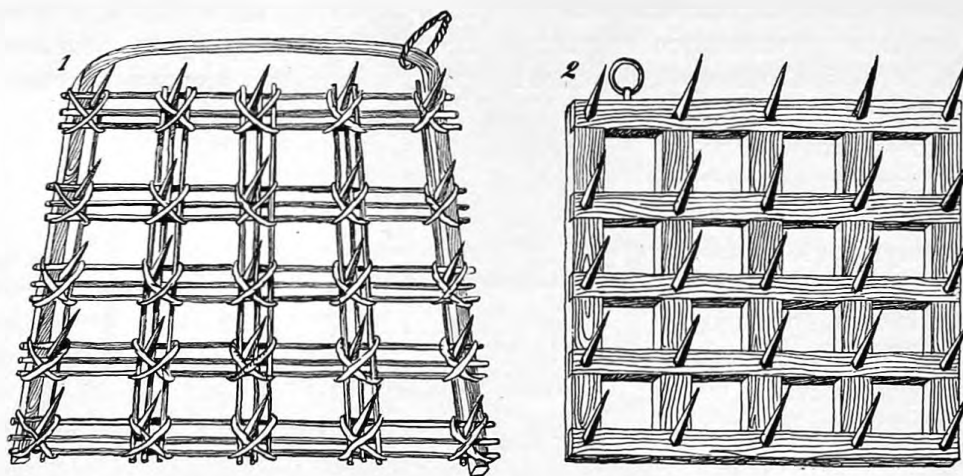

Рис. 9.

весной срубаютъ мелкія деревья и устилаютъ ими предназначенную для пашни землю. Когда они нѣсколько просохнутъ, ихъ зажигаютъ, послѣ чего собираютъ оставшіеся стволы и толстые сучья и вѣтки, засѣваютъ выжженное мѣсто просомъ и боронятъ волокушей. Осенью снимаютъ просо, которое въ такихъ случаяхъ даетъ прекрасный урожай, по жнитву сѣютъ рожь и опять обрабатываютъ поле только волокушей. Послѣ уже кое-какъ ковыряютъ почву сошкой или сохой. Это—самый упрощенный пріемъ обработки почвы при помощи примитивнаго орудія, которое можетъ быть изготовлено изъ ствола ели посредствомъ огня безъ всякихъ инструментовъ. Можно допустить, что, на первыхъ порахъ, астрога или волокуша и представляла изъ себя случайно попавшую подъ руку „вершалину“—суковатую верхушку дерева. Какъ бы то ни было, но волокуша перваго вида скорѣе напоминаетъ сошку или соху, а не борону, какъ это думаютъ нѣкоторые бытописатели. Отъ идеи волокуши вмѣстѣ съ мотыкой уже прямой переходъ къ сошкѣ и дальше къ сохѣ, а отъ смыка—къ боронѣ.

Кстати, приведу нѣсколько бѣлорусскихъ словъ, имѣющихъ отношеніе къ понятію дѣйствія обработки почвы. Араць—пахать; раля—вспаханное поле, обработанное раломъ; рало или рала—вилообразныя развѣтвленія древеснаго ствола; слово раля, повидимому, произошло отъ слова рало—вилообразнаго земледѣльческаго орудія типа сошки (рис. 3, фиг. 2), которое теперь выходитъ изъ употребленія. Понятіе саха—это тоже нѣчто виллообразное;

сахой называютъ: земледѣльческое орудіе, вилообразный столбъ, поддерживающій колодезный очепъ, раздвоенный на вершинѣ столбъ, на которомъ лежитъ „кладзь“—бревно, поддерживающее крышу въ сараяхъ, гумнахъ и т. п.; дальше: расоха—вилообразная трость или палка, въ сохѣ—доска съ двумя рогами, на которые насаживаются рога или сашники; сахоръ—вилы для разбрасыванія навоза. Астрога, т.-е. острые рога. Въ сошкѣ и сохѣ—рагачъ, т.-е. имѣющій рога.

Сопоставляя всѣ вышеприведенныя слова, мы можемъ заключить, что понятіе араць (пахать) тѣсно связано съ понятіемъ о ралѣ или сахѣ, какъ о чемъ-то рогатомъ, вилообразномъ, какимъ отчасти является еще даже нынѣшняя астрога, саха и проч.

Барана—борона, является, послѣ сохи, самымъ почетнымъ и самымъ необходимымъ для обработки почвы земледѣльческимъ орудіемъ. Не даромъ и въ пословицѣ говорится:

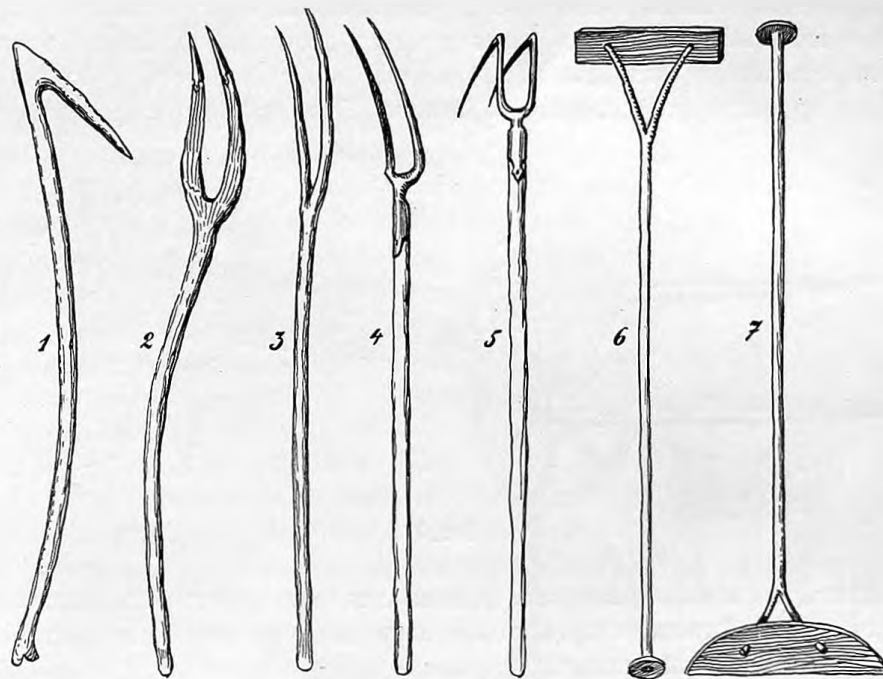

Рис. 10.

„гэто его саха й барана“, т.-е. все существенно-необходимое. Сюда еще присоединяютъ серпъ и косу. Въ честь этихъ благодѣтельныхъ орудій „на хрѣсцы“, т.-е. въ среду на четвертой недѣлѣ великаго поста, пекутъ хлѣбы въ видѣ сохи, бороны, серпа и косы, а также *хрѣщыкъ*, т.-е. крестообразный хлѣбецъ, напоминающій по формѣ ту копну, въ какую складываютъ на полѣ снопы. Эти хлѣбы почитаются священными, предохраняющими хозяйство отъ несчастій; они сохраняются въ теченіе всего года за иконами и употребляются въ качествѣ амулетовъ при началѣ и окончаніи сельско-хозяйственныхъ работъ.

Борона (рис. 9, фиг. 1) связана двадцатью пятью парными *калачиками*, которые скручены изъ крѣпкихъ древесныхъ прутиковъ. Калачики охватываютъ при перекресткѣ множество тонкихъ прутиковъ, между которыми вбито 25 дубовыхъ или ясеневыхъ зубьевъ около 0^м,35 длиною. Зубья нѣсколько наклонены впередъ. Собственно основой бороны является *каблукъ*—облегающій ее съ трехъ сторонъ дугообразный пруть, который спереди образуетъ дугу—баранъ. По барану свободно передвигается крѣпкій деревянный „калачъ“, къ которому

прилаживается „каромисло“ съ постромками. Такимъ образомъ, борона постоянно движется впередъ только почти по діагонали, т.-е. въ такомъ направленіи, въ какомъ ряды зубьевъ не совпадаютъ по прямой линіи. Вслѣдствіе такого устройства, всѣ комья земли попадаютъ на зубья. Для того, чтобы зубья глубже проникали въ почву, на борону накладываютъ какую-либо тяжесть. Это—единственный видъ старинной бороны, сохранившійся до настоящаго времени. Теперь уже начинаетъ входить въ употребленіе деревянная борона-плетушка (рис. 9, фиг. 2) съ деревянными или желѣзными зубьями, сдѣланная по образцу бороны фабричнаго производства.

Пакатокъ, вѣлакъ или кѣдаубъ—катокъ, представляетъ изъ себя обрубокъ (около 1—1^м,50 длиною) толстаго дуплистаго ствола дерева; сквозь дупло пропускаютъ крѣпкій коль, къ концамъ котораго прилаживаютъ обыкновенныя оглобли, связанные возлѣ обрубка однимъ или двумя дубовыми прутами. Въ оглобли впрягаютъ лошадь или вола и таскаютъ по свѣжезабороненной пашнѣ, чтобы слегка уплотнить ея верхній слой и тѣмъ предохранить отъ быстрого высыханія. Надо замѣтить, что песчаная полѣсская почва слишкомъ плохо удерживаетъ влагу. Тутъ „пакатокъ“ значительно уплотняетъ почву и даетъ возможность хлѣбамъ прорости и нѣсколько подняться. Это орудіе распространено только въ

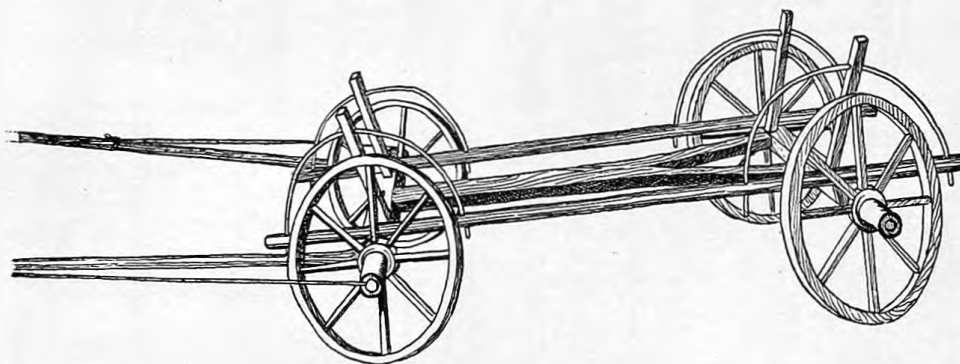

Рис. 11.

тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ слишкомъ рыхлая почва нуждается въ уплотненіи. Иногда, безъ обработки пашни, просто сѣютъ хлѣбъ, а потомъ уже запахиваютъ его сохой и, вмѣсто бороны, проходятъ „пакаткомъ“.

II. Орудія для удобренія почвы.

Кромѣ главныхъ орудій, служащихъ для обработки, имѣется еще цѣлый рядъ второстепенныхъ, употребляемыхъ для работъ при удобреніи почвы навозомъ. Къ нимъ относятся: крукъ, сахѣръ, вилы, ссвалка и др.

Тошная полѣсская песчаная почва требуетъ почти ежегодно удобренія. Удобряютъ почву исключительно навозомъ и тѣми органическими остатками, какіе скопляются въ мусорныхъ кучахъ на улицѣ и во дворахъ. Для сгребанія мусора употребляютъ обыкновенныя деревянные *грабли*. Мелкій мусоръ и полужидкую грязь ссовываютъ въ кучи посредствомъ особаго орудія, которое носитъ названіе *ссвалки* (рис. 10, фиг. 6 и 7). Это—небольшая дощечка около 0^м,70 длиною съ длинной вилообразной ручкой, на концѣ которой насаженъ кружокъ или костьль. Дѣлается это для того, чтобы удобнѣе было упираться въ ссвалку брюхомъ или грудью. Собранный въ кучи мусоръ и мелкій навозъ набрасываютъ заступомъ на телѣги и вывозятъ въ поле. Навозъ, перемѣшанный съ *падсцѣламъ*—подстилкой, изъ сараевъ вывозятъ въ поле, набрасывая на телѣги крѣпкими деревянными ви-

лами—*сахаромь*. *Сахарь* (рис. 10, фиг. 2) сдѣланъ изъ дубоваго или ясеневаго дерева въ видѣ виллообразной лопаты, на рога которой иногда насаживаются острые желѣзные наконечники—*нароги*. Ручка толстая, крѣпкая, длиною около 1^м. „Сахарь“ нѣсколько изогнуть въ видѣ буквы *s*. Навозъ, заключающій въ себѣ много сѣна и соломы, набрасываютъ на телѣги или обыкновенными деревянными вилами (рис. 10, фиг. 3), съ изогнутыми рогами, или желѣзными (рис. 10, фиг. 4 и 5), въ раструбѣ которыхъ вбита крѣпкая деревянная ручка. Въ полѣ съ телѣгъ сбрасываютъ навозъ посредствомъ деревяннаго „крука“ (рис. 10, фиг. 1), который очень похожъ на „матыку“ (рис. 1, фиг. 1). Въ послѣднее время нѣкоторые бѣлоруссы замѣняютъ „крукъ“ желѣзными вилами (рис. 10, фиг. 5) съ деревянной ручкой; рога этихъ вилъ изогнуты подъ прямымъ угломъ. Въ полѣ разбрасываютъ навозъ руками, безъ всякаго орудія. Когда навозъ запахиваютъ въ землю, то, для удобства, вгребаютъ его въ борозды обыкновенными деревянными граблями.

Зимую вывозятъ навозъ на тѣ поля, которыя расположены за болотами или за рѣкой. Обыкновенно вывозятъ на сани, въ которыя впрягаютъ одного быка. Въ большинствѣ случаевъ запрягаютъ въ сани, для перевозки навоза, молодыхъ быковъ, которыхъ такимъ путемъ приучаютъ къ работѣ. Лѣтомъ навозъ вывозятъ на телѣгахъ. Для этого употребляется крайне незатѣйливая телѣга, называемая *нарадомъ*. *Нарадь* (рис. 11) имѣетъ очень простое устройство: къ двумъ деревяннымъ осямъ прилажены три продольныя жерди (*трайня*); въ заднюю ось и въ переднюю *узгалавень*—надосникъ—вбиты четыре ручки—столбики, служащія для образованія боковыхъ стѣнокъ телѣги; сквозь столбики пропущены четыре „дужки“—дугообразные дубовыя прутьи; въ эти дужки вкладываютъ *масницы*—тонкія доски; такими же досками устилаютъ нижнее основаніе—и телѣга готова. При сбрасываніи навоза съ *нарада*, боковыя *масницы* выдвигаютъ, а нижнія переворачиваютъ, и навозъ падаетъ самъ собой. *Нарадь* свободно снимается съ передней оси; вмѣсто передней оси подъ *нарадь* ставятъ подпорку и въ такомъ видѣ телѣгу нагружаютъ навозомъ; потомъ подводятъ *передокъ*—переднюю ось, пропускаютъ шкворень и трогаютъ повозку съ мѣста; подпорка падаетъ, „узгалавень“ ложится на ось, и телѣга движется впередъ. Такой приемъ даетъ возможность однимъ быкомъ непрерывно отвозить въ поле навозъ на нѣсколькихъ *нарадахъ*. Такъ и дѣлаютъ. Пока мужчина набрасываетъ навозъ на пустой *нарадь*, мальчуганъ успѣетъ отвезти уже готовый возъ въ поле и возвратиться обратно. Такимъ порядкомъ работа идетъ почти вдвое успѣшнѣе. Само собою разумѣется, что

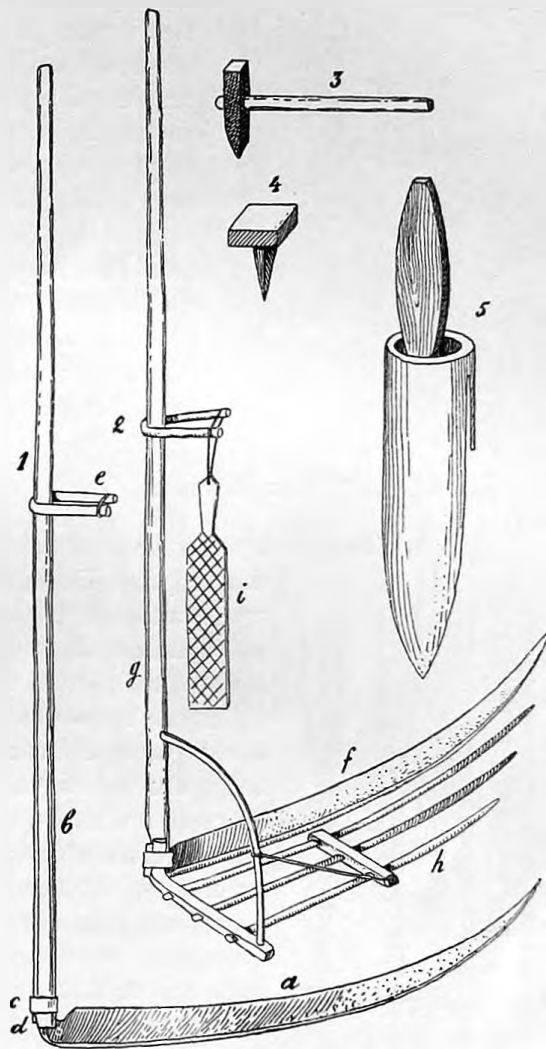

Рис. 12.

нарадъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить и для другихъ хозяйственныхъ надобностей. На него ставятъ *кошь* (четыреугольная корзина, сдѣланная изъ луба или сплетенная изъ древесныхъ прутьевъ) или два *палукашка* — полукоша, и повозка готова для какихъ угодно надобностей. На такомъ экипажѣ ѣздятъ на базаръ, въ гости и т. п. Тотъ же нарадъ служитъ для перевозки сѣна, сноповъ, картофеля и проч. Словомъ, у бѣлорускаго населенія одно и то же орудіе нерѣдко употребляется въ самыхъ различныхъ работахъ. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ сельско-хозяйственной жизни приходится исполнять самыя разнообразныя работы, между тѣмъ въ распоряженіи бѣлорусса крайне мало специальныхъ орудій и инструментовъ. Одно и то же орудіе, посредствомъ незначительнаго измѣненія, приспособляется къ разнымъ работамъ. Такъ, уже выше было замѣчено, что матыка и крукъ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Такимъ путемъ орудіе постепенно измѣняется, совершенствуется и принимаетъ новые виды и свойства сообразно новому назначенію, удерживая лишь сходство въ названіи. Съ этой точки зрѣнія, „сахоръ“ и „саха“ — какъ было сказано выше — находятся въ близкомъ родствѣ.

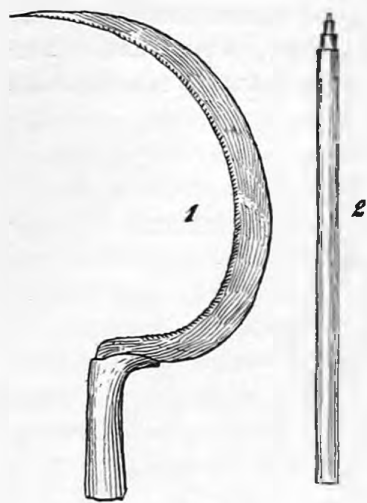

Рис. 13.

III. Орудія для посѣва.

Сѣютъ бѣлоруссы обыкновенно безъ всякихъ приспособленій, разбрасывая сѣмена изъ горсти. Единственнымъ орудіемъ при сѣвѣ является *сѣвокъ* — продолговатая корзина, сдѣланная изъ липоваго луба или сшитая изъ соломы. Впрочемъ, когда эту посудину употребляютъ для другихъ надобностей, то называютъ ее обыкновенно *каробкаю*. Сѣвокъ съ двухъ меньшихъ сторонъ имѣетъ ушки, къ которымъ привязываются концы пояса или другой какой-либо тесьмы для ношенія посуды на плечѣ. Въ сѣвокъ насыпаютъ сѣмена и горстью разбрасываютъ ихъ. Поэтому, сѣмена распредѣляются крайне неравномерно, а въ нѣкоторыя мѣста совсѣмъ не попадаютъ. Во всякомъ случаѣ, усовершенствованныя сѣялки, по своей дороговизнѣ и по сложному устройству, и до послѣдняго времени нигдѣ еще не примѣняются въ бѣлорусскомъ крестьянскомъ быту. Мелкія сѣмена, какъ просо, макъ и т. п., предварительно смѣшиваютъ съ пескомъ, чтобы въ полную горсть не попадало слишкомъ много зеренъ. Но такъ какъ эту смѣсь дѣлаютъ, какъ говорится, на глазъ, безъ мѣры, и такъ какъ при самомъ тщательномъ перемѣшиваніи нельзя достигнуть вполне равномернаго распредѣленія, то, при сѣвѣ, рѣдко получаютъ хорошіе результаты. Почти сплошь и рядомъ потомъ оказывается, что въ однихъ мѣстахъ посѣяно слишкомъ густо, а въ другихъ — крайне рѣдко. Чтобы хотя отчасти исправить такую ошибку, по пашнѣ, покрытой молодой травкой хлѣбныхъ злаковъ, проходятъ бороной. Для этого калачъ неподвижно привязываютъ къ серединѣ каблука бороны. Въ такомъ случаѣ зубья, проходя гуськомъ, образуютъ только пять бороздокъ и разрѣжаютъ густо взошедшія растенія. Дальше, за исключеніемъ выпалыванія сорныхъ злаковъ, кото-

Рис. 14.

рое производится руками, безъ всякихъ орудій, или, иногда, посредствомъ мотыки, засѣянные хлѣба растутъ сами собой, безъ дальнѣйшаго участія человѣческаго труда. Только огородные овощи нуждаются въ поливкѣ, которая производится обыкновенными ведрами и кружками.

Теперь мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о земледѣльческихъ орудіяхъ, посредствомъ которыхъ убираютъ съ полей и луговъ хлѣба и травы. Собственно, сюда относятся только коса съ принадлежностями и серпъ, другія же орудія не имѣютъ спеціального назначенія, а употребляются во многихъ работахъ.

IV. Орудія косьбы и жатвы.

Бѣлоруссы косятъ траву, а отчасти и хлѣба косою. Здѣсь имѣются косы трехъ сортовъ: короткія (около 0^м,60), среднія (около 0^м,75) и длинныя (до 0^м,90 и больше длиною); всѣ онѣ—фабричнаго производства. Разсказываютъ старики, что въ прежнее время мѣстные мастера выдѣлывали косы, но что онѣ были очень плохого качества. Мнѣ одинъ разъ удалось видѣть такую косу. Она была выкована по образцу фабричной, но отличалась грубой отдѣлкой и болѣе тяжелымъ вѣсомъ. Главнѣйшій недостатокъ самодѣльной кованой косы заключается въ томъ, что ея лезвее имѣетъ „лопатни“, т. е. вогнутыя мѣста, придающія лезвею форму волнистой линіи. Этотъ недостатокъ дѣлаетъ косу негодной къ употребленію. Даже косы фабричнаго производства, въ которыхъ, отъ неумѣлаго клепанія, появляются лопатни, становятся негодными для косьбы и идутъ на другія надобности. Испорченными косами рѣжутъ „сіэчку“—рѣзку, прорѣзываютъ въ зыбкихъ болотахъ верхній, сросшійся слой, чтобы сдѣлать канаву, срѣзываютъ кочки и т. п.

Для кошенія травы, а также низкорослыхъ, рѣдкихъ хлѣбныхъ злаковъ употребляется коса (рис. 12, фиг. 1), приложенная къ (b) косьевищу посредствомъ *напёрстка* (c)—желѣзнаго кольца и затылка (d)—рогового или деревяннаго клинышка. Косьевище—около 2^м длиною. Его огибаютъ на срединѣ „лучокъ“ (e)—согнутая деревянная ручка. Для кошенія гречихи, низкорослаго овса и т. п. служитъ коса (рис. 12, фиг. 2), къ косьевищу (g) которой прикрѣплены *грабельки* (h)—деревянные грабки, состоящіе изъ трехъ нѣсколько изогнутыхъ зубьевъ. Для клепанія косъ употребляется *бабка*, *кавадло* или *клепадло* (4)—стальная наковальня и *клевецъ* или *клепецъ* (3)—стальной молотокъ съ деревянною ручкой. Потомъ косу оттачиваютъ *брусомъ* (5)—точильнымъ камнемъ, который помѣщается въ *песочницу*—конусообразную посудину, заключающую въ себѣ песокъ и воду. Въ песочницѣ сбоку сдѣланъ крюкъ, которымъ она подвѣшивается къ поясу. При кошеніи косу довольно часто остряютъ *ментушкаю* или *сцепалкаю* (i)—деревянной дощечкой, на которой сдѣланы крестообразные нарѣзы. Предварительно ментушку обмакиваютъ въ воду и обсыпаютъ пескомъ, который задерживается въ нарѣзкахъ и оттачиваетъ косу. При кошеніи косой съ грабками хлѣбъ ложится правильными рядами, что даетъ возможность потомъ, когда

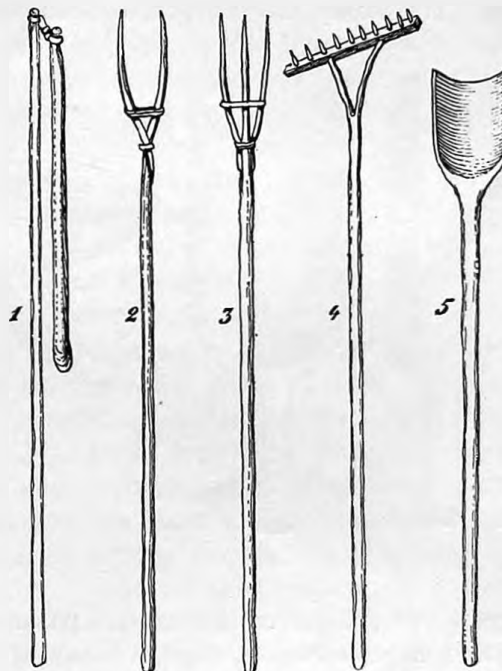

Рис. 15.

хлѣбъ высохнетъ, связывать его въ снопы. Гречиху предпочитаютъ косить такую же косою, хотя, при этомъ, обивается и падаетъ на землю очень много зеренъ.

Бѣлоруссы жнутъ хлѣба исключительно серпомъ. Серпъ (рис. 13, фиг. 1) изготовляется мѣстнымъ кузнецомъ изъ стали и крѣпко закаливается. Деревянную рукоятку дѣлаютъ сами хозяева, причемъ ее обдѣлываютъ по рукѣ даже женщины. Надо замѣтить, что жнутъ въ Бѣлоруссіи почти исключительно женщины. Серпъ служитъ все лѣто безъ починки; его оттачиваютъ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда поломаются зубья.

Для связыванія сноповъ употребляется *цурка* (рис. 13, фиг. 2). Это—деревянная палочка около 0^м,35 длиною, съ нарѣзками на одномъ концѣ. Женщины, во время жатвы, носятъ цурку за поясомъ, а, по мѣрѣ надобности, вынимаютъ это орудіе, захватываютъ имъ концы „пераясла“ (скрученный изъ стеблей хлѣба или соломы жгутъ) и связываютъ снопы.

Такимъ образомъ, для уборки хлѣбовъ и сѣна употребляютъ очень мало специальныхъ орудій. Перевозятъ сѣно и снопы на обыкновенныхъ телѣгахъ,—напр., на нарадѣ (рис. 11), положивъ на основаніе и по сторонамъ широкія доски. Сѣно предварительно

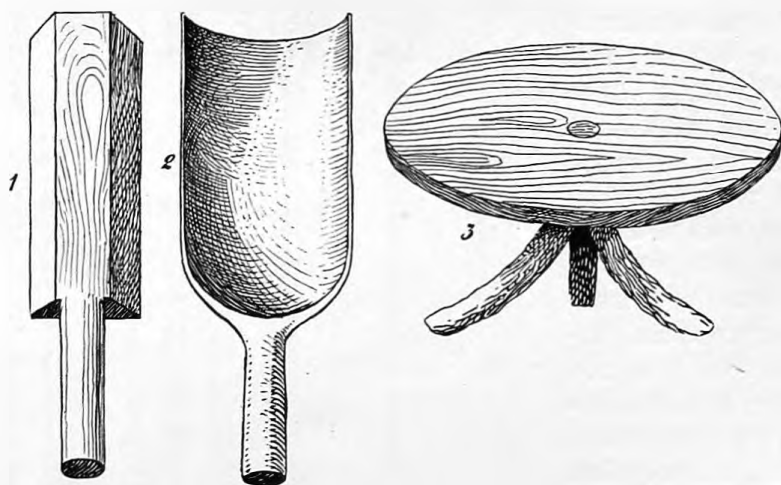

Рис. 16.

складываютъ въ копны, которыя потомъ переносятъ въ одно мѣсто на „насилкахъ“ (рис. 14, фиг. 1 и 2). *Насилки* или *насилы*—это двѣ жердочки длиною по 3^м; ихъ подсовываютъ подъ копну такъ, что по сторонамъ торчатъ свободные концы. Дальше, копны метаютъ въ стога или скирды. При этомъ сѣно захватываютъ длинными деревянными вилами (рис. 14, фиг. 3) или „траянами“ (4). Такими же вилами подаютъ и снопы, когда ихъ складываютъ въ скирды или въ „торпы“ на гумнѣ. Вилы о двухъ рогахъ и траяны о трехъ употребляются при самыхъ разнообразныхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ, когда нужно перебрасывать сѣно, солому и т. п. Эти орудія, смотря по надобности, бываютъ различной величины, начиная отъ маленькихъ въ 0^м,70—1^м длиною и оканчивая длинными въ 3—4^м. Иногда, не находя подходящаго дерева съ природными рогами, ихъ устраиваютъ искусственно, какъ это изображено на рис. 15, фиг. 2 и 3.

V. Орудія для обмолачиванія и очистки хлѣбныхъ зеренъ.

До послѣдняго времени въ Полѣсѣ обмолачивали хлѣбъ исключительно цѣпомъ; но теперь мало-по-малу начинаютъ устраивать молотилки, сдѣланныя по образцу имѣющихся въ помѣщицѣемъ хозяйствѣ. Такихъ молотилокъ можно найти уже двѣ-три почти въ каждомъ селеніи у зажиточныхъ и болѣе прогрессивныхъ крестьянъ. Впрочемъ, молотилки туго распространяются, такъ какъ онѣ жнутъ солому и тѣмъ дѣлаютъ ее негодной къ употребленію на крыши построекъ. Бѣлоруссы предпочитаютъ гораздо больше затрачивать труда на молотбу цѣпами, чѣмъ молотилкой, которая портитъ солому и нечисто вымолачиваетъ, какъ думаютъ нѣкоторые. Въ этомъ предположеніи есть доля правды. Дѣйствительно, самодѣльные, плохо устроенныя молотилки крайне дурно работаютъ и нечисто

вымолачиваютъ зерно. Молотятъ въ гумнѣ на току, который сдѣланъ изъ глины, смѣшанной со свѣжимъ коровьимъ пометомъ. Въ большинствѣ случаевъ молотью занимаются по ночамъ, вставая въ то время, когда въ первый разъ пропоютъ пѣтухи, т.-е. около 2 часовъ утра. Молотятъ при слабомъ свѣтѣ лучины или каганца, молотятъ до утра, до „снѣданя“—завтрака, который замѣняетъ обѣдъ и бываетъ приблизительно около 10—11 ч. утра. Потомъ уже принимаются за другія работы, требующія дневного свѣта. На рис. 33 изображены орудія, употребляющіяся при молотбѣ и вѣяніи хлѣба. Орудія эти нижеслѣдующія:

Цѣпъ—цѣпъ (рис. 15, фиг. 1), заключаетъ въ себѣ три части: *цапило*—рукоятка, представляющая круглую палочку около 2^м длины; въ ней на одномъ концѣ сдѣлана головка, къ которой привязанъ *гужыкъ*—крѣпкій ремень, свернутый въ нѣсколько разъ; къ „гужыку“ привязанъ *бичъ*—крѣпкая дубовая палочка около 1^м длиною, утолщенная на одномъ концѣ. „Гужыкъ“ свободно вращается вокругъ „цапила“. Вслѣдствіе этого, при каждомъ ударѣ, „бичъ“ описываетъ кругъ.

Цѣпомъ молотятъ рожь, ячмень, овесъ, гречиху и т. п. Просо обминаютъ босыми ногами, безъ всякихъ орудій. Ленъ и коноплю обиваютъ деревяннымъ *праникамъ*—валькомъ (рис. 16, фиг. 1), который, вмѣстѣ съ тѣмъ, употребляется для выколачиванія бѣлыя и т. п. работъ.

Обмолоченный хлѣбъ очищаютъ отъ соломы вилами и траями (рис. 15, фиг. 2 и 3), вытряхивая зерна; потомъ много разъ перегребаютъ частыми граблями (рис. 15, фиг. 4), метутъ метлою, чтобы очистить отъ колосьевъ и мелкой соломы, и вѣютъ *шуплемъ* (рис. 15, фиг. 5)—лопатою или *вѣялкою* (рис. 16, фиг. 2)—деревяннымъ совкомъ. Шупель имѣетъ лопасть около 0^м,35 длиною и 0^м,25 шириною и рукоятку около 1^м,50 длиною. Вѣялка—деревянный совокъ съ лопастью около 0^м,25 длиною и 0^м,15 шириною и съ короткой прямой ручкой (длина около 0^м,15). Вѣялкою вѣютъ, сидя на *столачку* (рис. 16, фиг. 3)—скамеечкѣ или на *купинѣ*—болотной кочкѣ. Вѣялкою бросаютъ зерна полукругомъ. При этомъ, болѣе крупныя, тяжелыя зерна отлетаютъ дальше, а мякина и вообще легкіе предметы ложатся ближе. Потомъ зерна метлою раздѣляютъ по сортамъ. Для окончательной сортировки хлѣбныя зерна пропускаютъ сквозь соотвѣтствующее рѣшето, а иногда и чрезъ сито. Мелкія частицы мусора и пыль отдѣляютъ отъ зеренъ, пересыпая ихъ легкой струей при сильномъ вѣтрѣ. При этомъ, зерна падаютъ почти прямо внизъ, тогда какъ пыль и другіе легкіе предметы уносятся вѣтромъ далеко въ сторону. Иногда хлѣбныя зерна еще подбрасываютъ (апалаюць), насыпавъ ихъ въ плоскія *начбѣжки* или *апѣлушки*—деревянное корыто. Въ такихъ случаяхъ отъ движенія воздуха пыль тоже вылетаетъ вонъ изъ корыта.

Потомъ уже хлѣбъ просушивается на солнцѣ и хранится до употребленія или продажи.

А. Сержпутовскій.

Рис. 1.

Изъ поѣздки по Абхазіи въ 1907 г.

До выселенія въ Турцію, абхазцы населяли береговую полосу отъ Гагръ до рѣки Ингура, которою Абхазія отдѣлялась отъ Мингреліи. Въ сторону горъ абхазскія селенія простирались на 50 верстъ и далѣе отъ моря. Однако, абхазцы избѣгали селиться на самомъ берегу, и теперь мы не видимъ у моря ни одного селенія. На это обстоятельство было уже обращено вниманіе въ мѣстной литературѣ¹⁾, и объяснялось оно тѣмъ, что абхазцы—позднѣйшее населеніе края, пришли на побережье въ недавнее время и не успѣли еще привыкнуть къ морю. Мнѣніе это, въ сущности, ни на чемъ не основано. Напротивъ, древняя литература даетъ намъ всѣ основанія видѣть въ теперешнихъ абхазцахъ историческій народъ, населявшій край уже въ глубокой древности. Мы не знаемъ въ Абхазіи древнихъ могильниковъ,—по крайней мѣрѣ, туземныхъ. И это находитъ свое объясненіе въ историческихъ извѣстіяхъ и теперешнихъ народныхъ преданіяхъ, изъ которыхъ мы знаемъ, что во времена язычества абхазцы умершихъ не предавали землѣ, а подвѣшивали ихъ въ долбленыхъ колодахъ къ вѣтвямъ высокихъ деревьевъ.

Отсутствіе поселеній на берегу, мнѣ кажется, должно быть объяснено просто боязнью морскихъ пиратовъ. Въ народныхъ пословицахъ и преданіяхъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія о работорговлѣ; въ смыслѣ дурного пожеланія говорятъ: „чтобъ тебѣ турецкую кочерму²⁾ увидѣть“. У моря селиться было опасно. Работорговлей занимались сами абхазскіе князья и дворяне, мѣнявшіе у турокъ разный товаръ на своихъ подданныхъ

¹⁾ Газета „Кавказъ“, 1869 г., № 47.

²⁾ Турецкое парусное судно.

или людей, пойманныхъ въ лѣсу, на дорогѣ. Когда прекратилась торговля рабами, абхазцы остались на старыхъ мѣстахъ, а береговая полоса стала быстро заселяться мингрельцами, въ рукахъ которыхъ и находится теперь, въ сущности, вся экономическая жизнь страны.

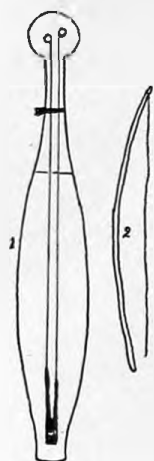

Рис. 2.

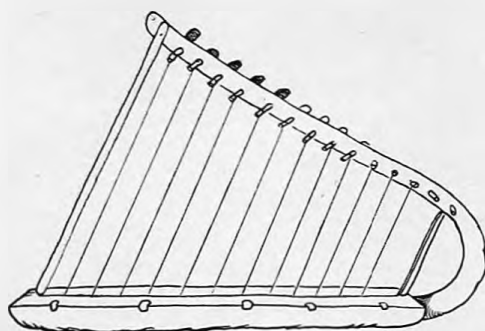

Рис. 3.

и входили въ сношенія съ черкесами и кабардинцами, то это не повлекло за собой особеннаго на нихъ вліянія. Не то было съ Самурзаканью, непосредственно прилегающею къ

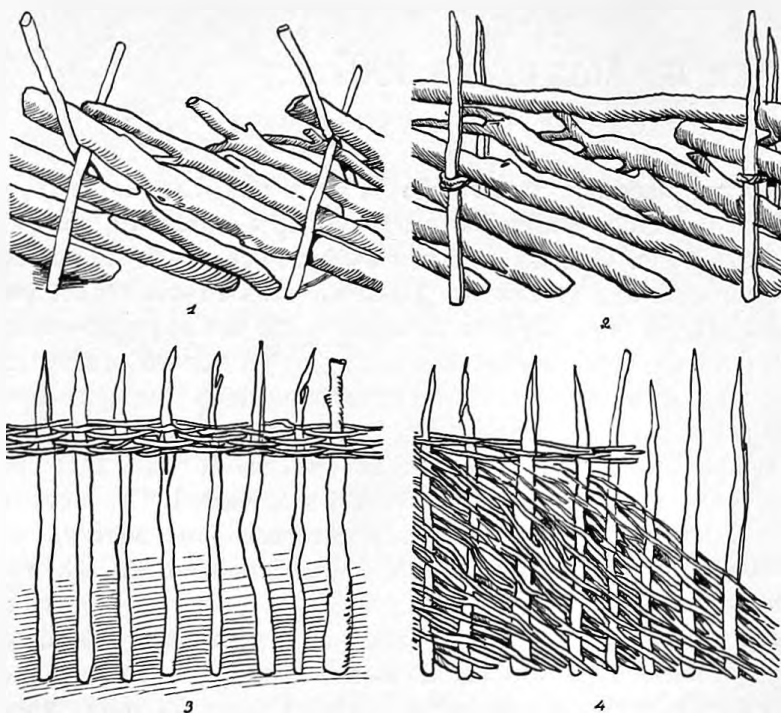

Рис. 4.

Мингрелии. Здѣсь уже издавна князья и дворяне охотно роднились съ мингрельцами, принимая отъ нихъ языкъ и обычаи. Постепенно, отъ дворянъ, вліяніе это перешло и на все населеніе края и въ послѣднее время стало переходить и въ сосѣдній Кодорскій участокъ, гдѣ почти всѣ дворяне хорошо говорятъ по-мингрельски. Вообще, вліяніе мингрельцевъ очень велико. Еще во времена независимости, князья женились на мингрелкахъ и переселяли съ ними мингрельскую прислугу и дворовыхъ. Подобныя переселенія въ Абхазіи были дѣломъ обычнымъ. Теперь, на примѣръ, въ селеніи Адзюбжа, на Кодорѣ, есть даже нѣсколько семействъ негровъ, потомковъ приведенныхъ нѣкогда рабовъ. Никакого смѣшенія съ турками, сколько мнѣ извѣстно, никогда не было, и если говорятъ, что въ такой-то деревнѣ живутъ „османы“, то это слѣдуетъ понимать только какъ опредѣленіе вѣроисповѣданія.

Послѣ русско-турецкой войны произошло, какъ извѣстно, массовое выселеніе абхазцевъ въ Турцію, и теперешнее географическое распространеніе абхазцевъ далеко не соответствуетъ бывшему до 1878 года. Выселились цѣлыя общины и опустѣли цѣлыя области: Псху, Цебельда и другія. Образовался, такимъ образомъ, прорывъ между населеніемъ Гудаутскаго участка и Кодорскаго.

Населеніе сѣвернаго, Гудаутскаго, участка въ этническомъ отношеніи слѣдуетъ считать болѣе чистымъ. Гудаутскіе абхазцы, если

Физическій типъ абхазцевъ, рѣзко отличающій ихъ отъ мингрельцевъ и сванетъ, болѣе близокъ къ типу сосѣднихъ черкесъ. Вообще же, даже въ горныхъ селеніяхъ, абхазцы имѣютъ всѣ черты смѣшанной расы. Особенно обращаетъ на себя вниманіе въ горныхъ поселеніяхъ типъ низкорослыхъ блондиновъ, съ сѣрыми глазами и слабой растительностью на бородѣ. Не безынтересно будетъ напомнить здѣсь мѣстное преданіе о доисторическомъ населеніи края. До пришествія абхазцевъ, въ странѣ жило мирное пастушеское племя карликовъ—ацановъ. Они исчезли, когда впервые съ горъ подулъ холодный вѣтеръ. Этимъ ацанамъ приписываютъ остатки каменныхъ построекъ — оградъ въ горахъ (ацанигвара).

Управлялись абхазцы князьями и дворянами, которые имѣли нѣсколько степеней. Старѣйшей и чисто абхазской княжеской фамиліей считается Ачба, болѣе извѣстная въ

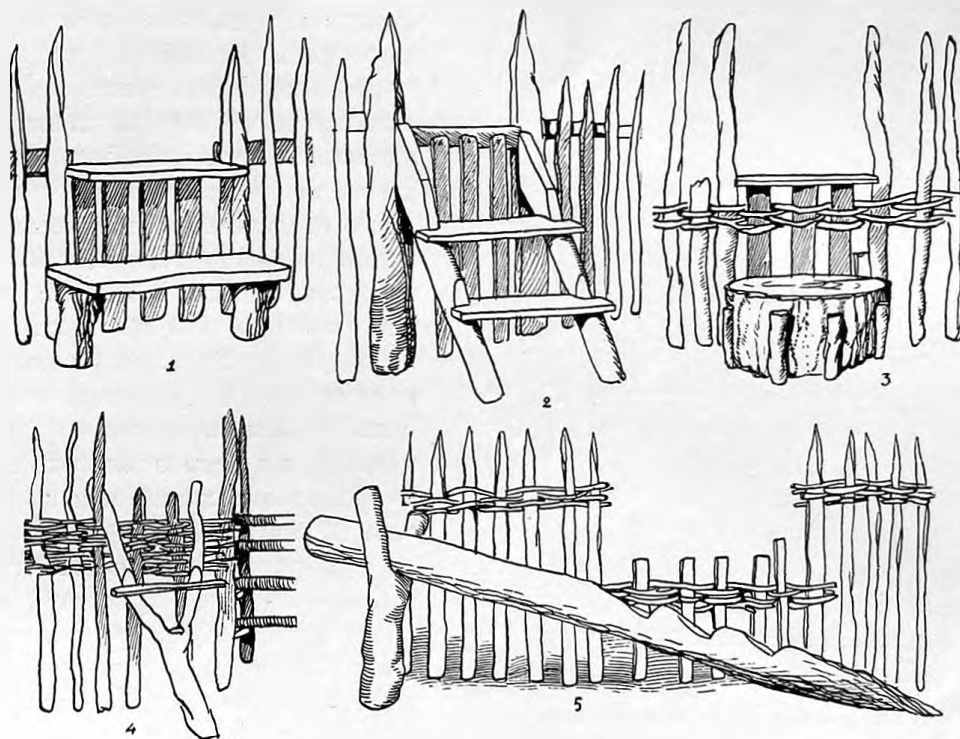

Рис. 5.

грузинской формѣ Анчабадзе. До 1864 г. страной правили князья Ач-ачба (Шервашидзе), выходцы изъ Ширвана. Изъ дворянскихъ фамилій интересны Моргани и Маршани, въ которыхъ сохранились по традиціи даже итальянскія имена: Гвидо, Тито ¹⁾... Князья пользовались почти неограниченной властью надъ своими подданными, — они ихъ судили, наказывали и продавали въ рабство. Въ важныхъ случаяхъ, касавшихся интересовъ всего края, князь созывалъ совѣтъ старшинъ на традиціонномъ мѣстѣ, на полянѣ подъ деревомъ. Старшины садились въ кругъ, князь занималъ скамью. Въ Лыхнахъ, гдѣ была столица Абхазіи, на полянѣ подъ большимъ деревомъ до сихъ поръ сохранилась каменная скамья, на которой сидѣлъ князь во время совѣщаній. Сельскіе сходы и теперь сохраняютъ ха-

¹⁾ Абхазцы имѣютъ по два имени: одно—православное, другое, гораздо болѣе популярное,—традиціонное семейное (Гвидо, Самбалъ, Бесланъ, Мурадъ, Алхазъ и проч.).

рактёр подобныхъ собраній. Неоднократно я наблюдалъ, какъ происходили сходы. Старики всегда садились на корточки кругомъ, князь или наиболѣе вліятельный дворянинъ—занималъ скамью. Начинались совѣщанія всегда въ формѣ длинныхъ рѣчей, произносимыхъ со всѣми цвѣтами краснорѣчія и выразительной мимикой. Напримѣръ, ораторъ, перечисляя добрыя дѣла, гладитъ палочку, которую держитъ въ рукахъ; обращаясь, потомъ, къ кражамъ и другимъ неприяностямъ, онъ ломаетъ эту палочку и швыряетъ куски въ концѣ каждого періода своей рѣчи. Или, готовясь говорить, ораторъ выходитъ въ кругъ

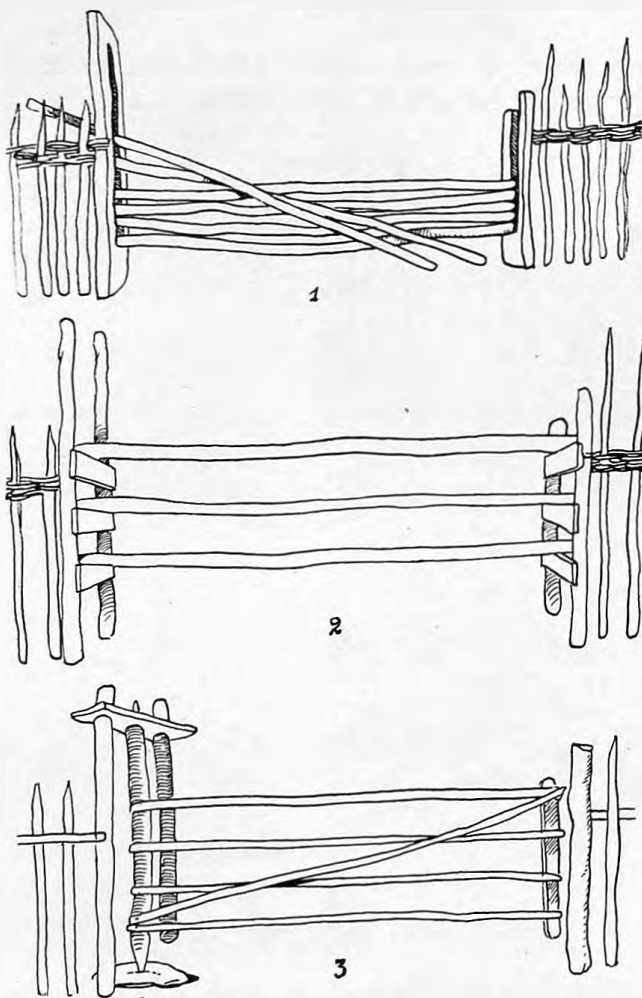

Рис. 6.

и, бросивъ съ силой палку на землю, начинаетъ рѣчь... Искусство хорошо говорить—очень высоко цѣнится у абхазцевъ. Обычное право до сихъ поръ сохраняется въ быту свою силу. Старики—выборные судьи—судятъ на основаніи того, какъ бывало въ старину и какъ принято было поступать въ аналогичныхъ случаяхъ. Иногда для консультаціи вызываютъ постороннихъ лицъ, знающихъ въ подробностяхъ какое-нибудь дѣло, сходное съ разбираемымъ. Обвиняемый, защищаясь, прибѣгаетъ ко всякимъ хитростямъ и широко пользуется неотразимымъ для абхазцевъ обаяніемъ краснорѣчія. Въ случаѣ разногласій въ показаніяхъ и упорства обвиняемаго, судъ можетъ привести къ присягѣ въ кузницѣ, а въ особо важныхъ случаяхъ—въ Илорскомъ храмѣ или на священной горѣ Дудрюпшъ. Многія кузницы считаются священными, — въ нихъ приносятъ жертвы и присягаютъ. Порядокъ присяги таковъ: въ кузницу приводятъ присягающаго вмѣстѣ съ однимъ изъ судей; положивъ молотъ на наковальню, онъ говоритъ: „пусть, если я показываю ложно, Шасшѣ-Абжнѣха разобьетъ мою голову“. Кузнецу платятъ за это 50 коп. или рубль. Если случится, что присягавшій заболѣетъ, то это считается доказательствомъ, что присяга была лживой и богъ покаралъ виновнаго. Родственники больного обращаются къ гадалкѣ, которая и произноситъ свой приговоръ: больной долженъ уплатить двойную стоимость украденнаго, если дѣло идетъ о кражѣ, и проч. Семья принесшаго ложную присягу идетъ въ кузницу, куда приводятъ козленка и приносятъ куръ, вино и пирогъ съ сыромъ. На наковальню кладутъ деньги и ставятъ свѣчу. Больной долженъ при этомъ присутствовать. Кузнецъ читаетъ молитву, въ которой проситъ бога простить виновнаго и покаявшагося, послѣ чего беретъ кусокъ сердца и печенки зарѣзаннаго козленка, обливаетъ ихъ виномъ, кладетъ въ стѣны кузни и говоритъ: „Чтобы ты больше не болѣлъ, пока я этими кусками не накормлю всѣхъ Ачба (Анчабадзе) и Ач-а́чба (Шервашидзе)“.

Въ серьезныхъ дѣлахъ присяга приносится въ священной рошѣ на горѣ Дудрюпшъ. Въ этихъ случаяхъ присутствуютъ и нѣсколько соприсягателей. Къ присягѣ приводитъ кто-нибудь, обыкновенно старшій, изъ семьи Чичба, наслѣдственныхъ охранителей этого священнаго мѣста.

Обычное право абхазцевъ крайне интересно и заслуживаетъ specialнаго изслѣдованія, чего, къ сожалѣнiю, до сихъ поръ сдѣлано не было.

Если абхазцы придерживаются такъ строго обычаевъ въ общественныхъ дѣлахъ и вопросахъ чести, то въ другихъ отношенiяхъ они охотно воспринимаютъ отъ мингрельцевъ и русскихъ всякiя новшества. Во время прiема гостей иногда присутствуютъ даже женщины, что раньше не допускалось ни въ какомъ случаѣ. Измѣнился сильно и свадебный обрядъ, насколько можно судить по описанiю г. Званбая ¹⁾. Теперь свадебный обрядъ сопровождается пиршествомъ, танцами, скачками и стрѣльбой въ цѣль, но любопытныя черты, отмѣченныя въ обрядѣ Званбаемъ, уже исчезли. Скачки и стрѣльба въ цѣль устраиваются также и во время поминальныхъ пировъ, которые часто ложатся непосильнымъ бременемъ на родственниковъ покойнаго. Въ этихъ случаяхъ, обыкновенно, не жалѣютъ послѣдняго быка.

Въ абхазскомъ быту слѣдуетъ отмѣтить одну особенность, удержавшуюся до нашихъ дней. Это—кровомщенiе, возникающее иногда по причинамъ, казалось бы, не заслуживающимъ кровавой развязки. Въ случаѣ разрыва, въ обоюдномъ истребленiи прини-

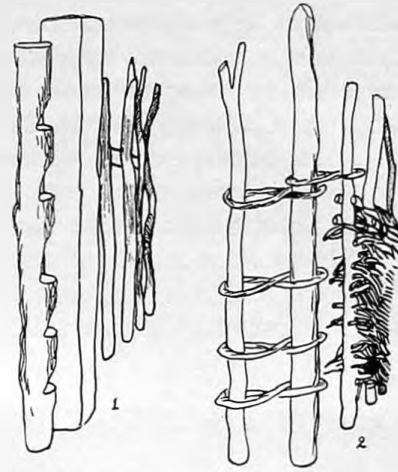

Рис. 7.

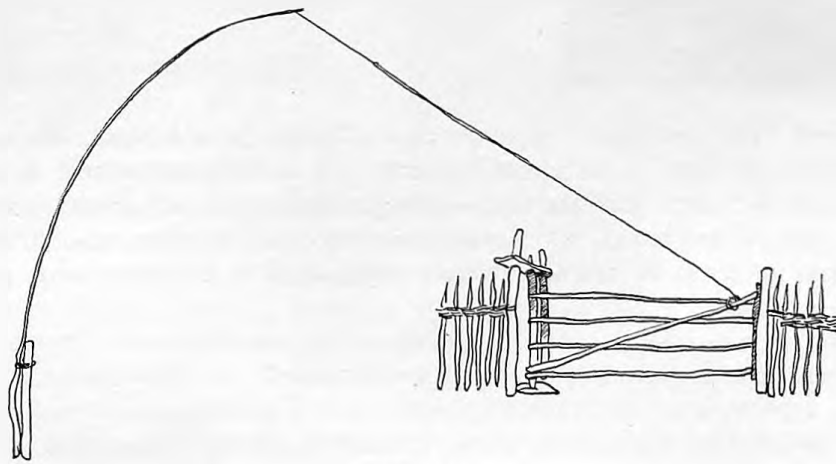

Рис. 8.

маютъ участiе всѣ родственники, весь родъ одной и другой стороны. Между большими княжескими родами эти кровавыя распри принимали характеръ настоящихъ войнъ, продолжительныхъ и упорныхъ. Условiя эти косвенно поддерживаютъ обычай аталычества, т. - е. прiема чужихъ дѣтей на воспитанiе, чѣмъ увеличивается число родственниковъ.

¹⁾ „Кавказъ“, 1853 г., № 55.

Можно сдѣлаться и инымъ образомъ молочнымъ сыномъ,—для этого нужно лишь обоюдное согласіе и исполненіе обрядности: входящій въ составъ семьи долженъ поцѣловать обнаженную грудь своей новой матери.

Въ настоящее время всѣ абхазцы — православные христіане, и лишь незначительное число исповѣдуетъ магометанство. Въ быту, однако, до сихъ поръ сохранились языческія моленія съ жертвоприношеніями, и еще возможно собрать много интереснаго матеріала по миеологии и практикѣ языческаго культа въ Абхазіи. Въ литературѣ не разъ отмѣчались языческія жертвоприношенія и другіе обычаи, сохранившіеся, какъ пережитокъ, до нашихъ дней. Отмѣчу очеркъ Званбая ¹⁾, который, будучи самъ абхазцемъ, записалъ языческія вѣрованія еще въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія.

Не повторяя здѣсь того, что уже извѣстно, ограничусь лишь нѣкоторыми обрядностями, записанными болѣе подробно и съ новыми деталями.

Въ грозѣ и молніи абхазцы видятъ божество Аффы. Если молніей убьетъ быка, то трупъ его кладется на специально устроенную высокую вышку и оставляется тамъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Вся семья, которой принадлежалъ быкъ, собирается, и старшій,

Рис. 9.

Рис. 10.

надѣвъ на плечи цѣпь отъ очага, обращается къ Аффы съ молитвой, въ которой благодаритъ за посѣщеніе. Вслѣдъ за этимъ происходятъ жертвоприношеніе и общее пиршество. Обычай этотъ теперь уже выходитъ изъ употребленія, но старики помнятъ, когда эта же обрядность соблюдалась и по отношенію къ людямъ, убитымъ грозой. Никто, въ данномъ случаѣ, не долженъ былъ выражать горя, но всѣ должны были радоваться посѣщенію бога Аффы.

Въ древности абхазцы не погребали умершихъ, и въ описанномъ выше обрядѣ нельзя не видѣть пережитка глубокой старины, удержавшагося, съ нѣкоторыми измѣненіями, до сихъ поръ въ случаяхъ, когда человекъ погибалъ отъ грозы.

Кузница почитается абхазцами, какъ священное мѣсто, гдѣ присягаютъ, приносятъ жертвы божеству Шасшѣ-Абжнѣха, даютъ обѣты и молятся. Не всѣ, впрочемъ, кузницы въ одинаковой степени почитаются священными. Бываютъ случаи, что слава кузницы переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и потомокъ нѣкогда извѣстнаго кузнеца—совсѣмъ не знаетъ этого ремесла. Однако, по наслѣдству, онъ считается лицомъ священнымъ, принимаетъ пожертвованія и приводитъ къ присягѣ. Если отъ старой кузницы не осталось уже и развалинъ, то устраивается новая кузница,—вѣрнѣе, только модель кузницы: не-

¹⁾ „Кавказъ“, 1855 г., №№ 81 и 82.

большой деревянный навѣсъ, подъ нимъ—деревянный срубъ, изображающій горнъ, около—маленькая наковальня. На горнъ непременно кладутъ нѣсколько обломковъ желѣза. Мнѣ говорили, что иногда ограничиваются лишь моделью наковальни, сдѣланною просто изъ глины. На почитаемыхъ кузницахъ всегда можно видѣть снаружи рога козловъ, принесенныхъ въ жертву. Угольный шлакъ изъ горна кузницы считается также священнымъ символомъ и часто вѣшается на виноградникахъ, какъ напоминаніе ворами, что мѣсто это свято.

На новый годъ въ кузницѣ приносятся въ жертву: пѣтухъ, вино, пирогъ. Кузнецъ зажигаетъ свѣчу и молится со всей своей семьей.

Изъ всѣхъ языческихъ религіозныхъ обрядовъ, менѣе всего, быть можетъ, подвергся измѣненіямъ обычай жертвоприношеній во время лѣтнихъ засухъ. До сихъ поръ ежегодно, во всѣхъ абхазскихъ обществахъ, во время бездождія, когда виды на урожай кукурузы становятся плохими, на сельскихъ сходахъ рѣшаютъ принести въ жертву одного, двухъ или трехъ быковъ. Всѣ приготовления, обыкновенно, въ этомъ случаѣ поручаются кому-нибудь одному, за что, въ возмѣщеніе расходовъ, общество выдаетъ устройтелю пуда по два кукурузы съ дыма. Муку и пироги приноситъ каждый съ собой. Въ назначенный день всѣ собираются

Рис. 11.

Рис. 12.

у рѣки, гдѣ православный священникъ совершаетъ молебствіе. Послѣ молебствія рѣжутъ быковъ и мясо варятъ въ большихъ котлахъ. Въ это же время изъ колебъ устраиваютъ вышку около 3 аршинъ высотой (ашимкѣцъ) и на вышку кладутъ сердце, печенку и лучшіе куски. Выбираютъ 2—3 стариковъ, которые выступаютъ впередъ. Одинъ изъ нихъ надѣваетъ на палочку кусокъ сердца и печенки, высоко поднимаетъ ее вверхъ и обращается къ богу Аицѣ съ молитвой, въ которой перечисляетъ всѣ бѣдствія, могущія произойти отъ неурожая. Присутствующіе говорятъ: „аминь“. Затѣмъ, всѣ садятся на землю—кромѣ женщинъ, не принимающихъ никакого участія въ пирѣ—и ѣдятъ мясо и все принесенное. Столы, при этомъ, не употребляютъ: ѣдятъ на землѣ, на листьяхъ.

Существуетъ и другой обрядъ, къ которому прибѣгаютъ, чтобы вызвать дождь,—не менѣе интересный, хотя и сильно уже измѣнившійся въ послѣднее время. Теперь онъ превращается просто въ дѣтскую игру, но въ мѣстной литературѣ отмѣченъ какъ обрядъ, совершавшійся ранѣе торжественно женщинами, одѣтыми въ лучшіе праздничные костюмы. Теперь это дѣлается такъ: дѣти, преимущественно дѣвочки, дѣлаютъ куклу женщины, несутъ ее къ рѣкѣ и топятъ. При этомъ поютъ: „...Царская дочь хочетъ пить, но вина она не пьетъ, а воды нѣтъ; она ищетъ маленькаго ручейка, хоть капельку, капельку“. Къ со-

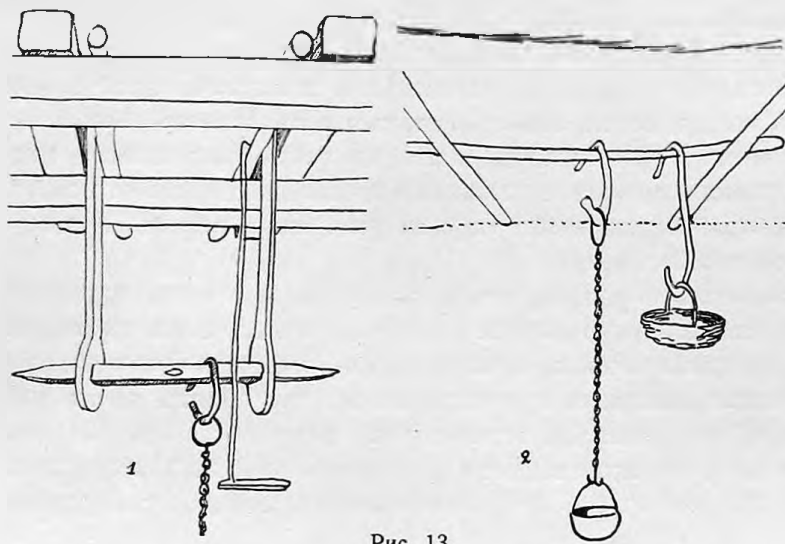

Рис. 13.

жалѣнію, первую, начальную, фразу этой пѣсни никто не могъ мнѣ перевести. Смысль ея,— очевидно, чисто-языческій и религиозный, — давно уже забытъ. Принеся къ рѣкѣ чучело, его носятъ сначала три раза вдоль берега, а затѣмъ уже то-пять. При этомъ, по берегу убиваютъ лягушекъ. Дно ручья, затѣмъ, вспахиваютъ сохой. Эта дѣтская игра является послѣдней формой выродившагося древняго обычая, — быть можетъ, человѣческаго жертвоприношенія. Въ Гудаутскомъ участкѣ обрядъ этотъ объяс-

няли мнѣ, какъ продажу царской дочери за хорошій дождь. Есть еще косвенныя указанія въ этомъ же смыслѣ. Напримѣръ, когда идутъ сильныя дожди, говорятъ: „кто-то утонулъ“.

Мнѣ извѣстенъ любопытный фактъ, происшедшій недавно въ Кодорскомъ участкѣ, во время сильной засухи. Послѣ жертвоприношеній и процессій съ чучеломъ къ рѣкѣ, рѣшено было испробовать послѣднее средство. Изъ могилы вырыты были кости персіянина и брошены въ рѣку, гдѣ онѣ лежали, пока не пошелъ дождь, послѣ чего кости вынули и похоронили вновь.

По отношенію къ утопленникамъ практикуются особенныя похороны,—хоронятъ душу, чтобы она не беспокоила своими ночными появленіями. Празднично одѣтые родственники приходятъ къ рѣкѣ, садятся на берегу, кладутъ открытый бурдюкъ отверстиемъ къ водѣ и начинаютъ пѣть и играть на апхерцѣ¹⁾, вызывая душу. Затѣмъ, бурдюкъ завязываютъ и везутъ на кладбище.

Болѣзни, какъ корь, оспа, падучая—считаются посѣщеніемъ божества. Больного развлекаютъ игрой на апхерцѣ, поютъ. Привожу рассказъ фельдшера, пріѣхавшаго въ семью, гдѣ былъ больной корью. Когда онъ вѣхалъ во дворъ, изъ дому вышли женщины, махавшія руками и дѣлавшія знаки, чтобы онъ удалился. Когда же, несмотря на это, онъ подѣхалъ къ дому, ему шопотомъ сказали: „тише, здѣсь богъ“. Въ домѣ, гдѣ былъ больной, посрединѣ стоялъ столъ, украшенный цвѣтами. На столѣ лежали: курица, поро-

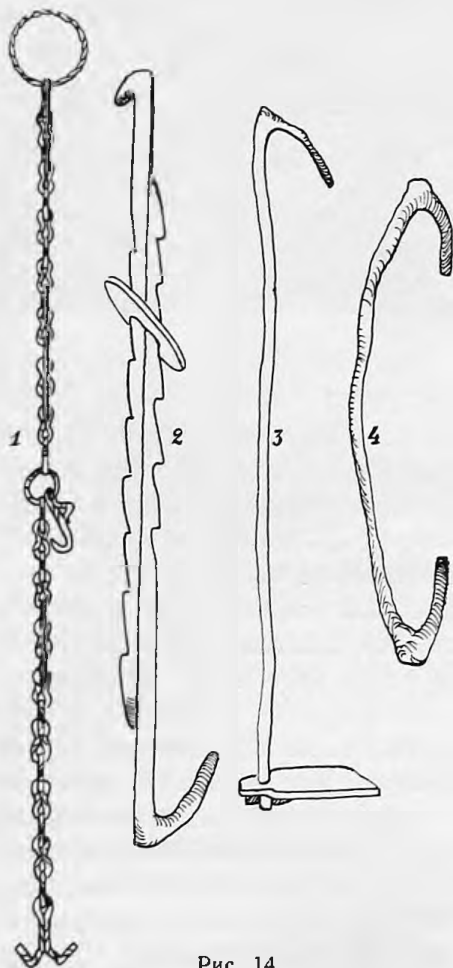

Рис. 14.

¹⁾ Двухструнный смычковый инструментъ.

сенокъ, мамалыга ¹⁾ и рядомъ—музыкальные инструменты. На скамейкѣ стояла тарелка съ наръзанной чалбѣй (кукурузной соломой). Все это было приготовлено для бога, а чала— для ишака, на которомъ прѣхалъ богъ.

Покровителемъ охотниковъ считается божество „Ажвѣпшиа-Абнѣ-Инчъваху“. Отправляясь на охоту, ему молятся и приносятъ жертвы. Вотъ какую молитву читалъ дворянинъ Бесланъ Хварцкія, возвратившись послѣ службы къ себѣ въ имѣніе и идя на охоту. Взявъ въ руку нащипанную у охотничьихъ собакъ шерсть, онъ сказалъ: „Абнѣ-Инчъваху, богъ семьи Хварцкія, Ажвѣпшиа (святые), чтобы мы не осрамылись, чтобы Бесланъ не осрамился и убилъ лучшаго кабана, съ радостью и большой добычей чтобы мы возвратились домой“. Послѣ молитвы шерсть была брошена въ огонь костра.

Въ Абхазіи существовали нѣкогда священныя рощи, въ которыхъ приносились въ жертву оружіе и утварь. Все это вѣшалось на деревьяхъ и раскладывалось вокругъ. Такой же обычай существовалъ и у прибрежныхъ черкесовъ, судя по частымъ находкамъ подъ нѣкоторыми деревьями наконечниковъ копій и стрѣлъ. Въ Красно-Александровскомъ аулѣ (Черноморской губ.) я видѣлъ кусокъ стараго дерева, вынесенный горнымъ потокомъ изъ горъ. Въ этомъ кускѣ торчали совершенно уже вросшіе наконечники копій, сабля, стрѣлы. Подобныя находки не рѣдки и въ Абхазіи.

Прокопій Кесарійскій, въ описаніи византійско-персидскихъ войнъ, касаясь обычаевъ абхазцевъ, говоритъ: „Эти варвары даже до моего времени воздавали почитаніе рощамъ и лѣсамъ, по причинѣ грубаго невѣжества, считая деревья за боговъ“. Обычай приносить

въ жертву оружіе, очевидно, извѣстенъ былъ и въ Мингреліи, такъ какъ тамъ и теперь въ храмахъ можно видѣть своеобразныя ex-voto въ видѣ желѣзныхъ двухлопастныхъ наконечниковъ стрѣлъ очень большихъ размѣровъ и даже желѣзные маленькіе луки съ прикрѣпленными къ нимъ двухлопастными же наконечниками стрѣлъ ²⁾.

Въ настоящее время въ Абхазіи есть, сколько мнѣ извѣстно, лишь одна почитаемая роща—на священной горѣ Дудрюпшъ, у селенія Ачандара, въ Гудаутскомъ участкѣ. Тамъ, въ рощѣ старыхъ деревьевъ, до сихъ поръ приносятся жертвы и, въ важныхъ случаяхъ, присягаютъ. На вершинѣ горы находится, по словамъ абхазцевъ, гробница (въ дѣйствительности—развалины древняго христіанскаго храма) святого, который иногда, въ видѣ огненнаго шара, перелетаетъ съ вершины горы въ Лдзѣа-нѣха (Пицунда) и обратно. Подъ большимъ деревомъ въ рощѣ, окруженнымъ каменнымъ заборомъ, можно видѣть пред-

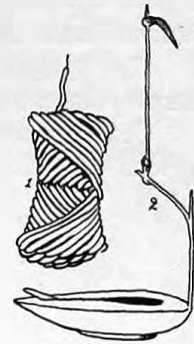

Рис. 15.

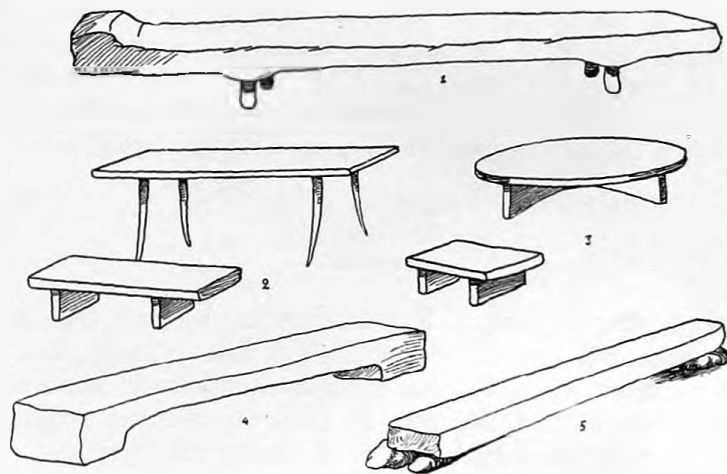

Рис. 16.

¹⁾ Круто заваренная каша изъ кукурузной муки.

²⁾ Имѣются въ коллекціи Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III № 1487.

меты, принесенные въ жертву: сѣкиру съ золотой настьчкой, желѣзный шлемъ, ружейный стволъ, нѣсколько металлическихъ сосудовъ (рис. 1). Этотъ краткій перечень пережитковъ язычества закончу нѣкоторыми обычаями, записанными мною въ Кодорскомъ участкѣ.

Когда буйволица отелится, ее доятъ и изъ этого молока дѣлаютъ сыръ. Когда сыръ готовъ—совершаютъ жертвоприношеніе. Вся семья собирается, буйволицу привязываютъ и пускаютъ къ ней теленка, рѣжутъ пѣтуха, прикрѣпляютъ горящія восковыя свѣчи: двѣ на рога буйволицы, одну на голову теленка, а одну свѣчу ставятъ у приготовленной пищи, и глава семьи, держа въ рукѣ свѣчу, беретъ сыръ (ашюамгѣль) и читаетъ молитву.

При уходѣ скота надолго въ горы, совершаютъ молитвы съ жертвоприношеніями. Рѣжутъ козла или барашка, вареное мясо ѣдятъ, а бульономъ кормятъ собакъ пастуха.

Если съ пастухомъ отправляютъ лошадь, то часто даютъ обѣтъ: въ случаѣ благополучнаго возвращенія—поставить свѣчу въ ростъ лошади, въ длину ея хвоста и пр. ¹⁾

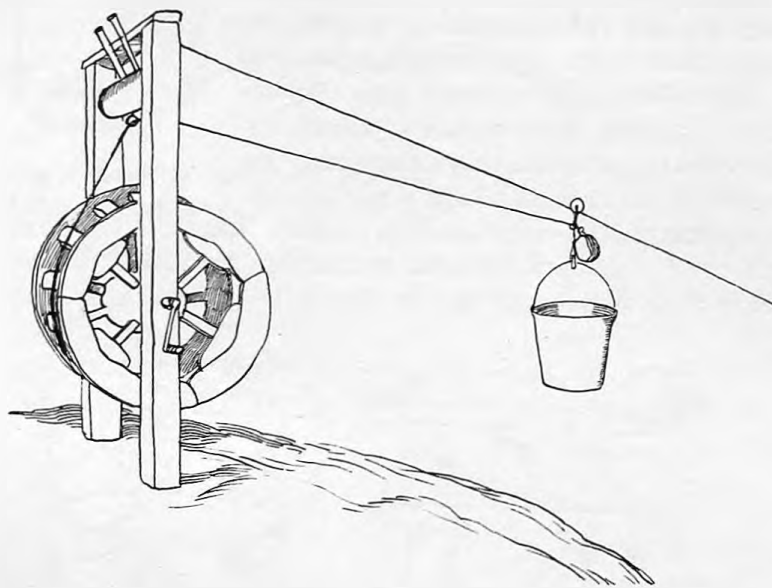

Рис. 17.

Если скотъ заблудится въ лѣсу, то берутъ ножницы, связываютъ ихъ съ камнемъ и читаютъ молитву или перевязываютъ веревкой ножки скамейки.

Многіе носятъ амулеты—кусочки бумаги съ разными знаками, зашитые въ тряпочки. Амулеты носятъ на шнуркѣ, черезъ плечо.

У входа въ домъ или на воротахъ вѣшаютъ камешки съ естественными сквозными отверстіями. Ихъ находятъ среди валуновъ въ горныхъ рѣкахъ.

Музыкой и пѣніемъ сопровождаютъ у абхазцевъ всѣ важные случаи въ жизни: ро-

жденіе, смерть, скачки. Для каждаго случая есть опредѣленные пѣсни: при выниманіи пули у раненаго, когда ведутъ лошадей передъ скачкой, при извѣстныхъ болѣзняхъ. Очень популярны въ краѣ народные музыканты-пѣвцы, играющіе на двухструнномъ смычковомъ инструментѣ (апхерца) (рис. 2). Ихъ, обыкновенно, приглашаютъ на свадьбы, на праздники. Въ старину извѣстенъ былъ и другой инструментъ, родъ арфы (аюма), съ 14 струнами (рис. 3). Подъ аккомпанементъ арфы пѣлись историческія и военныя пѣсни. Теперь этотъ видъ народной музыки исчезъ совершенно, вмѣстѣ съ самымъ инструментомъ ²⁾.

Заканчивая это краткое введеніе, нельзя не упомянуть о воровствѣ, которое играетъ въ быту абхазцевъ совершенно исключительную роль. Воровство считается своего рода молодецествомъ, удалью. Позорнымъ считалось для дѣвушки выйти замужъ за человѣка, который еще ничего не укралъ, не показалъ своей удали и смѣлости. Подобныя кражи совершаются не съ цѣлью наживы. Укрывъ быка, на примѣръ, его рѣжутъ, часть варятъ и ѣдятъ, а

¹⁾ Для этого употребляются самодѣльные восковыя свѣчи.

²⁾ Всѣ предметы, рисунки которыхъ помѣщены въ статьѣ, находятся въ коллекціи № 1247, принадлежащей Этногр. Отдѣлу Русс. Муз. Импер. Александра III. Рисунки заборовъ, перелазовъ и крупной утвари исполнены мною съ натуры во время поѣздки.

остальное бросают; или: украденную лошадь мѣняютъ на башлыкъ или что-нибудь другое, ничтожной сравнительно стоимости. Вотъ народный разсказъ о ловкомъ воровствѣ:

„Одинъ князь привелъ изъ Кабарды прекраснаго коня. Всѣ ему завидовали,—особенно его товарищъ, который за лошадь давалъ большія деньги, просилъ подарить, но все было напрасно. Товарищъ уѣхалъ домой. Тогда къ нему приходитъ простой абхазецъ и предлагаетъ привести понравившагося коня. Не нужно, сказалъ онъ, денегъ, а дай мнѣ старую клячу. Абхазецъ взялъ старую клячу и ночью отправился къ князю. Выведя изъ конюшни коня, онъ поставилъ на его мѣсто клячу и поджегъ сарай, а самъ ускакалъ на украденномъ конѣ. Конюшня сгорѣла вмѣстѣ съ клячей, обуглившійся трупъ которой князь счелъ за своего погибшаго коня и не искалъ его“.

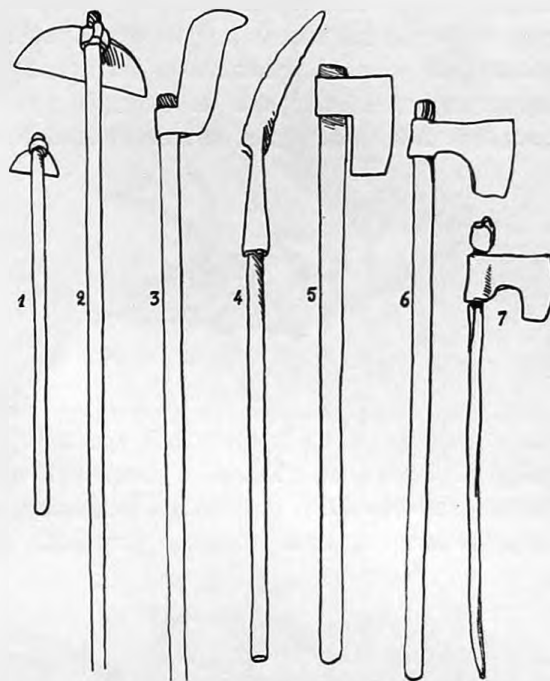

Рис. 18.

Своеобразный видъ имѣютъ абхазскія селенія. Въѣхавъ въ село, не сразу можно замѣтить постройки,—настолько онѣ разбросаны. Усадьба отъ усадьбы отстоитъ иногда на $\frac{1}{2}$ версты и болѣе, а все село тянется на 10—12 верстъ. На дорогу,—вѣрнѣе, тропу, по которой не во всякую погоду даже буйволы могутъ провезти двухколесную арбу,—выходятъ только заборы, ограждающіе усадьбы, виноградники и огороды. Постройки всегда находятся въ самой срединѣ усадьбы. Строительнымъ матеріаломъ служитъ исключительно дерево. Заборы, хижины и всѣ хозяйственныя постройки плетутъ изъ вѣтвей. Дома изъ досокъ, съ окнами, встрѣчаются, какъ исключеніе, въ богатыхъ дворянскихъ и княжескихъ усадьбахъ. Строятъ ихъ артели турецкихъ или мингрельскихъ плотниковъ.

Заборы, которыми ограждаются огороды, виноградники и даже кукурузныя поля, бываютъ очень разнообразны по своему устройству. Богатыя дворянскія усадьбы ограждаются частоколомъ съ набитыми поперечными планками. Преобладаютъ заборы плетеные (рис. 4) и бревенчатые, иногда же изгородью служатъ положенные рядомъ выкорчеванные пни. Сообщение между усадьбами происходитъ по тропинкамъ, черезъ перелазы въ изгородяхъ (перелазы на рис. 5). Самыми прочными считаются заборы изъ каштановыхъ кольевъ, заплетенныхъ рододендронмъ.

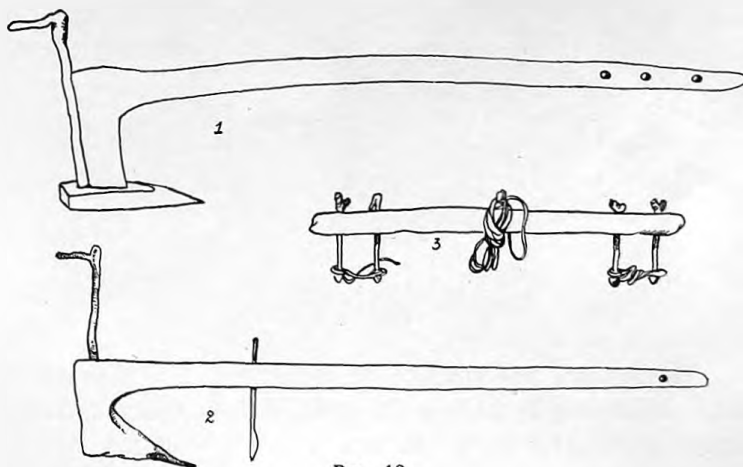

Рис. 19.

Наиболѣе распространенный типъ воротъ показанъ на рис. 6, фиг. 1. Поперечныя жерди закладываются въ сквозныя пазы боковыхъ стоекъ. На слѣдующей фигурѣ—заборъ съ боковыми стойками нѣсколько иного устройства; на рис. 7 показаны еще два варианта боковыхъ воротныхъ стоекъ, въ которыя закладываются жерди. Фиг. 3, рис. 6 изображаетъ ворота болѣе сложнаго устройства, вращающіяся на оси. Иногда такимъ воротамъ дается извѣстный наклонъ, вслѣдствіе котораго они сами закрываются. Любопытное приспособленіе видно на рисункѣ 8. Верхній край воротъ здѣсь связанъ виноградной лозой съ высокой гибкой жердью, напряженіемъ которой ворота закрываются.

Рис. 20.

Внутри усадьбы, за однимъ или двумя рядами изгороди, располагаются всѣ постройки: домъ, кухня, сарай для буйволовъ, кукурузный амбаръ. Въ богатыхъ усадьбахъ, кромѣ этого, бываютъ спеціальныя постройки для храненія вина, для хозяйственной утвари.

Старымъ, настоящимъ абхазскимъ жилищемъ была круглая плетеная хижина (рис. 9) съ землянымъ поломъ и съ конической крышей изъ папоротника или кукурузной соломы (аматцвѣрта). Окно не дѣлали, и дымъ отъ очага выходилъ черезъ щели стѣнъ и въ дверь. Теперь въ круглыхъ плетеныхъ хижинахъ живутъ бѣдныя семьи, и то въ наиболѣе глухихъ селахъ; круглая хижина уступила мѣсто квадратной плетеной постройкѣ, которая

въ прежнія времена служила только для празднествъ и приѣма гостей. Старый типъ круглаго жилища сохраняется еще для склада хозяйственной утвари или служить кухней.

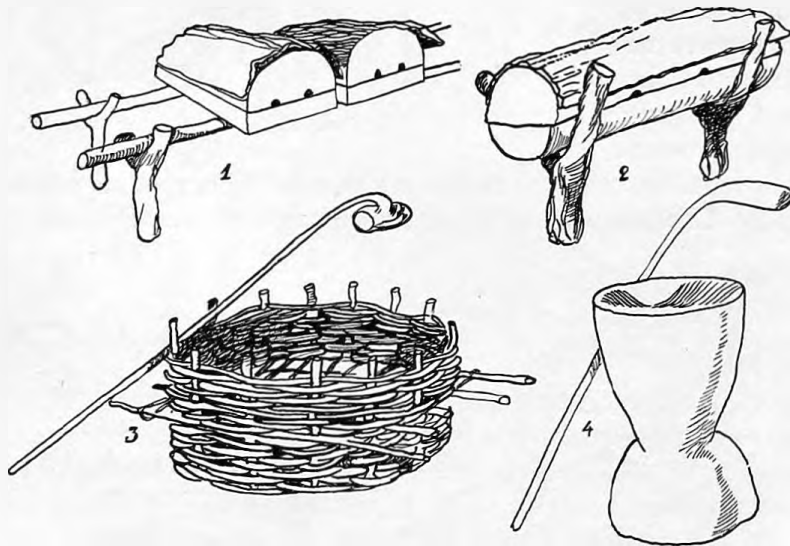

Рис. 21.

Рис. 11. „Ассасайра“—современная абхазская хижина, четырехугольная въ планѣ, плетеная, крытая колотыми досками. Угловыя стойки—плоскія, укрѣплены въ рамѣ изъ бревенъ. Дверь—одна, надъ ней—навѣсъ. Сбоку—окно, но это не типично; въ большинствѣ случаевъ окно не дѣлаютъ совсѣмъ. Дымъ отъ очага выходитъ черезъ щели въ плетеныхъ стѣнахъ.

Потолковъ въ хижинѣ не дѣлаютъ. На верхній край стѣнъ кладутъ бревна и на нихъ—поперечную жердь, къ которой и подвѣшиваютъ котель, корзины и проч. (рис. 13). Котель вѣшается надъ очагомъ или на зубчатой палкѣ съ поперечной муфтой для укорачиванія и удлиненія (рис. 14, фиг. 2), или на желѣзной цѣпи (рис. 14, фиг. 1). Корзины подвѣшиваютъ на крючкахъ (рис. 14, фиг. 4). Свѣтильникъ—„акандыль“ (рис. 15, фиг. 2)—или восковая свѣча (рис. 15, фиг. 1) ставятся на висячій подсвѣчникъ (рис. 14, фиг. 3). На рис. 16, фиг. 1, 4, 5 показаны разнообразныя скамьи, на фиг. 2 и 3—объденныя столики съ малыми низкими скамеечками.

Слѣва отъ входа устраивается широкой деревянный помостъ для спанья.

Рис. 10. „Аджьматра“ — сарай для козъ, бревенчатый, съ поломъ изъ жердей, крытъ папоротникомъ, построень на сваяхъ, ко входу ведетъ досчатая лѣстница съ набитыми поперекъ планками.

Рис. 12. „Аца“ — амбаръ для кукурузы, на сваяхъ, плетеный, крытъ дранью, лѣстницей служитъ бревно, на которомъ вырублены ступеньки.

Любопытно, что абхазцы научились пилить доски лишь въ послѣднее время, раньше же пользовались только колотыми.

Лѣстницы бываютъ нѣсколькихъ типовъ. Наибольше распространены лѣстницы, сдѣланныя изъ бревна съ вырубленными ступеньками или съ прибитыми поперечными планками. Лѣстницы употребляются при сборѣ винограда (такъ какъ лозы вьются по деревьямъ) и приставляются къ кукурузнымъ амбарамъ на сваяхъ.

Колодцы дѣлаютъ съ деревяннымъ срубомъ и воду достаютъ ведрами на веревкѣ. Если же колодезь глубокъ, то устраиваютъ деревянный высокй рычагъ (журавль). На рис. 17 изображено устройство колеса для подъема воды изъ горной рѣки. Ведро на желѣзномъ колесцѣ, тяжестью подвѣшеннаго камня, опускается по проволокъ въ рѣку, а обратно вытягивается колесомъ. Ободъ колеса сдѣланъ изъ составныхъ частей.

Что касается глиняной облицовки, въ видѣ большихъ гончарныхъ трубъ, то это — чисто мингрельскй способъ устройства колодцевъ, распространенный лишь на самомъ побережьѣ.

Кукуруза въ быту абхазцевъ играетъ такую же роль,

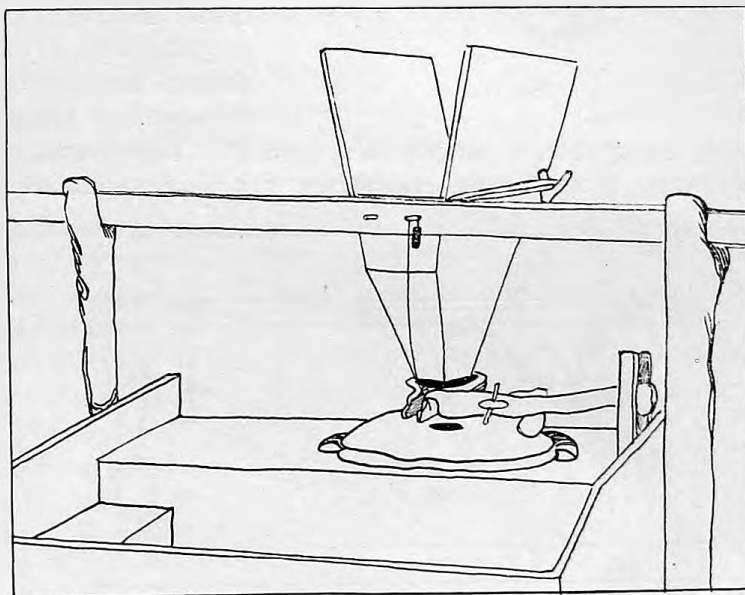
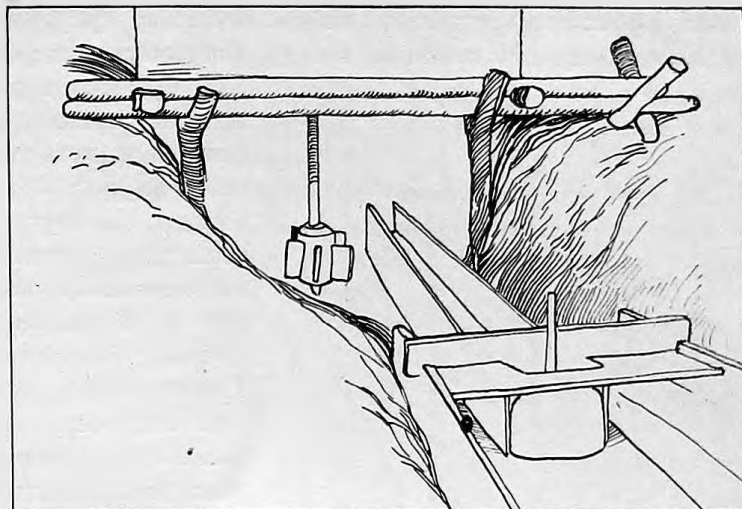

Рис. 22.

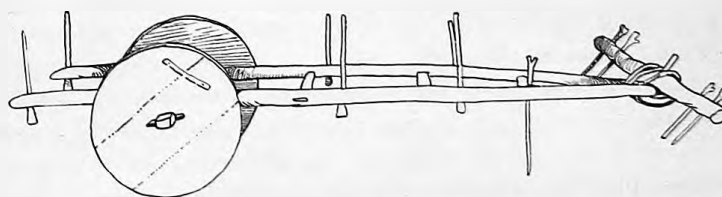

Рис. 23.

какъ у русскаго крестьянина хлѣбъ. Избытокъ кукурузы, если онъ бываетъ, обмѣнивають у мингрельцевъ на глиняную посуду, фабричную матерію и проч.

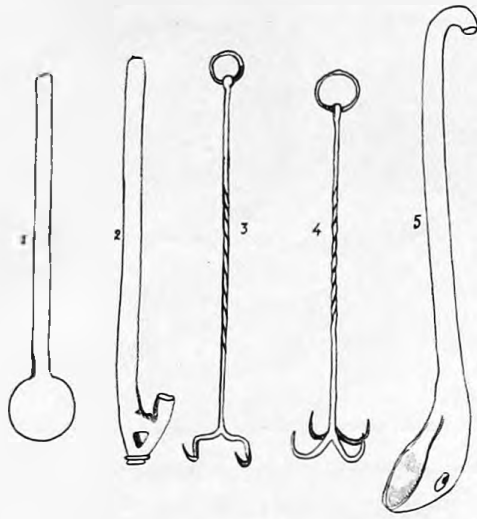

Рис. 24.

Обработка поля начинается съ рубки лѣса, выжиганія сорныхъ травъ и корчевки пней. На рис. 18, фиг. 5 показанъ топоръ, заимствованный у мингрельцевъ, на рис. 18, фиг. 6 и 7—настоящій абхазскій топоръ съ круглымъ проухомъ. Папоротникъ выкашивается спеціальнымъ орудіемъ съ желѣзнымъ наконечникомъ въ видѣ изогнутаго копья (рис. 18, фиг. 4). Очищенное поле вспахивается сохой, запряженной буйволами. Простѣйшей сохой служитъ бревно, слегка лишь отесанное, съ сукомъ, на который надѣвается желѣзный сошникъ. Сверху придѣлывается ручка (рис. 19, фиг. 2). Фиг. 1 того же рисунка изображаетъ такую же соху, но съ нѣкоторыми усовершенствованіями, заимствованными у мингрельцевъ. Дышло имѣетъ нѣсколько отверстій, чтобы регулировать глубину вспашки, укрѣпляя ярмо въ одномъ или другомъ мѣстѣ (рис. 19, фиг. 1). Послѣ посѣва поле боронятъ. Бороной служитъ рядъ жердей, заплетенныхъ хворостомъ (рис. 20). Впрягаютъ, помощью прочной веревки, одного буйвола, и на борону становится для тяжести человѣкъ или просто кладутъ нѣсколько

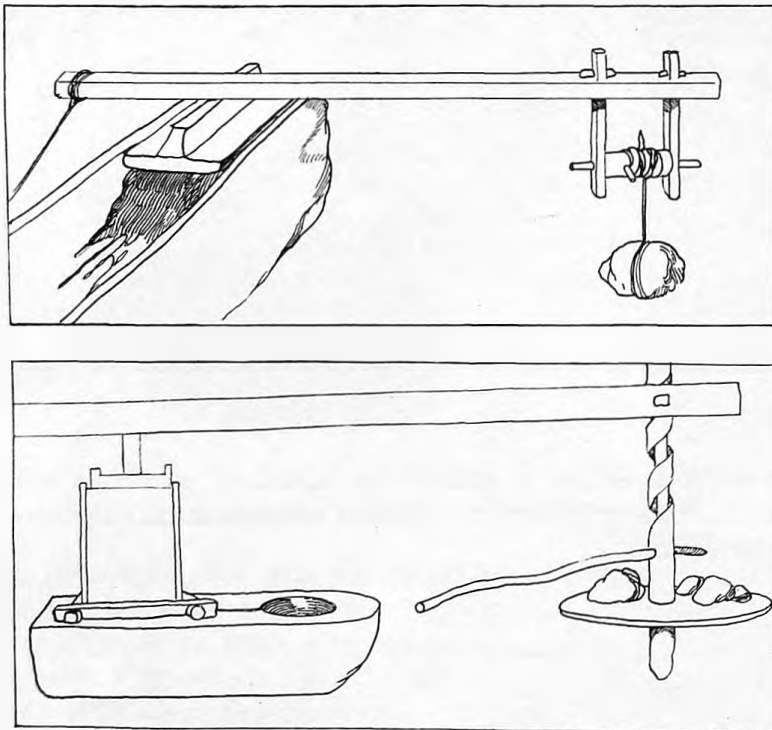

Рис. 25.

камней. Когда кукуруза созрѣетъ, ее собираютъ и складываютъ въ „аца“—кукурузные амбары. Солому же, которой кормятъ скоть и кроютъ крыши, жнутъ серпомъ (рис. 35, фиг. 7) и кладутъ въ стоги на особыхъ вышкахъ изъ жердей или на деревья, срубленные до половины.

Молотятъ кукурузу въ особыхъ плетеныхъ корзинахъ съ рѣдкой перегородкой, черезъ которую зерна просыпаются внизъ (рис. 21, фиг. 3). Для молотыбы гѣми (родъ проса) служитъ долбленный пень (рис. 21, фиг. 4).

Мелютъ кукурузу до сихъ поръ ручными жерновыми, которые изготовляются самими же абхазцами изъ особой породы камня. Иногда къ жернову приспособливають длинный дере-

вянный рычагъ, верхній конецъ котораго укрѣпляютъ въ стѣнѣ постройки. Укажу здѣсь, кстати, на интересный пережитокъ старины. Для растиранія соли и перца употребляются

каменные терки—древняя форма жернова (рис. 26, фиг. 4). На фигурѣ 5 того же рисунка—терка съ деревянной доской.

Водяныя мельницы, вообще рѣдкия въ Абхазіи, дѣлаются плетеными, очень малыхъ размѣровъ, съ такими же жерновами, какъ и ручныя. На рис. 22 показано внутреннее и наружное устройство водяной мельницы въ селѣ Киндгахъ.

Абхазская арба—„авардынъ“ изображена на рисункѣ 23. Основаніемъ служитъ цѣльный кусокъ дерева, слегка отесанный, въ который вставляють вертикальныя стойки и дѣлають помость. Колеса—цѣльныя, вращающіяся вмѣстѣ съ осью. Подобныя арбы теперь вытѣсняются болѣе легкими и удобными—съ основаніемъ изъ двухъ бревенъ и колесами со спицами и ободомъ. Ободъ, однако, дѣлають составнымъ, и колесо наглухо скрѣпляется съ осью. На рис. 19, фиг. 3 изображено ярмо для запряжки буйволовъ. Среднимъ стержнемъ, помощью лыковой веревки, ярмо прикрѣпляется къ дышлу арбы или сохи.

Общепотребительный видъ пищи, приготовляемый изъ кукурузной муки,—абыста (мамалыга), круто сваренная на водѣ каша. Варятъ абысту въ котлахъ, размѣшиваютъ деревянными палками (рис. 24, фиг. 2) и накладываютъ на столъ деревянными лопаточками (рис. 24, фиг. 1). Корка, образующаяся сверху, подается, какъ закуска къ вину. Изъ кукурузной муки пекутъ также коржи съ сыромъ. Для этого часто пользуются привозимыми изъ Турціи каменными сковородами (рис. 26, фиг. 6).

Винодѣліе. Раньше въ Абхазіи были отличныя мѣстныя лозы, которыя давали извѣстныя до сихъ поръ вина: амлаху, качичъ, аусерхва, бомборское. Лозы эти теперь выродились и совершенно вытѣснены „Изабеллой“, которая не требуетъ никакого ухода и очень урожайна. Виноградъ сажаютъ обыкновенно подъ деревомъ, и лоза поднимается по стволу и распространяется по вѣтвямъ. При сборѣ, на дерево влезать по лѣстницѣ, и виноградъ собирають въ особыя корзины съ острымъ дномъ (рис. 34, фиг. 2), которыя, затѣмъ, на веревкахъ спускають чрезъ вѣтви. Выжимають виноградъ въ долбленыхъ колодахъ; изъ выжимокъ перегонкой дѣлають коньякъ. Послѣднее выжиманіе дѣлается въ специальныхъ прессахъ, двѣ разновидности которыхъ показаны на рис. 25.

Вино сохраняется въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ, зарываемыхъ въ землю подъ особыми навѣсами или, если кувшиновъ немного, гдѣ-нибудь во дворѣ. Кувшины закры-

Рис. 26.

ваются каменными плитками и замазываются глиной. Винный кувшинъ изображенъ на рис. 26, фиг. 11. Достаютъ вино изъ кувшиновъ черпаками изъ тыквы „акуапé“ (рис. 28, фиг. 1, 2, 3) и наливаютъ въ бутылки черезъ тыквяныя лейки (рис. 28, фиг. 4). Пьютъ вино теперь изъ стакановъ, но въ парадныхъ случаяхъ до сихъ поръ употребляютъ туры рога (рис. 26, фиг. 3) и тыквы, вмѣщающія 10 и больше стакановъ (рис. 26, фиг. 1). Винные кувшины чистятъ, не вынимая ихъ изъ земли, особыми щетками изъ стружекъ, укрѣпленныхъ на длинныхъ палкахъ.

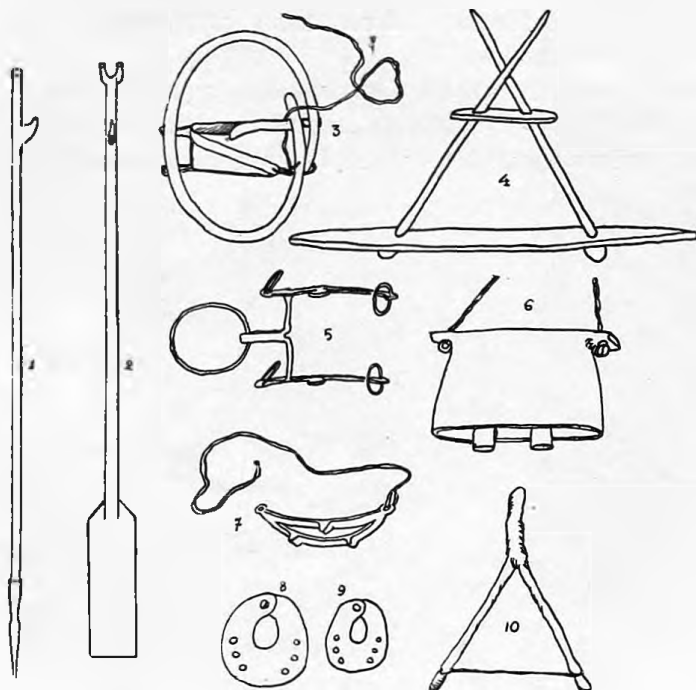

Рис. 27.

при прицѣливаніи (рис. 27, фиг. 1). Зимой „алабáшу“ замѣняетъ лопата, которою расчищаютъ снѣгъ (рис. 27, фиг. 2). На ноги, при ходьбѣ въ горахъ, надѣваютъ желѣзныя подковы (рис. 27, фиг. 7), а зимой — лыжи (рис. 27, фиг. 3).

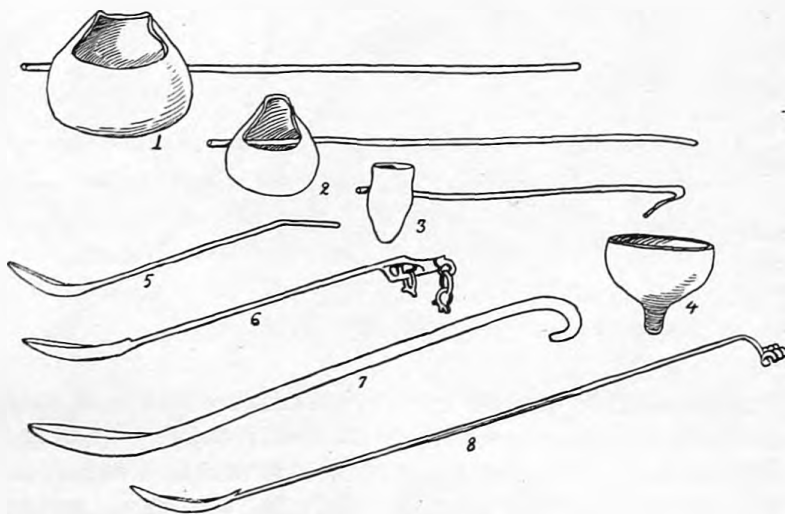

Рис. 28.

Уходя надолго, охотникъ беретъ съ собой кожаный мѣшокъ (рис. 34, фиг. 5) съ провизіей, деревянную чашку (рис. 33, фиг. 10, 12), запасъ пороха и пуль въ газыряхъ ¹⁾. Если по дорогѣ встрѣтится вертикальный обрывъ, то охотникъ въ расщелины забиваетъ колья и пользуется ими, какъ ступеньками.

Интересенъ абхазскій способъ лазанья по деревьямъ за медомъ дикихъ пчелъ. Деревья бываютъ настолько толсты, что взлѣзть безъ какихъ-нибудь приспособленій нельзя. Для этого дѣлаютъ крючки изъ очень длинныхъ жердей. Жердь

¹⁾ Камышевые или костяные патроны.

цѣпляють за ближайшую вѣтку дерева и по ней взлѣзають. Ставь на вѣтку, закидываютъ жердь выше и т. д. Если нужно бываетъ перелѣзть съ одного дерева на другое, охотникъ той же жердью съ крючкомъ крѣпко захватываетъ вѣтку сосѣдняго дерева и, держась за жердь, отталкивается и старается укрѣпиться на второмъ деревѣ.

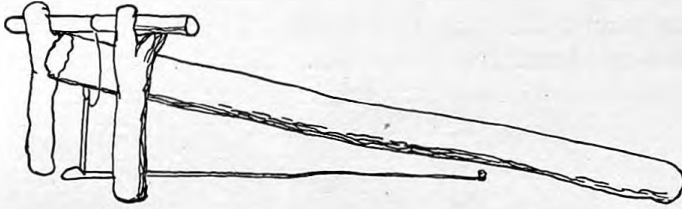

Рис. 29.

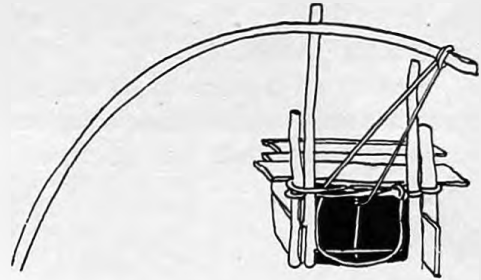

Рис. 30.

Въ большомъ употребленіи у охотниковъ западни и всевозможныя ловушки. Рис. 29. Западня на дикихъ кабановъ. Ставится на лѣсныхъ тропахъ, по которымъ кабаны ходятъ на водопой.

Рис. 30. Западня на куницъ. Посрединѣ кладутъ для приманки кусокъ мяса. Пролѣзая внутрь, куница толкаетъ подставку, жердь выпрямляется, и куница ловится петлей изъ виноградной лозы.

Рис. 31. Обыкновенная крысоловка.

Охота съ соколами почти исчезла уже въ Абхазіи вмѣстѣ съ другими видами охоты. Мнѣ рассказывали, что прежде били дичь, при перелетѣ, изъ пращей—каменьями.

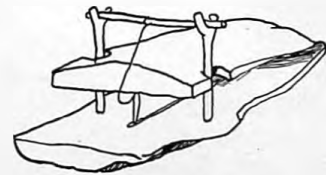

Рис. 31.

Отмѣчу еще одинъ способъ рыбной ловли, практикующійся и теперь въ южной Абхазіи и Мингреліи. Въ мелкихъ горныхъ рѣкахъ стрѣляютъ форель изъ луковъ—стрѣлами съ желѣзными наконечниками въ формѣ лопаточки.

Утварь, употребляемая при уходѣ за скотомъ. Рис. 27, фиг. 6—деревянный колоколь для буйвола. Рис. 27, фиг. 4 и 10—деревянные хомуты для свиней, мѣшающіе имъ далеко забираться въ лѣсъ. Рис. 27, фиг. 8 и 9—подковы для лошади и ишака. Рис. 27, фиг. 5—желѣзныя удила съ кольцомъ для объѣзживанія лошадей. На рис. 32 представлены нѣкоторые образцы абхазскихъ тамгъ, которыми таврятъ лошадей. Многіе изъ этихъ знаковъ совершенно сходны съ тамгами другихъ народностей западнаго Кавказа ¹⁾.

Рис. 32.

Пчеловодство хотя и падаетъ въ послѣднее время, но все еще въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ служитъ хорошимъ подспорьемъ. Какъ на причину упадка, мнѣ указывали на быстрое развитіе въ краѣ табачныхъ плантацій, отъ сосѣдства которыхъ пчелы, будто бы,

¹⁾ „Записки Импер. Одесскаго О-ва исторіи и древностей“, т. V.

вымирають. На рис. 21, фиг. 1 и 2 изображены абхазскіе долбленые ульи. На рис. 35, фиг. 8—инструментъ для долбленія ульевъ.

Мясная и молочная пища. Мясо употребляется въ пищу почти исключительно вареное. Убитая скотина подвѣшивается на желѣзный якорь (рис. 24, фиг. 4) и разрѣзывается на части. Мясо варится въ желѣзныхъ котлахъ и вынимается особыми желѣзными вилками (рис. 24, фиг. 3) или большими деревянными ложками съ отверстіями (рис. 24, фиг. 5). Ъдятъ мясо руками.

Молока въ сыромъ видѣ абхазцы не пьютъ совсѣмъ. Изъ молока дѣлаютъ сыръ или кислое молоко—національное абхазское блюдо. Абхазцами давно было замѣчено, что кислое молоко очень полезно для здоровья, и теперь оно считается священнымъ; никто не дол-

женъ смѣяться, когда на столъ подано кислое молоко. Коровъ доятъ мужчины въ небольшіе деревянные сосуды (рис. 33, фиг. 1 и 2). Молоко сливается въ деревянные ведра (рис. 33, фиг. 3); кислое молоко готовится тоже въ деревянныхъ сосудахъ (рис. 33, фиг. 4 и 5), и только въ рѣдкихъ случаяхъ для этого пользуются глиняными сосудами мингрельской работы (рис. 26, фиг. 7 и 9). Ъдятъ кислое молоко длинными плоскими ложками изъ пальмоваго дерева или турьяго рога (рис. 28, фиг. 5, 6, 7 и 8).

На рис. 33, фиг. 9, 10, 11, 12, 8 и 6 изображены деревянные кружки и чашка для воды; рис. 26, фиг. 8 изображаетъ сосудъ изъ тыквы—для воды; рис. 26, фиг. 2—походный складной кожаный стаканъ для воды; рис. 26, фиг. 10—глиняный кувшинъ для воды, мингрельской работы. На рис. 34 изображены корзины и бурдюки. Фиг. 1—корзина для винограда, фиг. 2—корзина для сбора винограда, фиг. 3—сумка (изъ лыка)

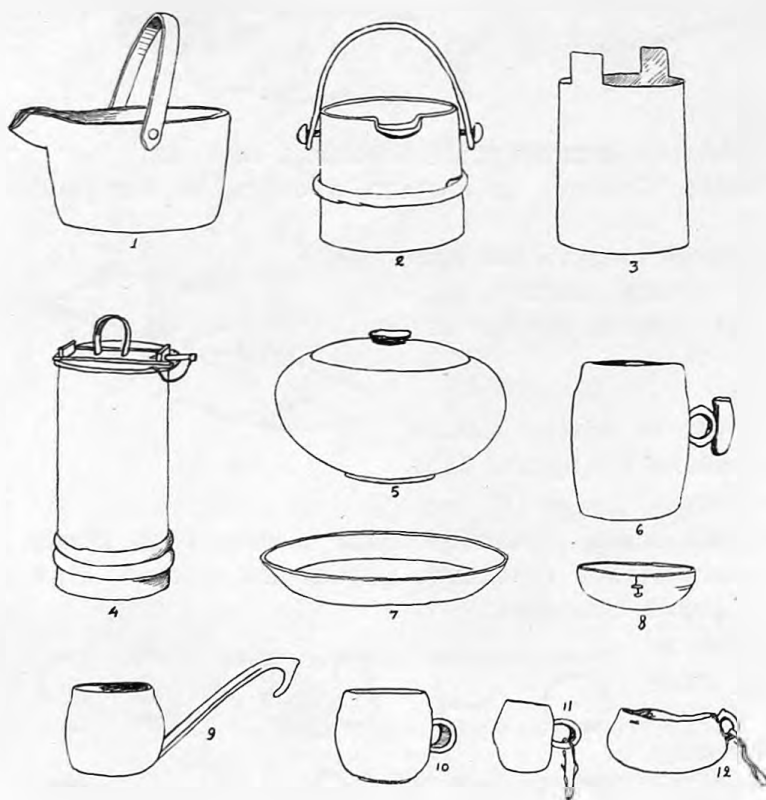

Рис. 33.

для собиранія орѣховъ, фиг. 4—сумочка изъ нанизанныхъ зеренъ фасоли, фиг. 5—походный мѣшокъ изъ кожи шакала, фиг. 6—бурдюкъ козьего мѣха для сухихъ продуктовъ, фиг. 7—обыкновенный бурдюкъ для воды.

Болѣе всего удержались въ Абхазіи *кузнечное и слесарное ремесла*. О почитаніи кузницъ уже было сказано. Самыя кузницы, по наружному виду, ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ плетеныхъ круглыхъ хижинъ. Посрединѣ кузницы помѣщается горнъ—деревянный срубъ, сзади—мѣха изъ козлиной кожи, впереди—корыто съ водой, точильное колесо, наковальня. Слесаря имѣютъ, кромѣ этого, еще столъ и тиски. Кузнецы дѣлаютъ всю желѣзную утварь абхазцевъ, а слесаря—и оружіе: шашки, кинжалы, пистолеты, ружья. На рис. 35 показаны нѣкоторые инструменты слесаря: фиг. 10—наковальня, фиг. 5—желѣзные ножны, въ которыхъ закаляется клинокъ шашки, фиг. 6—лопаточка для помѣщи-

ванія огня въ горнѣ, фиг. 12—ножь для обработки рога, фиг. 11—рубанокъ для струганія желѣза, фиг. 9—ножницы для жести, фиг. 13—лучокъ для сверленія желѣза.

Остановлюсь, въ заключеніе, на нѣкоторыхъ особенно интересныхъ образцахъ абхазской желѣзной утвари. Настоящій абхазскій топоръ (рис. 18, фиг. 6 и 7) совершенно тождественъ со старыми черкесскими топорами, которые находятся на побережѣ въ мѣстахъ бывшихъ ауловъ. Та же форма, тѣ же размѣры и такой же совершенно круглый проухъ для круглой рукоятки.

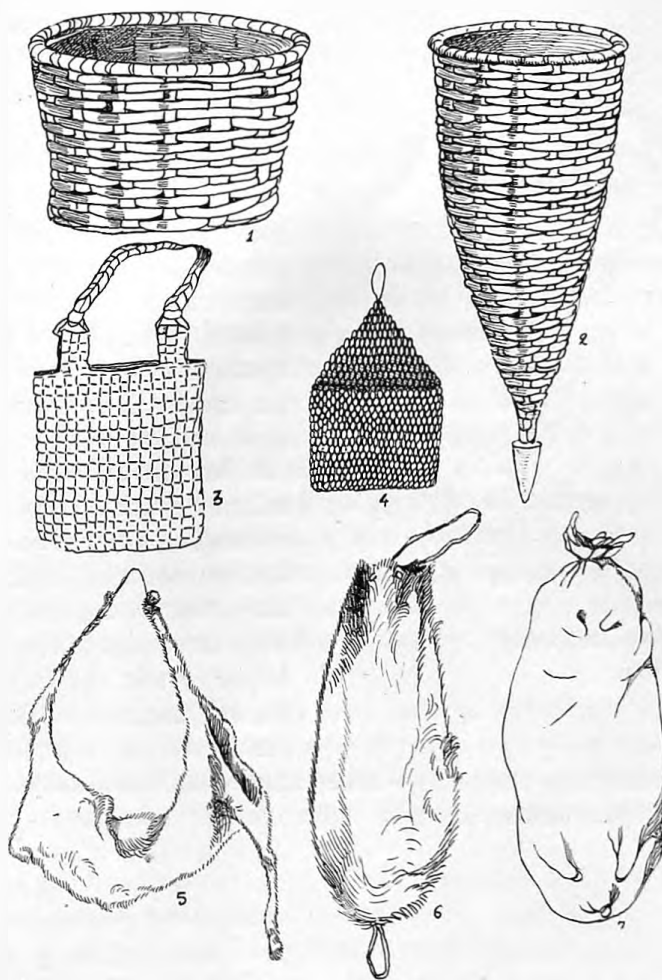

Рис. 34.

Большое сходство съ черкесскими имѣютъ и абхазскія тѣпки (рис. 18, фиг. 1 и 2). Что касается спеціальнаго лѣсного топора „эйгюшъ“ (рис. 18, фиг. 3), то и онъ близокъ къ черкесскому какъ по формѣ и размѣрамъ, такъ и по круглому проуху для рукоятки. На рис. 35 приведено нѣсколько разновидностей этого топора: фиг. 1—„цалда“ мингрельская, фиг. 2—„эйгюшъ“ абхазскій, фиг. 3—современный черкесскій топоръ и фиг. 4—старый черкесскій топоръ, найденный на мѣстѣ бывшего черкесскаго аула въ „Дузу-Калэ“ (Черном. губ.).

Вообще, старая абхазская утварь совершенно сходна съ утварью сосѣднихъ черкесовъ, которую находятъ на мѣстахъ бывшихъ ауловъ.

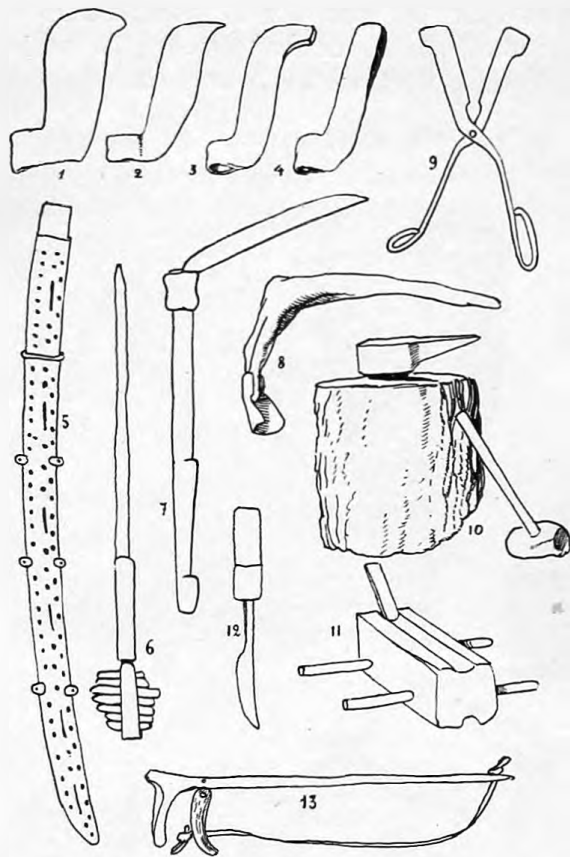

Рис. 35.

Съ общимъ упадкомъ благосостоянія въ краѣ, стали быстро исчезать и разные виды кустарнаго производства. Повліяла на это и мода. То, что раньше шилось изъ домашняго производства матерій, теперь покупается въ магазинахъ.

Женскій національный костюмъ давно уже исчезъ, уступивъ мѣсто ситцевымъ кофтамъ городского покроя. Сильному измѣненію подверглась и мужская одежда. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ достать лишь два экземпляра высокихъ коническихъ войлочныхъ шапокъ, которыя давно уже заброшены даже стариками. Въ женскомъ костюмѣ сохранились лишь бумажныя или шелковыя косынки, своего хотя производства, но изъ купленныхъ въ магазинѣ нитокъ. Раньше же хлопокъ культивировали и обрабатывали въ краѣ.

Что касается шелководства, то оно никогда не прививалось въ Абхазіи въ силу суевѣрія, что селенія, занимающіяся шелководствомъ, наказываются бездождіемъ. Обработка шерсти еще сохраняется въ бѣдныхъ семьяхъ. Изъ шерсти ткуть сѣрое сукно для мужского костюма, валяютъ башлыки. Всѣ инструменты производства и ткацкій станокъ, а также

станки для плетенія поясныхъ шнуровъ,—совершенно такіе же, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа, почему рисунки здѣсь и не приводятся.

А. Миллеръ.

Чувашскіе надгробные памятники.

Задача настоящей статьи — изложить результаты, добытые мною при изученіи кладбищ чувашей-язычниковъ Самарской губерніи, въ связи съ существующимъ у нихъ культомъ мертвыхъ. Но, прежде чѣмъ приступить къ выполненію самой задачи, необходимо, во-первыхъ, остановиться на представленіяхъ чувашей о загробномъ существованіи и, во-вторыхъ, дать хотя бы краткій обзоръ тѣхъ данныхъ по этому вопросу, которыя разсѣяны въ обширной литературѣ о чувашахъ и которыя очень мало доступны даже для этнографа, не изучавшаго спеціально бытъ народовъ Поволжья.

Убѣжденіе, что душа не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, является основнымъ мотивомъ, изъ котораго развивается культъ мертвыхъ и внѣ котораго онъ невозможенъ. Жизнь эта, по мнѣнію чувашей, является прямымъ продолженіемъ земной: тѣ же матеріальныя нужды, тѣ же заботы о благосостояніи, тѣ же супружескія отношенія и родственныя связи. Умершія дѣти растутъ и, по достиженіи зрѣлаго возраста, женятся или выходятъ замужъ, обзаводятся семьей.

Жилищемъ умершему первое время, пока онъ не обзавелся на томъ свѣтѣ своимъ домомъ, служитъ гробъ, а мѣстомъ поселенія—деревенское кладбище, гдѣ его встрѣчаютъ уже умершіе родные и знакомые. Все загробное населеніе подчинено кладбищенскому начальнику (мазар позе), которымъ обыкновенно является первый погребенный на данномъ кладбищѣ.

Начальникъ сосредоточиваетъ въ себѣ все управленіе кладбищенскимъ міромъ: онъ принимаетъ новаго покойника, указываетъ и отводитъ ему мѣсто, онъ же научаетъ его порядкамъ загробнаго существованія. За точнымъ исполненіемъ законовъ (въ помощь главному начальнику) слѣдитъ въ загробномъ мірѣ кладбищенскій судья (мазар тѳри), при жизни занимавшій какую-нибудь должность. Для исполненія различныхъ приказаній начальника и судьи имѣется сторожъ (мазар сыхчи), служившій при жизни ночнымъ караульнымъ по найму. Въ вѣдѣніе этого-то начальства и поступаетъ новый умершій. Съ его разрѣшенія поселяется онъ на кладбищѣ и съ его же разрѣшенія, по временамъ, оставляетъ свое новое жилище, чтобы повидаться съ родными, живущими на землѣ. Но, разъ умершій сохраняетъ всѣ свои потребности, онъ естественно нуждается въ вещахъ, которыми пользовался при жизни. Поэтому, въ гробъ съ покойникомъ кладутъ: мужчинѣ—кочедыкъ, лыко, ножикъ, деньги, трубку съ табакомъ, восковыя свѣчи, гусли—если умершій былъ гусларъ, пузырь—пузырщику и проч., а женщинѣ—гребень, деньги, иголку съ нитками, холстъ и т. п. Животныя, употребляемыя при поминкахъ въ честь того или иного

умершаго, служатъ ему на томъ свѣтѣ; отсюда же обычай оставлять на могилѣ разбитыя ложки, чашки, кадочки, поношенные рубахи и проч.

Между тѣмъ, разъ существуетъ представленіе, что души покойниковъ продолжаютъ жить послѣ смерти, неизбѣжнымъ является и выводъ, что онѣ такъ или иначе вліяютъ на судьбу оставшихся въ живыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ представляются болѣе дѣятельными и болѣе могущественными, чѣмъ живые люди. Чуваши убѣждены, что покойники принимаютъ дѣятельное участіе въ ихъ земной жизни: напускаютъ болѣзни (боль въ поясицѣ и рѣзь въ животѣ), похищаютъ домашній скотъ для своего пропитанія. Иногда гнѣвъ умершихъ можетъ быть причиной засухи и другихъ бѣдъ ¹⁾. Съ другой стороны, признательный своимъ родственникамъ покойникъ является для нихъ благодѣтелемъ: онъ принимаетъ живое участіе въ ихъ дѣлахъ, наблюдаетъ за ихъ хозяйствомъ, даетъ имъ успѣхъ въ работѣ, посылаетъ на ихъ домъ благословеніе ²⁾. („Мертвый у порога не стоитъ, а свое возьметъ“—чувашиская пословица).

Но, разъ умершій принимаетъ участіе въ дѣлахъ живыхъ, его семья всячески старается поддержать съ нимъ дружелюбныя отношенія. Каковъ бы ни былъ запасъ тѣхъ вещей, съ которыми переселяется покойникъ въ новую жизнь, онъ все же нуждается въ пропитаніи, прежде чѣмъ обзаведется хозяйствомъ на томъ свѣтѣ и въ состояніи будетъ существовать самостоятельно. Отсюда—обычай въ теченіе 40 первыхъ дней откладывать для покойника пищу въ особую чашку и совершать поминки на 3-й и 7-й день, въ среду и пятницу 2-й и 3-й недѣли (по четвергамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) и въ 40-й день.

Черезъ три дня послѣ смерти—душа умершаго возвращается въ тѣло ³⁾, и, поэтому, въ гробу дѣлается „дверь“, чтобы она свободно могла входить, и „окно“, чтобы покойникъ могъ все видѣть. Эти окно и дверь представляютъ собой, впрочемъ, небольшіе прямоугольники, зарубленные топоромъ на наружныхъ стѣнкахъ гроба.

Посѣщеніе покойникомъ родныхъ внѣ поминокъ чуваши считаютъ нежелательнымъ и, поэтому, просятъ кладбищенскаго начальника не пускать умершаго безъ ихъ приглашенія; съ этою цѣлью они кормятъ и поятъ кладбищенскаго начальника во время поминокъ—въ благодарность за то, что онъ отпустилъ умершаго къ роднымъ на поминки, и всячески угощаютъ его, чтобы онъ и впредь не препятствовалъ умершему въ поминальные дни посѣщать родныхъ. Магнитскій сообщаетъ чрезвычайно интересныя подробности приглашенія покойника на поминки. Посланные отправляются на саняхъ или въ телѣгѣ съ колокольчиками и, подѣзжая къ кладбищу, говорятъ: „пойдемъ, братецъ (или батюшка), къ намъ! Мы поминки дѣлаемъ тебѣ! Садись на сани!“ Проговоривъ это и думая, что усопшій уже сѣлъ, стремглавъ мчатся домой.

По возвращеніи посланцовъ, оставшіеся дома встрѣчаютъ покойника, какъ живого человѣка: кто отворяетъ ему дверь избы, кто зоветъ его въ избу, говоря: „иди, иди, сынокъ!“ Другіе, сажая усопшаго на печь, приговариваютъ: „ой, дядя (или: братецъ), садись, садись на печку! О, холодно! чать ты озябъ?“ Всю ночь продолжаютъ поминки съ пляской и музыкой для увеселенія покойника. На утренней зарѣ запрягаютъ лошадь въ сани съ колокольчиками, на сани кладется лошадиная или коровья голова и недоѣденное мясо—и два или три человѣка отправляются провожать покойника на кладбище ⁴⁾.

¹⁾ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Казан. Унив., т. III, 171.

²⁾ „Странникъ“, апрѣль 1899 г.

³⁾ Магнитскій. Матеріалы къ изученію стар. чув. вѣры, 162.

⁴⁾ Магнитскій, 172.

Подобнаго рода приглашенія наблюдаемъ мы и у черемисъ въ 40-й день. Старшій въ семьѣ отправляется пѣшкомъ или въ телѣгѣ на кладбище, останавливается надъ могилой умершаго и обращается къ нему съ слѣдующей просьбой: „вотъ насталъ твой 40-й праздникъ: приходи на свой праздникъ! Дѣдушки, бабушки, дядюшки, тетюшки, всѣ приходите!“ Родные въ это время ждуть покойника дома; завидѣвши телѣгу, они выходятъ навстрѣчу и приглашаютъ покойника войти: „приди на твой 40-й праздникъ, войди въ избу!“¹⁾ То же можно было наблюдать въ былое время у мордвы почти повсемѣстно.

Самыя большія и послѣднія поминки по умершемъ (если не считать общихъ передъ Пасхой и Троицей, лѣтомъ и случайныхъ) совершаются у чувашей, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, въ 40-й день или, какъ въ Чистопольскомъ и Бугульминскомъ уу., гдѣ мнѣ самому пришлось наблюдать чувашей, въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Эти поминки называются юба (йоба)—столбъ, отъ постановки во время этихъ поминокъ столба надъ могилой умершаго; отсюда и самъ мѣсяць ноябрь по-чувашски называется „йоба ойых“.

Для насъ, въ данномъ случаѣ, эти поминки представляютъ наибольшій интересъ, и, поэтому, мы на нихъ остановимся подробнѣе.

„Черезъ шесть недѣль послѣ похоронъ,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей чувашей,—дѣлаютъ большія поминки (по-чувашски юба) и это исполняютъ такъ: въ день поминокъ (юба)... вечеромъ... отправляются въ лѣсъ, гдѣ варятъ приготовленное мясо въ котлѣ. Вблизи отъ разведеннаго огня выбираютъ дерево, исключительно дубъ или березу, срубаютъ его и отъ срубленнаго дерева отсѣкаютъ чурбанъ аршина въ два длину и на одномъ концѣ чурбана дѣлаютъ топоромъ и долотомъ родъ человѣческой головы, куда вбиваютъ грошъ или копейку (намъ, говоритъ авторъ, доводилось находить эти чурбаны на мѣстѣ пиршества). Идолъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сколоченныхъ кусковъ дерева съ грубо нацарапанными глазами, носомъ и ртомъ... Чурбанъ ставятъ вертикально, врывая его въ землю. Около подножья чурбана разстилается бѣлая скатерть, на которой раскладываютъ принесенные караваи хлѣба, блины и сваренное мясо, а на вершинѣ чурбана ставятъ зажженную восковую свѣчку. Затѣмъ, всѣ присутствующіе на поминкахъ дѣлаютъ по три поклона и садятся около скатерти вблизи пылающаго костра. Послѣ этого, старшій въ родѣ усопшаго беретъ ножикъ и отрѣзываетъ по ломтю хлѣба и раздаетъ каждому по блину и куску варенаго мяса, оставляя равную часть и тѣни усопшаго, которую изображаетъ чурбанъ-идолъ. Эту часть кладутъ въ вырытую около чурбана ямочку... Подвыпивши порядкомъ, начинаютъ плясать подъ скрипку... По окончаніи пиршества, вновь кланяются по три раза въ землю уже чурбану, представляющему усопшаго, и уѣзжаютъ домой. (Юба справляется чаще въ свободное отъ полевыхъ работъ время)“²⁾.

Такимъ образомъ, по словамъ только-что цитованнаго автора, чурбанъ въ видѣ грубой человѣческой фигуры, представляющій собой усопшаго, ставится не на могилѣ, какъ это намъ приходилось наблюдать, а гдѣ-то въ лѣсу. Нельзя не отнести съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ этому сообщенію о мѣстѣ постановки, не подтверждаемому ни литературными данными, ни нашими личными наблюденіями.

Другое подробное описаніе этихъ поминокъ съ приготовленіемъ столба мы имѣемъ для чувашей Чистопольскаго у. Когда все готово для поминокъ, то запрягаютъ лошадь, привязываютъ къ дугѣ колокольчикъ и ѣдутъ въ лѣсъ. Туда берутъ съ собой полштофъ водки, свареннаго пѣтуха и блиновъ—для того, чтобы угостить покойника. Въ лѣсъ привозится еще кошма или войлокъ. Въ лѣсу срубаютъ липу, не очень тонкую,—приблизительно вершка четыре или пять толщины и около двухъ аршинъ длины. Кору съ такого

¹⁾ Религіозные обряды черемисъ, 66.

²⁾ „Самарскія Епарх. Вѣд.“, 1874, 233—235.

чурбана соскабливают и ставят его столбомъ (йоба). На верхнюю часть этого столба надѣваютъ нѣчто въ родѣ фуражки, сдѣланной изъ той же липы и называемой „салѡм“. Этотъ столбъ обертываютъ войлокомъ и везутъ домой. Привезенныя кушанья всѣ оставляютъ въ лѣсу, а водку выпиваютъ сами, выливая часть на землю покойнику. Когда приѣзжаютъ домой, то этотъ столбъ на томъ же войлокѣ, которымъ онъ былъ обернутъ, четыре человѣка несутъ въ избу, какъ покойника, укладываютъ на заранѣе устланный периною коникъ ¹⁾ и одѣваютъ чѣмъ-нибудь, какъ бы человѣка. Если поминаютъ дѣвицу, то надѣваютъ на столбъ головной уборъ, называемый „тохья“, который дѣвица носила при жизни. Послѣ этого начинаютъ играть на скрипкѣ, пляшутъ, нѣкоторые плачутъ... Затѣмъ, всѣ отправляются на могилу помянуть покойника; туда же везутъ и привезенный изъ лѣсу столбъ, ставятъ его на могилу и говорятъ, будто это—домъ покойника.

Вернувшись съ кладбища, поминаютъ покойника всю ночь до разсвѣта. Къ свѣту же готовятся провожать покойника, который, предполагается, присутствуетъ на поминкахъ ²⁾. Иногда бываетъ, что, пролежавъ нѣкоторое время въ жаркой комнатѣ, чурбанъ начи-

Рис. 1.

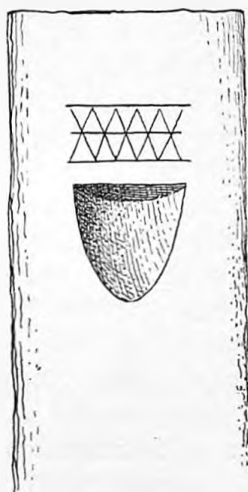

Рис. 2.

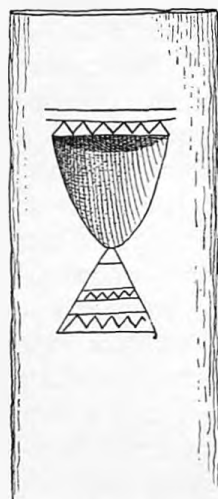

Рис. 3.

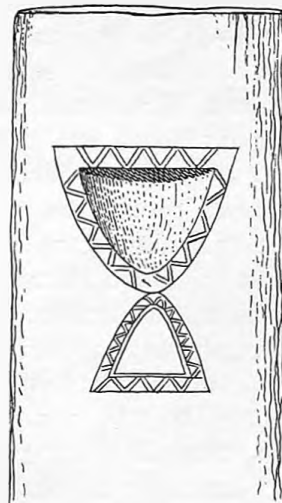

Рис. 4.

наетъ отпотѣвать. Чуваши тогда тревожатся: по ихъ вѣрованію, это—явный признакъ грустнаго расположенія духа покойника. Чтобы утѣшить его, пляшутъ съ большимъ азартомъ и усиленно угощаютъ своего гостя ³⁾.

Только-что приведенныя лучшія описанія поминокъ (остальныя—повторенія или варианты этихъ двухъ), намъ кажется, даютъ достаточно полное о нихъ представленіе. На этихъ поминкахъ покойникъ уже реально фигурируетъ подъ видомъ столба.

Въ параллель къ нимъ мы можемъ привести массу аналогичныхъ фактовъ изъ этнографической литературы Поволжья. У черемисъ Царевококшайскаго у. покойника изображаетъ свитокъ его одежды. Послѣдній кладется на почетномъ мѣстѣ, къ нему обращаются, какъ къ живому лицу, съ нимъ пляшутъ поочереды всѣ присутствующіе. То же дѣлается и въ Чебоксарскомъ у. У мордвы Пензенской губ. покойника представляетъ кукла, одѣтая

¹⁾ Коникъ—лавка у входныхъ дверей.

²⁾ Магнитскій, 180—181.

³⁾ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XIX.

въ его одежду ¹⁾, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ—напримѣръ, у мордвы Городищенскаго у. и у черемисъ Макарьевскаго у. (Нижегород. губ.)—его одежда, развѣшенная на стѣнѣ или разложенная на почетномъ мѣстѣ. Самымъ нагляднымъ образомъ фигурируетъ покойникъ подъ видомъ ряженаго. У черемисъ Царевококшайскаго у. умирающій обыкновенно самъ назначаетъ лицо изъ числа самыхъ близкихъ, которое на поминкахъ будетъ изображать умершаго. Играющій роль покойнаго надѣваетъ его платье, и всѣ присутствующіе обращаются къ нему, какъ къ умершему: вдова зоветъ его мужемъ, дѣти—отцомъ. „Покойникъ“ ѣстъ, пьетъ, пляшетъ наравнѣ съ другими. На другой день сынъ отправляется провожать покойнаго. Пріѣхавши на кладбище, покойнаго садятъ на могилу; игравшій эту роль быстро сбрасываетъ съ себя одежду покойнаго, и, затѣмъ, весь поѣздъ мчитъ безъ оглядки домой (Кузнецовъ). У мордвы Нижегородской губ. покойника изображаетъ выбранный родственникъ, который, такъ же какъ и у черемисъ, наряжается въ одежду умершаго и садится на перину или подушку, на которой тотъ умеръ. Замѣститель покойника рассказываетъ подробно о своей загробной жизни и о жизни всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Его въ продолженіе всей ночи угощаютъ и веселятъ. Наутро воображаемаго покойника на перинѣ выносятъ къ телѣгѣ и везутъ на кладбище. Тамъ на этой же перинѣ и подушкѣ переносятъ и садятъ на могилу. Затѣмъ, угощаютъ и прощаются. Quasi-покойникъ кланяется присутствующимъ, потомъ быстро подымается съ могилы и бросаетъ на телѣгу перину и подушку ²⁾. У пермяковъ Чердынскаго и Соликамскаго уу. покойника на поминкахъ (въ 40-й день) изображаетъ обмывавшій умершаго.

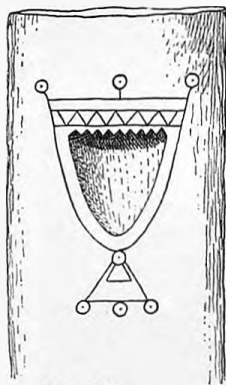

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что покойниковъ приглашаютъ, и они невидимо присутствуютъ на поминкахъ, или, вмѣсто нихъ, дѣлается изображеніе умершаго, или, наконецъ, покойника представляетъ кто-нибудь изъ присутствующихъ. Но, подъ какимъ бы видомъ ни присутствовалъ покойникъ, слишкомъ долгое пребываніе его среди живыхъ нежелательно, и, поэтому, поминающіе стараются отправить его обратно въ могилу до слѣдующихъ поминокъ. Оставаясь долго среди живущихъ, души могутъ причинить вредъ, болѣзнь, безпокойство,—наконецъ, предъявить чрезмѣрныя требованія, и потому естественно, что поминки заканчиваются проводами болѣе или менѣе торжественными, постановкой столба на могилѣ, сажаніемъ ряженаго.

Этимъ обрядомъ обыкновенно и заканчивается періодъ (40 дней, мѣстами болѣе), въ который родные обязаны правильно снабжать покойника пищей. Онъ пріобщается къ ранѣе умершимъ и поминается съ ними вмѣстѣ въ установленное для этого время или когда явится въ сновидѣніи кому-нибудь изъ родственниковъ, требуя себѣ нужной жертвы.

Обратимся теперь къ столбамъ, въ которыхъ, по мнѣнію чувашей, интернируется (по крайней мѣрѣ, временно) душа покойника и которые, по словамъ Магнитскаго, называютъ „домомъ покойника“.

¹⁾ „Пенз. Еп. Вѣд.“ 1870, № 15.

²⁾ „Нижегородскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1887 и 1893 гг.

Какъ мы уже упоминали, столбы эти обыкновенно бываютъ около двухъ аршинъ высоты и отъ 4 до 5 вер. въ діаметрѣ. Дѣлаются они, по словамъ однихъ авторовъ, изъ березоваго дерева, по словамъ другихъ—въ чемъ и мы могли убѣдиться—изъ дубоваго и липоваго, причемъ видѣнные нами столбы дубовые были надъ могилами мужчинъ, липовые—женщинъ. „На столбѣ этомъ, отступя отъ верху его на четверть, дѣлають продолговатую желобинку до самой могилы. Иные (вмѣсто столбовъ) кладутъ на могилахъ камни, на которыхъ изсѣкають нѣкоторые знаки, называемые ими „тура“, означающіе какъ покойника, такъ и его родственниковъ, чтобы ихъ потомки могли узнать, кто такой и чей родственникъ схороненъ“¹⁾. Магнитскій, описывая старинное чувашское кладбище, говоритъ, что на западной сторонѣ могилъ (въ д. Чешламѣ) ставятъ стоймя известковыя плиты съ выдолбленными на верхушкахъ ямками²⁾. Другіе авторы, на основаніи своихъ личныхъ наблюдений, утверждаютъ, что на столбахъ грубо нацарапаны глаза, носъ и ротъ³⁾.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

Г-нъ Прокопьевъ, сообщая, что на видѣнныхъ имъ столбахъ вырѣзано подобіе носа, рта и глазъ, прибавляетъ даже, что во время поминокъ въ ротъ чурбана кладутъ монетки⁴⁾.

Имѣя возможность лично изучить надгробные памятники на кладбищахъ (мазар) чувашей-язычниковъ д. д. Ст. Афонькиной и Серезкиной (Самар. г., Бугульм. у.), гдѣ такихъ памятниковъ имѣлось болѣе ста, я сдѣлалъ фотографіи и рисунки наиболѣе изъ нихъ характерныхъ, исчерпывающихъ всѣ имѣющіяся данныя. Оказалось, что, кромѣ матеріала (какъ мы упоминали, дубовые столбы

надъ могилами мужчинъ, липовые—женщинъ), есть еще одно, сразу бросающееся въ глаза, отличіе мужскихъ столбовъ отъ женскихъ, именно—орнаментъ.

На всѣхъ безъ исключенія видѣнныхъ мною столбахъ, отступя на нѣкоторое разстояніе отъ вершины, высѣчены топоромъ углубленія, называемыя чувашами головой (путь), причемъ на всѣхъ дубовыхъ столбахъ вырѣзанъ надъ углубленіемъ-головой несложный геометрической орнаментъ (фотогр. № 1 и рис. №№ 1 и 2), означающій головной уборъ—шапку. Столбовъ безъ этого орнамента я не видѣлъ ни одного. Такимъ образомъ, признаками, характеризующими столбы надъ могилами мужчинъ, являются только матеріалъ (дубовое дерево) да ямка съ узкой полоской орнамента надъ ней (голова съ шапкой). Несравненно сложнѣе орнаментъ липовыхъ столбовъ надъ могилами женщинъ. Здѣсь на всѣхъ столбахъ подъ углубленіемъ - головой вырѣзанъ треугольникъ, изображающій

¹⁾ „Странникъ“ 1899 г.

²⁾ Магнитскій, стр. 166.

³⁾ См. выше описаніе приготовления столба.

⁴⁾ „Изв. Об. Арх., И. и Э.“ т. XIX, стр. 239, 241.

„сурпан жакы“—нагрудное украшеніе замужнихъ женщинъ (см. фот. №№ 2 и 3 и рис. №№ 3—6). Кромѣ того, углубленіе на многихъ столбахъ окружено геометрическимъ орнаментомъ, изображающимъ „сурпан пусь“ — головное полотенце, которымъ чувашки повязываютъ себѣ голову (см. фот. № 3, рис. №№ 4—6). Для большей наглядности и сравненія, мы помѣщаемъ, вмѣстѣ съ фотографіями столбовъ и ихъ рисунками, фотографію (№ 4) замужней чувашки Бугульм. уѣзда съ повязанными „сурпан пусь“ головами и съ „сурпан жакы“ на груди. Наибольшей сложностью отличается орнаментъ столба на рис. № 6 (сдѣланъ съ экземпляра, находящагося въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Русскаго Музея Императора Александра III), гдѣ изображены даже висящіе концы маленькаго головнаго полотенца „пусь тутри“, которые мы ясно видимъ на фот. № 4 (слѣва).

Совершенно особый орнаментъ столба—на рис. № 7. Самый столбъ, какъ и предыдущіе, сдѣланъ былъ изъ липоваго дерева,—слѣдовательно, стоялъ надъ могилой женщины. Между тѣмъ, мы не видимъ ни обычнаго для женскихъ столбовъ орнамента, изображающаго „сурпан жакы“, ни орнамента, изображающаго „сурпан пусь“. Дѣло въ томъ, что какъ „сурпан жакы“, такъ и „сурпан пусь“ носятъ исключительно замужнія женщины, дѣвушки же на головѣ носятъ конусообразную бисерную шапочку, обшитую внизу монетами, „тохья“, а на шеѣ носятъ „мизихи“ — ожерелье, состоящее изъ сургааа монета, бусъ и мѣдныхъ монетъ. Эти-то вотъ характерныя отличія дѣвичьяго туалета отъ женскаго и воспроизведены на помѣщаемомъ здѣсь рисункѣ съ изображеніемъ столба, который ставится надъ могилой дѣвушки.

Рис. 12.

Рис. 13.

Оставляя въ сторонѣ, за недостаткомъ матеріала, вопросъ о формѣ и значеніи надгробныхъ столбовъ у чувашей другихъ мѣстностей, мы можемъ констатировать, что надгробный столбъ у чувашей-язычниковъ Бугульминскаго у., Самарской губ., является изображеніемъ погребеннаго въ данной могилѣ покойника. Это явствуетъ какъ изъ обрядовъ, связанныхъ съ изготовленіемъ и постановкой столба, и его значенія при поминкахъ, такъ и изъ самой формы (имѣемъ въ виду орнаментировку) и матеріала, изъ котораго столбъ изготовляется.

Мы уже упоминали о томъ, что иногда, вмѣсто столбовъ, чувашаи ставятъ надъ могилами каменные плиты. И, дѣйствительно, на кладбищахъ, мною изслѣдованныхъ, оказалось около десяти штукъ каменныхъ четырехгранныхъ плитъ, поставленныхъ стоймя. Рисунокъ № 5, сдѣланный съ подобной каменной плиты, показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло со столбомъ, отличающимся отъ другихъ только своимъ матеріаломъ и имѣющимъ характеръ, общій всѣмъ троимъ. Отмѣчу еще, что большинство каменныхъ плитъ стояло надъ могилами чувашей, перешедшихъ въ магометанство и похороненныхъ на общемъ съ язычниками кладбищѣ.

Чрезвычайно интересны также копьевидныя дощечки, которыя мы находимъ около каждаго столба (см. фот. №№ 1, 2, 3). Кромѣ тѣхъ, которыя изображены на фотографіяхъ, мы имѣемъ еще рисунки четырехъ характерныхъ такъ называемыхъ „Ъре калак“—сердечная лопата (см. рисунки №№ 7—10). Дѣлаются онѣ изъ липоваго дерева отъ 125—152 см. длины.

Если у насъ слишкомъ мало литературныхъ данныхъ относительно столбовъ (юба), то о „Ъре калак“ мы не имѣемъ уже почти ничего. Только Магнитскій, при описаніи одного кладбища, говоритъ, что на нѣкоторыхъ могилахъ воткнуты столбики изъ досокъ съ фигуркой на вершинѣ¹⁾. Одинъ авторъ замѣчаетъ также, что на могилахъ чуваши вѣшаютъ на *сошкахъ* полотенца²⁾. Мнѣ чуваша сообщили, что „Ъре калак“ ставится на могилѣ непосредственно сейчасъ же (мѣстами на третій день) послѣ похоронъ, тогда какъ „юба“ (о чемъ мы уже упоминали)—послѣ большихъ поминокъ 40-го дня или въ

ноябрѣ мѣсяцѣ. Относительно цѣли, съ которою ставится эта „лопатка“, мнѣ не удалось узнать ничего опредѣленнаго.

Нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе „Ъре калак“, какъ мнѣ кажется, можетъ пролить фактъ, извѣстный относительно мордвы, у которой черезъ три дня послѣ погребенія родные являются на могилу съ тремя осиновыми колами, забиваютъ ихъ умершему въ лобъ, сердце и животъ и просятъ землю принять покойника и не выпускать его³⁾. Этотъ обрядъ, совершаемый мордвою, въ данномъ случаѣ покажется еще болѣе важнымъ, если мы обратимъ вниманіе на самое названіе „Ъре калак“—сердечная лопата.

Рис. 14.

Рис. 15.

Къ сожалѣнію, повторяемъ еще разъ, до настоящаго времени слишкомъ мало изученъ этотъ крайне интересный сюжетъ, и мы увѣрены, что въ самомъ близкомъ будущемъ Этнографическій Отдѣлъ будетъ обладать настолько достаточнымъ количествомъ матеріала, относящагося къ надгробнымъ памятникамъ чувашей-язычниковъ, что можно будетъ всесторонне изслѣдовать этотъ вопросъ.

С. Руденко.

¹⁾ Магнитскій, стр. 166.

²⁾ „Странникъ“, апрѣль 1899 г.

³⁾ Смирновъ. Мордва, 177.

Рай Сукавати.

Существует старинная буддйская легенда о раѣ Сукавати. Она гласитъ:

„Однажды Будда сидѣлъ въ садахъ Срасвати и сказалъ Сарипутрѣ и окружавшимъ его 1250 ученикамъ: „Въ западныхъ странахъ, болѣе чѣмъ за сто тысячъ миріадъ міровъ отъ нашей земли, находится Саквала, именуемая Сукавати (Sukhâvatî)— страна безконечнаго счастья. Край этотъ окруженъ семью рѣзными сводами, семью рядами драгоцѣнныхъ занавѣсей, семью поясами шумящихъ деревьевъ. Тамъ находится семь озеръ, гдѣ вода обладаетъ всѣми восемью качествами (прозрачностью и чистотою, освѣжающею рѣзкостью, сладостью вкуса, мягкостью, силою плодородія для окрестностей, спокойствіемъ, свойствомъ предотвращать голодъ, производительностью). На озерахъ растутъ цвѣты лотоса, размѣрами съ колеса возовъ, и цвѣта ихъ—голубые, желтые, красные и бѣлые. Тысячи буддъ пребываютъ здѣсь, приходя изъ другихъ міровъ, чтобы насладиться въ этой счастливѣйшей странѣ.

„О, Сарипутра! Въ раю этомъ находятся всѣ способы услаждать красотою чувства; птицы всѣхъ породъ и оттѣнковъ вѣчно поютъ тамъ хвалу Закону, такъ что всѣ рождающіеся въ этой странѣ, слыша эти звуки, сами чувствуютъ потребность призывать Будду, Законъ и Святыхъ. Но ошибочно думать, что эти птицы возродились въ раю въ видѣ искупленія за грѣхи въ высшихъ перерожденіяхъ; здѣсь не существуетъ ни одного изъ трехъ видовъ злого рожденія (т.-е. какъ животное, демонъ или асура). Это—рай Будды Амитабы, а потому, какъ въ странѣ всесовершенной радости, всѣ рождаются тамъ, чтобы больше не возвращаться на землю (т. наз. *Avaiivartya*). Среди нихъ, однако, пребываетъ и великое множество тѣхъ существъ, которымъ осталось еще разъ возродиться на землѣ, чтобы достигнуть всесовершенства.

„О, Сарипутра, если бы всѣ смертные преисполнились желанія переродиться въ этомъ раю! Попавъ туда, они приобрѣли бы блаженную способность явиться въ міръ только одинъ разъ, какъ великіе мудрецы и учителя, и тѣмъ достигнуть Нирваны. А для этого достаточно добродѣтельнымъ людямъ въ теченіе 7 дней призывать имя Амитабы Будды, сохраняя это время сердца свои чистыми отъ мірскихъ помысловъ. Поступая такъ, эти добродѣтельные люди увидятъ во снѣ—незадолго до смерти—явленіе Амитабы и всѣхъ его святыхъ, а въ часъ кончины, если сердца ихъ не отвратятся отъ Истины, они отойдутъ отъ земной жизни съ тѣмъ, чтобы возродиться въ странѣ Амитабы Будды!..“¹⁾

¹⁾ См. дословно у Beal, *Catena*; pp. 378 et seq. Chinese version of Kumârajîva as it is found in the Shan-mun-yih-tung.

Эта легенда о раѣ Сукавати явилась въ ученіи такъ называемой Большой Колесницы (Maññāyāna), т.-е. около VII вѣка по Рожд. Хр. Ученіе это, какъ извѣстно, считаетъ cadaго земного Будду въ матеріальномъ отношеніи только рефлексомъ, эманацией Діяни-Будды, пребывающаго въ нѣкоемъ эфирѣ, въ мірахъ отвлеченныхъ идей и мистическаго трансa. Изъ пяти Діяни-Буддъ наиболѣе почитается четвертый, Амитаба, котораго бодисатвой является Падмапани-Авалокитешвара, а эманацией—Готама (историческій Будда).

Rhys Davids ¹⁾, а за нимъ Grünwedel ²⁾ высказываютъ увѣренность, что все сложное ученіе Махайяны носить на себѣ несомнѣнные признаки гностическихъ ученій персидскаго христіанства,—именно ученія объ Эонахъ или Эманацияхъ. На это можетъ указывать какъ самое мѣстоположеніе Сукавати далеко на западѣ, такъ и имя Амитаба—„неизмѣримый свѣтъ“, что несомнѣнно указываетъ на непосредственную связь съ древне-персидскою религіею культа свѣта. Дѣйствительно, эта часть ученія Махайяны въ корнѣ противорѣчитъ агностическому атеизму, составляющему основу ученія Готама Шакья Муни; поэтому, „вѣра въ Діяни-Буддъ никогда не считалась ортодоксальной даже въ Тибетѣ“ ³⁾.

„Хотя многія изъ таинственныхъ существъ, рисуемыхъ воображенію сѣвернаго буддизма,—говоритъ одинъ изслѣдователь этой религіи,—никогда не имѣли своихъ изображеній въ храмахъ, но рай Амитабы (кит. Уо-Shī-Fo) нерѣдко встрѣчается не только въ видѣ картинъ, но и въ видѣ отдѣльныхъ маленькихъ храмовъ (сумэ). Амитабѣ поклоняются какъ божеству, смягчающему страданія и горести и удлиняющему жизнь; фактически онъ и является символомъ этого...“ ⁴⁾.

Трогательно описываетъ блаженство въ раю Амитабы одна старинная китайская легенда ⁵⁾:

Во время сунской династіи жила одна набожная женщина съ двумя прислужницами, думая только о „странѣ счастья“ (Sukhāvati). Одна изъ прислужницъ умерла безъ всякой болѣзни и страданій и ночью явилась своей подругѣ сообщить, что она—въ раю Амитабы. Набожная хозяйка не повѣрила рассказамъ оставшейся въ живыхъ служанки, убѣдившись лишь, когда на слѣдующую ночь благоуханія наполнили домъ: умершая снова явилась и взяла свою госпожу, чтобы показать ей свое новое жилище. Безконечно большое озеро покрыто было множествомъ красныхъ и бѣлыхъ лотосовъ: однихъ—въ цвѣту, другихъ—еще распускающихся. Все это были души людей, живущихъ еще на землѣ, мысли которыхъ неизмѣнно направлены на это мѣсто спасенія. Первое стремленіе души къ раю Амитабы даетъ тамъ завязь цвѣтка, которая каждый день все больше распускается въ прекрасный цвѣтокъ, источающій, подъ конецъ, цѣлые снопы свѣта. Набожная старушка видѣла лотосы—не только воплощеніе душъ умершихъ, но и живыхъ, даже свой собственный цвѣтокъ,—такъ что душа, подвизающаяся въ добродѣтели, уже заранѣе обрѣтается въ странѣ блаженства, хотя бы тѣло и пребывало еще въ нашемъ измѣнчивомъ мірѣ.

Изображеніе рая Сукавати, по-монгольски Диваджинъ (тиб. bDe-ba-can), находящееся въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Русскаго Музея Императора Александра III (колл. № 1505), было исполнено бурятами-художниками (зураші) въ забайкальскихъ дацанахъ—Гусиноозерскомъ и Гегетуевскомъ. Образцами служили: диваджинъ Гусиноозерскій и одна картина большихъ размѣровъ монгольскаго письма, изображающая пекинскій диваджинъ.

¹⁾ Rhys Davids. Buddhism, p. 207.

²⁾ Alb. Grünwedel. Buddhistische Kunst in Indien. S. 170.

³⁾ Rhys Davids, op. cit., p. 207.

⁴⁾ Joseph Edkins. Chinese Buddhism, p. 235.

⁵⁾ Schott. Über den Buddhismus in China und Hochasien. Abhandlungen der philosophisch-philologischen Klasse der Kön. preussischen Akademie. 1846. S. 55, 56. Почти цѣликомъ приведена эта легенда у Grünwedel, Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei. S. 116—118.

Последняя отлично воспроизведена у Waddell'я ¹⁾ и в деталях несколько не разнится от той, которая находится в Гусиноозерском дацане. Диваджинъ находящийся в Отдѣлѣ, сдѣланъ преимущественно изъ дерева, часть листьевъ и горы — изъ склеенныхъ подъ прессомъ листовъ бумаги, и лишь нѣсколько „бурхановъ“ изъ бронзы очень плохой работы исполнено на русскомъ Петровскомъ заводѣ в Забайкальской обл.

Фигуры расположены на трехступенной пирамидѣ неправильной формы (см. таблицу и рис. 1). Посрединѣ верхней, третьей ступени высится массивный рѣзной тронъ, на которомъ сидитъ бронзовый Будда-Амитаба в своей формѣ Амитаюса (Абида) (рис. 1—а). Надъ нимъ раскинуло свои вѣтви дерево Бодди (рис. 1—b); листья его рельефно сдѣланы изъ картона разныхъ цвѣтовъ; на концѣ каждой вѣтви—рѣзной изъ дерева цвѣтокъ лотоса.

Престоль Амитабы-Будды окруженъ восемью (по четыре съ каждой стороны) бронзовыми изображеніями бодисатвъ (рис. 1—с), трудно поддающихся опредѣленію в виду полного недостатка атрибутовъ. Передъ самымъ престоломъ,—съ лицами, обращенными на

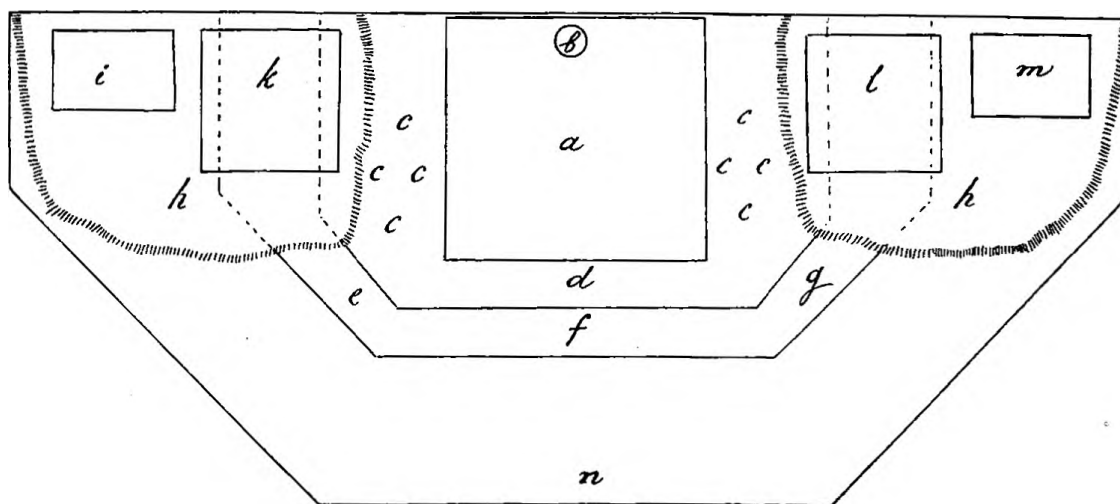

Рис. 1.

центральную фигуру божества,—находятся изображенія девяти сидящихъ ламъ (рис. 1—d), съ маленькими четками изъ бисера передъ каждымъ; фигуры ламъ весьма искусно вырѣзаны каждая изъ цѣльнаго куска твердаго дерева и раскрашены лаковыми красками.

На узкой ступени, огибающей верхній ярусъ, стоятъ изящно вырѣзанные изъ дерева цвѣты лотоса (рис. 1—с, f, g); нѣкоторые изъ нихъ, какъ въ вышеприведенной легендѣ, еще не вполне раскрылись, другіе уже развернули свои разноцвѣтные вѣнчики, и изъ нихъ появляются фигуры ламъ и „простыхъ душъ“ съ молитвенно сложенными руками. Интересны костюмъ и фигура статуэтокъ, изображающихъ души мірянъ, возрождающихся въ раю: въ нихъ замѣчается несомнѣнное вліяніе древнихъ индусскихъ бронзъ, встрѣчающихся изрѣдка въ сѣверныхъ буддійскихъ монастыряхъ ²⁾. Удлиненное туловище—съ весьма тонкой, длинной таліей; верхняя часть туловища обнажена и украшена длинными ожерельями, спускающимися почти до колѣнъ. Нѣкоторыя фигуры изображены уже отдѣлившимися отъ

¹⁾ Waddell. Buddhism in Tibet.

²⁾ Напр., изображ. № 176 у проф. А. Грюнвельдъ—„Обзоръ собранія предметовъ ламайскаго культа, кн. Э. Э. Ухтомскаго“. Bibliotheca Buddhica. VI. Изданіе Императорской Академіи Наукъ.

своего цвѣтка и, подвѣшенные на тонкой проволоцѣ, какъ бы летятъ къ престолу „будды безконечнаго свѣта“.

По сторонамъ трона, занимая всѣ три уступа пирамиды, спускаются плавными изгибами горы, сдѣланныя изъ картона, раскрашеннаго разноцвѣтными красками (рис. 1—h); на каждой горѣ находятся двѣ двухъ-этажныя пагоды (рис. 1—i, k, l, m) съ изображеніями божествъ. „Бурханы“ въ этихъ пагодахъ, по своему значенію, не представляютъ, повидимому, ничего строго опредѣленнаго, а стоятъ чисто случайно: медицинскій будда Оточи, зеленая и бѣлая Тара, Дзонъ-хова,—вотъ наиболѣе распространенныя божества. Изъ пупка центральной фигуры Амитабы исходятъ лучи, изображенные радужной полоской матеріи, и соединяются съ божествами, стоящими въ пагодахъ; при этомъ, слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ извѣстныхъ намъ диваджинахъ лучи изъ пупка Будды-Амитабы соединяются съ изображеніями Арьяболо (Авалокитешвара) и Дзонъ-ховы; Падмапани - Авалокитешвара является, какъ извѣстно, соответствующимъ бодисатвой Діяни-Будды—Амитабы, а великій реформаторъ сѣвернаго буддизма, Дзонъ-хова, считается у своихъ послѣдователей перерожденіемъ бодисатвы Манжушри. Я долженъ оговориться, что ламы Гусиноозерскаго дацана не могли объяснить, зачѣмъ существуютъ упомянутыя радужныя полосы, изображающія лучи; нѣкоторые даже полагали, что это—просто украшенія. Надо замѣтить, что познанія большинства ламъ относительно мифологіи и иконографіи ламаизма крайне поверхностны.

На вышеописанныхъ горахъ съ пагодами нарисовано на каждой по озеру, стилизованному довольно грубыми волнистыми линіями; изъ озеръ на нижнюю ступень пирамиды вытекаютъ рѣчки, образующія на ней три большихъ соединенныхъ между собою протоками озера (рис. 1—o). По берегу этихъ озеръ расположены цѣлыя лѣса изъ небольшихъ деревьевъ, пестро раскрашенныхъ. Эти деревья трудно опредѣлить сразу по странной грибовидной формѣ ихъ листьевъ: мы склонны видѣть въ нихъ въ сильной степени стилизованную пальму. На берегу озеръ растутъ нѣсколько цвѣтковъ лотоса съ выходящими изъ нихъ душами, какъ на среднемъ уступѣ. На самомъ первомъ планѣ (рис. 1—п), на высокомъ, широко-распустившемся цвѣткѣ лотоса, стволъ котораго украшенъ бутонами и плодами, помѣщается бронзовое изображеніе земнаго будды—Шакья-Муни въ „позѣ свидѣтельства“. Эта фигура тоже соединена съ центральной фигурой Амитабы радужной полоской—лучомъ. Будда Шакья-Муни является земнымъ перерожденіемъ Діяни-Будды Амитабы, и эта мистическая связь, повидимому, олицетворяется посредствомъ лучей, исходящихъ изъ пупка Абуды.

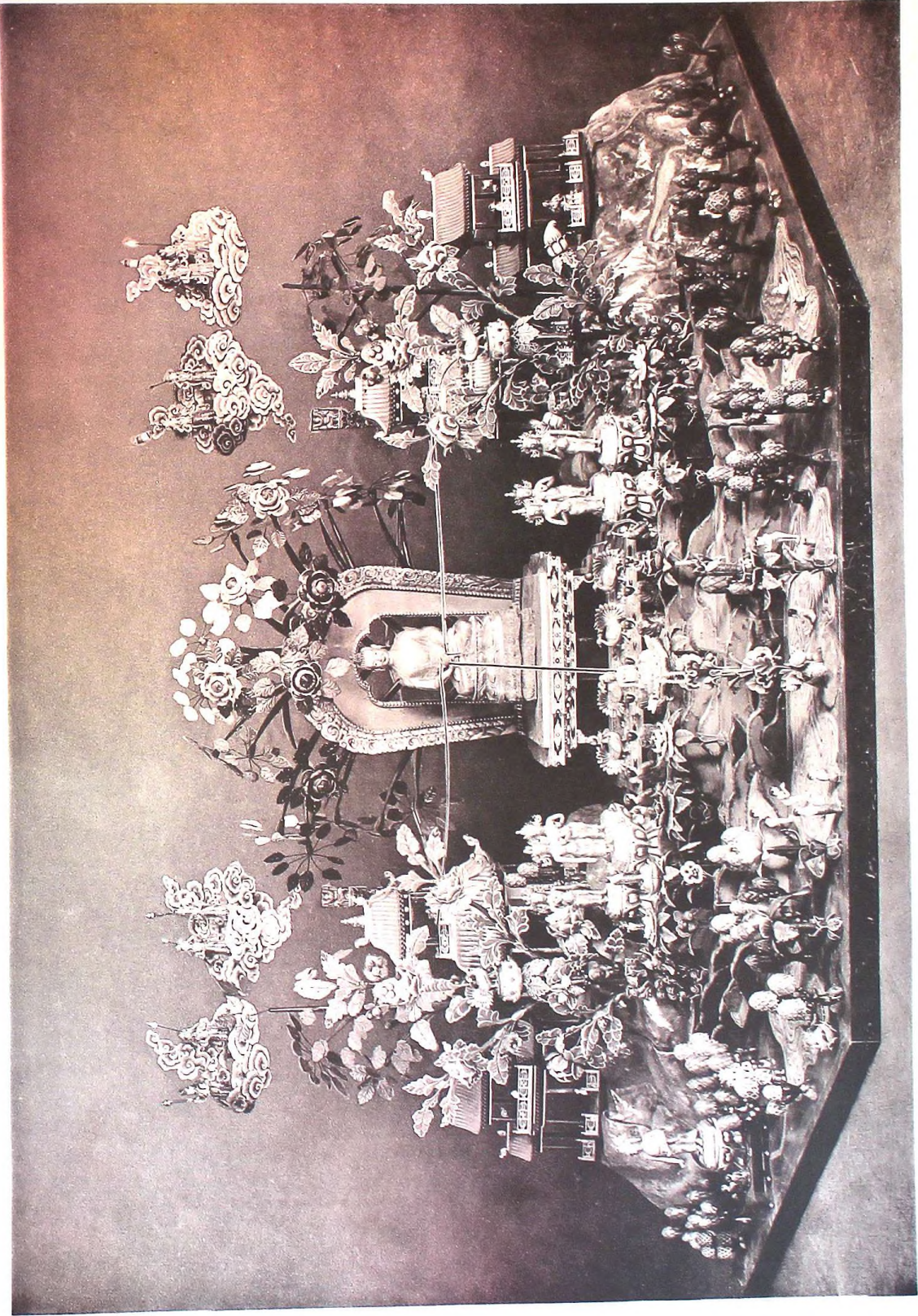
На самомъ верху рая (см. табл.), какъ бы паря въ воздухѣ,—цѣлый рядъ облаковъ типичной китайской стилизованной формы; на нихъ расположены изображенія духовъ воздуха съ разнообразными атрибутами. На таблицѣ показаны лишь 4 облака; на самомъ дѣлѣ ихъ—8, но недостатокъ мѣста во временномъ помѣщеніи для коллекціи помѣшалъ намъ размѣстить остальные группы облаковъ, ни въ чемъ, впрочемъ, не отличающіяся отъ изображенныхъ на таблицѣ.

Какъ намъ пришлось наблюдать въ буддійскихъ монастыряхъ Забайкальской области, диваджины помѣщаются обыкновенно въ отдѣльномъ строеніи. Ихъ украшаютъ, какъ алтари,—хадаками, четками, курильницами. Необходимой принадлежностью являются: громовой жезль (перунъ)—вачжра (тиб. бум-па) и колокольчикъ гханта (тиб. дрилъ-пу), цѣлая серія маленькихъ жертвенныхъ чашечекъ, лампадъ и—принадлежность каждаго алтаря—жертвенное зеркало адарша (тиб. мэ-лонгъ).

Изображеніе рая Сукавати (колл. № 1505) состоитъ изъ 107 нумеровъ и 492 отдѣльныхъ предметовъ. Это—часть коллекціи по ламайскому культу, собранной кн. Э. Э. Ухтомскимъ и Высочайше дарованной Государемъ Императоромъ Этнографическому Отдѣлу Русскаго Музея.

Кн. Д. Ухтомскій.

Музейная реконструкция восточного храма, в. л.

Плащъ и бубенъ якутскаго шамана.

Въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Русскаго Музея Императора Александра III собрано уже не мало шаманскихъ плащей разныхъ сибирскихъ народностей. Къ сожалѣнiю, въ Отдѣлѣ не доставлено ни одного сколько-нибудь подробнаго описанiя костюма и его частей, съ указанiемъ ихъ назначенiя,—описанiя, сдѣланнаго на мѣстѣ на основанiи разспросовъ, если не у шамана, то у толковыхъ и свѣдущихъ людей. Мало того, мы тщетно пытались бы найти такое описанiе и въ этнографической литературѣ, хотя шаманству вообще посвящено довольно много работъ, начиная съ самыхъ старыхъ изслѣдователей (Гмелинъ, Георги, Палласъ) и кончая позднѣйшими (Михайловскiй, Сѣрошевскiй, Трощанскiй). Каждый изъ нихъ, собственно, повторялъ своего предшественника, внося, съ своей стороны, лишь незначительныя дополненiя и высказывая болѣе или менѣе удачныя соображенiя и догадки о значенiи тѣхъ или другихъ принадлежностей шаманскаго костюма. Очевидно, усилiя каждаго изслѣдователя, какъ бы онъ ни былъ заинтересованъ предметомъ, разбивались о встрѣчавшiяся ему на первыхъ же порахъ препятствiя: незнакомство съ мѣстнымъ языкомъ и необходимость прибѣгать къ посредству полуграмотныхъ переводчиковъ, отсутствiе связей среди представителей данной народности и вытекающее отсюда недовѣрiе къ изслѣдователю со стороны опрашиваемыхъ лицъ, естественное опасенiе послѣднихъ — какъ бы кощунственнымъ разъясненiемъ природы разныхъ духовъ, представленныхъ на шаманскомъ костюмѣ, не накликать на себя какой-либо бѣды, и т. д.

Говоря о роли, какую играетъ одежда въ шаманскихъ мистерiяхъ, г. Михайловскiй ¹⁾ находитъ, что разныя ея части и принадлежности имѣють тройное значенiе. Во-первыхъ, „шаманы наружнымъ видомъ своего костюма, вслѣдствiе его необычайной своеобразности, стараются произвести сильное впечатлѣнiе на зрителей“; во-вторыхъ, „звукъ колокольчиковъ, металлическихъ привѣсокъ и погремушекъ на бубнѣ дѣйствуютъ потрясающимъ образомъ на присутствующихъ и возбуждаютъ въ нихъ извѣстнаго рода настроенiе“; наконецъ, въ-третьихъ, „всѣ украшенiя и предметы, принадлежащiе шаману, имѣють свой опредѣленный смыслъ иногда даже мистическаго характера, понятный для шаманистовъ и тѣсно связанный съ ихъ религiознымъ мiросозерцанiемъ“ (стр. 72—73).

Другой изслѣдователь, покойный Трощанскiй, развиваетъ ту мысль, что весь плащъ въ совокупности есть таѣара, т. е. покровитель ²⁾, шамана. „Надѣвая плащъ, шаманъ прiобрѣтаетъ содѣйствiе и силу духовъ, изображенныхъ на плащѣ; это даетъ ему сверхъестествен-

¹⁾ Подробный перечень источниковъ, на которые мы здѣсь ссылаемся, читатель найдетъ ниже, въ концѣ статьи.

²⁾ Первоначальное значенiе слова таѣара — небо.

ныя свойства, благодаря которымъ онъ можетъ отправляться къ небеснымъ и подземнымъ духамъ и вступать съ ними въ переговоры, а въ крайнемъ случаѣ—и въ борьбу“ (стр. 135).

Важная роль костюма въ шаманскомъ культѣ видна изъ того, что, во-первыхъ, его приготовленіе, равно какъ приготовленіе бубна, сопровождается особыми шаманскими мистеріями и, во-вторыхъ, при посвященіи въ шаманское достоинство, обязательно одѣваютъ будущаго шамана въ шаманскій костюмъ и даютъ ему въ руки бубень съ коло-тушкой ¹⁾).

Для возможно полнаго ознакомленія съ шаманскимъ костюмомъ всего болѣе пока удалось собрать свѣдѣній лишь относительно одной народности — якутской. Кромѣ разбросанныхъ въ разныхъ изслѣдованіяхъ отрывочныхъ данныхъ, въ нашемъ распоряженіи имѣется подробное описаніе якутскаго камлальнаго костюма, сдѣланное однимъ изъ насъ (Васильевымъ) на мѣстѣ со словъ шамана Нахарскаго наслега Восточно-Кангаласскаго улуса (Якутскаго окр.). У этого же шамана былъ купленъ и его плащъ, что дало возможность получить отъ самого владѣльца непосредственно очень много цѣнныхъ сообщеній относительно различныхъ принадлежностей плаща и имѣющихся на немъ изображеній ²⁾).

Тѣмъ не менѣе, полнаго представленія о всѣхъ многообразныхъ частяхъ шаманскаго костюма изъ описанія одного какого-либо экземпляра мы не получимъ по той простой причинѣ, что разные костюмы далеко не похожи другъ на друга. Правда, каждый изъ нихъ имѣетъ нѣчто общее всѣмъ остальнымъ, но въ деталяхъ—и часто очень существенныхъ — замѣчается значительная разница. И потому, для полученія полной картины того, какую роль играетъ костюмъ въ шаманскомъ культѣ, нельзя ограничиться описаніемъ одного какого-либо костюма, а необходимо дать цѣлую серію такихъ описаній, съ указаніемъ сходныхъ и отличныхъ чертъ въ томъ или другомъ костюмѣ. Только при соблюденіи этого условія возможно будетъ впослѣдствіи возстановить основной типъ шаманскаго костюма, подвергшійся, съ теченіемъ времени, значительному отклоненію отъ своего первообраза, чѣмъ и объясняется разнообразіе подвѣшиваемыхъ къ костюму металлическихъ изображеній и побрякушекъ и различіе въ истолкованіи ихъ значенія.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены предложить вниманію изслѣдователей сильное описаніе якутскаго шаманскаго костюма и бубна, полученныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ въ 1908 году изъ Царскосельскаго арсенала ³⁾. Костюмъ этотъ заслуживаетъ преимущественнаго передъ другими вниманія какъ по полнотѣ имѣющихся на немъ изображеній, такъ и по оригинальности нѣкоторыхъ изъ нихъ, до сихъ поръ не встрѣченныхъ на якутскихъ шаманскихъ плащахъ, но имѣющихся въ томъ же или нѣсколько измѣненномъ видѣ на плащахъ другихъ сибирскихъ народностей.

Что данный костюмъ принадлежалъ якутскому шаману, а не какому-либо другому, явствуетъ изъ того, во-первыхъ, что надпись на русскомъ и французскомъ языкахъ, имѣющаяся на этикеткѣ, привѣшенной къ костюму, гласитъ, что это—„одежда шамана или якутскаго волшебника“; во-вторыхъ, въ описи Царскосельскаго арсенала подъ соотвѣтственнымъ номеромъ значится якутскій плащъ, и, въ-третьихъ, на костюмѣ имѣются всѣ необходимыя принадлежности, присущія плащу якутскаго шамана.

Покойный Н. П. Припузовъ категорически, но совершенно голословно утверждаетъ (стр. 64), что „шаманы у якутовъ не дѣлятся на черныхъ и бѣлыхъ“, между тѣмъ какъ другой изслѣдователь, Н. Н. Гороховъ, не только признаетъ такое дѣленіе, но и по-

¹⁾ Припузовъ, 54, 65.

²⁾ Самый плащъ принадлежитъ Музею Этнографіи и Антропологіи имени Петра Великаго, и описаніе плаща печатается въ „Сборникѣ“ (вып. VIII) названнаго Музея подъ заглавіемъ: „Шаманскій костюмъ и бубень у якутовъ“.

³⁾ Зарегистрованы въ коллекціи № 1374 подъ №№ 1 и 2.

ясняетъ, что костюмъ имѣется только у черныхъ шамановъ, абасы ојуна, а бѣлые шаманы, ајы ојуна ¹⁾, „не имѣютъ никакого шаманскаго костюма, не имѣютъ даже бубна“ (стр. 56). Оба изслѣдователя писали по данному предмету почти въ одно и то же время и на страницахъ одного и того же изданія, и разнорѣчіе въ ихъ показаніяхъ можетъ быть объяснено развѣ тѣмъ, что, во-первыхъ, они дѣлали свои наблюденія надъ якутами разныхъ мѣстностей и, во-вторыхъ, что нынѣ обязанности бѣлаго и чернаго шамана исполняетъ, повидимому, одно лицо.

Троцанскій, основываясь на показаніи „одной якутки, хорошо освѣдомленной относительно шаманскихъ костюмовъ“, признаетъ одинъ изъ бубновъ Якутскаго Музея (въ г. Якутскѣ) за бубень бѣлаго шамана. Въ то же время онъ считаетъ только „весьма вѣроятнымъ“ принадлежность тому же шаману самага костюма, подъ которымъ снятъ этотъ бубень, и то не на основаніи показаній упомянутой якутки, а потому, что на этомъ костюмѣ нѣтъ фигуръ животныхъ. По его мнѣнію, „вполнѣ понятно отсутствіе вышеупомянутыхъ фигуръ, такъ какъ покровители бѣлыхъ шамановъ принадлежатъ къ разряду ајы, которые не изображаются въ видѣ животныхъ“ (стр. 133). На это можно возразить, что присутствіе фигуръ животныхъ не есть необходимая принадлежность шаманскаго плаща. Намъ приходилось видѣть плащи, на которыхъ не было никакихъ изображеній животныхъ. Въ данномъ случаѣ играетъ роль та или другая степень состоятельности шамана—съ одной стороны, а съ другой—количество изображеній и разныхъ привѣсокъ, быть можетъ, находится въ зависимости отъ того, къ какому разряду шамановъ относится обладатель плаща—къ большимъ, среднимъ или низшимъ шаманамъ. По крайней мѣрѣ, у Третьякова мы читаемъ, что почти каждое изъ „изображеній идоловъ, имѣющихъ подобіе человѣка, звѣрей, птицъ и проч., ...знаменуя извѣстнаго дьявола, нашивается шаманомъ на парку тогда только, когда владѣлецъ ея пріобрѣтаетъ надъ этимъ духомъ силу, или войдетъ съ нимъ въ тѣсную связь. Поэтому числомъ идоловъ опредѣляется количество подвластныхъ шаману духовъ“ (стр. 427—428).

Такимъ образомъ, мы склоняемся къ тому мнѣнію, что г. Гороховъ вполнѣ правъ въ своемъ утвержденіи объ отсутствіи костюма у якутскихъ бѣлыхъ шамановъ, и потому описываемый нами царскосельскій плащъ мы съ полнымъ правомъ можемъ считать плащемъ чернаго шамана,—тѣмъ болѣе, что на немъ имѣются и изображенія животныхъ. Впрочемъ, отмѣтимъ, что въ одной сказкѣ (олоцхо) фигурируетъ бѣлая шаманка (ајы удаѣана) по имени Кѣн Толонон Нургустаі (Солнце Выдающаяся Юркая), у которой имѣлся не только бубень съ колотушкой, но и шаманскій плащъ ²⁾.

Что касается бубна, то у Троцанскаго (стр. 150) приведена очень цѣнная ссылка на записанное В. М. Ионовымъ заклинаніе, въ которомъ бѣлый шаманъ говоритъ, что „имѣетъ бубень, покрытый шерстью“. Въ только-что упомянутой сказкѣ (олоцхо) также фигурируютъ бѣлые шаманы съ бубнами. Сопоставляя это сообщеніе съ приведеннымъ выше показаніемъ якутки, признавшей одинъ бубень принадлежащимъ бѣлому шаману на томъ основаніи, что крестовина этого бубна не имѣетъ въ центрѣ сквознаго отверстія и обмотана волосами изъ конской гривы, мы вынуждены допустить, что утвержденіе г. Горохова, будто у бѣлыхъ шамановъ нѣтъ даже бубна, ошибочно. Но не все вѣрно и въ словахъ якутки, указавшей на сквозное отверстіе въ центрѣ крестовины, какъ на одинъ изъ отличительныхъ признаковъ принадлежности бубна черному шаману. Дѣло въ томъ, что на крестовинѣ бубна, купленнаго, вмѣстѣ съ плащемъ, у нахарскаго шамана, никакого сквознаго отверстія нѣтъ, а, между тѣмъ, бубень этотъ несомнѣнно принадлежитъ черному, а

¹⁾ абасы—злой духъ, ајы—добрый духъ, ојун—шаманъ.

²⁾ Васильевъ, рукописная сказка: Курубаі Ханнах Кулун Куллустур.

не бѣлому шаману. Единственный выходъ изъ этихъ противорѣчивыхъ данныхъ состоитъ въ предположеніи, что нынѣ, въ сознаниі якутовъ, уже утратилось строгое разграниченіе функций бѣлаго и чернаго шамановъ и употребляемыхъ ими орудій. Сами шаманы, совмѣщая въ себѣ обязанности служителей добрыхъ и злыхъ духовъ, пользуются унаслѣдованными ими бубнами или не вникая въ детали ихъ устройства, или почему-либо предпочитая одни бубны другимъ, либо будучи стѣснены въ выборѣ, такъ какъ новые бубны, повидимому, уже не дѣлаются (по крайней мѣрѣ, намъ они не попадались), а старыхъ становится все меньше и меньше. Въ какую бы сторону ни разрѣшился вопросъ о бубнахъ, подлежащій нашему описанію царскосельскій экземпляръ не заключаетъ въ себѣ отличительныхъ признаковъ, приписываемыхъ бубнамъ бѣлаго шамана, а потому мы смѣло можемъ отнести его къ бубнамъ чернаго шамана.

Кромѣ общаго описанія плаща и бубна, мы намѣрены дать также подробное описаніе каждой ихъ отдѣльной части и всѣхъ имѣющихся на плащѣ изображеній и привѣсокъ, съ объясненіемъ, по возможности, значенія того или другого изображенія, той или другой привѣски въ ряду другихъ. Для этого мы, не ограничиваясь собственными наблюденіями, будемъ, въ случаѣ надобности, прибѣгать и къ даннымъ литературы предмета.

1. Плащъ.

Плащъ шамана называется въ обиходной рѣчи ојун таңаса, ојун кырар таңаса или просто кырар таңас, т.-е. шаманская камлальная одежда. Настоящее же его названіе—куму, — слово, которое почти не приходится слышать. Сами шаманы называютъ свою одежду ѳсѹк саға (или саҕах).

Данный плащъ (см. таблицу) представляетъ собою короткій кафтанъ, сшитый изъ сравнительно новой ровдуги, т.-е. оленьей замши туземной выдѣлки. Длина бортовъ равна 0^м,76 ¹⁾, вырѣзъ ворота—0^м,42; длина рукавовъ—0^м,51, обхватъ ихъ по обшлагоу—0^м,29 и у плеча—0^м,41. Въмѣсто воротника къ вырѣзу пришита сложенная вдвое полоса ровдуги, въ которую свободно можетъ быть продѣта вздержка. Борты—безъ обшивокъ и не подрублены. Края рукавовъ у обшлаговъ загнуты внутрь. Вдоль подола надставлена полоска сыромятной кожи, подвернутая, затѣмъ, внутрь для приданія краямъ большей прочности. Вдоль подола же, но съ наружной стороны и отступя отъ края на 0^м,012—022, пришита широкая ровдужная полоса, служащая продолженіемъ подола. Расширенная сзади до 0^м,29 (посрединѣ),—къ бортамъ она суживается до 0^м,16. Длина подола, считая по нижнему краю этой нашивной полосы, равна 1^м,46.

На лѣвый бортъ костюма нашить тѹсѹлѹк—*нагрудникъ* (рис. 1), представляющій неправильную четырехугольную полосу ровдуги, длиной въ 0^м,58 и шириной: у нижняго края—въ 0^м,225 и у верхняго—въ 0^м,18. Продольные края нагрудника представляютъ просто загнутую обшивку, и только внизу, съ внутренней стороны, какъ и на подолѣ, нашита узенькая полоска сыромяти. Такой же загнутой обшивкой, подобно продольнымъ, снабженъ и верхній край, причемъ сквозь нее можетъ быть пропущена вздержка. Такимъ образомъ, верхній край нагрудника служитъ какъ бы продолженіемъ ворота. Нашить нагрудникъ только краемъ нижней половины и, притомъ, отступя немного отъ края борта, такъ что небольшая полоска послѣдняго скрыта подъ нагрудникомъ.

Къ этой полоскѣ, равно какъ къ краю праваго борта, пришиты четыре пары ровдужныхъ ремешковъ, завязывающихся подъ нагрудникомъ. Такіе же ремешки имѣются и на нагрудникѣ: одинъ—въ верхней части пришитаго края и два—у свободнаго, которыми

¹⁾ Утвержденіе г. Сѣрошевскаго (стр. 632), будто кафтанъ шамана доходитъ сзади „до самой земли“, не вѣрнѣ точно: доходитъ до земли только бахрома кафтана (см. ниже).

нагрудникъ привязывается къ тремъ такимъ же ремешкамъ, нашитымъ на соответствующихъ мѣстахъ праваго и лѣваго бортовъ.

Къ лѣвому борту костюма, ниже груди и отступя отъ нагрудника немного къ боку, привѣшены на ремешкахъ три (см. таблицу) мѣдныя пластинки ($0^m,18 \times 0^m,04$). Края пластинъ у трехъ сторонъ загнуты внутрь. По лицевой сторонѣ, въ двѣ продольныя линіи, нанесенъ штампованный зубчатый орнаментъ. Свободные, не загнутые концы пластинъ снабжены желѣзными пряжками, по одной на каждой. Къ верхней пластинѣ пряжка прикрѣплена мѣдной скобкой; къ остальнымъ двумъ пряжки прикрѣплены просто кожаными ремешками. При помощи этихъ пряжекъ и пришитыхъ къ правому борту трехъ ремешковъ пластины застегиваются поверхъ нагрудника.

По верхнему краю наружной широкой полосы подола, закрывая ее собой, нашиты въ два ряда еще болѣе широкія полосы ровдуги, нарѣзанныя на длинныя (до $0^m,81$) ремешки въ видѣ *бахромы* (бытырыс), тянущейся по всей длинѣ подола.

Такою же бахромою изъ нарѣзанной на узкіе ремешки лосины и отчасти ровдуги снабжены и рукава, только бахрома на нихъ—въ одинъ рядъ и нашита по длинѣ рукавовъ, вдоль заднихъ швовъ. Наибольшая длина ремешковъ здѣсь доходитъ до $0^m,61$ (нѣкоторые ремешки значительно короче, представляя обрывки).

Бахромою, нашитою въ три ряда, снабженъ также нагрудникъ у нижняго своего края. Длина ремешковъ доходитъ до $0^m,635$.

По г. Сѣрошевскому, „по краямъ и по всей поверхности... кафтана, но только назади, нашито нѣчто въ родѣ бахромы изъ пучковъ тонко нарѣзанной ровдуги; на этихъ ремешкахъ укрѣплены погремушки и желѣзки разной формы, имѣющія особыя названія, мѣста и отчасти символическія значенія“ (стр. 632). Это описаніе не только не соответствуетъ дѣйствительности, но оно расходится съ тѣмъ изображеніемъ шаманскаго плаща, какое имѣется у самого г. Сѣрошевскаго на рис. 150, гдѣ бахрома видна только по подолу, причемъ на ремешкахъ бахромы никакихъ погремушекъ и желѣзокъ незамѣтно. По установившемуся мнѣнію, бахрома на рукавахъ, подолѣ и нагрудникѣ означаетъ перья крыльевъ и хвоста или же, по Припузову (стр. 65), шерсть; въ частности, бахрома на рукавахъ означаетъ, по словамъ Приклонскаго (стр. 54), „крылья коршуна—*āliā*“.

Въ описаніи костюма сказочной шаманки говорится ¹⁾, что „шелковая бахрома по голенимъ билась, а канфовая кругомъ рукъ оплелась (обмоталась)“, такъ что бахрома можетъ быть и не кожаная, а изъ какой-либо матеріи, какъ это мы и видимъ на плащахъ шамановъ другихъ тюркскихъ народностей.

Къ недорѣзанной части верхней бахромчатой полосы подола пришиты еще 22 отдѣльныхъ ремешка, совершенно одинаковыхъ съ ремешками бахромы. На нихъ нанизаны мелкія колечки изъ сыромяти, захватывая края другъ друга въ видѣ чешуи. Всѣ эти колечки сшиты по швамъ одной сухожильною ниткою такъ, что самыя швы вытянуты въ одну линію. Свободные концы получившихся такимъ образомъ кольчатыхъ жгутовъ снабжены ровдужными кистями, причемъ у шести изъ нихъ ремешки витые и въ 2—3 раза длиннѣе, чѣмъ у остальныхъ. Нѣкоторые изъ жгутовъ оторваны и привязаны къ ремешкамъ бахромы или къ кольцамъ съ подвѣсками, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Четыре кольчатыхъ жгута съ кистями имѣются также на подолѣ нагрудника (рис. 1); общая длина ихъ доходитъ до $0^m,425$. Вверху на каждый изъ этихъ жгутовъ нанизано по двѣ синихъ бусины и, между ними, по мѣдной кольчатой трубчкѣ съ сѣтчатымъ орнаментомъ. Жгуты не есть необходимая принадлежность плаща ²⁾; означаютъ они змѣй.

¹⁾ Пекарскій. Образцы, вып. II, стр. 151.

²⁾ Трошанскій, 133.

На спинѣ плаща нашиты горизонтально девять узкихъ полосокъ сыромятной кожи, къ которымъ, при помощи кожаныхъ петелекъ, прикрѣплены металлическія подвѣски. Три верхнія полоски ($0^m,38 \times 0^m,025$) расположены выше середины спины, между лопатками, остальные же шесть полосокъ ($0^m,27—0^m,32$ длиною и $0^m,02—0^m,036$ шириною) нашиты по нижней части туловища и на крестцѣ. Каждая полоска пришита къ кожѣ плаща лишь

Рис. 1.

однимъ верхнимъ краемъ, свѣшиваясь, такимъ образомъ, въ видѣ подзора. Всѣ эти полоски служатъ для прикрѣпленія къ костюму разныхъ желѣзныхъ фигуръ и подвѣсокъ. Ниже, для краткости, мы будемъ называть ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная отъ верхней, *подвѣсочными полосками a, b, c, d, e, f, g, h* и *i*.

Двѣ подвѣсочныя полоски имѣются еще на рукавахъ, по одной на каждомъ. Онѣ нашиты вдоль рукавовъ, по задней сторонѣ, прикрывая собою края бахромчатыхъ полосъ. Длина полоски на правомъ рукавѣ— $0^m,37$ и на лѣвомъ— $0^m,43$; ширина— $0^m,03—0^m,04$ на обоихъ рукавахъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію разныхъ металлическихъ привѣсокъ, нужно отмѣтить еще слѣдующее. Ровдуга самага кафтана, равно какъ и нагрудника, значительно новѣе кожи подвѣсочныхъ полосокъ, бахромы и нѣкоторыхъ ремешковъ, прикрѣпляющихъ къ костюму тѣ или иныя его принадлежности. Значительно старѣе кафтана та широкая полоса, что пришита къ подолу и скрыта подъ бахромой. Надо полагать, что всѣ эти болѣе старыя части, равно какъ и привѣски, перенесены сюда съ болѣе стараго плаща. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что всѣ полоски и подвѣски пришиты конопляными нитками, тогда какъ ремешки и петли на подвѣсочныхъ полоскахъ пришиты нитками жильными. Если допустить, что такая замѣна стараго кафтана новымъ произошла вслѣдствіе ветхости перваго, то нашивныя части плаща должны представлять собою преимущественный интересъ въ качествѣ старинныхъ принадлежностей шаманскаго костюма, пережившихъ, быть можетъ, даже не одинъ кафтанъ.

Приступая къ описанію фигуръ и изображеній, имѣющихся на плащѣ, мы склонны согласиться съ мнѣніемъ покойнаго Трошанскаго, который говоритъ: „подобно тому, какъ весь плащъ въ совокупности есть тацара шамана, такъ и каждое изображеніе, въ свою очередь, есть его тацара, т.-е. покровитель. Съ этой точки зрѣнія и нужно разсматривать всѣ изображенія шаманскаго плаща“ (стр. 135). Указаніе на назначеніе другихъ фигуръ мы находимъ у Припузова. Онъ говоритъ, что шаманы на своихъ плащахъ „по названіямъ суставовъ и по формѣ ихъ дѣлають и пришиваютъ желѣзныя пластинки,

которыя служатъ ему щитомъ отъ ударовъ, наносимыхъ непріязненными духами“ (стр. 65).

Начнемъ свое описаніе съ нагрудника, такъ какъ фигуры на немъ имѣютъ наиболѣе существенное значеніе среди прочихъ фигуръ костюма.

На нагрудникѣ, подъ горломъ, нашиты одна подъ другой двѣ мѣдныя фигуры (рис. 1). Одна—верхняя—въ видѣ сегмента, вырѣзаннаго изъ мѣдной пластины съ сегментовиднымъ же прорѣзомъ. Фигура переломлена въ трехъ мѣстахъ и, сверхъ того, одинъ ея уголъ обломанъ. Дуговой край фигуры—въ видѣ зазубренныхъ фестоновъ, съ кружковымъ орнаментомъ. Вдоль дуги и хорды по лицевой сторонѣ нанесенъ въ два ряда зубчатый штампованный орнаментъ. Длина фигуры по хордѣ 0^м,14, ширина—по высотѣ сегмента—0^м,05. Вторая фигура—литая, въ видѣ дуги съ тремя закругленными выступами на внѣшней сторонѣ. На каждомъ выступѣ сдѣлано по небольшому отверстию. По парѣ отверстій разныхъ размѣровъ имѣется и по концамъ фигуры. Длина ея по хордѣ 0^м,122, ширина 0^м,01. Обѣ фигуры пришиты къ нагруднику горизонтально, дуговыми краями внизъ.

Значеніе этихъ фигуръ намъ неизвѣстно. По мѣсту своего прикрѣпленія онѣ соотвѣтствуютъ—по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ—фигурѣ, описываемой Приклонскимъ. По его словамъ, на плащѣ есть „восьмиугольная фигура съ 7 дырочками, пришитая у горла. Обѣ ей шаманы отказываются дать какое-либо объясненіе, говоря, что ни одинъ человекъ не рѣшится назвать и объяснить ея значеніе“ (стр. 54).

Ниже этихъ фигуръ къ нагруднику прикрѣплено шесть изображеній птицъ: два—въ верхней части нагрудника и четыре—въ нижней (рис. 1). Всѣ они представляютъ птицъ сбоку и сдѣланы изъ желѣзныхъ пластинъ.

По даннымъ литературы о шаманствѣ, на плащѣ встрѣчаются изображенія слѣдующихъ птицъ: гагары (куоѣас), стерха (кыталык), лебедя (куба), чайки (хопто) и гуся (хѣс). Кыталыга кыталыкты кыңкына́та (на плащѣ шамана) стерхъ (бѣлый журавль) по-стерхиному зазвенѣлъ, кыталыга ііа кыланна стерхъ въявь кричатъ сталь (во время камланія шамана), куоѣаса ііа хахѣрда гагара (на плащѣ шамана) въявь заготовала—говорится въ одной якутской сказкѣ ¹⁾. На вывезенномъ Маакомъ изъ Вилюйскаго округа тунгусскомъ шаманскомъ плащѣ „на груди нашито семь желѣзныхъ пластинъ, изображающихъ птицъ, по всей вѣроятности, гагаръ, игравшихъ какую-то роль при якутскихъ шаманскихъ обрядахъ“ ²⁾. На плащѣ нахарскаго шамана имѣются изображенія трехъ птицъ: стерха—„на спинѣ, у лѣваго плеча“, чайки—на спинѣ же, „у нижняго края правой лопатки“, и гагары—„на правомъ борть“, подъ бахромой вѣрота ³⁾.

Мы не имѣемъ возможности опредѣлить точно, какія именно изъ перечисленныхъ птицъ представлены на данномъ нагрудникѣ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи вышеизложеннаго, можно съ большою вѣроятностью допустить, что на описываемомъ нами нагрудникѣ, во всякомъ случаѣ, имѣются изображенія гагары, а, можетъ-быть, и всѣ фигуры представляютъ собою изображенія этой птицы, подобно тому какъ это предположено Маакомъ относительно птицъ на груди тунгусскаго плаща.

Отмѣтимъ, что всѣмъ имѣющимся на плащѣ изображеніямъ изъ животнаго міра разными авторами придается не одинаковое значеніе. Такъ, по Припузову, платье шамана „увѣшано разными уродливыми животными, рыбами и птицами въ знакъ того, что царство духовъ состоитъ изъ разныхъ уродовъ“ (стр. 65). По объясненію Приклонскаго, всѣ эти изображенія „должны напоминать шаману и шаманствующимъ, что царство духовъ, куда отпра-

¹⁾ Пекарскій. Образцы, в. II, стр. 151 и 161.

²⁾ Маакъ, стр. 118.

³⁾ Васильевъ Шаманскій костюмъ и бубень у якутовъ.

вляется шаманъ во время мистерій, населено тѣми же животными, птицами и рыбами“ (стр. 53), какія имѣются и на землѣ, и, кромѣ того, изображенія птицъ являются эмблемами полета шамана (стр. 54). Трошанскій (стр. 141),—въ связи съ изображеніями гуся, лебедя и гагары,—предполагаетъ, что сами духи эти „служатъ шаману либо посыльными, либо доставляютъ его сур¹⁾ духамъ“. Наконецъ, нахарскій шаманъ утверждаетъ, что „духъ въ образѣ гагары, вмѣстѣ съ духами чайкой и стерхомъ, является членомъ трехъ верхнихъ родовъ, родственныхъ сумасшествующему духу (ірар амăгăт). Всѣ три духа подчинены шаману и являются, въ одно и то же время, его помощниками и исполнителями его воли“²⁾.

Первое изображеніе птицы, подъ дуговидной фигурой, имѣетъ въ длину 0^м,155 и въ ширину (поперекъ туловища) 0^м,017. Головою обращено къ лѣвому боку. Тонкая, длинная шея орнаментирована по краямъ мелкой косой штриховкой. Конецъ шеи загнутъ внизъ, намѣчая голову. Конецъ туловища внизу снабженъ тонкимъ, загнутымъ впередъ, отросткомъ, что обозначаетъ ноги. Узкій, длинный хвостъ является просто утоненнымъ продолженіемъ туловища. Фигура пришта къ нагруднику конопляными нитками, прихватывающими хвостъ, ноги и шею.

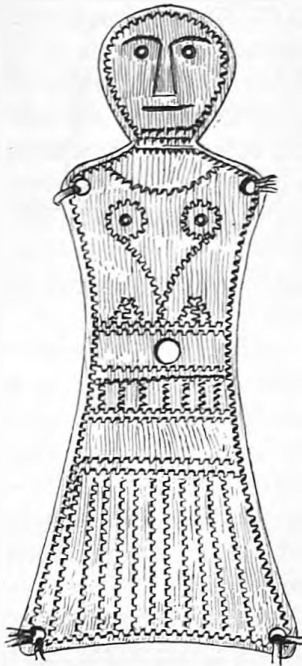

Рис. 2.

Второе изображеніе, помѣщенное подъ первымъ вдоль нагрудника, имѣетъ въ длину, съ конца головы по конецъ туловища, 0^м,11 и въ ширину, поперекъ туловища, 0^м,03. Шея—длинная, витая; конецъ ея, загнутый внизъ и съ двухъ боковъ приплюснутый, изображаетъ голову. Внизу, у конца туловища, однимъ выступающимъ назадъ отросткомъ съ расширеннымъ концомъ отмѣчены ноги. Хвостъ и крылья не обозначены. Конопляными нитками, прихватывающими конецъ туловища, ножки и шею, фигура неподвижно прикрѣплена къ нагруднику. Голова направлена вверхъ, брюшко къ правому боку и спина—къ лѣвому.

Остальныя четыре фигуры по формѣ сходны съ первой, отличаясь отъ нея величиною (длина 0^м,15—0^м,172 и ширина 0^м,025—0^м,029), гладкими шеями и хвостами, сдѣланными въ видѣ большихъ расширеній позади ногъ. Всѣ четыре фигуры направлены головами къ правому боку и прикрѣплены къ нагруднику двумя параллельно-вертикальными ремешками, захватывающими ихъ за хвосты и шею.

По обѣ стороны второй птичьей фигуры на нагрудникѣ помѣщены двѣ человѣческія фигуры en face, вырѣзанныя изъ пластинокъ красной мѣди (рис. 1 и 2) и изображающія, повидимому, такъ называемыхъ амăгăт-овъ (духовъ), каковыми снабжается костюмъ всякаго чернаго шамана. Нашиты онѣ такъ, что приходятся чуть-чуть повыше грудныхъ сосцовъ. Длина этихъ фигуръ равна 0^м,12. Руки и ноги не обозначены. Посрединѣ, соответственно талии, фигуры сужены. На лицѣ обозначены рѣзьбой брови, глаза, носъ и ротъ. Особенно интересна въ этихъ фигурахъ орнаментировка изъ зубчатыхъ линій; судя по всему, она представляетъ амăгăт-овъ въ шаманскихъ костюмахъ, что до сихъ поръ почти никѣмъ не наблюдалось. Только Потанинъ отмѣтилъ, что подола двухъ такихъ же фигуръ на одномъ, — повидимому, якутскомъ, — плащѣ „исчерчены вертикальными линіями, какъ бы намекая на бахрому изъ ремней“ (стр. 686). На описываемыхъ нами

1) Сур—одна изъ душъ (см. Трошанскій, стр. 75—79).

2) Васильевъ, op. cit.

фигурахъ зубчатыми линиями обозначены: воротъ платья, кружки, изображающіе груди, бахрома на подолѣ костюма. Посрединѣ фигуръ, въ суженномъ мѣстѣ, пробито по небольшому отверстию, соотвѣтственно имѣющемуся круглому отверстию на самомъ нагрудникѣ описываемаго костюма, о чемъ будетъ сказано ниже. Поперекъ туловища на обѣихъ фигурахъ нанесено по четыре пары линий. Между ними включены короткія вертикальныя линіи: 4—на правой фигурѣ и 7—на лѣвой. Верхнія пары поперечныхъ линий служатъ основаніемъ для двухъ треугольниковъ, раздѣленныхъ пополамъ. По одной, расходящейся затѣмъ на двѣ, линіи проведено отъ верхней поперечной пары вверхъ къ кружкамъ груди. Поперекъ шеи нанесено въ рядъ по три линіи. Наконецъ, зубчатая линія проведена по всему краю въ обѣихъ фигурахъ. У плечъ и по угламъ подола въ каждой фигурѣ пробиты небольшія отверстія, за которыя фигуры и прихвачены нитками къ нагруднику.

Сводя воедино опредѣленія разныхъ авторовъ, упоминающихъ объ *амăгăт-ахъ*, мы найдемъ, что подъ *амăгăт-омъ* или *амăгăт-ами*, какъ принадлежностями шаманскаго плаща, понимается особый знакъ шаманскаго достоинства въ видѣ человѣкообразной мѣдной пластинки, пришиваемой спереди шаманской одежды (на мѣстѣ сердца); знакъ этотъ нацѣпляется на посвящаемаго въ шаманы старымъ шаманомъ и снимается шаманомъ же съ того шамана, который почему-либо не хочетъ оставаться въ этомъ званіи. Вообще же *амăгăт*—это духъ-покровитель шамана, составляющій неотъемлемую его часть; даже самый слабый и ничтожный среди шамановъ обладаетъ *амăгăт-омъ*; это—существо совершенно особое и отъ *абасы*, и отъ *ѳѳр-я*, т. е. блуждающей души; это, по большей части, душа жившаго нѣкогда на землѣ шамана, въ исключительныхъ случаяхъ—кто-либо изъ небожителей, но всегда второстепенныхъ; тоцус *амăгăт амăгăттăх*—говорится о шаманѣ, духъ-покровитель котораго тунгусскаго происхожденія. Кромѣ того, *амăгăт-омъ* называютъ изображеніе (ликъ) духа (*абасы*), причинившаго или могущаго причинить болѣзнь,—изъ бересты, бумаги или гнилого дерева; шаманъ произноситъ надъ этимъ изображеніемъ заклинаніе, даетъ ему жертву (напр., волосъ изъ конской гривы), затѣмъ относитъ въ лѣсъ или вѣшаетъ на сучкѣ лиственницы, или же зарываетъ въ землю ¹⁾. Приклонскій говоритъ, что изображенія *амăгăт-овъ* на плащѣ, на мѣстѣ сердца—„эмблема вѣчнаго присутствія демона въ сердцѣ“ (стр. 54). Троцанскій, описывая *амăгăт-овъ* на шаманскихъ плащахъ и разбирая имѣющіяся о нихъ въ литературѣ свѣдѣнія, находитъ, что это—„наиболѣе важное изображеніе на плащахъ“, и говоритъ, между прочимъ: „очень можетъ быть, что это также изображеніе шамана-покровителя“ (стр. 140). На одномъ изъ двухъ описанныхъ имъ плащей *амăгăт-ы* помѣщены „на лѣвой сторонѣ груди“ и сдѣланы изъ литой мѣди, на другомъ—„по обѣимъ сторонамъ и вырѣзаны, повидимому, изъ латуни“. Наконецъ, на плащѣ нахарскаго шамана различаются два *амăгăт-а*: *Ірăр амăгăт*—сумасшествующій духъ, одинъ изъ верхнихъ духовъ, причиняющій людямъ психическія болѣзни и призывающій людей къ шаманскому званію, и *цас амăгăт*—мѣдный ликъ, мѣдное изображеніе главы *ѳѳр-ей*, т. е. блуждающихъ душъ умершихъ людей ²⁾.

Ниже изображеній *амăгăт-овъ*, подъ второй фигурой птицы, въ самомъ центрѣ нагрудника нашито плоское желѣзное кольцо (діам. 0^м,055). Орнаментъ—лучеобразно расположенныя по всей поверхности группы рельефныхъ линій (по 3 въ каждой), образуемыхъ парными надрѣзами (рис. 1). Соотвѣтственно отверстию кольца, въ нагрудникѣ также прорѣзано сквозное отверстіе (діам. 0^м,037)—подобно отверстиямъ на изображеніяхъ *амăгăт-овъ*.

¹⁾ Сѣрошевскій, 626, 627, 632; Троцанскій, 140, 147; Пекарскій. Словарь, в. I, стр. 251.

²⁾ Подробности см. Васильевъ, *op. cit.*

Какъ кольцо, такъ и сквозное отверстіе являются чрезвычайно рѣдкой принадлежностью даннаго плаща. До сихъ поръ еще никому не удалось зарегистрировать что-нибудь подобное на плащѣ якутскихъ шамановъ. Только у Третьякова находимъ мы нѣчто въ этомъ родѣ. Онъ говоритъ, что „у долганскихъ шамановъ на паркѣ... виситъ на груди кольцо, знаменующее главнаго дьявола, называемаго кугянна“ (стр. 214).

По обѣ стороны этого кольца нашиты два выпуклыхъ желѣзныхъ кружка (діаметры: праваго—0^м,05 и лѣваго—0,045). Каждый изъ этихъ кружковъ украшенъ спиралью изъ выбитыхъ изнутри бугорковъ (рис. 1). Указаніе на значеніе кружковъ находимъ впервые у Шукина (стр. 201), который говоритъ вполне опредѣленно, что „на передникѣ бывають нашиты два желѣзные круга, изображающіе груди“. На плащѣ нахарскаго шамана имѣются кружки, называемые *āmi(i)ī kārātā* (темный кружокъ вокругъ груднаго сосца), изображающіе собою груди главы враждебныхъ духовъ—старика Арсан Дуолаі, и еще *ojuṅ āmi(i)-jīn kārātā*, изображающіе темные кружки вокругъ сосцовъ самаго шамана, о которыхъ онъ упоминаетъ во время камланія.

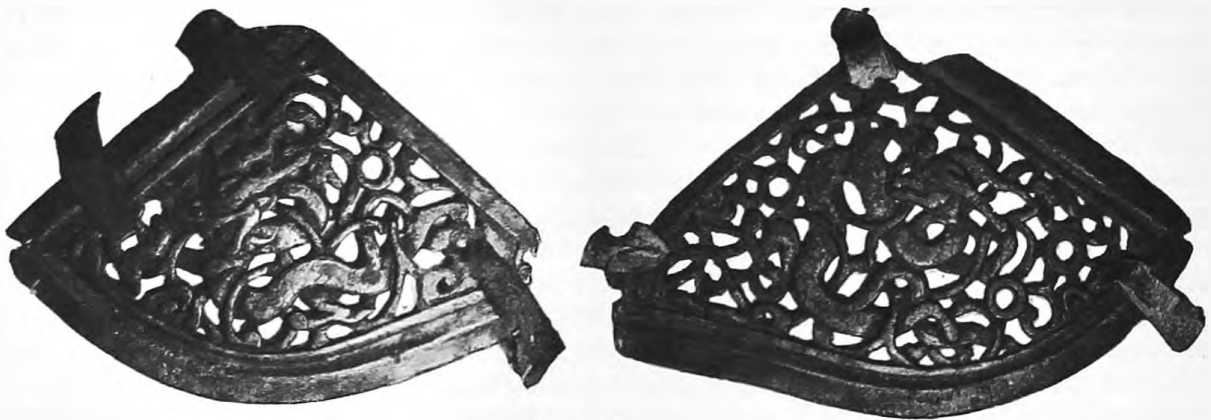

Рис. 3.

По словамъ Потанина (стр. 51), на груди шаманскаго плаща иногда нашиваются двѣ круглыя бляхи; объясненія ихъ, однако, онъ не даетъ. Приклонскій (стр. 54) говоритъ, что на костюмѣ шамановъ имѣются „на мѣстѣ сердца два изображенія желѣзнаго (читай: два желѣзныхъ изображенія) сердца дьявола—*сӯрāх тiмiрā*“. Которыя изъ приведенныхъ фигуръ соотвѣтствуютъ даннымъ кружкамъ нагрудника—рѣшить мы не беремъся.

Ojuḡos timir (ребро-желѣзо)—семь желѣзныхъ пластинъ, прикрѣпленныхъ параллельно другъ другу, съ двухъ сторонъ нагрудника, къ бокамъ костюма (къ правому 4 и къ лѣвому 3) и изображающихъ реберныя кости. Всѣ онѣ слегка изогнуты наподобіе реберъ и прихвачены поперекъ костюма ремешками, проходящими въ пробитыя по концамъ ихъ отверстія. Расположены онѣ слегка наклонно, опускаясь задними концами немного къ спинѣ. На каждой изъ нихъ имѣется по два ряда продольныхъ выбитыхъ изнутри бугорковъ, дѣлающихъ среднюю часть ихъ выпуклой, какъ и у кости ребра. Двѣ крайнія пластины лѣваго бока сломаны и, затѣмъ, скрѣплены: одна—посредствомъ заклепокъ, а другая—просто желѣзной скобкой и ремешкомъ. Концы пластинъ загнуты наружу. Длина ихъ 0^м,18—0^м,20 и ширина 0^м,03—0^м,047.

Приклонскій (стр. 54) пластины эти называетъ *ojuḡos uṅuoxtar* и говоритъ, что онѣ представляютъ „четыре ребра дьявола съ каждой стороны“ шаманскаго костюма. Въ

одной якутской сказкѣ мы читаемъ: удаѣан кыраp таѣасын ојоѣосун уѣуѣа уордаѣ кыллы ордѣтѣто—кости реберъ на плащѣ шаманки, точно злой звѣрь, закричали ¹⁾).

На плечахъ костюма, ближе къ переду, у начала ворота, пришиты ремешковыми петельками двѣ ажурныя желѣзныя пластины въ видѣ неправильныхъ секторовъ круга,—повидимому, китайской или монгольской работы,—съ изображеніями драконовъ (рис. 3). Длина правой фигуры 0^м,14 и наиб. ширина 0^м,09; длина лѣвой—0^м,12 и наиб. ширина 0^м,085. Нѣкоторые углы фигуръ обломаны. Это—первый встрѣченный нами плащъ съ такими наплечниками. Быть можетъ, они замѣняютъ пластины хомурѣан, о которыхъ говоритъ Приклонскій (стр. 54): „на мѣстѣ ключевыхъ (ключичныхъ?) костей двѣ желѣзныя полосы, изображающія эти кости (хамарганъ тимиря)“.

Позади этихъ фигуръ, у плечъ, къ спинѣ костюма, захватывая шовъ спины и рукава, прикрѣплено (рис. 4) по желѣзному плоскому кольцу (діам. кольца—0^м,103 и отверстія—0^м,037). Наружные края колецъ зазубрены, внутренніе же вырѣзаны въ видѣ мелкихъ фестоновъ. На лицевой сторонѣ нанесенъ рѣзной орнаментъ въ видѣ двухъ паръ концентрическихъ круговъ (по обѣимъ окружностямъ—внѣшней и внутренней), между которыми двойными линиями расположенъ непрерывный рядъ угловъ. Каждый кружокъ снабженъ по окружности четырьмя небольшими отверстиями, за которыя и прихваченъ ремешками къ костюму. Кружки носятъ названіе бѣлгѣн или мѣлгѣн и изображаютъ мѣсто соединенія верхнихъ конечностей съ плечевымъ поясомъ. Кромѣ этого значенія, слово бѣлгѣн означаетъ еще то же, что акымал, т.е. плечевую кость, и въ такомъ случаѣ плечевое соединеніе будетъ бѣлгѣн баса (собственно: головка плечевой кости). Намъ кажется, что въ значеніи плечевой кости бѣлгѣн употребляется преимущественно по отношенію къ птицамъ,—по крайней мѣрѣ, одинъ изъ эпитетовъ орла гласитъ: бѣлгѣннѣх гѣанѣ бѣѣѣтѣ, т.е. крѣпчайшій изъ всѣхъ имѣющихъ плечевую кость. Такимъ образомъ, изъ двоякаго значенія слова бѣлгѣн вытекаетъ и обозначеніе двоякаго рода желѣзокъ на шаманскомъ плащѣ: 1) наплечниковъ, которые у Сѣрошевскаго (стр. 633—4) названы бѣлгѣнѣа и отнесены къ числу болѣе важныхъ желѣзокъ; это—„двѣ круглыя, плоскія жестянки, похожія на украшенія якутскихъ женскихъ шапокъ (тусакта), только безъ рисунка; прикрѣпляются плотно, какъ эполеты, на плечахъ шамана“, и 2) двухъ желѣзокъ на рукавахъ шаманскаго костюма, изображающихъ плечевыя кости и названныхъ у Приклонскаго (стр. 54) бѣлгѣн-тимиря (читай: бѣлгѣн тимирѣ).

Рис. 4.

Ниже фигуръ бѣлгѣн, на верхней сторонѣ рукавовъ, у локтей, прикрѣплено (см. таблицу) ремешковыми петельками по одной желѣзной четырехугольной пластинкѣ (0^м,12 × 0^м,08). Обѣ онѣ слегка согнуты по формѣ округлости рукъ и прикрѣплены къ рукавамъ поперекъ. На обѣихъ пластинкахъ есть орнаментъ въ видѣ выбитыхъ снизу бугорчатыхъ линий, расположенныхъ наподобіе перечеркнутой пополамъ римской цифры X. По угламъ пластинокъ пробито по небольшому круглому отверстию, сквозь которыя пропущены закрѣпляющія ихъ ремешковыя петельки. Одинъ изъ угловъ лѣвой пластинки обломанъ какъ разъ по отверстию. Повидимому, онѣ изображаютъ суставы локтей.

¹⁾ Пекарскій. Образцы, в. II, стр. 151.

Ниже локтей и поперекъ рукавовъ прикрѣплено еще (см. таблицу) по одной пластинкѣ меньшихъ размѣровъ ($0^m,08 \times 0^m,045$). Каждая изъ нихъ снабжена двумя рядами выбитыхъ снизу бугорковъ. У переднихъ концовъ пластинокъ пробито по три отверстія, изъ нихъ среднія прихвачены закрѣпляющими ремешками. На заднихъ концахъ ихъ также пробито по отверстию, и сквозь нихъ пропущены такіе же ремешки. На плащѣ нахарскаго шамана имѣются двѣ соответствующія этимъ пластинки, названныя имъ чуолѣан, что

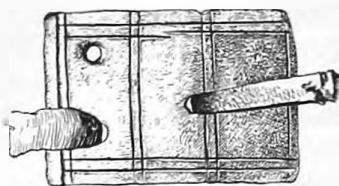

Рис. 5.

значитъ буквально: 1) кузнечный инструментъ съ отверстіями для пробиванія дыръ въ желѣзныхъ листахъ и 2) зіяющее въ стѣнѣ отверстіе—бойница. По объясненію шамана, эти желѣзки изображаютъ кости шамана, упоминаемыя имъ въ своихъ заклинаніяхъ и благопожеланіяхъ во время камланій.

У концовъ рукавовъ, въ одну линію съ описанными выше, прикрѣплено также по одной фигурѣ, называемой багалчакъ—запястье (см. таблицу и рис. 5). Это—небольшія четырехугольныя желѣзныя пластинки, каждая съ двумя парами нарѣзныхъ, продольныхъ и поперечныхъ, линій (длин. $0^m,05$, шир. $0^m,035$ и $0^m,038$). Пластика праваго рукава прихвачена ремешками за одно отверстіе на переднемъ концѣ и за два—на заднемъ. Точно такія же отверстія имѣются и на пластинкѣ лѣваго рукава, но только фигура эта

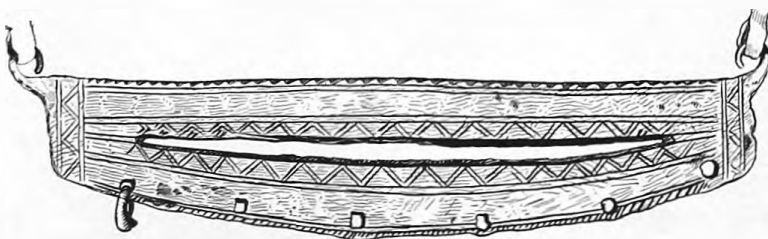

Рис. 6.

нашита здѣсь обратно первой, т.-е. обращена впередъ стороной, снабженной двумя отверстіями. Изображаютъ обѣ пластины кости запястій рукъ, какъ опредѣляетъ ихъ и Приклонскій (стр. 54), называя бегальчакъ сюсѣга (читай: багалчакъ сусѣба).

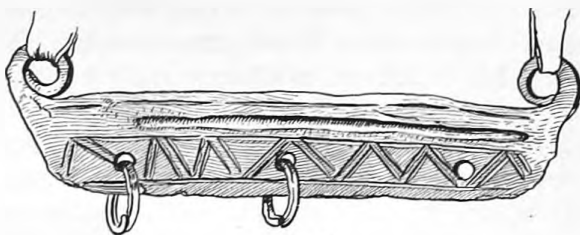

Рис. 7.

Къ задней сторонѣ рукавовъ, между локтемъ и плечомъ, параллельно подвѣсочнымъ полоскамъ, привѣшено (рис. 6) по продолговатой желѣзной пластинѣ ($0^m,204 \times 0^m,043$ и $0^m,233 \times 0^m,048$). Одинъ продольный край этихъ пластинъ слегка дуговидный, другой—прямой. Углы у послѣдняго края вытянуты въ видѣ прутиковъ, загнутыхъ, затѣмъ, въ петельки, за которыя и прихвачены пластины ремешками къ кожѣ рукавовъ. На обѣихъ пластинахъ сдѣлано по узенькому продольному прорѣзу. Одна сторона фигуръ орнаментирована нарѣзками, нанесенными въ видѣ прямыхъ линій, угловъ и косою штриховки; на прямыхъ продольныхъ краяхъ ихъ сдѣланы нарѣзки въ видѣ зубчиковъ. На каждой пластинѣ, у дуговыхъ продольныхъ краевъ, имѣется по шести

небольшихъ круглыхъ отверстій, предназначенныхъ, повидимому, для прикрѣпленія къ нимъ металлическихъ подвѣсокъ, которыхъ теперь на нихъ нѣтъ; только въ одно отверстіе пластины лѣваго рукава вставлено небольшое желѣзное колечко. Называются эти пластины табытал—кости предплечья у птицъ.

Въ одну линію съ этими пластинами, отъ локтя къ запястью, привѣшено къ рукавамъ еще по пластинѣ (рис. 7). Отличаются онѣ отъ предыдущихъ пластинъ величиною

(0^м,167—0^м,177 длины и 0^м,033 ширины), прямыми продольными краями съ обѣихъ сторонъ и продольнымъ желобкомъ вмѣсто прорѣза. Орнаментъ—въ видѣ прямыхъ линій и угловъ. На каждой пластинѣ имѣется по три отверстія, причемъ въ два изъ нихъ вдѣто по колечку. Называются онѣ—хары, т.-е. кости предплечья у человѣка.

Обѣ пластины лѣваго рукава подвѣшены такъ, что орнаментированная сторона ихъ является лицевой, тогда какъ пластины праваго рукава подвѣшены орнаментированной стороной внутрь. Встрѣчаемся ли мы тутъ съ ошибкою, допущенною при подвѣшиваніи пластинокъ къ новой курткѣ, или же это сдѣлано умышленно—сказать трудно.

О послѣднихъ двухъ парахъ пластинъ, имѣющихся на рукавахъ шаманскихъ плащей, упоминаютъ почти всѣ авторы, изъ чего слѣдуетъ, что онѣ, очевидно, бываютъ на каждомъ якутскомъ шаманскомъ костюмѣ. Исслѣдователи расходятся только въ названіяхъ пластинъ, а вмѣстѣ съ этимъ и въ опредѣленіи того, что онѣ изображаютъ.

Табытал тѣміра—„двѣ кости (на рукавахъ шаманскаго плаща), изображающія крылья птицъ“,—пишетъ Приклонскій (стр. 54). Сѣрошевскій (стр. 633) называетъ табытал-ами обѣ пары пластинъ, не указывая ихъ значенія.

Подъ названіемъ хары мы находимъ у Трошанскаго (фиг. 1 с): „локтевая кость“ на рукавѣ шаманскаго костюма (собственно, по-якутски, локтевая кость будетъ хары уцуоѳа). Нахарскій шаманъ назвалъ одну пару пластинъ (сплошныхъ) на своемъ плащѣ—дабыдал, т.-е. кости предплечья у птицъ, а другую (съ прорѣзомъ)—хотоѳоі, т.-е. маховыя перья. Есть еще названіе акымал въ значеніи желѣзки на верхней части рукава (отъ плеча до локтя) шаманскаго плаща, причемъ акымал значитъ, собственно, плечевая кость у человѣка. Итакъ, мы имѣемъ для данныхъ пластинъ названія: табытал (дабыдал) или табытал тѣмірѣ, акымал, хары и хотоѳоі съ значеніями: съ одной стороны—кости предплечья и плечевая у человѣка, а съ другой—кости предплечья же и маховыя перья у птицы. Сопоставляя всѣ эти названія и значенія, можно притти къ мысли, что къ рукавамъ шаманскихъ плащей привѣшивались попарно разныя комбинаціи этихъ изображеній костей рукъ человѣка и крыльевъ птицы, причемъ кости человѣка могли помѣщаться смѣшанно съ костями птицы. Иначе трудно допустить такое противорѣчіе въ показаніяхъ относительно названій и значеній для однѣхъ и тѣхъ же фигуръ.

Рис. 8.

Каждый рукавъ, сверхъ того, снабженъ цѣлымъ рядомъ мелкихъ желѣзныхъ подвѣсокъ (длиною 0^м,042—0^м,06 и шириною 0^м,011—0^м,017), прикрѣпленныхъ попарно къ подвѣсочнымъ полоскамъ по всей длинѣ ихъ. Каждая подвѣска напоминаетъ лопаточку, верхняя часть которой сужена и загнута ушкомъ. На лицевой сторонѣ 43-хъ изъ нихъ нанесено по двѣ поперечныхъ нарѣзки (рис. 8), на 6-ти имѣется по одной нарѣзкѣ и на 4-хъ (у праваго рукава) нанесено по двѣ поперечныхъ и по одной продольной нарѣзкѣ (кромѣ того, одна подвѣска на правомъ рукавѣ и двѣ на лѣвомъ—утеряны). Края нѣсколькихъ подвѣсокъ снабжены небольшими зарубками и кажутся зубчатыми. Всѣ эти подвѣски (25 на правомъ рукавѣ и 28 на лѣвомъ) называются кысан или кысан. Между прочимъ, слово кысан значитъ: ледяныя сосульки, образующіяся зимою на вспотѣвшемъ конѣ.

Чтобы избѣжать ниже частыхъ повтореній, опишемъ сразу всѣ кысан, имѣющіяся на спинѣ плаща.

Двѣ первыя подвѣсочныя полоски *a* и *b* увѣшаны такъ называемыми хобо кысан—букв.: шеркунецъ-подвѣска, погремушка (рис. 9). Это—круглыя желѣзныя фигурки въ видѣ небольшихъ створчатыхъ раковинъ, мѣсто соединенія въ которыхъ образуетъ у каждой подвѣски ушко (рис. 9, фиг. 1). Великою онѣ, въ среднемъ, равны 0^м,035 въ ширину и 0^м,06 въ длину (съ ушкомъ). На трехъ изъ этихъ подвѣсокъ нанесено двойными линіями по кре-

стовидной нарѣзкѣ (рис. 9, фиг. 2). Внутри 5-ти подвѣсокъ болтаются по кусочку желѣза. Кромѣ того, среди нихъ есть двѣ подвѣски, у которыхъ лишь по одной сферической створкѣ; вторыя же половинки ихъ плоски, въ видѣ клапановъ (рис. 9, фиг. 3). Расположены подвѣски попарно, на желѣзныхъ петелькахъ, прихваченныхъ ремешковыми петлями къ подвѣсочнымъ полоскамъ. Всѣхъ паръ на каждой полоскѣ по 9, причѣмъ одна пара на первой полоскѣ утеряна.

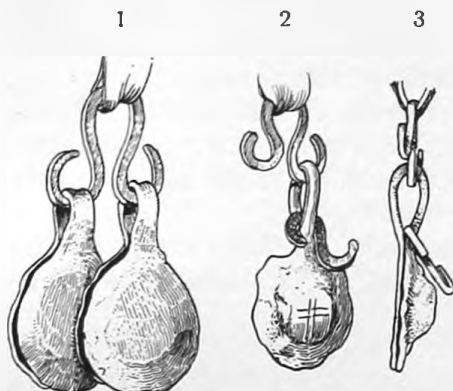

Рис. 9.

Слѣдующая полоска с увѣшана попарно подвѣсками троякаго рода:

1) Бысыја-кысан (ножичекъ-подвѣска) или балык-кысан (рыба-подвѣска) на желѣзныхъ петелькахъ (рис. 10). Это—плоскія желѣзки ланцетовидной формы, суженныя къ концамъ и расширенныя угловидно по срединѣ, съ небольшимъ ушкомъ вверху, всего 21 штука (10½ паръ), длиною въ среднемъ 0^м,10 и шириною 0^м,01. Изъ нихъ: 7 штукъ орнаментированы каждая нѣсколькими поперечными и одной продольной нарѣзками (рис. 10, фиг. 3—5), 12 штукъ имѣютъ края зазубренные (фиг. 2 и 5), въ томъ числѣ у 6-ти имѣется по одной продольной нарѣзкѣ (рис. 10, фиг. 5), и, наконецъ, 2 штуки (1 пара)—совершенно гладкія.

У Сѣрошевскаго (стр. 633) онѣ названы чыллырыт кыхан (читай: кыһан = кысан), у Троцанскаго (см. фиг. 1 а)—хаѣыр ¹⁾ или чылыгырас и у Островскихъ ²⁾ просто һимѣк (читай: симах—украшеніе)—ромбо-

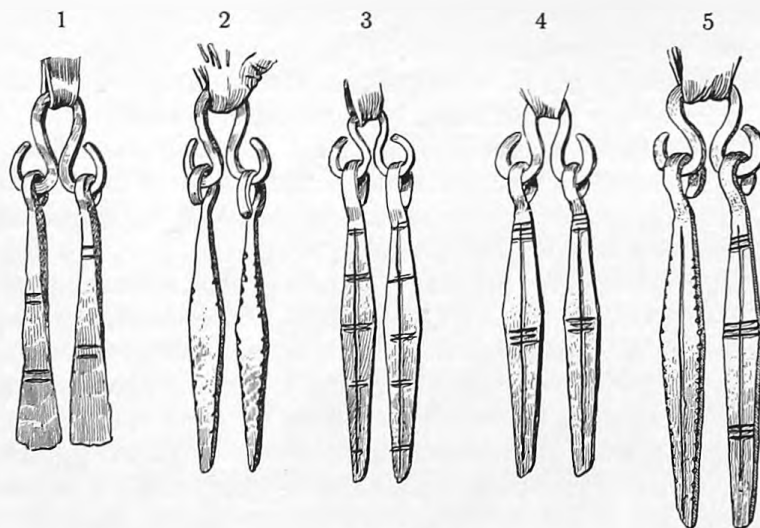

Рис. 10.

идальныя литыя мѣдныя подвѣски; наконецъ, у Приклонскаго (стр. 54) упоминаются „абасѣ семяга“ (читай: абасы симаѣя) — „дьявольскія украшенія“ на спинѣ шаманскаго костюма,

¹⁾ Слово ХАѢЫР употребляется для обозначенія звуковъ, издаваемыхъ мѣдными украшениями на одеждѣ абасы (злой духъ)-дѣвокъ.

²⁾ См. регистраціонный списокъ коллекціи № 1337, собранной П. Е. Островскихъ по порученію Этногр. Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III.

„необходимыя для снисхожденія въ преисподнюю“, но относятся ли они къ описываемымъ подвѣскамъ или къ другимъ—изъ текста не видно.

2) Двѣ подвѣски (1 пара) въ видѣ прямыхъ лопаточекъ съ двумя парами поперечныхъ нарѣзокъ (рис. 10, фиг. 1).

3) Одна подвѣска, въ видѣ полой конической трубки, съ ушкомъ у вершины, называемая кѡцдѡі кысѡн (см. таблицу).

Подвѣсками послѣдняго рода, вперемежку съ другими фигурами и вмѣстѣ съ ними, заняты слѣдующія четыре подвѣсочныя полоски *d*, *e*, *f* и *g*. Наибольшая длина ихъ доходитъ до 0^м,12, діаметръ у основанія до 0^м,013. На каждой полоскѣ имѣется ихъ по 5 паръ, причемъ къ нѣкоторымъ петелькамъ привѣшено вмѣсто пары по три подвѣски. Иныя подвѣски обломаны, и на прикрѣпляющихъ ихъ кольцахъ висятъ лишь половинки подвѣсокъ или одни ушки.

Наконецъ, послѣднія двѣ подвѣсочныя полоски *h* и *i* заняты исключительно этими погремушками безъ всякихъ другихъ фигуръ.

Ниже всѣхъ этихъ полосокъ, съ двухъ боковъ, между двумя рядами ремешковъ бахромы, у начала ихъ, пришито по кожаной петелькѣ съ желѣзнымъ кольцомъ. На нихъ висятъ: на лѣвомъ боку одна подвѣска кѡцдѡі кысѡн, а на правомъ — двѣ такія же подвѣски. Эта группа подвѣсокъ называется еще хоцхо ¹⁾ кысѡн или кѡцдѡі хобо (Троцанскій, фиг. I а). Объ этихъ же подвѣскахъ говоритъ, повидимому, и Приклонскій (стр. 54), называя ихъ „кѣдѣй кэхана—дьявольскія украшенія“.

О значеніи кысѡн-овъ почти совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній. У Георги (стр. 100) читаемъ: „одѣяніе сіе (шаманское) какъ будто усыпано жестяными идолами, цѣпочками, колокольчиками, колокольцами и другими брякушками... Нарядъ такового чело-вѣка и происходящее отъ онаго бренчанье приводитъ людей въ юртахъ, освѣщенныхъ однимъ только очажнымъ огнемъ, въ немалой ужасъ“. Но если назначеніе всѣхъ привѣсокъ костюма заключается во внушеніи страха людямъ и духамъ, то отсюда еще нельзя вывести никакого заключенія о томъ, что именно означаютъ собою разнообразныя подвѣски, называемыя кысѡн. Единственный отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ объясненіи нахарскаго шамана, что кысѡн-ы „изображаютъ... перья птицы“, въ то время какъ „весь костюмъ въ цѣломъ представляетъ какъ-бы шкуру птицы, надѣвъ которую шаманъ получаетъ возможность летать“ ²⁾.

Въ самой верхней части спины, вдоль шва ворота, надъ подвѣсочной полоской *a*, нашиты пять желѣзныхъ кружковъ (діам. 0^м,04—0^м,05), совершенно одинаковыхъ по формѣ съ кружками амі(і)і нагрудника (рис. 11). Разница между ними лишь та, что бугорки на этихъ кружкахъ расположены не въ видѣ спирали, а въ видѣ концентрическихъ круговъ. Выяснить значеніе ихъ не удалось.

Посрединѣ спины, между подвѣсочными полосками *c* и *d*, къ кожѣ костюма пришить небольшой ремешокъ съ прорѣзной петлей и обрѣзаннымъ неровно концомъ, какъ бы свѣже срѣзаннымъ. Судя по мѣсту, на ремешкѣ этомъ долженъ былъ висѣть металличе-скій дискъ, изображающій обыкновенно солнце—кун и соответствующій фигурѣ на плащѣ,

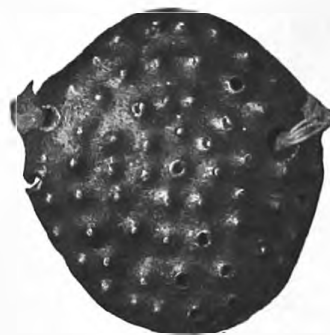

Рис. 11.

¹⁾ Хоцхо значитъ: 1) пустой—кѡцдѡі и 2) дыхательное горло—хабарѣа. По-алтайски и по-мон-гольски это слово означаетъ колокольчикъ.

²⁾ Васильевъ, op. cit.

вывезенномъ Маакомъ, которую Потанинъ описываетъ (стр. 684) такъ: „Въ четвертомъ ряду желѣзныхъ привѣсокъ на срединѣ ряда прикрѣплена за середину желѣзная круглая бляха, украшенная узоромъ изъ концентрическихъ круговъ и прямыхъ черточекъ, расположенныхъ группами“. Данная фигура, по объясненію нахарскаго шамана, есть изображеніе солнца „средняго міра“ (земли) и привѣшивается къ костюму для того, чтобы „въ темномъ царствѣ“ нижняго міра, куда шаманъ отправляется, оно замѣняло ему „оставшееся наверху свѣтило и освѣщало ему путь“ ¹⁾.

Во вторую слѣва петельку подвѣсочной полоски *d* вдѣто кольцо, сдѣланное изъ витого желѣзнаго прутика. Въ кольцо это вдѣты, вмѣстѣ съ одной подвѣской кысан, двѣ пластинки. Форма послѣднихъ похожа на части знака **T**, разрѣзаннаго вертикально (см. рис. 12). Длина одной изъ нихъ 0^м,104, а другой—0^м,085; ширина первой 0^м,047, а второй 0^м,045. Верхніе концы длинной стороны вытянуты въ небольшіе прутики, загнутые,

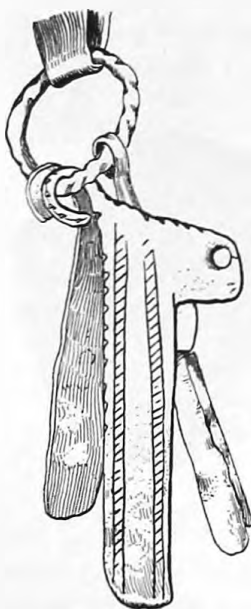

Рис. 12.

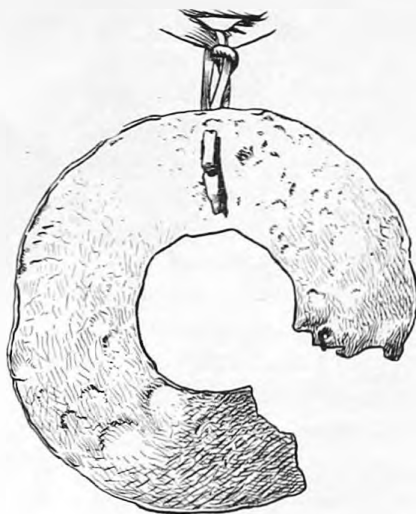

Рис. 13.

затѣмъ, назадъ въ петельки, которыми пластинки подвѣшены къ кольцу. Одна сторона на обѣихъ пластинкахъ снабжена орнаментомъ въ видѣ двухъ паръ продольныхъ линий, съ косою штриховкой внутри каждой пары. На углахъ, противъ петелекъ, на обѣихъ пластинкахъ пробито по небольшому круглому отверстию. Подвѣшены пластинки такъ, что неорнаментированными сторонами прилегаютъ другъ къ другу. По мѣсту прикрѣпленія на костюмѣ, а отчасти и по формѣ онѣ напоминаютъ нѣсколько пластинокъ сургурдѣх ојун ѱктаіа (подножье шамана съ сургур-омъ), имѣющіяся на костюмѣ нахарскаго шамана и служащія для очищенія больного.

Къ слѣдующей подвѣсочной полоскѣ *e*, около середины, прикрѣплено ремешкомъ (рис. 13) большое плоское желѣзное кольцо (діаметръ его 0^м,163, діам. отверстія 0^м,064). На фигурѣ имѣется большой прорывъ съ неровными краями, причемъ у одного изъ этихъ краевъ пробито небольшое отверстие, какъ бы для склепки. Неизвѣстно—произошелъ ли прорывъ отъ случайной поломки или же сдѣланъ намѣренно. На кольцо, въ другомъ мѣстѣ, пробито еще одно небольшое отверстие; въ послѣднее вставлена желѣзная петелька, за которую кольцо и подвѣшено. Представляетъ оно собою или одно изъ „солнцъ“—цѣіѣркѣі кун (дырявое солнце), о которомъ упоминаютъ Приклонскій (стр. 53) и Трощанскій (стр. 142), или же такъ называемую ан іжѣ доіду (изначальная мать земля)—фигуру, подобную имѣющей на костюмѣ нахарскаго шамана и изображающую „средній міръ“, т.-е. землю.

Вмѣстѣ съ предпоследнею правою парой подвѣсокъ кѣндѣі кысан, къ той же полоскѣ *e* подвѣшено изображеніе рыбы (длина 0^м,15 и ширина 0^м,022), аналогичное съ

¹⁾ Васильевъ, *op. cit.*

гѣмъ, которое изображено ниже на рис. 19; у Приклонскаго (стр. 54) и Трощанскаго (стр. 138) оно названо абасы балыга (рыба злого духа) и отнесено къ числу покровителей шамана. Хвостъ фигуры слегка расширенъ. По краямъ, съ обѣихъ сторонъ, имѣется по одной тонко нарѣзанной линіи. Косой нарѣзкой отмѣчено отверстие жаберъ. Сквозь отверстие на спинѣ фигуры пропущенъ ремешокъ, коимъ она подвѣшена къ кольцу. Обыкновенно абасы балыга представляется въ видѣ шуки (сордоц), какъ это значитъ у Трощанскаго (фиг. 1а, 12) и въ якутскихъ сказкахъ.

По словамъ Сѣрошевскаго, изображеніе рыбы относится къ числу „болѣе важныхъ желѣзокъ“ шаманскаго плаща. У него оно названо балык тѣмір (рыба-желѣзо) и описано, какъ желѣзная пластинка, „вырѣзанная наподобіе рыбы съ головой, плавниками, хвостомъ и чешуей; она виситъ сзади на длинномъ доходящемъ до половины ляшекъ ремнѣ; въ Колымскомъ округѣ она волочится по землѣ; назначеніе ея служить приманкой второстепеннымъ духамъ, которые за нею бѣгають, стараясь поймать ее“ (стр. 634).

Къ подвѣсочной полоскѣ *f* прикрѣплены слѣдующія фигуры. Къ лѣвой крайней петелькѣ ея прикрѣплена (рис. 14) небольшая пластинка ($0^m,105 \times 0^m,02$), съ орнаментомъ на лицевой сторонѣ въ видѣ двухъ паръ продольныхъ нарѣзныхъ линій, съ косой штриховкой внутри каждой пары. За небольшое отверстие въ верхнемъ концѣ пластинка подвѣшена къ желѣзной петелькѣ. На нижнемъ концѣ такое же отверстие заклепано. Третье отверстие пробито у одного края сбоку; самый край проломанъ, почему отверстие это представляется вырѣзомъ.

Къ слѣдующей петелькѣ той же полоски, вмѣстѣ съ двумя коническими трубками кѣндѣи кысан, подвѣшено къ желѣзному кольцу, на петлѣ изъ кожаной веревки, литое мѣдное изображеніе звѣря (рис. 15). Фигура сдѣлана грубо, съ двумя выступами снизу, обозначающими переднюю и заднюю пары ногъ. Толстый загибъ впереди, съ небольшимъ перехватомъ соотвѣтственно шеѣ, представляетъ опущенную нѣсколько голову. Такой же загибъ продолженія туловища сзади, лишь болѣе тонкій, означаетъ хвостъ. На обѣихъ бокахъ фигуры имѣется по двѣ глубокихъ впадины. По хребту и шеѣ идетъ ребро, напоминающее встопорщенную шерсть или щетину. Снизу отмѣченъ *repis*. На спинѣ—сквозное отверстие, за которое фигура прихвачена ремешками къ кольцу.

Относительно фигуръ четвероногихъ животныхъ на спинѣ шаманскаго плаща мы находимъ лишь два указанія. По описанію Потанина (стр. 684), на спинѣ костюма, вывезеннаго Маакомъ, въ восьмомъ ряду подвѣшены „двѣ желѣзныя пластинки, вырѣзанныя въ видѣ четвероногихъ животныхъ; одна фигура напоминаетъ медвѣдя отсутствіемъ хвоста и опущенной головой; другая имѣетъ длинный хвостъ...“ Къ правому боку костюма нахарскаго шамана внизу подвѣшена желѣзная фигура собаки съ хвостомъ, загнутымъ крючкомъ, изображающая одного изъ шаманскихъ духовъ.

Правѣе фигуры звѣря, близъ середины той же подвѣсочной полоски, къ ней привѣшенъ на довольно длинной ременной петлѣ желѣзный полукругъ (рис. 16) съ неровными отбитыми краями (длина $0^m,13$, шир. $0^m,075$). Въ центрѣ его, у линіи срѣза, пробито круглое отверстие (діам. $0^m,01$), а рядомъ имѣется второе небольшое отверстие, въ которое вставлена согнутая изъ желѣзнаго прутика петелька, прихваченная ремешковой петлей

Рис. 14.

Рис. 15.

подвѣсочной полоски. Называется эта фигура *kāitāg(ḥ)āi yī* (щербатый мѣсяць) и изображает собою „тусклую луну съ отбитыми какъ бы краями, свѣтящую въ нижнемъ мѣрѣ“¹⁾.

Фигуры *yī* (металлическое изображеніе луны) и *kūn* (металлическое изображеніе солнца) на одеждѣ шамана относятся къ числу самыхъ важныхъ желѣзокъ, безъ коихъ, кажется, не обходится ни одинъ костюмъ. Говоря объ этихъ фигурахъ, Трощанскій (стр. 142) пишетъ: „на плащѣ изображены не то солнце и не та луна, которыя мы видимъ на небѣ и которыя считаются *ajī* (добрые духи), а тѣ тускляя, дырявыя, съ отбитымъ краемъ, которыя имѣются у небесныхъ *abāsylyar'ov* (злыхъ духовъ) и которыя обладаютъ мистической силой, благодаря чему и могутъ быть покровителями шамановъ“. Приблизительно то же говоритъ и Припузовъ (стр. 65): на шубѣ шамана привѣшиваются „дырявое солнце и половина луны въ знакъ того, что въ царствѣ духовъ, куда отправляется шаманъ во время мистеріи, постоянный полумракъ“.

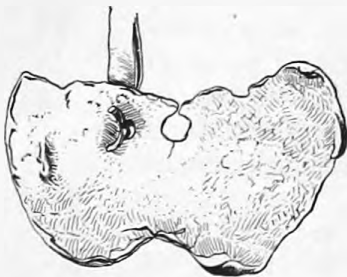

Рис. 16.

Вслѣдъ за изображеніемъ луны, къ полоскѣ *f*, вмѣстѣ съ парой подвѣсокъ *kōḥdōi kyśān*, подвѣшена еще (рис. 17) узкая, длинная пластинка ($0^m,093 \times 0^m,013$), одинаковая съ той (рис. 14), что прикрѣплена къ петелькѣ лѣваго конца той же полоски, и съ тѣмъ же орнаментомъ. Разница въ томъ лишь, что одинъ уголь этой фигуры вытянутъ въ прутикъ и согнутъ въ петельку, въ которую вдѣто подвѣсочное кольцо, и небольшое отверстіе пробито не сбоку пластинки, а въ верхнемъ ея углу. Никакихъ другихъ отверстій въ ней нѣтъ.

Рис. 17.

Къ кольцу крайней правой пары подвѣсокъ *kōḥdōi kyśān* полоски *g* прикрѣплены ремешками двѣ фигуры (рис. 18). Одна изъ нихъ въ видѣ неправильной бляхи (діам. $0^m,12$). На лицевой сторонѣ этой фигуры грубыми, прямыми нарѣзками нанесено изображеніе какого-то животнаго. Въ одномъ мѣстѣ бляхи, на загнутомъ приклепанномъ краѣ, нанесенъ орнаментъ въ видѣ нарѣзныхъ крестиковъ. Между этимъ орнаментомъ и центромъ кружка пробито небольшое отверстіе, куда вставлена желѣзная петелька, прихваченная потомъ прикрѣпляющимъ кружокъ ремешкомъ. Вторая фигура—полая внутри, длинная, коническая трубка (длина $0^m,163$, діам. у основанія $0^m,01$). Фигура эта, при помощи ремешка, подвѣшена къ кольцу серединою за ушко, которое прихватывается и ремешкомъ первой фигуры. Изображаютъ эти двѣ фигуры, какъ можно думать: первая—такъ называемое *kūśāḥa*, а вторая—шаманскую стрѣлу.

Слово *kūśāḥa* прилагается къ разнымъ фигурамъ шаманскаго плаща. Такъ, оно примѣнено у Потанина (стр. 687) къ изображенію мѣсяца, Приклонскимъ, Сѣрошевскимъ и Порядинымъ—къ кружку „солнце“, другими (см. ниже)—къ кружку *oibon* (прорубь) и, наконецъ, къ кружку, который нами названъ только-что также *kūśāḥa*. Сюда же можно отнести и то кольцо на груди костюма долганскаго шамана, о которомъ упоминаетъ Третьяковъ, называя его *куганна*. Основываясь на этомъ, можно думать, что слово *kūśāḥa* является, прежде всего, общимъ названіемъ для всѣхъ кружковъ и частнымъ для каждаго изъ нихъ. Далѣе, *kūśāḥa* можетъ явиться звонцомъ (значеніе, приданное Худяковымъ) постольку, поскольку такими звонцами являются и всѣ указанныя подъ этимъ именемъ фигуры, т. е. „солнце“, „мѣсяць“, „прорубь“, „кольцо“ и *kūśāḥa*. Въ этомъ же смыслѣ оно можетъ

¹⁾ Васильевъ, *op. cit.*

быть названо и кысан-омъ (погремушкой), такъ какъ таковыми являются, несомнѣнно, въ общей массѣ и всѣ подвѣски плаща. Что касается даннаго кружка, не имѣющаго своего особаго, спеціального, названія и носящаго только общее названіе кўсаца, то, по объясненію нахарскаго шамана, онъ изображаетъ собою сидѣнье (ојун олојо—шаманское сидѣнье, сѣдалище), на которомъ, во время камланія, шаманъ поднимается въ верхніе или спускается въ нижніе міры, смотря по надобности; въ частности, это—изображеніе того чернаго облака (наі хара былыт—лѣново-темная туча), на которомъ шаманъ поднимается отъ земли.

Къ срединѣ той же подвѣсочной полоски прикрѣплены еще большой ременной петлей двѣ фигуры (рис. 19). Одна изъ нихъ—пластинка въ видѣ рыбы, длиною 0^м,217 и шириною 0^м,03. На концѣ головы ея сквознымъ разрѣзомъ отмѣченъ ротъ. На мѣстѣ глазъ пробито отверстіе, въ которое вставленъ и заклепанъ кусочекъ красной мѣди. Хвостъ—расширенный. На брюшкѣ, близъ хвоста, небольшимъ бугоркомъ отмѣчены плавники; почти незамѣтные плавники есть на брюшкѣ и близъ головы. Вторая фигура—желѣзный кругъ (діам. 0^м,09) съ большимъ, круглымъ же, сквознымъ отверстіемъ (діам. 0^м,048). Въ одномъ мѣстѣ, у края фигуры, пробито небольшое отверстіе, причемъ самый край слегка вогнутъ и проломанъ. На одной сторонѣ кружка нарѣзанъ орнаментъ въ видѣ фестоновъ и круговой линіи. Съ этой же стороны край прорѣза снабженъ выемками и образуютъ также фестоны. Фигура надѣта на петлю подвѣсочной полоски сверху и держится на изображеніи рыбы, какъ петля на застежкѣ. Кружокъ называется оібон тімір (прорубь-желѣзо) и изображаетъ проходъ, въ видѣ проруби, въ нижній міръ, въ царство враждебныхъ духовъ. По Приклонскому (стр. 54), въ эту прорубь „скрывается гагара послѣ того, какъ (прорубь?) поглотитъ шамана. При этой желѣзкѣ внизу привязана эмяга ¹⁾, изъ которой пьетъ гагара“. У Сѣрошевскаго (стр. 632) описываемый кружокъ названъ оібонъ кюнга (читай: оібон кўсаца). По словамъ Трощанскаго (стр. 144), кўсаца и оібонъ всегда привѣшиваются вмѣстѣ (на данномъ плащѣ они висятъ на одной подвѣсочной полоскѣ). Въ одной сказкѣ фигура эта сравнивается съ „почтеннымъ озеромъ“: удажан кырар тацасын улү кўоі саја оібоно урбачыіда—съ почтенное озеро прорубь плаща шаманки повернулась кругомъ. Относительно фигуры рыбы въ литературѣ нѣтъ указаній. Отмѣчено лишь ²⁾, что при камланіяхъ шамановъ употребляются деревянные изображенія рыбъ съ прорубью, причемъ послѣдняя, по своему значенію, аналогична съ рассматриваемымъ кружкомъ плаща, а рыбы являются изображеніями ша-

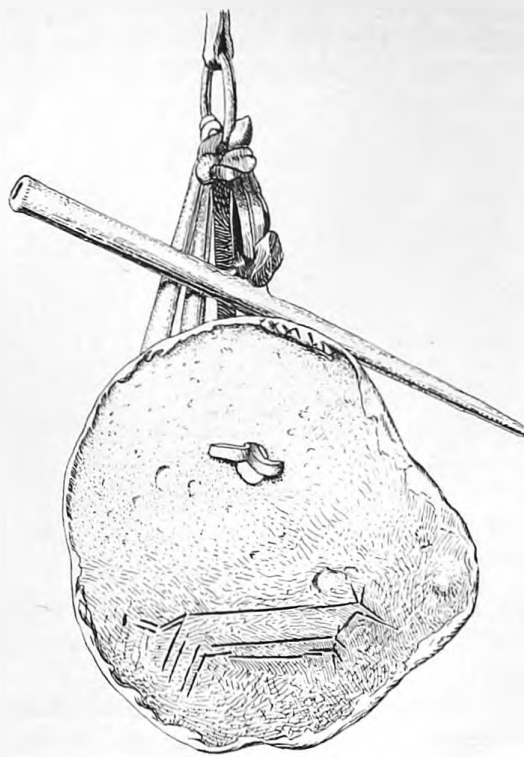

Рис. 18.

¹⁾ Какое якутское или русское слово скрывается подъ эмяга, мы не могли догадаться.

²⁾ Васильевъ: Изображенія долгано-якутскихъ духовъ, какъ атрибуты шаманства.

манскихъ духовъ, приставленныхъ стеречь проходъ въ нижній міръ, чтобъ не выпускать оттуда враждебныхъ духовъ, мучившихъ больныхъ.

Наконецъ, къ спинѣ, чуть-чуть пониже лопатокъ и ближе къ бокамъ, пришиты ремнями два витыхъ желѣзныхъ кольца, по одному у каждой лопатки. Къ кольцамъ этимъ прихвачено по сшитому вдвойнѣ ремню (длин. 0^м,48, шир. 0^м,03). Два свободныхъ кольца этихъ ремней соединены между собой мѣднымъ кольцомъ, орнаментированнымъ поперечными нарѣзками и одной круговой линіей. Нижняя сторона кольца плоска и не орнаментирована. Связанные этимъ кольцомъ ремни образуютъ, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ поводьевъ, каковое названіе имъ и присвоено—таґаґин (см. таблицу).

Практическое назначеніе этихъ ремней заключается въ томъ, что за нихъ придерживаютъ шамана во время наибольшаго экстаза его при камланіи. Дѣлается это въ силу повѣрья, что если, во время камланія, шаманъ упадетъ въ обморокъ, то случится какое-либо бѣдствіе: или человѣкъ умретъ, или скотина издохнетъ. По словамъ Сѣрошевскаго (стр. 640), „на сѣверѣ Якутской области хозяинъ, выбравши ремни, что получше, вяжетъ

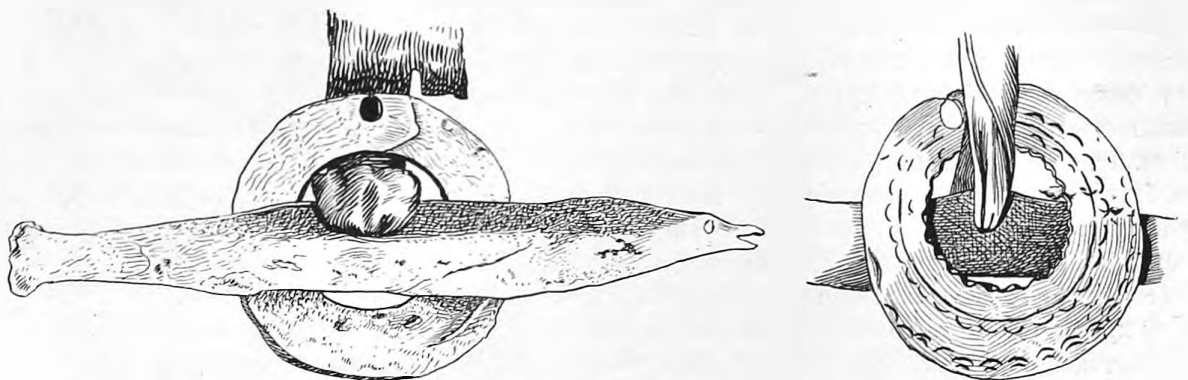

Рис. 19.

изъ нихъ родъ двойной петли, которую впоследствии надѣнутъ на плечи шамана затѣмъ, чтобы за свободный конецъ удерживать его во время пляски и не позволять духамъ похитить его“.

Закончивъ описаніе принадлежностей плаща, естественно задать себѣ вопросъ: что представляетъ собою шаманскій плащъ во всемъ его цѣломъ, судя по отдѣльнымъ его частямъ и имѣющимся на немъ отдѣльнымъ изображеніямъ? Съ одной стороны, какъ мы уже говорили выше, плащъ шамана есть его духъ-покровитель (таґара), а съ другой— всѣ изслѣдователи, начиная съ Шукина и кончая Сѣрошевскимъ и Трощанскимъ, указываютъ, что въ числѣ принадлежностей якутскаго шаманскаго плаща находятся фигуры, изображающія части человѣческаго скелета и внутренностей, и, въ то же время, части птичьяго крыла и птичьи перья. Такимъ образомъ, мы неизбежно должны допустить, что духъ-покровитель шамана, представляемый его плащемъ, подобенъ и человѣку, и птицѣ. Что въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго—доказывается многочисленными археологическими находками шаманскихъ принадлежностей въ видѣ человѣко-птицы ¹⁾. Между прочимъ, въ числѣ сойотскихъ онгоновъ, соотвѣтствующихъ якутскимъ таґара, можно встрѣтить иногда вырѣзанную изъ металлической пластины человѣческую фигуру съ птичьей головой. Въ представленіи якутовъ шаманскій плащъ является существомъ

¹⁾ Спицынъ, стр. 86 и слѣд., рис. 255 и слѣд.

живымъ и настолько дѣйственнымъ, что въ одной сказкѣ ¹⁾ онъ носитъ даже сложное собственное имя Тімір-дѣрбѣ-куо-куѣах-ытык-Дылбыца, т.е. желѣзный красивый куякъ (кольчуга) почтенный Дылбыца. Части этого имени подтверждаютъ указанія изслѣдователей, что плащъ шамана служитъ ему щитомъ противъ непріязненныхъ духовъ или, какъ въ данномъ случаѣ, кольчугой.

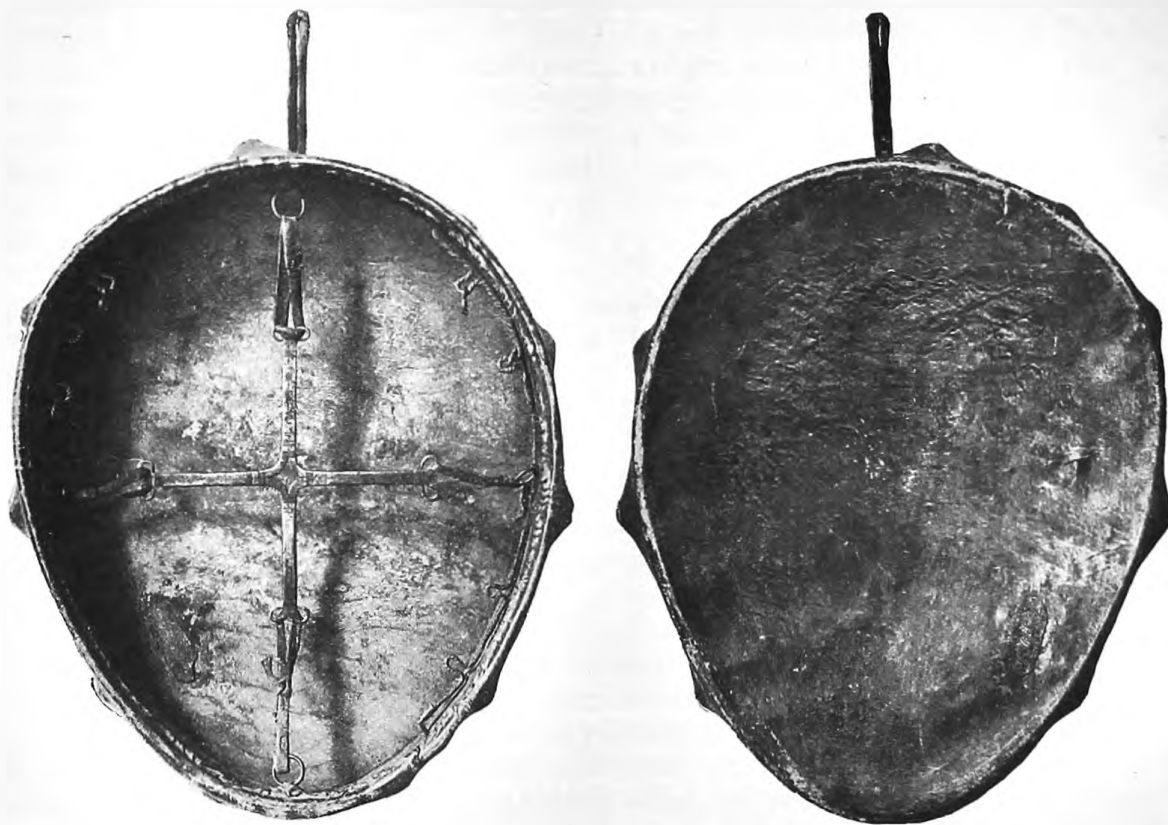

Рис. 20.

II. Бубень.

Бубень (рис. 20) якутскаго шамана—тѣцѣур или дѣцѣур ²⁾ имѣетъ яйцевидную форму,—чѣмъ онъ отличается отъ бубновъ сѣверо-западной Монголіи и русскаго Алтая, у урянхайцевъ и алтайцевъ, у которыхъ всѣ бубны имѣютъ круглый видъ,—и сходствуетъ съ бубнами, встрѣчающимися въ Лапландіи и на Амурѣ ³⁾.

Онъ состоитъ изъ обечайки, шириною 0^m,102, обтянутой съ одной стороны кожей (бѣрѣѣ). По Припузову (стр. 65), бубень „обтягивается кожей двухтравой коровы“, а по

¹⁾ Худяковъ, 148 и 193.

²⁾ По словамъ Маака (стр. 118), „всѣ якуты увѣрили его, что у шамановъ, кромѣ инструмента, называвшагося тѣнгиюръ (читай: Тѣцѣур), по которому они били колотушкою..., былъ еще другой—дѣгиюръ (читай: дѣцѣур)“, въ который „шаманъ билъ металлическою лопаткою, перебирая въ то же время пальцами натянутыя на немъ струны“. Ср. Трошанскій, стр. 128 и 129.

³⁾ Потанинъ, 40.

Приклонскому (стр. 53)—просто „телячьей кожей безъ шерсти“. Въ длину бубень имѣть 0^м,585 и въ ширину—0^м,485. Съ наружной стороны по обечайкѣ идутъ 11 деревянныхъ шишечекъ (угловатыхъ выпуклостей)—7 большихъ и 4 поменьше. Называются онѣ бѣттахъ муос, т.-е. выпуклые рога ¹⁾. Въ самой обечайкѣ сдѣлано пять небольшихъ продольныхъ прорѣзовъ, въ которые вставлены своими ножками пять „роговъ“ изъ числа только-что упомянутыхъ. Сквозь прорѣзы видно, что поверхъ „роговъ“, по всей окружности бубна, натянута толстая жильная нить. Надо думать, что практическая цѣль, преслѣдуемая этимъ приспособленіемъ, заключается въ усиленіи звука. Изнутри бубна къ обечайкѣ прибиты три скобы изъ витыхъ желѣзныхъ прутьевъ, согнутыхъ такъ, что каждая скоба образуетъ по два или по три ушка. На двѣ изъ скобъ надѣто по парѣ некрупныхъ желѣзныхъ петель (въ видѣ дужки съ ушками) изъ витыхъ же желѣзныхъ прутиковъ. На третью скобу наложенъ маленькій свободно вращающійся цилиндрикъ, согнутый изъ желѣзной пластинки. Судя по отверстиямъ, на обечайкѣ была, видимо, еще четвертая скоба.

Кромѣ того, въ четырехъ мѣстахъ, у концовъ и по бокамъ, въ обечайку вбиты четыре пробойчатыхъ петли, въ которыя вдѣты—по одному въ каждую—два мѣдныхъ и два желѣзныхъ кольца. Къ послѣднимъ ремешками притянута желѣзная крестовина (быарык), снабженная на каждомъ концѣ парой петелекъ. Въ центрѣ этой крестовины пробито сквозное отверстіе въ видѣ бубноваго очка въ картахъ. У концовъ ея и близъ отверстія нанесены съ лицевой стороны ряды поперечныхъ нарѣзокъ. Крестовина служитъ ручкой для держанія бубна.

Вдоль верхняго края обечайки тянется рядъ мелкихъ отверстій; пропущенными сквозъ нихъ бечевочками пришта обтяжка, загнутая краемъ своимъ внутрь бубна. Прорванное на обтяжкѣ мѣсто заклеено съ обѣихъ сторонъ рыбьей кожей. Къ широкому концу бубна прикрѣплена ременная петля, служащая для подвѣшиванія его. Замѣчательно, что на якутскомъ, какъ и на бурятскомъ, бубнѣ нѣтъ ни внутри, ни снаружи какихъ-либо рисунковъ.

Неотъемлемой принадлежностью каждаго шаманскаго бубна является еще колотушка (булѣяхъ—былѣяхъ), которой при описываемомъ бубнѣ нѣтъ. Дѣлается она обыкновенно изъ дерева или же изъ рога лося или оленя въ видѣ узенькой, слегка изогнутой лопаточки съ коротенькой ручкой для держанія. Выгнутая, ударная сторона колотушки обтягивается оленьимъ камысомъ ²⁾ или скотской кожей—шерстью наружу. На выгнутой, тыльной сторонѣ имѣется продольное ребро, иногда костяное или желѣзное. Часто прикрѣпляютъ къ нему колечки для звука. На нѣкоторыхъ колотушкахъ имѣются на тыльной сторонѣ изображенія звѣрей или птицъ. Въ видѣ головы звѣря дѣлается иногда и конецъ ручки. Длина колотушки не превышаетъ обычно 5—6 вершковъ и ширина 1—1½ вершковъ.

Въ литературѣ довольно подробно трактуется о бубнахъ и колотушкахъ шамановъ. Поэтому, мы ограничимся здѣсь указаніемъ лишь на значеніе ихъ, не останавливаясь на всѣхъ имѣющихся описаніяхъ этихъ предметовъ.

Бубень является символическимъ изображеніемъ животнаго (лошади), на которомъ шаманъ спускается въ нижній міръ, въ царство духовъ,—читаемъ мы у Припузова (стр. 65) и у Приклонскаго (стр. 53). При посредствѣ бубна шаманы „спускались въ подземное царство“,—говоритъ и Маакъ (стр. 118). Ударами въ бубень призываются духи, причемъ, по словамъ Георги (стр. 101) и Бѣляева (стр. 199), „нѣкоторые удары призываютъ, а другіе прогоняютъ духовъ“. Шаманъ ударами въ бубень изображаетъ приходъ и уходъ

¹⁾ Ср. Потанинъ, 48: „На боку Пакьянова бубна отъ сколачиванія обода гвоздями видны шишечки, которыя называются мююзъ (рога)“.

²⁾ Камысъ—полоса шкуры съ оленьей ноги.

духовъ ¹⁾. По словамъ Трошанскаго (стр. 130—131), „якутскій черный шаманъ передъ началомъ камланія собираетъ въ бубенъ толкущихся въ юртѣ около больного абасылар'овъ и выбрасываетъ ихъ вонъ; ударами въ бубенъ онъ приводитъ себя въ состояніе экстаза, а затѣмъ сопровождаетъ ими же свои заклинанія, а когда предсказываетъ будущее присутствующимъ, то отставляетъ бубенъ въ сторону; на бубнѣ же отправляется онъ за кут ²⁾ больного къ духамъ“. Разныя побрякушки и привѣски бубна не имѣютъ символическаго значенія. По Приклонскому, когда нѣтъ бубна, шаманъ употребляетъ, вмѣсто него, „палку (какая попадется въ руки)“ и, „на нее опираясь, онъ даетъ понять, что странствуетъ“ (стр. 53), а по Георги (стр. 100) и Бѣляеву (стр. 199)—якутскіе шаманы, вмѣсто бубна, „употребляютъ конскій хвостъ“. Къ этому добавимъ, что якутскій шаманъ можетъ производить камланье съ помощью одного ремешка (тірбѣѣ), такъ что, вопреки утверженію Шашкова, бубенъ хотя и очень важная, но не такая принадлежность шамана, „безъ которой онъ не можетъ ни принести жертвы, ни произвести заклинанія духовъ“ (стр. 86).

Что касается колотушки, то всѣ свѣдѣнія сходятся на томъ, что это—плеть, кнутъ, погонялка шамана. Былајаѣынан љс тагіл кымнѣлабыт (сказочный абасы сѣлъ на бубенъ и) три раза ударилъ его своею колотушкой ³⁾. Эта же колотушка служитъ шаману орудіемъ гаданія. Былајаѣынан тѣорѣхтѣтѣ, былајаѣа... чаѣылѣан уотун курдук тѣбѣтѣн оројугар олоро тѣстѣ—стала шаманка судьбу гадать колотушкою бубна; колотушка... какъ молнія пала на ея темя, на счастливую сторону пала ⁴⁾. Можно замѣтить, наконецъ, что колотушка, какъ и самый костюмъ и бубенъ, имѣетъ своего духа-хозяина—іччі и является какъ бы существомъ одушевленнымъ: туора булајаѣа бѣрѣіу улуіда—поперечная колотушка по-волчьи завыла—говорится въ цитованной сказкѣ ⁵⁾.

Э. Пекарскій.

В. Васильевъ.

Источники.

Георги, Іоганнъ Готтлибъ. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. Ч. III. Спб. 1799 г. Стр. 116.

Бѣляевъ, Осипъ. Кабинетъ Петра Великаго. Отдѣленіе второе. Спб. 1800 г. Стр. 287.

Поѣздка въ Якутскъ. Изд. *Н. Ш.* (Николая Шукина). Спб. 1833 г. Стр. 231.

Шашковъ, С. Шаманство въ Сибири. Зап. И. Р. Г. Общ. 1864 г. Кн. 2. Спб. 1864 г. Стр. 1—105.

Третьяковъ, П. Туруханскій край. Зап. И. Р. Г. О. по общей географіи. Т. II. Спб. 1869 г. Стр. 216—530.

¹⁾ Соловьевъ, стр. 412.

²⁾ Кут—одна изъ душъ. См. Трошанскій, стр. 71—79 и др.

³⁾ Худяковъ, стр. 142.

⁴⁾ Пекарскій. Образцы, в. II, стр. 161.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 151.

Соловьевъ, Ѳ. Остатки язычества у якутовъ. Сборникъ газеты „Сибирь“. Т. I. Спб. 1876 г. Стр. 409—419.

Потанинъ, Г. Н. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Вып. IV. Матеріалы этнографическіе. Спб. 1883 г. Стр. 1025.

Прилузовъ, Н. Свѣдѣнія для изученія шаманства у якутовъ Якутскаго округа (Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ. Т. XV, №№ 3—4. 1884 г.). Стр. 59—66.

Гороховъ, Н. Юрюнгъ-Уоланъ. Якутская сказка. Часть I-я (Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ. Т. XV, №№ 5—6. 1884 г.). Стр. 43—60.

Маакъ, Р. Вилюйскій округъ. Часть III. Изд. 1-е. Спб. 1887 г. Стр. 192+XVII.

Худяковъ, И. А. Верхоянскій Сборникъ. Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, а также русскія сказки и пѣсни, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ. Ирк. 1890 г. Стр. IV+314.

Приклонскій, В. Л. Три года въ Якутской области. (Этнографич. очерки). „Жив. Старина“. 1891 г. Вып. IV. Стр. 43—66.

Михайловскій, В. М. Шаманство. Сравнительно-этнографическіе очерки. Вып. I. 1892 г. Стр. IV+115.

Сърошевскій, В. Л. Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. Изданіе И. Р. Г. Общ. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рис., портретами и картой. Спб. 1896 г. Стр. XII+719.

Троцанскій, В. Ф. Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ. Съ 10 фигурами и 4 приложеніями. Посмертное изданіе, редактированное Э. К. Пекарскимъ. Казань. 1902 г. Стр. IV+185+13+II. (Отд. оттискъ изъ „Ученыхъ записокъ Императ. Казанскаго Университета“).

Пекарскій, Э. К. Словарь якутскаго языка. Вып. 1 и 2. Спб. 1907—9. Стр. XIX+640.

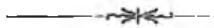
— Образцы народной литературы якутовъ. Вып. II. Спб. 1908 г. Стр. 81—194.

Спицынъ, А. А. Шаманскія изображенія. Отд. оттискъ изъ „Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества“, т. XI, в. I.

Васильевъ, В. Н. Шаманскій костюмъ и бубень у якутовъ. Сборникъ Музея по Антропологии и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. VIII. (Печатается).

— Изображенія долгано-якутскихъ духовъ, какъ атрибуты шаманства. Жив. Стар. 1909, вып. II—III. Стр. 269—288.

— Рукописная сказка: Курубаи Ханнах Кулун Куллустур.

Общественныя охоты у сѣверныхъ бурятъ ¹⁾.

(Загэга-аба—охота на росомахъ).

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ животномъ мірѣ коллективное нападеніе нѣсколькихъ животныхъ на добычу, которая каждому изъ нихъ поодиночкѣ была бы не подъ силу,—явленіе очень обыкновенное. Всѣ, кто только бралъ въ руки ружье и охотился за плавающей птицей, навѣрное, видѣлъ, какъ бакланы, гдѣ-нибудь въ мелкомъ заливѣ, вытянувшись въ рядъ, съ крикомъ и хлопаньемъ крыльевъ, гонятъ рыбу къ отмели и хватаютъ ее, а пеликаны прямо-таки устраиваютъ облавный кругъ и набиваютъ свои подчелюстные мѣшки рыбой. Изъ морскихъ млекопитающихъ хищныя набѣги на рыбу устраиваютъ дельфины. Тактика ихъ заключается въ томъ, чтобы подогнать рыбу поближе къ берегу или въ устье рѣки. Рыба боится дельфиновъ и направляется къ берегу. Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запрещено бить это животное, какъ, напримѣръ, у насъ въ Ялтѣ, потому что дельфины служатъ загонщиками рыбы для рыбаковъ. Самый страшный морской хищникъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый красивый изъ нихъ—касатка (*Orca gladiator*); бѣловатое брюхо и темная спина, а также и граціозныя движенія этого звѣря въ водѣ, особенно въ бурю, и дали этому виду названіе касатки или морской ласточки. Касатки охотятся не только за рыбами, но и за гигантами морей—китами. Ронделе такъ описываетъ охоту касатки на гренландскаго кита: набрасываясь

¹⁾ Сельскій учитель у бильчирскихъ бурятъ, Матвѣй Николаевичъ Хангаловъ, уже болѣе тридцати лѣтъ занимается изученіемъ быта и вѣрованій бурятъ. Благодаря его трудамъ, шаманство у сѣверныхъ бурятъ обслѣдовано гораздо лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ Сибири. Кромѣ этого, онъ уже давно занимался изученіемъ общественныхъ охотъ, нѣкогда бывшихъ главнымъ источникомъ пропитанія бурятъ. Онъ помѣстилъ описаніе этихъ облавъ въ „Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, но въ сокращенной формѣ. Желая ознакомить этнографовъ возможно полнѣе съ культурно-историческимъ этюдомъ М. Н. Хангалова, я выписалъ отъ него рукопись, посвященную облавѣ; но, къ сожалѣнію, авторъ затерялъ свою старую рукопись, которая представляла собою энциклопедію бурятскаго быта. Новая была, очевидно, восстановлена авторомъ по памяти. Вслѣдствіе этого обстоятельства, я рѣшилъ дополнить изложеніе г. Хангалова тѣми свѣдѣніями, которыя я собралъ лично у другихъ бурятъ, забайкальскихъ, и, кромѣ того, для округленія вопроса, написалъ введеніе къ этюду г. Хангалова, въ которомъ сдѣлалъ попытку освѣтить вопросъ съ этнологической точки зрѣнія.

Примѣчанія подстрочныя, отмѣченныя цифрами, принадлежатъ мнѣ, звѣздочками—М. Н. Хангалову.

Д. Клеменць.

Считаю пріятнымъ долгомъ выразить благодарность г. Б. Барадійну за любезно взятый имъ на себя трудъ по корректурѣ монгольскихъ выраженій этой статьи.

Ред.

на него со всѣхъ сторонъ, онѣ начинаютъ кусать его, пока тотъ не зареветъ, какъ разъяренный быкъ. Другой авторъ говоритъ, что десятокъ или болѣе этихъ разбойниковъ впиваются, какъ бульдоги, въ бока и брюхо кита и не отстаютъ до тѣхъ поръ, пока не оторвутъ у него куска мяса длиною съ локоть. Отъ боли китъ стонетъ и иногда подпрыгиваетъ въ водѣ, но морскіе бульдоги, крѣпко впившись, висятъ на тѣлѣ кита. Стеллеръ говоритъ, что, завидѣвъ кита, касатки отгоняютъ его въ открытое море и кусаютъ его своими страшными зубами, такъ что издалека слышны пыхтѣнье и стоны гиганта морей. Тамъ, гдѣ встрѣчаются киты, бѣлуги и тюлени, тамъ непременно встрѣтятся и касатка.

Облавы у хищныхъ животныхъ преимущественно развиты среди семейства Canidae. Послѣднія, по сравненію съ семействомъ кошекъ и медвѣдями, вооружены плохо. У нихъ одно орудіе нападенія и обороны—зубы, тогда какъ кошки обладаютъ, кромѣ того, и страшными когтями, а медвѣди, кромѣ когтей,—страшной силой. Одолѣть крупнаго звѣря они могутъ только стаяй. Зато въ стаѣ они становятся опасными для самыхъ страшныхъ хищниковъ. Въ Индіи водится очень крупная дикая собака—колзунъ, *Canis dukhunensis*. Вопреки манерѣ волковъ, гіэнь и шакаловъ, эта собака нападаетъ на добычу днемъ, причемъ, въ случаѣ нужды, за недостаткомъ другой дичи, не брезгаетъ и тигромъ. Завидя стаю, царь джунглей¹⁾ забирается въ чащу, но это не спасаетъ его. Собаки охватываютъ его логовище тѣснымъ кольцомъ, и достаточно только одной или двумъ опытнымъ собакамъ вцѣпиться въ него сзади, чтобы вся стая бросилась сразу на врага. При этомъ, конечно, погибаетъ нѣсколько собакъ, но зато и тигръ почти всегда дѣлается добычей нападающихъ. Такія же облавы устраиваютъ на домашній скотъ—главнымъ образомъ, на барановъ или на большихъ и раненыхъ животныхъ—гіэны и шакалы. Гіэны не умѣютъ подкрадываться къ добычѣ и гонятся за ней. Окруживъ стадо, онѣ набрасываются понѣскольку штукъ на одно животное и душатъ его, затѣмъ тащатъ куда-нибудь подальше. Если одна гіэна не въ состояніи утащить добычу, ей помогаютъ другія. Вообще, всѣ Canidae нерѣдко собираются въ стаи для нападенія.

Гораздо замысловатѣе охоты одного вида волка, живущаго въ Индіи, столь богатой представителями сем. Canidae. Въ разныхъ мѣстностяхъ онъ носитъ разныя названія—бигани, багіаръ, ландга; научное названіе его—*Canis lupus pallipes*. Хотя онъ не держится такими большими стаями, какъ другіе волки, но, по своему нахальству и хитрости, онъ—одинъ изъ самыхъ вредныхъ. Онъ не пренебрегаетъ никакими животными, съ которыми можетъ справиться, но предпочитаетъ крупныхъ козъ, овецъ, антилопъ и, говорятъ, нападаетъ и на буйволовъ. Рассказы о немъ изумительны. Замѣтя стадо антилопъ, онъ потихоньку пробирается на какой-нибудь возвышенный холмъ, съ котораго его могутъ замѣтить антилопы, ложится на спину и начинаетъ махать хвостомъ и болтать ногами. Замѣтя это, глупая, но любопытная антилопа бѣгутъ посмотреть на невиданную диковинку. Когда стадо подойдетъ къ волку, его спрятавшіеся въ засаду товарищи накидываются на антилопъ и душатъ ихъ. Иногда волки дѣлаютъ демонстративную атаку на стадо и пастуховъ, потомъ обращаются въ бѣгство. За ними гонятся пастухи и собаки. Въ это время скрытые въ засадѣ волки набрасываются на стадо и начинаютъ хозяйничать въ немъ. Часто волки гонятъ стадо антилопъ къ тому мѣсту, гдѣ скрыта засада.

Обращаясь къ облавамъ, производимымъ человѣкомъ, мы не будемъ по поводу такого частнаго вопроса входить въ разсужденіе о томъ, что представляютъ собою „охотничьи“ племена и народы, не будемъ также разбирать споровъ о „бродячихъ племенахъ“. Наша задача для этого слишкомъ узка: насъ интересуютъ пока только народы, *дѣлающіе облавы*. Но и этого вопроса мы не беремъ исчерпать, такъ какъ повсюду, гдѣ есть охотники и звѣри,

¹⁾ Джунгли—заросли низменныхъ береговъ и болотъ.

встрѣчаются и облавы. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ палеолитическую эпоху человѣкъ охотился на мамонта, такъ какъ не разъ уже попадались обожженные кости мамонта, и мы, поэтому, не можемъ сомнѣваться въ томъ, что на мамонта люди нападали скопомъ, т.-е. облавою. Въ числѣ примитивнѣйшихъ способовъ облавы можно поставить сгонъ звѣрей посредствомъ зажиганія травы. О нихъ русская читающая публика знаетъ давно изъ романовъ Густава Эмара, но имѣющіяся по этому вопросу свѣдѣнія не даютъ намъ права ограничиться одной ссылкой на вышеупомянутаго автора. Руководствуясь вѣтромъ, индѣйцы-охотники въ разныхъ мѣстахъ зажигали траву и старались направить огонь къ такому мѣсту, гдѣ бы охотникамъ удобно было устроить засаду. Иногда, при приближеніи звѣря, зажигали огонь впереди: звѣри начинали метаться и падали подъ стрѣлами охотниковъ; иногда же послѣдніе находили недоступное для огня мѣсто, съ котораго можно было бить звѣря почти безъ промаха.

Въ Австраліи существуетъ способъ ловли, который недалеко ушелъ отъ приемовъ баклановъ и пеликановъ. Онъ практикуется на широкихъ рѣкахъ Австраліи. Партии туземцевъ человѣкъ въ пятьдесятъ, вооруженныхъ деревянными копьями футовъ 6 длиной, образуютъ широкой кругъ и всѣ, по командѣ, погружаются въ воду и колютъ рыбу копьями. Если первый загонъ былъ неуспѣшенъ, компанія отплывала на нѣкоторое разстояніе и снова ныряла въ воду. Эйръ видывалъ, что группа въ 30 человѣкъ въ часъ добывала до 8 штукъ рыбы—каждая не менѣе 15 англійскихъ фунтовъ и даже болѣе. Въ Австраліи, такъ же какъ и въ Америкѣ, при охотѣ на кенгуру зажигаютъ кусты, когда звѣрь прячется въ нихъ въ полдень отъ жара. Звѣри бросаются прочь отъ зажженныхъ кустовъ къ другимъ, но и тамъ появляется пламя; начинается суматоха между животными, они бѣгутъ отъ огня, но въ свободныхъ мѣстахъ ихъ съ криками встрѣчаютъ вооруженные охотники, и начинается бойня. Иногда охотятся на кенгуру такъ, что охотники прячутся въ травѣ, а звѣря гонять на нихъ женщины и дѣти. Здѣсь мы уже видимъ зачатки правильной облавы—охотничью цѣпь, только безъ номеровъ, загонщиковъ и кричанъ. Иногда—тамъ, гдѣ мѣстность нельзя оцѣпить—туземцы устраиваютъ изгороди съ промежутками, около которыхъ стоятъ охотники съ дубьемъ. Когда всѣ на своихъ мѣстахъ, дѣти и женщины зажигаютъ огонь съ подвѣтренной стороны и заставляютъ звѣря бѣжать противъ вѣтра къ загородямъ, гдѣ и совершается избіеніе. Замѣчательно также, что раздѣлъ добычи выработанъ чрезвычайно точно, и споровъ изъ-за права на добычу не бываетъ.

Еще ближе къ нашей темѣ—недавно исчезнувшая на нашемъ сѣверо-востокѣ, въ Колымскомъ округѣ, „поколюга“. Въ сравнительно недавнее время, весной, цѣлыя полчища сѣверныхъ оленей передвигались со своихъ пастбищъ въ тайгѣ, гдѣ ихъ одолѣвали насѣкомыя, въ болѣе прохладныя приморскія мѣста. Въ то время, когда въ Колымскѣ жилъ Врангель, стада оленей тянулись на разстояніе отъ 50 до 100 верстъ, двигаясь плотными эшелонами штукъ по 300, такъ что издали казалось, что движется какая-то безконечная черная масса. Охота начиналась при переправѣ оленей черезъ Колыму. Охотники подвѣзжали на лодкахъ и били переправлявшихся оленей короткими копьями. Когда олени при этомъ приходили въ замѣшательство и спутывались рогами другъ съ другомъ, тогда происходила настоящая бойня. Хорошій охотникъ убивалъ въ часъ до сотни звѣрей. Общимъ достояніемъ считались всѣ олени, убитые на переправѣ, и только раненые, выплывшіе на противоположный берегъ, считались личной добычей охотника, нанесшаго рану. Охотники, однако же, доходили до такого искусства, что, среди всеобщей сумятицы, ухитрялись наносить болѣе легкія раны звѣрю, съ которыми онъ могъ бы доплыть до берега. Слѣдуетъ отмѣтить, что „поколюга“ существовала не только на Колымѣ. Ее приводятъ въ примѣръ благодаря тому, что имѣется прекрасное описаніе этой облавы у Врангеля,—помнится также, что о „поколюгѣ“ писалъ и г. Шкловскій. Въ сущности же, это—одинъ изъ видовъ охоты на сѣвернаго

олени. Весенняя охота на оленей начинается вмѣстѣ съ передвиженіемъ звѣря изъ лѣсовъ въ тундру. На открытомъ мѣстѣ—сперва порѣже, а потомъ чаще—набиваютъ кольца съ двухъ сторонъ и навѣшиваютъ на нихъ разныя тряпки; двѣ линіи колеьевъ постепенно сближаются, такъ что въ цѣломъ получается нѣчто въ родѣ воронки или вытянутой цифры V; узкій конецъ замыкается ременной сѣтью длиною около 150 сажень; линіи колеьевъ тянутся версты на 4, на 5. Охотники, высмотрѣвъ стадо оленей, сами верхомъ на оленяхъ, стараются загнать звѣрей въ промежутокъ между кольями. Когда звѣри войдутъ въ промежутокъ, вниманіе ихъ привлекаютъ треплющіеся отъ вѣтра флаги: они останавливаются въ недоумѣніи и смотрятъ. Ловкіе загонщики гонятъ звѣрей; чѣмъ дальше въ изгородь, тѣмъ страшнѣе сзади крикъ и гамъ, свистятъ стрѣлы, шумятъ и хлопаютъ флаги. Олени несутся сломя голову, но, чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становится стаду. Теперь уже не стрѣляютъ, а бьютъ оленей копьями. Добѣжавъ до сѣти, они встрѣчаютъ другихъ враговъ, спрятавшихся въ засадѣ, и попадаютъ имъ прямо на копья. Обыкновенно бойня длится не болѣе часа. Лѣтомъ, въ лѣсахъ, также дѣлаютъ облаву съ махавками (махалками). Изгородь изъ махавокъ обыкновенно узкимъ концомъ подводится къ озеру или рѣкѣ. Гонить оленей одинъ загонщикъ, и, притомъ, пѣшій. Попавъ въ изгородь, олени, пугаемые загонщикомъ, бросаются въ воду, гдѣ ихъ бьютъ заранѣе расположившіеся тамъ охотники, преслѣдуя звѣрей съ лодокъ. „Поколюга“ въ Туруханскѣ бываетъ не весной, какъ въ Колымскѣ, а осенью, когда звѣри изъ тундры возвращаются въ тайгу; бьютъ ихъ на бродахъ. Осенняя „поколюга“, конечно, болѣе выгодна, нежели весенняя: весной идетъ олень изголодавшійся, а изъ тундры олень приноситъ запасъ жира, который даетъ ему возможность переносить зимнія невзгоды.

Подобно „поколюгѣ“, отошли въ область преданія и знаменитыя охоты американскихъ индѣйцевъ на бизонівъ. Истребленіе этихъ животныхъ никакъ нельзя поставить на счетъ туземцамъ; гораздо болѣе въ этомъ виноваты бѣлые. Пока индѣйцы охотились за бизонами, уменьшенія звѣря не было замѣтно. Наплывъ бѣлыхъ, съ ихъ страшными штуцерами и разрывными пулями, въ теченіе сорока лѣтъ (еще въ 1858 году попадались въ преріяхъ необозримыя стада бизонівъ) уменьшилъ предѣлы распространенія этихъ животныхъ, и къ началу нынѣшняго столѣтія бизоны совершенно исчезли. Бѣлые истребляли этихъ полезныхъ животныхъ прямо только изъ желанія испробовать свое искусство, били изъ удовольствія убивать, очень хорошо зная, что использовать всѣхъ убитыхъ животныхъ они не въ силахъ. Индѣйцы охотились за бизонами два раза въ годъ—въ іюнѣ и октябрѣ, послѣ посѣва и послѣ уборки хлѣбовъ. Въ охотѣ принимало участіе цѣлое племя: всѣ оповѣщались въ этихъ случаяхъ, назначался сборный пунктъ. За конными индѣйцами тянулись телѣги, въ которыя потомъ складывали добычу. Охотники выбирали себѣ предводителя, опытнаго въ этомъ дѣлѣ. Избранный держалъ рѣчь къ собранію, подбиралъ себѣ помощниковъ и обращался потомъ съ рѣчью ко всѣмъ участникамъ, объясняя имъ правила охоты и грозя, за нарушеніе ихъ, отнятіемъ и поломкой оружія. Строгость эта—вполнѣ мотивированная: при нарушеніи правилъ охоты звѣрь можетъ ускользнуть, и все племя останется безъ добычи. Сама охота представляла собою конную облаву. Отдѣльные отряды разыскивали стада бизонівъ. При большомъ количествѣ участниковъ, компанія дѣлилась на отряды, которые и гонялись за разбившимися на кучки звѣрями и били ихъ стрѣлами съ коня. За охотниками шли женщины и дѣти и добивали раненыхъ животныхъ. Охота оканчивалась пиромъ, послѣ котораго происходилъ раздѣлъ добычи по семействамъ.

Въ Африкѣ также развиты коллективныя охоты облавами. У племени базутовъ облава на антилопъ ведется такъ, что сперва ставятъ въ извѣстныхъ мѣстахъ западни и потомъ облавой загоняютъ въ эти ловушки звѣрей. Кафры тоже устраиваютъ большія охоты. Они окружаютъ какой-нибудь лѣсной участокъ и сгоняютъ дичь въ одно мѣсто, оставляя

выходы для звѣрей. Въ этихъ мѣстахъ ставятъ самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ охотниковъ. По удостовѣренію Мюллера, кафры такимъ способомъ убиваютъ въ полдня понѣскольку сотъ антилопъ, зайцевъ, дикихъ кошекъ, обезьянъ и другихъ животныхъ.

Въ вышеприведенныхъ образчикахъ облавы, которые мы заимствовали, главнымъ образомъ, у Зиберы ¹⁾, мы видимъ полную аналогію въ приемахъ съ коллективными охотами животныхъ, съ той только разницей, что, вмѣсто когтей и зубовъ, человѣкъ пользуется оружіемъ, прибѣгаетъ къ разнымъ хитростямъ, строитъ загородки, ямы на пути передвиженія звѣря, пользуется огнемъ, иногда выставляетъ прирученнаго звѣря (маньщика ²⁾), самку, къ которой сбѣгаются самцы, подражаетъ голосу дѣтеныша или призывному кличу самца. Всюду—тотъ же основной принципъ: при помощи товарищей поставить звѣрей въ безвыходное положеніе или захватить ихъ въ трудную минуту и напасть на нихъ.

Хотя этотъ принципъ примѣняется у первобытныхъ и полукультурныхъ людей довольно разнообразно, но, по мѣрѣ развитія родовыхъ группъ въ племенные и даже въ государственныя, облавы становились грандіознѣе и приемы ея совершенствовались. У насъ на Руси, въ великокняжескій періодъ, охота была не развлеченіемъ, а необходимостью. Добыча звѣря, пушнины была источникомъ благосостоянія народа и его правителей. Даже въ царскій періодъ средства казны заключались, главнымъ образомъ, въ пушнинѣ, и когда австрійскій цесарскій дворъ обратился однажды за денежной помощью къ царю московскому, то сюда была выслана пушниной.

По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ нами у Кутепова ³⁾, первая отмѣченная датой облава состоялась въ 1088 году. Это была облава на зайцевъ, устроенная княземъ кievскимъ Всеволодомъ при помощи „кличанъ-загонщиковъ“, которыхъ въ Ю.-З. Россіи называли „осочниками“. Конечно, это была не первая облава на Руси: облавы, навѣрно, были и въ до-княжескій періодъ и послѣ него. Извѣстно также, что на волчьей облавѣ примѣнялось „подвываніе“—подражаніе волчьему вою. Многіе великіе князья русскіе любили охоту, и между ними богатыремъ по силѣ, разуму и душевнымъ качествамъ былъ Владиміръ Мономахъ. Охота за турами и дикими конями, о которыхъ упоминаетъ Мономахъ, судя по характеру и привычкамъ этихъ животныхъ, вѣроятно, производилась при помощи облавы. У Кутепова, однако же, сравнительно мало свѣдѣній объ облавахъ, — вѣроятно, потому, что облавы производились не очень часто, такъ какъ для этого требовалось много народа. Русскіе князья любили соколиную охоту, и она вообще была въ большемъ почетѣ. Что касается охоты для хозяйственныхъ и финансовыхъ цѣлей, то для нея примѣнялись, несомнѣнно, самыя разнообразныя приспособленія, смотря по времени года и тѣмъ промысловымъ животнымъ, которыя имѣлись въ виду.

Весьма интересны были облавы на зубровъ въ Литвѣ и Польшѣ въ XVI и XVII ст. Классическимъ мѣстомъ этихъ охотъ была все та же Бѣловѣжская пуца, гдѣ они держатся и понынѣ. Вся пуца была раздѣлена на загоны, и въ каждомъ загонѣ былъ свой управляющій, который долженъ былъ имѣть достаточное количество облавщиковъ и собакъ. Это была богатырская охота. При тогдашнемъ несовершенномъ оружіи, она требовала не только ловкости, смѣлости, но и силы. Загонщики и собаки выгоняли звѣря на чистую поляну. Зубръ бросался на перваго попавшаго ему на глаза. Охотники прятались за деревья и разбѣгались. Удобнѣ всего считалось укрыться за двумя деревьями, близко стоящими другъ около друга. Случалось, что безстрашный охотникъ изъ своей засады успѣвалъ поразить приблизившагося звѣря тяжелымъ охотничьимъ копьемъ, но это бывало

¹⁾ Зиберъ, Н. И. Очерки первобытной экономической культуры (М. 1883), стр. 7—28.

²⁾ Маньщикъ—отъ слова манить, подманивать.

³⁾ Н. Кутеповъ. Великокняжеская и царская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ, т. I-й, стр. 127—129.

рѣдко. Обыкновенно же, когда охотники скрывались, звѣрь приходилъ въ бѣшенство; ему давали время побѣсноваться и потомъ на усталого звѣря снова спускали собакъ, которыя пытались его остановить. Управляющій загономъ, убѣдившись, что звѣрь утомился, давалъ сигналъ, что онъ идетъ бить звѣря. Когда сраженный звѣрь падалъ, являлся король, слѣзалъ съ коня и кинжаломъ собственноручно снималъ со звѣря кожу; затѣмъ, изъ внутреннихъ зуба варили похлебку для собакъ, и тѣмъ поле заканчивалось.

Въ Абхазіи,—по свѣдѣніямъ, любезно доставленнымъ мнѣ хранителемъ Этнографическаго Отдѣла, А. А. Миллеромъ,—устраивать облавы имѣетъ право только мѣстный князь. Въ одиночку крестьяне могутъ охотиться сколько угодно, но поднять всѣхъ крестьянъ можетъ только князь. Собравъ крестьянъ, князь, передъ началомъ облавы, громогласно читаетъ молитву. Въ ней напрасно было бы искать обращеній къ ихъ великому пророку. Князь, молясь, заявляетъ, что онъ намѣренъ устроить облаву, и обращается къ „богамъ“, своимъ старымъ языческимъ богамъ, прося ихъ помочь ему, не оставить его безъ удачи. Затѣмъ начинается облава на кабановъ, которыхъ выгоняютъ изъ лѣсу собаки. Если ловъ былъ удаченъ, крестьяне приносятъ князю цѣльную тушу кабана. Голова убитаго животного считается почетнымъ кускомъ, шкура же и рога оленей и козловъ вѣшаются на дверяхъ княжескаго дома въ видѣ трофеевъ. Если животное будетъ убито крестьянами на землѣ князя, то голова приносится къ князю со шкурой и рогами.

Съ теченіемъ времени, при ростѣ населенія, развитіи земледѣлія и промышленности, охота начала терять свое экономическое значеніе, и промыселъ этотъ сталъ достояніемъ лѣсныхъ странъ, съ ограниченнымъ, спорадическимъ земледѣліемъ и слабо развитой обрабатывающей промышленностью, какъ, напримѣръ, дальній сѣверъ Европейской Россіи и Сибирь. Въ населенныхъ мѣстахъ облавы примѣняются для истребленія хищныхъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ облава обращается въ натуральную повинность: въ Царствѣ Польскомъ и въ Курляндіи облавы могутъ устраивать не только владѣльцы охотничьихъ участковъ, но и полиція, причемъ на облаву наряжаютъ загонщиковъ, и никто изъ мѣстныхъ обывателей безъ основательныхъ причинъ не можетъ отказаться отъ явки на облаву. Въ Финляндіи забота объ истребленіи хищныхъ звѣрей возложена на общины, для чего каждый приходъ долженъ содержать охотничьяго старосту. Техника облавы вообще не сложна. Въ составъ ея входятъ руководитель и его подручные, затѣмъ—загонщики и стрѣлки. Облавное мѣсто окружается загонщиками, за исключеніемъ линіи стрѣлковъ. При промышленныхъ облавахъ, линія стрѣлковъ иногда замѣняется тенетами (сѣтями), и къ нимъ двигаются загонщики съ шумомъ, крикомъ и трещетками. Такая облава называется *подвижной*. Подвижныя облавы дѣлаются и безъ сѣтей; вмѣсто послѣднихъ разставляется линія стрѣлковъ, на которую и гонятъ загонщики дичь. При неподвижной облавѣ гонятъ звѣря, стоя на мѣстѣ, шумомъ и крикомъ, или пускаютъ въ облавный кругъ лаекъ. Случается, что на облавномъ кругѣ загонщиковъ отчасти замѣняютъ развѣшенными флагами. Для приготовленія облавы необходимо „обложить“ мѣстность, гдѣ предполагается облава. Окладчики разыскиваютъ свѣжій слѣдъ и, затѣмъ, дѣлаютъ круги, тщательно наблюдая слѣды. Обойденный кругъ называютъ *оступомъ*. При установкѣ оступа опредѣляютъ число „входныхъ“ и выходныхъ слѣдовъ. Откинувъ выходные слѣды, окладчики опредѣляютъ число звѣрей, находящихся въ кругу. При установкѣ линіи охотниковъ слѣдуетъ обращать вниманіе на входной слѣдъ, „пята“, потому что обыкновенно звѣрь, стремясь выйти изъ круга, почти всегда становится на пята. Облава на зайцевъ безъ тенетъ называется *котломъ*. Здѣсь стрѣлки идутъ попережку съ загонщиками и сближаютъ кругъ со всѣхъ сторонъ. Кромѣ упомянутыхъ формъ облавы, имѣются и другія—облавы *воронкой*, когда устраиваютъ сходящуюся подъ угломъ загородь. Большою извѣстностью пользуются облавы *псковичей*. При охотѣ они не собираютъ громаднаго числа кричанъ-

загонщиковъ, а довольствуются небольшимъ количествомъ ихъ и, хорошо зная привычки и повадки звѣря, нагоняютъ его на охотника.

Въ сущности, въ настоящее время облавы въ Европѣ имѣютъ значеніе только для любителей. Сборъ черезъ полицію мѣстныхъ обывателей на облаву въ загонщики является довольно тяжелой повинностью. Истребленіе отравой, практикуемое въ Сибири, даетъ лучшіе результаты. Тамъ, во многихъ мѣстностяхъ, волки совершенно выведены. Въ журналѣ „Природа и Охота“ за 1897 г. помѣщена статья г. Локачевскаго: „На правильной облавѣ въ Западномъ краѣ“, гдѣ описывается облава, на которую было собрано 100 человѣкъ загонщиковъ, 70 человѣкъ лѣсной стражи и трое лѣсничихъ. Облава велась образцово, оступъ былъ изслѣдованъ тщательно, „на лазахъ“ (мѣста, гдѣ волки проползаютъ изъ облавнаго круга) поставлены были стрѣлки. Охота походила на военные маневры, а такъ какъ администрація охоты превосходно знала всѣ лѣса въ имѣніи, то и охота вышла удачная, но, конечно, недоступная по расходамъ для дѣйствительнаго истребленія вредныхъ животныхъ. Способъ истребленія такихъ животныхъ тогда только цѣлесообразенъ, когда онъ дешевъ и простъ. Облавы въ настоящее время имѣютъ въ европейскихъ странахъ только спортивное значеніе: это — дорогое развлеченіе для богатыхъ людей.

Заканчивая замѣтки объ облавахъ современнаго характера, я, роюсь въ матеріалахъ, нашель въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (полutomъ 42, стр. 508) довольно странное утвержденіе, что „охотничьи облавы возникли въ Западной Европѣ, во время феодальнаго строя, перешли изъ Германіи въ Остзейскій край и Польшу, и отсюда, въ первой половинѣ XIX ст., проникли въ русскія губерніи“. Кажется, что послѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя были сообщены нами раньше объ облавахъ въ разныхъ странахъ, будетъ излишнимъ опровергать это сообщеніе. Русскіе охотничьи промыслы тѣмъ и интересны, что въ нихъ имѣются и свои собственные западные и восточные методы и приемы охоты. Разобраться въ этомъ вопросѣ, отдѣлить западныя и восточныя вліянія было бы весьма интересно, но для этого потребовался бы особый трудъ.

Такъ какъ у монгольскихъ племенъ облавы всегда конныя, съ верховыми загонщиками, то намъ необходимо привести еще нѣсколько примѣровъ конныхъ облавъ. Къ сожалѣнію, дѣльныхъ описаній такихъ облавъ мы почти не имѣемъ или, чтобы выразиться точнѣе, имѣемъ очень мало. Доказательствомъ этого можетъ служить обширная и крайне пестрая литература о киргизахъ, въ которой почти нѣтъ описанія ихъ охотъ. Самые старые источники, въ родѣ Левшина, говорятъ о способахъ охоты у киргизъ вскользь, а о существованіи у киргизъ облавы автору, повидимому, ничего неизвѣстно. По счастью, въ журналѣ „Охота“ 1896 г., за мартъ, мнѣ удалось разыскать довольно обстоятельный очеркъ охоты за куланами въ объѣздѣ. Куланъ (*Equus hemionus* Pall.) не любитъ равнинъ, держится всегда около предгорій и, при малѣйшей опасности, бросается въ горы. Авторъ упомянутаго очерка описываетъ способы охоты въ Мугоджарскихъ горахъ. Охотники выѣзжаютъ на лучшихъ аргамакахъ раннимъ утромъ и тихо приближаются къ цѣпи холмовъ, чтобы высмотрѣть, имѣются ли въ горахъ табуны кулановъ, которые, надо замѣтить, ходятъ всегда по своимъ протоптаннымъ тропамъ. Удача облавы зависитъ отъ того, успѣютъ ли охотники занять самые высокіе пункты мѣстности, чтобы выгнать табуны на равнину. Увидѣвъ табунъ, охотники вскачь пускаются подъ гору, оставляя на каждой встрѣчной куланьей тропѣ по одному всаднику. Замѣтивъ людей, куланы, послѣ минутнаго изумленія, бросаются сломя голову наутекъ, но разставленные на тропахъ часовые не пускаютъ табуновъ назадъ и мчатся вслѣдъ за звѣремъ. Въ долинѣ куланы останавливаются, чтобы осмотрѣться, но врагъ преслѣдуетъ ихъ по пятамъ. Жеребецъ бьетъ копытомъ въ землю и даетъ громкій сигналъ, по которому табунъ пускается въ степь. Кулана нагнать верховому очень трудно, но бѣгъ табуна задерживаютъ жеребята. Когда всадники начинаютъ

насѣдать на кулановъ, табуны теряютъ голову и раскалываются на отдѣльныя группы; слѣдуя за ними, охотники разбиваются на кучки, и каждая преслѣдуетъ свой косякъ. Когда всадникъ подскакиваетъ на выстрѣлъ, онъ на скаку перебрасываетъ съ плеча ружье и стрѣляетъ въ кулана. При выстрѣлѣ куланы останавливаются, соображая, откуда идетъ звукъ. Въ этотъ моментъ охотникъ спрыгиваетъ съ коня, ставитъ винтовку на рожки и стрѣляетъ.

Другой способъ—охота на водопоѣ. На водопоѣ куланы ходятъ всегда по однѣмъ и тѣмъ же тропамъ. Тропы эти обсаживаются кустиками, чтобы укрыться въ засаду. Другіе охотники издали подаютъ сигналы, указывая, далеко ли отъ караулящихъ ходятъ табуны. Вожакъ табуна осторожно подходитъ къ водопою, чувствуя что-то недоброе; онъ поминутно втягиваетъ воздухъ и останавливается. Этотъ моментъ киргизы называютъ тянь-дянь (испугъ, изумленіе). Продѣлавъ нѣсколько разъ тянь-дянь, вожакъ подходитъ къ водѣ, и тутъ поднимается непрерывная пальба изъ засады.

Почти такимъ же способомъ ведется ловля дикой лошади (*Equus Przewalskii*). Разузнавъ заранѣе, гдѣ держатся табунки этихъ лошадокъ, охотники составляютъ планъ охоты. Прежде всего, высматриваютъ удобное мѣсто, гдѣ можно оставить верблюдовъ, на которыхъ, въ большихъ корзинахъ, возятъ пойманныхъ жеребятъ. Затѣмъ, охотники берутъ съ собой штуки по три бойкихъ, хорошо тренированныхъ скакуновъ и, завидя табуны, пускаются за нимъ въ погоню. Эта страшная скачка на трехъ перемѣнныхъ лошадяхъ тянется иногда цѣлый день. Видя приближеніе всадниковъ, жеребецъ-вожакъ начинаетъ сильно волноваться: онъ кусаетъ кобылъ, бьетъ ихъ, отстающихъ жеребятъ подталкиваетъ мордой, но, видя, что ничто не помогаетъ, онъ бросается на преслѣдователей и падаетъ подъ выстрѣлами охотниковъ. Безъ жоака табуны только безъ толку кружатся на мѣстѣ, не зная, что дѣлать, а охотники въ это время ловятъ жеребятъ арканами. За взрослыми охотятся изъ засады на водопоѣ,—такъ охотился Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Мнѣ тоже удалось, во время перехода черезъ Джунгарскую Гоби, получить двухъ лошадокъ; одна изъ нихъ была пригнана, раненая, къ стоянкѣ, но она, съ тяжелой раной, прожила такъ недолго, что я не успѣлъ зарядить двухъ касетъ, чтобы снять ее.

Приведемъ теперь свѣдѣнія, сообщенныя у Палласа объ облавѣ у бурятъ, которую видѣлъ нашъ путешественникъ около станицы Акшинской 25 мая 1772 года,—въ современномъ переводѣ Василія Зуева, сотрудника Палласа ¹⁾.

„Чтобы осмотрѣть хорошенько и самую страну и видѣть, какъ здѣсь дикихъ козъ, дзеренами называемыхъ, промышляютъ, остался я въ Акшинскѣ до 25 числа Маія. Такой промыселъ Мунгалы по своему называютъ Аблаха, а Русскіе взявъ съ того же и повернувъ на свой образецъ дѣлали Облава: она первѣйшимъ почти увеселеніемъ Мунгаловъ и по чистымъ степямъ обитающихъ Тунгусовъ.—Учреждаютъ ее наиболѣе на чистомъ и открытомъ полѣ къ горѣ, или къ лѣсу или къ какой-нибудь рѣкѣ, чтобъ звѣря чрезъ то удержать было можно. Походятъ на оной промыселъ обыкновенно осенью, когда лошади отѣлись, станицами человѣкъ изъ 50 до 100 и 200, кои на лошадяхъ весьма проворны, и еще каждой по заводной у себя лошади имѣетъ, всѣ снаряжены лукомъ и стрѣлами, и каждой имѣетъ при себѣ еще добрую и ученую собаку. Передъ отѣздомъ выбираютъ одного себѣ вожатымъ или старостою, которой на промыслѣ управляетъ и учре-

¹⁾ Великій изслѣдователь Азіи говоритъ, что монголы такой промыселъ называютъ *аблаха*, а русскіе переделали это названіе въ *облаву* (?). Домыселъ этотъ, однако же, покоится на простомъ недоразумѣніи: ни у бурятъ, ни у монголовъ нѣтъ термина *аблаха* для обозначенія коллективной охоты. Просто-на-просто Палласъ ослышался: всѣ монголы называютъ облаву *аба* и иногда прибавляютъ къ *аба* другое слово. У забайкальскихъ бурятъ облава называется *аба-хайдакъ*, у добайкальскихъ—*зэгэтэ-аба*; точно такъ же имѣется и глаголъ *абалаху*—дѣлать облаву. Терминъ облава, конечно, былъ извѣстенъ русскимъ гораздо раньше, чѣмъ они познакомились съ монголами.

ждаетъ во время ихъ на ономъ пребываніи. И такъ гдѣ изберуть для промыслу способное мѣсто, туда посылають объѣздомъ на высокіе бугры или горы трехъ или четырехъ чело- вѣкъ добрѣзрячихъ подсмотрѣть, въ которой сторонѣ стада Дзереновъ пасутся. Сіи взявъ на показанное высокое мѣсто и усмотря звѣря дають знать прочимъ или дру- гими какими знаками, или оборачиваньемъ лошади въ ту сторону, въ которой пасущихся козъ видятъ, чтобъ надлежащимъ образомъ раздѣлялись. Такимъ образомъ вся ватага раздѣляется на малыя кучки, а послѣ и по одиначкѣ, такъ что одинъ отъ другаго не болѣе, какъ на шестьдесятъ или восемьдесятъ сажень находясь здѣлають превеликой округъ. Концы или крылья впередъ подавающагося или заходящаго круга сходятся за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ дикіе указаны, подкрадываясь всегда или изза бугровъ или изза горокъ, дабы способнѣе и совершеннѣе окружить звѣря. Какъ скоро обошли, то подхо- дятъ ближе, кругъ становится людьми чаще, и лишь только Дзерены промышленниковъ увидятъ, то бросятся всѣ въ бѣгъ, а промышленники съ своей стороны отвсюду на нихъ во весь опоръ скачутъ, и такъ окруживъ и крикомъ и свистящими стрѣлами ¹⁾, обезумли- ваютъ звѣря и повергають, сколько могутъ; стрѣляютъ же изъ лука на бѣгу съ лошади Даурскіе степные народы столько искусны, что скача изо всей силы въ цѣль попасть стрѣлой не промахнется. Если охотникамъ съ одной стороны въ близости лѣсистыя горы или рѣка попадется, къ которой бы онѣ стадо подогнать могли, то тѣмъ добыча имъ будетъ еще выгоднѣе: ибо въ дикихъ оныхъ козахъ примѣчена удивительная свой- ственность, что они никогда въ воду не лезутъ, хотябъ промышленники или собаки въ самой близости подлѣ ихъ находились, въ такомъ случаѣ лучше всегда скакомъ насквозь непріятели пробиться, нежели чрезъ воду спастися себѣ воображаютъ. Мессершмидъ по до- стоинству назвалъ онаго звѣря водо-боящимся (*Capra hydrophobos*), хотя напротивъ того Гмелинъ не несправедливо также утверждаетъ, что Дзеренъ изъ доброй воли рѣки перепла- вываетъ. Что дѣлаетъ онъ равнымъ образомъ и тогда, когда ему для кормныхъ мѣсть или для другихъ какихъ причинъ переплывать надобно, только чтобъ за нимъ не было погони.— Подобнымъ образомъ Даурскія Сайги боятся лѣсу; такъ что если ихъ загонишь межъ деревь, то они одурѣвъ не могутъ перебѣжать ни ста сажень, но обо всякое дерево головой уда- ряясь, тотчасъ убиваются.—Въ обоихъ случаяхъ промышленники не много упускають. Иногда случается, что и волки и другіе хищные звѣри къ промышленникамъ подходятъ вмѣстѣ, Саегъ окружають и такъ добычу усугубляють.—Если же случится на чистомъ и простран- номъ полѣ, что стадо окружить надобно, то промышленники не иначе какъ до тѣхъ поръ подкрадываться должны, пока совершенно стадо кругомъ обойдутъ; или когда обойти не могли, а звѣрь востормошился, то въ такомъ случаѣ пуцають впередъ вышепомянутые свистящія стрѣлы, чтобъ тѣмъ ихъ пугнуть и назадъ въ кругъ оборотить". (Палласъ, ч. III, стр. 279—282).

Самыя грандіозныя облавы были монгольскія во времена Чингисхана и его ближай- шихъ преемниковъ. На эти облавы собирались люди съ Алтая, съ береговъ Енисея и Желтой рѣки,—словомъ, со всей Монголіи. По преданію, любимыми мѣстами его охотъ были горныя страны Гентея къ сѣверу отъ р. Толы и центральный горный массивъ Гентея, лежащій между р. Орхономъ на востокъ и р. Дзапхыкомъ на западъ. На эти облавы Чин- гисъ собиралъ десятки и сотни тысячъ своихъ воиновъ. Во время облавы все было на

¹⁾ Таковыя стрѣлы называются по Русски свистунами, а по Мунгальски Дзы. Они тяжелы, на коницѣ имѣють тонкое и преострое желѣзцо, шириною пальца на четыре, на подобіе косаго четверугольника; подъ желѣзцомъ прилѣпляется пустой костяной желвакъ съ нѣсколькю дырами, сквозь которыя воздухъ прорывается. Какъ скоро стрѣлу пустить, то она будто шипитъ, но весьма пронизательно, и гдѣ попадетъ, тутъ уже рана смер- тельная".

военномъ положеніи. За оплошность, не говоря уже объ ослушаніи, полагались строгія наказанія. Геніальный человѣкъ сумѣлъ страсть монголовъ къ охотѣ использовать для военныхъ цѣлей. На облавѣ сходились обитатели Алтая и Хингана, кукунорцы и обитатели прибайкальскихъ странъ. Народы разныхъ языковъ, вѣрованныхъ, имѣвшіе неодинаковое оружіе и свой военный строй, объединялись подъ сильной рукой владыки. Облавы замѣняли Чингисхану нынѣшніе маневры, съ той только разницею, что на маневрахъ и солдаты, и главнокомандующій знаютъ, что у нихъ все—„примѣрное“, инсценированное, условное. Облава же имѣла практическое значеніе: она давала пропитаніе собравшимся разнороднымъ племенамъ; кромѣ мяса, воинамъ удѣляли звѣриныя кожи, рога, которые были необходимы для изготовленія луковъ. Отправляясь въ свой знаменитый походъ на западъ, Чингисханъ, твердо увѣренный въ своихъ силахъ, отдѣлилъ цѣлый корпусъ старшаго сына своего Джучи и послалъ его на облаву въ Киргизскія степи, разсчитывая, конечно, на случай неудачи, имѣть въ перспективѣ свой запасъ продовольствія, добытый охотой.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ описанія чингисхановскихъ охотъ. О нихъ мы можемъ получить понятіе только изъ постановленій о царской облавѣ, созданныхъ маньчжурской династіей; но это—только тѣнь тѣхъ богатырскихъ облавъ, пародія на серьезную охоту. Это была, такъ сказать, только дань памяти прошлыхъ дѣяній и подвиговъ. Но все-таки эти охоты китайскаго императора представляютъ собою нѣчто весьма грандіозное. На нихъ вызываютъ изъ разныхъ мѣстъ Монголіи тысячу двѣсти пятьдесятъ человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ и наѣздниковъ, а всѣхъ 2.019 человѣкъ; при этомъ, изъ Амурской области вызываются, кромѣ другихъ, люди, умѣющіе подражать голосу оленя. Тайціевъ (монгольскихъ князей), могущихъ управлять облавою, вызывается 167.

Передъ выѣздомъ на охоту императоръ назначаетъ время прибытія своего къ тому мѣсту, гдѣ предполагается дѣлать облавы; за день до прибытія на мѣсто облавы выдаются облавныя знамена. Послѣ выѣзда изъ крѣпости Чжунъ-гуань, главноуправляющій военною частью представляетъ списокъ лучшихъ стрѣлковъ, которые должны показать свое искусство предъ императоромъ. Передъ прибытіемъ къ мѣстамъ, гдѣ бываетъ облава, дѣлается смотръ копейщикамъ, ружейнымъ и лучнымъ стрѣлкамъ, а также князьямъ, могущимъ управлять облавою. Всѣ выставляются по сторонамъ дороги, а при проѣздѣ императора (Хуанъ-ди)—всѣ становятся на колѣни. Охотничьей резиденціей китайскаго императора служитъ мѣстечко Жехо, гдѣ имѣется звѣриный паркъ, единственный въ мірѣ, потому что тамъ сохранились еще рѣдкія животныя, которыя въ другихъ мѣстахъ уже вывелись. По обычаю, монгольскіе князья, когда пріѣдетъ императоръ въ Жехо, предлагаютъ ему угощеніе. Любопытно меню этого пиршества. Извѣстно, что французы и китайцы—лучшіе повара въ мірѣ для изготовленія замысловатыхъ, тонкихъ и пряныхъ снѣдей, и его величество Хуанъ-ди и его придворные—большіе любители гастрономіи. Какой же выборъ блюдъ предлагается, по ритуалу, отъ монголовъ ихъ повелителю? Параграфъ 385 уложенія для внѣшнихъ людей представляетъ слѣдующую роспись съѣстнаго: 5 вареныхъ барановъ, 5 подносовъ съ монгольскими хлѣбами, 5 кувшиновъ простокваши, пять сосудовъ кушанья бислиганъ и сыру изъ овечьяго молока 5 блюдъ. Все это заготавливается на мѣстѣ, и, когда вся программа выполнена, доносятъ главноуправляющему палатой внѣшнихъ сношеній, а сей послѣдній доводитъ до свѣдѣнія императора объ усердіи монгольскихъ князей. Если послѣдуетъ принятіе угощенія, то особый чиновникъ—неизвѣстно, письменно или устно—передаетъ соотвѣтствующее распоряженіе управляющему кухней. Этотъ упрощенный обѣдъ, очевидно, имѣетъ символическое значеніе: онъ напоминаетъ простоту походной жизни первыхъ императоровъ Дайцинскаго дома, Канси и Цянъ-луня, которые всегда были впереди и на войнѣ и на охотѣ, а Канси самолично отыскивалъ въ пустыняхъ воду для солдатъ, указывая, гдѣ именно слѣдовало копать колодцы. Для этого обѣда избирается откры-

тое мѣсто, на которомъ устраивается амфитеатръ. На немъ выставляется пять юртъ: одна большая бѣлая—для Хуанъ-ди, а четыре остальныхъ—для другихъ сановитыхъ участниковъ облавы. Кромѣ того, около юртъ ставится желтая палатка. Передъ пиршествомъ лѣца, допущенныя въ юрту государя, послѣ поклоненія ему разсаживаются на особыхъ тюфякахъ, по правую и по лѣвую руку полукругомъ. Когда Хуанъ-ди возьметъ чашку чая и начнетъ пить его, всѣ становятся на колѣна; то же происходитъ, когда государю подадутъ кубокъ съ виномъ.

Послѣ угощенія, Хуанъ-ди выходитъ изъ юрты въ желтую палатку смотрѣть состязанія монгольскихъ борцовъ. Послѣ борцовъ монгольскіе князья, снявъ съ себя верхнее платье, приступаютъ къ укрощенію лошадей, никогда не бывшихъ подъ сѣдломъ; потомъ Хуанъ-ди докладываютъ о результатахъ попытокъ укрощенія лошадей. При этомъ каждому ѣздоку, удачно или неудачно онъ исполнилъ свою задачу, выдается слитокъ серебра въ одинъ ланъ вѣсомъ (9 золотниковъ).

Когда охотится самъ Хуанъ-ди, то никто, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, не долженъ стрѣлять въ звѣря, вышедшаго за облавный кругъ, но гнать его назадъ. Всѣмъ князьямъ накрѣпко заказывается производить охоту на мѣстахъ, назначенныхъ для облавы. Точно такъ же запрещается производить шумъ, рубить лѣсъ.

При избраніи искусныхъ стрѣлковъ отбираютъ 30 человекъ, которые также должны быть и хорошими наѣздниками. Ихъ употребляютъ для загона звѣрей, причемъ они не должны сами стрѣлять звѣрей, а должны только гнать ихъ въ кругъ. При объѣздѣ для наблюденія за звѣрями рекомендуется особая осторожность, чтобы не распугать ихъ.

Когда Хуанъ-ди отправится на мѣсто облавы, комендантъ Жехо принимаетъ мѣры, чтобы слѣдующіе за облавой торговцы не шли по тѣмъ дорогамъ, которыя близки къ облавнымъ мѣстамъ, и не рубили тамъ лѣсъ. При ежедневныхъ выѣздахъ Хуанъ-ди всѣ чиновники, обязанные ѣхать верхами, должны быть на своихъ мѣстахъ заблаговременно и потомъ двигать обозъ не раньше и не позднѣе назначеннаго времени.

Для устройства вышки, съ которой можно смотрѣть на облаву, надо было присылать рабочихъ не ранѣе трехъ дней до начала облавы, чтобы не распугать звѣрей.

При устройствѣ загона управляющіе легкоконными отрядами должны слѣдовать со своими подчиненными за монголами, когда они начнутъ вытягивать крылья облавы и загонять обратно въ кругъ выбѣжавшихъ звѣрей.

Цѣлый кодексъ правилъ составленъ насчетъ порядка поднесенія Хуанъ-ди убитыхъ собственноручно князьями звѣрей. Монгольскіе князья имѣютъ право подносить собственноручно убитыхъ звѣрей Хуанъ-ди сами, но могутъ сдѣлать это только одинъ разъ. Монгольскіе чиновники, которые участвовали на десяти облавахъ, могутъ подносить государю пойманныхъ ими живыхъ звѣрей. За покупку звѣря, убитаго другимъ, для подношенія повелителю назначается жестокое наказаніе. Впрочемъ, это грозитъ каждому не только за обманъ, но и за всякую оплошность. Напримѣръ, за потерю стрѣлы во время облавы „виновный“ отдается подъ судъ.

По окончаніи облавы Хуанъ-ди выѣзжаетъ въ стоянку Чжанъ. Здѣсь происходитъ угощеніе участниковъ облавы и раздача имъ подарковъ. Князьямъ старшимъ дается по 5 кусковъ разныхъ шелковыхъ матерій, младшимъ—по 4 куска, таиджіямъ (дворянамъ не титулованнымъ)—по одному, зятьямъ Хуанъ-ди—по 3, чиновникамъ-служителямъ князей—по три лана серебра и по концу китайки. Искуснымъ стрѣлкамъ и наѣздникамъ старшимъ дается по 4, младшимъ—по 3 куска, зятьямъ царскимъ—по 2.

Всѣ князья, таиджіи и другіе чины, пріѣхавшіе изъ дальнихъ мѣстъ, пользуются правомъ брать безвозмездно почтовыхъ лошадей (уртонеи мори) и шусъ (продовольствіе, смотря по чину).

Облавы эти имѣютъ еще и то значеніе, что здѣсь китайскій императоръ только и имѣетъ возможность ознакомиться со своими застѣнными подданными. Во время путешествія ему представляются сѣзжающіеся на облаву князья, ихъ выстраиваютъ иногда по дорогѣ, ставятъ на колѣни, и Хуанъ-ди проѣзжаетъ мимо ихъ.

Я долженъ сознаться, что описаніе царской облавы, сдѣланное мною по уложенію китайской палаты внѣшнихъ сношеній (дзунъ ли я мынь), во многихъ отношеніяхъ неполно: всего два слова о томъ, какъ дѣлается загонъ, гдѣ устанавливается линія охотниковъ, какъ размѣщаются охотники около Хуанъ-ди, кто стоитъ ближе къ нему, кто дальше. Ничего нѣтъ о томъ, гдѣ и какъ примѣняются амурскіе охотники, умѣющіе подражать голосу оленя. Въ дополненіе къ выдержкамъ изъ постановленій объ облавѣ китайскаго императора, приведемъ нѣсколько постановленій изъ Цадждинъ бичикъ (Ойратское уложеніе), касающихся охоты вообще и облавы.

За кражу звѣря, попавшаго въ капканъ, петлю или волчью яму, брать: за дорогого звѣря—коня, за малоцѣннаго—барана, въ видѣ штрафа. При постановкѣ самострѣла, если хозяинъ объявитъ, гдѣ у него разставлены ловушки, и если кто нечаянно наткнется на самострѣлъ и будетъ убитъ или раненъ имъ, то родственникамъ потерпѣвшаго или самому потерпѣвшему уплачивается штрафъ „въ 20 крупныхъ скотинъ“. Строже взыскиваютъ за постановку самострѣла безъ указанія мѣста: за несчастіе отъ самострѣла, поставленнаго безъ оповѣщенія окрестныхъ жителей, взыскивается „45 скотинъ“. Если же самострѣломъ, о которомъ было оповѣщено, будетъ убита скотина, то никакой компенсаціи не полагается.

Если кто на облавѣ, когда заканчивается окладъ, распугаетъ звѣрей, то съ него берутъ штрафа пять лошадей. Если кто выскочитъ изъ цѣпи впередъ „на три перестрѣла“, долженъ уплатить одну лошадь, кто выдвинется изъ цѣпи на два перестрѣла—платитъ за это одного барана, при выступленіи изъ цѣпи на одинъ перестрѣлъ—платятъ пять стрѣлъ. Если кто поймаетъ звѣря, раненнаго другимъ, и утаитъ добычу, платитъ „пять скотинъ“. Если кто возьметъ чужую потерянную стрѣлу—платитъ за это лошадь. За убитую ловчую птицу (сокола, ястреба, беркута) платятъ одну лошадь, и т. д.

Вышеприведенными фактическими свѣдѣніями объ облавахъ я и заканчиваю ознакомленіе читателя съ разными видами коллективныхъ охотъ. Надѣюсь, что приведенными примѣрами достаточно выяснено общественно-экономическое значеніе этихъ предпріятій какъ въ животномъ мірѣ, такъ и среди людей. Подробное культурно-историческое изслѣдованіе г. Хангалова ознакомитъ читателя какъ съ судьбою общинныхъ охотъ, такъ и съ очевиднымъ вліяніемъ ихъ на эволюцію политическаго строя средне-азіатскихъ племенъ. Къ тексту нашего изслѣдователя я прибавлю лишь нѣсколько фактическихъ примѣчаній. Г. Хангаловъ кое-что позабылъ изъ того, что онъ мнѣ передавалъ на словахъ, и я считаю себя обязаннымъ дополнить текстъ автора его же собственными устными сообщеніями.

Много разъ уже высказывалось мнѣніе, что охота теперь не имѣетъ нигдѣ серьезнаго бытового значенія и превратилась почти въ забаву. Мнѣ уже неоднократно приходилось доказывать противное и приходится остановиться на этомъ вопросѣ и въ данномъ случаѣ. Первобытный промыселъ не исчезъ: онъ только, какъ и всѣ зачаточныя явленія, развился и раздробился на отдѣльныя отрасли. Первобытные народы были профессиональными звѣро- и рыболовными промысловыми звѣрями, умѣли подражать ихъ голосу, сами, какъ, на примѣръ, бушмены, маскировались звѣрями (надѣвая на себя ихъ шкуру), чтобы, не возбуждая подозрѣнія, поближе подкрасться къ нимъ; съ развитіемъ культуры и дробленія труда, рядомъ съ профессиональными охотниками появились и дилетанты, какъ и въ другихъ областяхъ. Съ незапамятныхъ временъ началось и

прирученіе животныхъ и другіе виды зоотехніи. Кромѣ того, и самыя звѣриныя промыслы далеко еще не упали: съ одной стороны, охотники примѣнили къ своему дѣлу усовершенствованныя снаряды, съ другой же—появилось разведеніе промысловыхъ рыбъ, устрицъ и другихъ животныхъ. Насколько важны рыбныя промыслы, указываютъ многочисленныя дипломатическія сношенія, возбуждавшіяся по поводу права ловли рыбы на ньюфаундлендскихъ отмеляхъ и, въ новѣйшее время, на нашемъ тихоокеанскомъ побережьи о рыбныхъ промыслахъ японцевъ. Ловля устрицъ во многихъ мѣстностяхъ является единственнымъ жизненнымъ ресурсомъ приморскихъ обитателей. Когда къ берегамъ Фарѣрскихъ острововъ подходятъ дельфины, то звономъ колоколовъ даютъ знать на всѣхъ островахъ, чтобы народъ готовился къ побойкѣ морского звѣря. Продажею продуктовъ этой охоты поддерживаются школы, церкви, благотворительныя учрежденія, и, кромѣ того, на каждого изъ участниковъ опредѣляется извѣстный пай изъ добычи. Паденіе ганзейскаго союза было ускорено переселеніемъ сельдей на сѣверъ. Мы держимъ стаціонерныя суда въ Беринговомъ морѣ для охраны котиковъ отъ набѣговъ американскихъ хищниковъ. Давно уже мы выучились выращивать въ оранжереяхъ южныя плоды, а теперь въ зоологическихъ садахъ разводятъ рѣдкихъ птицъ. Торговля фазаньими яйцами для вывода кормитъ не одну сотню людей, а искусственный выводъ цыплятъ въ Америкѣ представленъ рядомъ многомилліонныхъ предприятий. Въ Сибири, среди инородцевъ, мы часто встрѣчаемъ вскормленныхъ въ неволѣ лисицъ, и, кромѣ того, тамъ держатъ мараловъ, рога которыхъ очень цѣнятся въ Китаѣ. Итакъ, охотничій промыселъ въ міровомъ смыслѣ не превратился въ забаву, а вызвалъ новую отрасль промышленности—зоотехнію.

На какую бы отрасль дѣятельности человѣка мы ни взглянули, мы должны будемъ, отыскивая ея начало, обратиться къ доисторическимъ временамъ. Земледѣліе развилось отъ выкапыванія съѣдобныхъ кореньевъ, постройки развились изъ шалашей, норъ, землянокъ и пещеръ, ткацкое дѣло—отъ ручного плетенія. Всѣ виды искусствъ развились изъ эстетическихъ эмоцій. Искусство, какъ и облава, какъ и многое другое,—старше человѣка. Сами общественныя учрежденія развились изъ стаднаго состоянія. У насъ, кромѣ переданныхъ изъ древности изобрѣтеній учрежденій и другихъ полезныхъ и упрощающихъ жизнь пріобрѣтеній, сохранились такія вещи, отъ которыхъ мы не знаемъ, какъ отдѣлаться, и теперь. Каннибализмъ, дѣтоубійство, кровавыя жертвоприношенія и другія темныя стороны жизни человѣка до сихъ поръ еще видны въ нѣкоторыхъ нашихъ установленіяхъ и обычаяхъ.

—*—

II.

ЗЭГЭТЭ-АБА.

Предки нынѣшнихъ бурятъ въ прежнее время жили звѣроловствомъ и рыболовствомъ: мясомъ убитыхъ звѣрей питались, а изъ шкуръ шили одежду, обувь и проч. Прежніе буряты охотились на звѣрей общими силами и цѣлымъ обществомъ; эта общественная охота называлась зэгэтэ-аба. Названіе зэгэтэ-аба состоитъ изъ двухъ словъ: зэгэтэ—россомашья, аба—облава, по-русски: россомашья облава. О существованіи зэгэтэ-аба у предковъ бурятъ свидѣтельствуютъ старинныя бурятскія сказки, преданія, шаманскія призыванія и обряды, сохранившіяся до сихъ поръ.

Въ старинныхъ народныхъ сказкахъ всѣ герои: батареи, мергены, ханы и прочіе участвуютъ въ охотѣ и сами охотятся на звѣрей. Изъ сказанія объ Абай-Гэсэр-Богдо-ханѣ

видно, что и онъ тоже участвовалъ въ зэгэтэ-аба ¹⁾; въ другомъ мѣстѣ отецъ Абай-Гэсэр-Богдо-хана, Хан-Тюрмес-тэнгри, тоже принималъ участіе въ зэгэтэ-аба, во время которой Хан-Тюрмес-тэнгри помѣнялся добычей съ Уха-Лобсан-ханомъ: они съѣли ее вдвоемъ и порѣшили, что послѣ этого они будутъ другъ другу сватами.

Извѣстно также, что, по окончаніи зэгэтэ-аба, охотники сообща дѣлили между собою мясо убитыхъ звѣрей и кожи; мясо шло въ пищу, а шкуры употреблялись для домашнихъ потребностей.

Какіе были порядки въ первобытной зэгэтэ-аба и какое было управленіе—изъ народныхъ преданій не видно и не сохранилось указаній, по которымъ можно было бы судить о нихъ. Извѣстно только, что въ первобытной зэгэтэ-аба были начальники, которые управляли облавщиками. Кто они были и какъ управлялись—въ народныхъ преданіяхъ также не сохранилось свѣдѣній; но можно предположить, что начальники первобытной зэгэтэ-аба были люди, отличившіеся, во время охоты на звѣрей, храбростью и распорядительностью. Выбирались ли они зэгэтэ-облавщиками, или должности эти были наследственными—на это нѣтъ отвѣта въ старинныхъ народныхъ преданіяхъ.

Позднѣе все управленіе зэгэтэ-аба попало въ руки шамановъ, которые были начальниками надъ зэгэтэ-облавщиками; на такой періодъ указываютъ старинныя народныя преданія и разные религиозные обряды; здѣсь матеріалъ далеко богаче и точнѣе, чѣмъ о первобытной зэгэтэ-аба.

Зэгэтэ-аба для удобства приходится раздѣлить на три періода: первый періодъ—первобытная зэгэтэ-аба, о которой не сохранилось преданій; второй періодъ—когда начальниками зэгэтэ-аба сдѣлались шаманы, которые захватили въ свои руки власть надъ зэгэтэ-облавщиками, и когда зэгэтэ-аба дошла до высшаго развитія; третій періодъ—паденіе зэгэтэ-аба, правильнѣе, паденіе шамановъ-начальниковъ зэгэтэ-аба; въ этотъ періодъ шаманы-начальники потеряли власть и сдѣлались простыми шаманами.

За недостаткомъ свѣдѣній о первобытной облавѣ, мнѣ придется начать со второго періода, когда завѣдываніе облавой было въ рукахъ шамановъ.

Прежде чѣмъ описать зэгэтэ-аба, я сообщу одно преданіе, которое даетъ любопытное указаніе на раздѣленіе главныхъ бурятскихъ божествъ тэнгриевъ на западныхъ и восточныхъ.

Въ прежнее время западные и восточные тэнгрии всѣ были вмѣстѣ нераздѣльно, и между ними не было никакихъ раздоровъ; всѣ 100 тэнгри были благожелательны къ людямъ и назывались бѣлыми тэнгриями; всѣ они вмѣстѣ покровительствовали людямъ, живущимъ на землѣ. Въ это самое время самый старшій тэнгри былъ Асаранги-тэнгри, которому подчинялись всѣ остальные 99 геніевъ. Впослѣдствіи, когда умеръ самый старшій Асаранги-тэнгри, два тэнгри—Хан-Тюрмесъ и Ата-Уланъ—заспорили между собою о томъ, кому изъ нихъ быть старшимъ среди прочихъ тэнгриевъ. Благодаря этой распрѣ, между тэнгриями произошелъ раздѣлъ: 53 тэнгри отошли на сторону Хан-Тюрмеса, такъ что въ этой группѣ, вмѣстѣ съ Хан-Тюрмесомъ, оказалось 54 тэнгри; 43 тэнгри отошли на сторону Ата-Улана, около котораго и образовалась группа въ 44 тэнгри; а одинъ, Сэгэн-Сэбдэг-тэнгри или Обо-тэнгри, не присоединился ни къ первой, ни ко второй группѣ и остался нейтральнымъ.

Потомъ 54 тэнгри приняли къ себѣ этого Сэгэн-Сэбдэг-тэнгри; такимъ образомъ, получилось въ 1-й группѣ 55 тэнгри, которые сдѣлались западными и добрыми

¹⁾ Гэсэр-ханъ—новый гость въ бурятскихъ сказаніяхъ. Это—герой тибетскаго эпоса, равно какъ и Хан-Тюрмес-тэнгри (хормуста тэнгри, предводитель тридцати трехъ тэнгриевъ—геніевъ, обитающихъ на горѣ Сумэру, центрѣ вселенной).

тэнгрями; самый старшій надъ ними былъ Хан-Тюрмес-тэнгри ¹⁾). Остальные 44 тэнгри, не желая подчиниться Хан-Тюрмесу, отошли къ востоку и сдѣлались восточными, враждебными по отношенію къ людямъ тэнгрями, между которыми самымъ старшимъ сдѣлался Ата-Улан-тэнгри. Такъ образовались западные и восточные тэнгри, которые постоянно враждуютъ между собою. Западные тэнгри называются также бѣлыми, т.-е. добрыми; они покровительствуютъ людямъ, а восточные—черные—стараятся всячески вредить.

Въ этомъ преданіи о раздѣленіи западныхъ и восточныхъ тэнгріевъ мы видимъ ясное указаніе на дуализмъ, исконную борьбу добра и зла.

Прежніе буряты чествовали западныхъ, добрыхъ тэнгріевъ за покровительство, за ниспосланіе разныхъ благъ, какъ, напр., за обильный ловъ звѣрей, удачу въ промыслѣ, а злыхъ, восточныхъ, ублажали изъ боязни, чтобъ они не сдѣлали зла, и старались уми-лостивлять ихъ жертвами. Раздѣленіе западныхъ и восточныхъ тэнгріевъ можно объ-яснить слѣдующимъ образомъ. Въ прежнее время была одна большая зэгэтэ-аба, которою управлялъ главный шаманъ Асаранги-тэнгри. Во время зэгэтэ-аба центромъ управлялъ высшій шаманъ Сэгэн-Сэбдэг-тэнгри; правымъ крыломъ зэгэтэ-аба руководилъ высшій шаманъ Хан-Тюрмес-тэнгри; наконецъ, лѣвымъ крыломъ управлялъ тоже высшій шаманъ Ата-Улан-тэнгри ²⁾. Главный шаманъ (галши) Асаранги-тэнгри руководилъ ходомъ зэгэтэ-аба, которою управлялъ, какъ главноначальствующій. Впослѣдствіи главный шаманъ Асаранги-тэнгри умеръ; послѣ его смерти, изъ-за должности главнаго шамана и спорили между собою Хан-Тюрмес-тэнгри и Ата-Улан-тэнгри. Въ результатъ этого спора произошло раздѣленіе зэгэтэ-аба на два самостоятельныхъ отдѣла, раньше бывшихъ двумя крыльями всенародной облавы.

За начальникомъ праваго крыла зэгэтэ-аба, Хан-Тюрмес-тэнгри, пошло больше высшихъ шамановъ (53) и простыхъ рядовыхъ зэгэтэ-облашниковъ, которые находились подъ управленіемъ этихъ высшихъ шамановъ. За начальникомъ лѣваго крыла зэгэтэ-аба, Ата-Улан-тэнгри, пошли только 43 высшихъ шамана и меньшее число простыхъ рядовыхъ зэгэтэ-облашниковъ. Въ серединѣ остался тобши—тоже высшій шаманъ Сэгэн-Сэбдэг-тэнгри со своими зэгэтэ-облашниками. Сперва Сэгэн-Сэбдэгъ не примыкалъ ни къ одной изъ враждующихъ партій, впослѣдствіи же присоединился къ Хан-Тюрмес-тэнгри, партія котораго оказалась сильнѣе.

Вслѣдствіе раздѣла, между двумя лагерями зэгэтэ-облашниковъ были враждебныя отношенія и междоусобныя войны, отъ которыхъ простые зэгэтэ-облашники страшно страдали, терпѣли нужду въ жизненныхъ припасахъ, а, можетъ-быть, еще и другія напасти. Въ разныхъ народныхъ преданіяхъ упоминается, что, послѣ раздѣленія западныхъ и восточныхъ тэнгріевъ, земные люди терпѣли голодъ и умирали отъ разныхъ болѣзней. Это подтверждается въ сказкѣ объ Абай-Гэсэр-Богдо-ханѣ; при раздѣленіи западныхъ и восточныхъ тэнгріевъ бабушка ³⁾ Малзан-Гѳрмѳ не могла никакъ помирить тэнгри Хан-Тюрмеса съ Ата-Улан-тэнгри; не удалось ей также уговорить Хан-Тюрмеса, чтобъ онъ нейтральнаго Сэгэн-Сэбдэг-тэнгри уступилъ Ата-Улан-тэнгри, и поссорилась съ Хан-Тюрмесомъ.

¹⁾ Очевидно, здѣсь Хан-Тюрмесъ замѣнилъ тэнгри болѣе древняго. Относительно враждебныхъ и благо-склонныхъ къ людямъ тэнгріевъ у разныхъ бурятскихъ племенъ—разныя представленія: у добайкальскихъ бурятовъ добрыми тэнгрями считаются западные, а у кударинскихъ, живущихъ за Байкаломъ, на устьяхъ Селенги,—восточные.

²⁾ Эта догадка автора имѣетъ многое за себя. Перечитывая записанныя мною обращенія къ богамъ, легко убѣдиться, что персоны высокаго ранга въ бурятскомъ пантеонѣ, въ родѣ хозяина Байкала, Селенги, острова Ольхона, были при жизни великими шаманами.

³⁾ Въ сибирскихъ шаманскихъ преданіяхъ изрѣдка появляется, какъ *deus ex machina*, женскій персонажъ, который, сдѣлавъ свое дѣло, исчезаетъ. При сотвореніи міра, къ алтайскому доброму богу Ульгену явилась бѣлая бабушка, затѣмъ исчезла и никому не показывалась.

Послѣ этого Хан-Тюрмес-тэнгри и Ата-Улан-тэнгри начали войну между собою. Первый побѣдилъ второго, и съ того времени вражда между западомъ и востокомъ не прекращается до сихъ поръ. Главная тяжесть вражды упала на земныхъ людей, т. е. на простыхъ зэгэтэ-облавщиковъ, которые терпѣли всевозможныя нужды: голодъ, холодъ, помирали отъ разныхъ болѣзней и отъ враговъ, злыхъ восточныхъ духовъ, которые враждебно относились къ зэгэтэ-облавщикамъ и при каждомъ удобномъ случаѣ нападали на враждебную партію. Всѣ эти неурядицы и страданія упоминаются въ старинныхъ народныхъ преданіяхъ и, главнымъ образомъ, въ замѣчательной бурятской сказкѣ объ Абай-Гэсэр-Богдо-ханѣ *). Такъ какъ дѣло идетъ о шаманскомъ періодѣ зэгэтэ-аба, то я остановлюсь на религіозныхъ воззрѣніяхъ шамановъ этого періода.

Главный шаманъ-галши и другіе высшіе шаманы-начальники зэгэтэ-аба учили и излагали вѣроученіе шаманства въ слѣдующихъ чертахъ:

Всѣ духи раздѣляются на три категоріи: 1) высшіе духи—это божества, такъ называемые тэнгрии, которые живутъ на небѣ, управляютъ всѣмъ, заботятся о людяхъ, посылая имъ обильный ловъ звѣрей, защищаютъ ихъ отъ злыхъ духовъ, непослушныхъ наказываютъ по мѣрѣ вины, вообще заботятся о людяхъ. Всѣ эти божества раздѣляются на нѣсколько степеней: высшія божества-тэнгрии, западные ханы ¹⁾, улан-ханы **). Затѣмъ, слѣдуютъ духи менѣе важныя (бѣхолдой): это—души простыхъ зэгэтэ-облавщиковъ; они живутъ на землѣ и странствуютъ по разнымъ мѣстамъ въ ночное время. Потомъ слѣдуютъ духи низшаго ранга, харьмянаны—души рабовъ и рабынь. Всѣ эти средніе и низшіе духи находятся въ полномъ подчиненіи у высшихъ божествъ.

Прежніе буряты зэгэтэ-облавщики, высшіе шаманы-начальники и главный шаманъ-галши совершали религіозныя обряды высшимъ божествамъ-тэнгриямъ и ханамъ и въ то же время не забывали среднихъ духовъ—бѣхолдоевъ и низшихъ духовъ—харьмянановъ; всѣ эти три класса духовъ получали свою долю отъ религіозныхъ жертвоприношеній, сообразно ихъ рангу. Высшимъ божествамъ - тэнгриямъ, ханамъ и слѣдующимъ за ними духамъ доставались лучшія части мяса и въ большемъ количествѣ, чѣмъ низшимъ духамъ, и, кромѣ того, лучшее мясо клалось въ хан (казна) высшихъ божествъ. Средніе духи, бѣхолдой, получали мясо средняго достоинства. Низшіе же духи, харьмянаны, получали самое худшее мясо. Такимъ образомъ, прежніе буряты, зэгэтэ-облавщики, дѣлали религіозныя приношенія всѣмъ своимъ умершимъ зэгэтэ-облавщикамъ: шаманы-начальники, какъ высшія божества, простые зэгэтэ-облавщики, какъ средніе духи—бѣхолдой, а рабы, какъ низшіе духи—харьмянаны.

Параллельно съ дѣленіемъ и людей и боговъ на три категоріи развилось и аналогичное ученіе о душѣ. Человѣкъ умираетъ, а душа человѣка не умираетъ, живетъ въ загробной жизни, какъ живые люди на этомъ свѣтѣ. По ученію прежнихъ высшихъ шамановъ-начальниковъ, человѣкъ имѣетъ три души. Первая—хорошая душа (хайн һунһэн или заяши); она возникаетъ

*) Въ 1907 г. Ц. Жамцарано записалъ эту сказку изъ устъ бурятскаго рапсода (въ Ирк. губ.) въ видѣ обширной героической поэмы въ стихахъ—„Абаі гэсэр хубуун“. Запись Жамцарано,—текстъ этого величественнаго устнаго народнаго произведенія буряты, въ объемѣ 3 тетр., около 1.000 стр.,—хранится въ Азіатскомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ. Б. Барадійнъ.

¹⁾ У г. Хангалова—*хаты*. Терминъ хаты ввелъ въ употребленіе г. Агапитовъ, одинъ изъ изслѣдователей бурятскаго шаманства, и этимъ внесъ не малую путаницу въ терминологию: хать, хаты являются какими-то новыми личностями, тогда какъ на дѣлѣ этотъ терминъ—результатъ недосмотра изслѣдователя: *хать*—просто множественное число отъ слова ханъ и по-русски надобно транскрибировать ханы. У Агапитова и, за нимъ, у Хангалова хаты являются множественнымъ числомъ отъ множественнаго. Барун-хаты значить западные ханы, улан-хаты—водяные ханы. Поэтому, какъ въ этихъ названіяхъ, такъ и дальше слово *хаты* мы замѣняемъ словомъ *ханы*.

***) Всѣ эти тэнгрии, должно полагать,—души умершихъ высшихъ шамановъ зэгэтэ-аба.

при сотвореніи человѣка, о благополучіи котораго и заботится всю жизнь. Хорошая душа имѣетъ доступъ къ высшимъ божествамъ-тэнгріямъ, ханамъ и прочимъ геніямъ, передъ которыми ходатайствуетъ о человѣкѣ. Если человѣкъ хорошо живетъ, то хорошая душа или заяши хорошо одѣта, ѣздитъ на конѣ верхомъ и радуется. Если человѣкъ худо живетъ, то и душа худо живетъ: одѣта плохо, ходитъ пѣшкомъ и печалится о человѣкѣ. Когда человѣкъ умираетъ, хорошая душа (заяши) подымается на небо, тамъ остается жить съ высшими божествами-тэнгріями и ханами.

Вторая, средняя душа ¹⁾ (дунда һунһэн), находится въ человѣкѣ; иногда духи преслѣдуютъ среднюю душу, и она тогда плачетъ. Если у человѣка среднюю душу поймаютъ и уведутъ духи, то человѣкъ заболѣваетъ и умираетъ. Послѣ смерти человѣка средняя душа обращается въ духа бѣхолдой, который къ людямъ относится враждебно, старается имъ вредить и добивается того, чтобы человѣкъ померъ. Духъ бѣхолдой въ загробной жизни ходитъ въ той самой одеждѣ, въ которой похоронили хозяина души, ѣздитъ на томъ самомъ конѣ, съ которымъ похоронили его, носить съ собою всѣ тѣ вещи, которыя положили съ покойникомъ при похоронахъ, и ѣсть ту пищу, которую положили съ нимъ при погребеніи. Духи бѣхолдой участвуютъ во всѣхъ гуляньяхъ, вечеринкахъ, свадьбахъ, сугланахъ, стараются поймать душу человѣка, участвуютъ въ облавахъ и другихъ предпріятіяхъ.

Третья, худая душа ²⁾ (мӯ һунһэн), всегда находится при тѣлѣ, отъ котораго далеко не уходитъ; послѣ смерти человѣка худая душа остается при тѣлѣ.

Хорошая душа (заяши) соотвѣтствуетъ высшимъ шаманамъ-начальникамъ зэгэтэ-аба, средняя душа—простымъ рядовымъ зэгэтэ-облавщикамъ, худая душа—рабамъ.

Составъ участниковъ зэгэтэ-аба, такъ же какъ и духи, дѣлился на три класса.

Высшій классъ общества зэгэтэ-аба составляли шаманы-начальники, простые шаманы и дѣти высшихъ шамановъ. Шаманы составляли лучшій и отборный отрядъ зэгэтэ-аба; всѣ они были хорошо вооружены и на коняхъ.

Средній классъ зэгэтэ-аба составляли простые рядовые зэгэтэ-облавщики, между которыми были и богатые и бѣдные. Богатые простые рядовые зэгэтэ-облавщики тоже были хорошо вооружены и на коняхъ, а бѣдные были плохо вооружены, и только нѣкоторые изъ нихъ имѣли коней, многіе же на зэгэтэ-аба являлись пѣшкомъ. Средній классъ, простые зэгэтэ-облавщики, заключалъ въ себѣ разныхъ мастеровъ-ремесленниковъ, которые приготовляли всѣ нужные предметы для зэгэтэ-облавщиковъ.

Низшій классъ зэгэтэ-аба состоялъ изъ рабовъ, которые пѣшкомъ таскали на себѣ убитыхъ звѣрей на стоянки, снимали кожи съ убитыхъ звѣрей, разрѣзывали по частямъ и сортировали мясо. Они же на мѣстѣ облавы строили балаганы, добывали огонь и исправляли другія службы, подъ наблюденіемъ высшихъ шамановъ-начальниковъ, которые завѣдывали хозяйственною частью облавы.

Главнымъ начальникомъ зэгэтэ-аба, какъ уже было сказано, былъ главный шаманъ-галши, которому подчинялись всѣ участники облавы. Онъ управлялъ зэгэтэ-облавщиками съ помощью другихъ высшихъ шамановъ, которые занимали разныя должности въ зэгэтэ-аба.

Одинъ высшій шаманъ служилъ въ должности *тобши* и во время зэгэтэ-аба; онъ служилъ соединительнымъ звеномъ между правымъ и лѣвымъ крыльями облавы. Другіе

¹⁾ Средняя душа—буквальный переводъ словъ дунда һунһэн.

²⁾ Тоже буквальный переводъ.

два высшіе шамана, которые хорошо знали мѣстность, были „газарши“¹⁾; одинъ изъ нихъ былъ начальникомъ праваго, а другой—лѣваго крыла облавы. Одинъ высшій шаманъ завѣдывалъ ханомъ—казною зэгэтэ-облавы; другіе важные шаманы наблюдали за уборкой добычи и сортировкой ея, чѣмъ занимались рабы. Прочіе не особенно важные и молодые шаманы участвовали въ зэгэтэ-аба въ качествѣ охотниковъ. Короче сказать, шаманы занимали всѣ высшія должности въ зэгэтэ-аба. Всѣхъ рядовыхъ облавщиковъ они держали въ строгомъ подчиненіи и нарушителей порядка строго наказывали.

Изъ религіознаго обряда шаманскаго посвященія видно, что шаманы раздѣлялись на 9 степеней. Самый высшій, верховный шаманъ-галши, который долженъ пройти чрезъ всѣ девять посвященій, въ шаманскихъ призываніяхъ упоминается такъ:

...„Ehön хэсэйн
Тойбор барьлайб,
Ехэ оргойн
Заха хэдэрлэйб;
Арар дүрэн зала
Атхар дүрэн жодо“..., т.-е.

главный шаманъ-галши, который долженъ пройти чрезъ всѣ девять посвященій, имѣтъ девять хэсэ²⁾, большой боевой оргой (шаманскій плащъ), майхабши (шаманская корона); на спинѣ оргоя должны были висѣть украшенія въ видѣ кистей изъ звѣриныхъ шкуръ; онъ долженъ былъ имѣть много жодо и другихъ символическихъ предметовъ.

Другіе высшіе шаманы тоже подвергались цѣлому ряду посвященій, но не доходили до наивысшей девятой степени. Кромѣ этихъ, еще имѣлось одно лицо, давно забытое, о которомъ сохранилось воспоминаніе въ онгонахъ,—такъ называемый „ягша онгон“, который завѣдывалъ ходомъ зэгэтэ-аба и училъ зэгэтэ-облавы, какъ вести облаву. Самый низшій санъ шаманства у аларскихъ бурятъ носитъ названіе минаши, по-русски—имѣющій кнутъ, такъ какъ во время посвященія долженъ былъ держать кнутъ. Должность минаши напоминаетъ десятскаго или сотскаго; онъ съ помощью кнута выгонялъ людей на облаву, провинившихся наказывалъ, исполнялъ приказанія высшихъ шамановъ-начальниковъ.

Высшіе шаманы составляли высшій классъ общества зэгэтэ-облавы; они, въ роли добрыхъ божествъ—тэнгріевъ, хановъ, или какъ „хорошія души, заяши“, постоянно заботились о благосостояніи зэгэтэ-облавы, старались, чтобы народъ жилъ хорошо, богато и не нуждался ни въ чемъ³⁾).

Главный шаманъ-галши и другіе высшіе шаманы совершали благодарственные религіозные обряды, тайлганы добрымъ божествамъ, покровителямъ зэгэтэ-облавы.

Высшіе шаманы-начальники вовремя узнавали, что злые духи или восточные злые тэнгрии затѣваютъ что-то недоброе противъ народа, собираются наслать на него невзгону или болѣзни, вовремя предупреждали объ этомъ зэгэтэ-облавы, дѣлали разныя умиловительныя кровавыя жертвоприношенія и, въ случаѣ надобности, приносили даже человѣческія жертвы; при этихъ религіозныхъ обрядахъ полагались особыя лица, которыя носили названіе „нарши борши“. Эти „нарши борши“, во время человѣческихъ жертвоприношеній, убивали человѣка и исполняли всѣ положенные обычаи и религіозные обряды,

1) Отъ слова газар—земля, попросту: вожаки, знатоки мѣстности.

2) Бубновъ.

3) Высшіе шаманы-начальники хвастались, что они отъ высшихъ божествъ выпросили обильный ловъ звѣрей, что, благодаря ихъ распорядительности и заботамъ, зэгэтэ-облавы живутъ хорошо и не нуждаются въ жизненныхъ припасахъ и одеждахъ, что у нихъ нѣтъ недостатка въ мясѣ и звѣриныхъ шкурахъ.

шаманъ же только совершалъ призыванія черному зайну, прося принять жертву, умило-стивиться и не дѣлать зла зэгэтэ-облавщикамъ *).

Про „нарши борши“ донинѣ сохранилась память въ шаманскихъ призываніяхъ.

Изъ предыдущаго видно, что шаманы-начальники считались добрыми геніями зэгэтэ-облавщиковъ и являлись какъ бы любимцами и представителями добрыхъ божествъ на землѣ. Шаманы были аристократіей зэгэтэ-облавщиковъ, которые на нихъ смотрѣли съ благоговѣніемъ и преданностью, какъ на любимцевъ боговъ.

Обратимся теперь къ первому изъ этихъ высокопоставленныхъ лицъ, главному шаману-галши. Во время религіозныхъ обрядовъ онъ—верховный жрецъ, въ военныхъ дѣйствіяхъ—главный полководецъ, во время зэгэтэ-аба—главный начальникъ, руководитель облавы; онъ же являлся врачомъ больныхъ и ходатаемъ передъ божествами, а въ обиходной жизни управлялъ зэгэтэ-облавщиками, какъ неограниченный владыка. Другіе же высшіе шаманы являлись его помощниками, исполнителями и начальниками отдѣльныхъ предпріятій. Должность главнаго шамана-галши въ первое время, вѣроятно, была выборною и только впослѣдствіи сдѣлалась наследственной.

Главный шаманъ-галши имѣлъ свою свиту, но не изъ свободныхъ людей, а изъ рабовъ. Свита состояла изъ двоихъ конюховъ, сѣдловщиковъ, подавателей пищи и другихъ. Кромѣ того, въ его завѣдываніи была *Уленши* ¹⁾, въ которой молодыя женщины и дѣвицы шили разныя одежды, обувь, принадлежности оргоя (шаманскій плащъ), майхабши (шаманская корона) и проч. Галши отъ общаго раздѣла добычи получалъ содержаніе (звѣриными шкурами, мясомъ) и завѣдывалъ казною (хан) общества зэгэтэ-облавщиковъ.

Другіе важные шаманы тоже имѣли рабовъ, но въ ограниченномъ количествѣ; имъ давали коня, съѣстные продукты, звѣриныя шкуры и другіе предметы обихода.

Расходы на посвященіе главнаго шамана-галши и другихъ важныхъ шамановъ-начальниковъ принимало на себя общество зэгэтэ-облавщиковъ. Посвященіе дѣлалось обыкновенно лѣтомъ.

Средній классъ зэгэтэ-облавщиковъ составлялъ большинство всего общества. Это большинство представляло собою буйную безпокойную группу; она частенько поднимала споры и шумъ изъ-за якобы неправильнаго раздѣла добычи и заявляла протестъ. Въ этихъ случаяхъ шаманы-начальники уговаривали крикуновъ, и имъ нерѣдко удавалось успокаивать недовольныхъ, а когда увѣщанія не дѣйствовали, прибѣгали, не стѣсняясь, къ силѣ.

Всѣ труды по зэгэтэ-аба лежали на простыхъ рядовыхъ зэгэтэ-облавщикахъ, которые непрерывно были заняты тяжелыми работами. Они, главнымъ образомъ, и добывали звѣрей и содержали на свой счетъ шаманскую аристократію начальниковъ.

Низшій классъ зэгэтэ-облавщиковъ—рабы (барлаг) не имѣли никакого голоса въ общемъ предпріятіи; они представляли собою рабочую силу, которою другіе распоряжались безконтрольно.

Женщины замужнія и дѣвицы также принимали участіе въ облавѣ и получали свои доли изъ добычи, какъ и мужчины, и также участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ, что видно изъ разныхъ народныхъ преданій и обычаевъ. Прежніе буряты, выдавая своихъ

*) Иногда главный шаманъ-галши, или другой высшій шаманъ, въ ночное время били въ хэсэ (бубенъ): это означало, что на народъ идетъ какая-то грозная напасть. Этотъ обычай зэгэтэ-облавщиковъ до сихъ поръ сохранился въ памяти бурятовъ, которые нынѣ говорятъ, что въ ночное время, въ тяжелые годы, души умершихъ шамановъ бьютъ въ хэсэ, отгоняя отъ бурятскихъ улусовъ злыхъ духовъ, которые хотятъ сдѣлать зло, и предупреждаютъ бурятовъ быть осторожными.

¹⁾ Уленши—женская мастерская, въ которой выдѣлывались шкуры животныхъ и изготовлялись одежды, ковры, обувь и т. д.

дочерей замужъ, снабжали каждую конемъ съ полной верховой сбруей; кромѣ того, давался имъ колчанъ со стрѣлами, запасныя стрѣлы, лукъ съ саадакомъ и прочее необходимое снаряженіе для войны и охоты. Изъ этого видно, что женщины играли не малую роль въ облавахъ и военныхъ походахъ.

Изъ старинныхъ народныхъ преданій и изъ шаманскихъ призываній видимъ, что женщины и дѣвицы тоже посвящались въ шаманы, даже и въ высшій шаманскій санъ, и получали наравнѣ съ шаманами все шаманское снаряженіе: шаманскую плеть, мечъ, конныя трости, хэсэ (бубенъ), майхабши (шаманская корона), оргой (плащъ) и другія принадлежности. Женщины-шаманки участвовали во всѣхъ общественныхъ охотахъ и военныхъ походахъ и получали свою часть приношеній наравнѣ съ мужчинами-шаманами. Также изъ народныхъ преданій и изъ шаманскихъ призываній видно, что въ прежнее время мужъ и жена оба бывали посвящаемы въ шаманскій санъ.

Такимъ образомъ, во время зэгэтэ-аба мужъ и жена—оба получали отъ общаго раздѣла свои части мясомъ, шкурками. Они имѣли право держать рабовъ, что было крайне важно въ экономическомъ и бытовомъ отношеніяхъ ¹⁾.

Изъ старинныхъ народныхъ преданій видно, что прежніе буряты устраивали зэгэтэ-аба въ лѣсахъ и тайгахъ своей родины. Въ первобытныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ и тайгахъ устраивать зэгэтэ-аба было не такъ-то легко: для этого необходима была особая выучка и привычка ориентироваться въ дебряхъ, горахъ, долахъ и болотахъ сибирскаго лѣса. Натаскиваніемъ молодыхъ охотниковъ занимались шаманы-начальники. Благодаря постоянному упражненію во время зэгэтэ-аба, молодежь приучалась дѣйствовать быстро, правильно и не путаясь въ густомъ лѣсу, что было самымъ важнымъ условіемъ для успѣшной охоты и хорошаго улова звѣрей. Всѣ эти приемы каждый зэгэтэ-облащикъ, начиная съ шамановъ-начальниковъ и кончая простыми рядовыми, хорошо зналъ и понималъ ихъ важность. Каждый зэгэтэ-облащикъ старался тщательно исполнять порученныя ему обязанности и, по мѣрѣ силъ, способствовалъ успѣху охоты. Лѣтомъ въ сибирскихъ лѣсахъ и тайгахъ въ то время не было почти возможности устраивать большія общественныя облавы, зэгэтэ-аба: этому мѣшали непроходимыя топкія мѣста, болота, рѣки и озера. Въ зимнее же время все это замерзало, почему зэгэтэ-облащики обыкновенно устраивали свои общественныя охоты зимой. Кромѣ того, въ холодное время лучше сохранялись мясо и шкуры убитыхъ звѣрей.

Облащики, охотясь на звѣрей и увлекаясь обильнымъ ловомъ, часто уходили далеко отъ своихъ стойбищъ и возвращались иногда обратно на родину послѣ продолжительнаго отсутствія.

Во время такихъ переходовъ зэгэтэ-облащики нерѣдко внезапно нападали на другія враждебныя имъ племена и быстро скрывались въ глубь тайги, изъ которой не очень легко было ихъ вытѣснить, какъ людей, привычныхъ къ лѣсной жизни. Они были хозяевами тайги—первобытной родины буряты.

Передъ объявленіемъ зэгэтэ-аба, главный шаманъ - галши отъ всѣхъ зэгэтэ-облащиковъ совершалъ религіозный обрядъ заянамъ, покровителямъ охотниковъ, и просилъ о дарованіи обильной добычи, о благопріятной погодѣ для охоты и о благополучномъ концѣ предпріятія. Этотъ религіозный обрядъ оканчивался „сасали барьха“ (возліяніями и брызганьемъ тарасуномъ), на которомъ присутствовали и всѣ зэгэтэ-облащики, участники предстоявшей облавы; они послѣ „сасали барьху“ (возліяній) бросали пустыя чашки вверхъ и по тому, какъ и куда падали чашки, судили, насколько будетъ удачна

¹⁾ Эта очень любопытная черта отчасти объясняетъ болѣе свободное положеніе женщины въ семьѣ у монголовъ, чѣмъ у другихъ кочевниковъ. Нерѣдко бабушка въ семьѣ или престарѣлая родственница имѣетъ рѣшающее значеніе въ разныхъ вопросахъ семейной жизни.

облава, благополучно ли возвратятся охотники съ зэгэтэ-аба и не случится ли съ ними несчастія; когда чашка падала вверхъ отверстіемъ, это служило хорошимъ предзнаменованіемъ: владѣлецъ чашки могъ надѣяться возвратиться благополучно и убить много звѣрей; если чашка падала вверхъ дномъ, это было дурнымъ знакомъ, и хозяину чашки грозило несчастіе или неудача въ промыслѣ.

Во время зэгэтэ-аба приходилось имѣть дѣло съ большимъ количествомъ опасныхъ и крупныхъ звѣрей: медвѣдей, кабановъ, росомахъ, рысей и волковъ, которые задирали коней и самихъ зэгэтэ-облавщиковъ; особенно для лошадей были опасны кабаны (ан гахай—свинья-звѣрь, дикая свинья).

По окончаніи религіознаго обряда „сасали барьха“, всѣ зэгэтэ-облавщики вооружались. Оружіе состояло изъ лука со стрѣлами, меча, ножа и рогатины. Снарядившись, отправлялись на облаву. Какъ уже было сказано раньше, распорядился облавою главный шаманъ-галши; онъ указывалъ мѣста, какъ для шамановъ, такъ и для простыхъ облавщиковъ. На мѣстѣ два газарши (путеводители) изъ шамановъ раздѣляли народъ на два равныхъ по числу участниковъ крыла, и каждый газарши становился во главѣ своего отряда. Въ серединѣ шелъ одинъ изъ высшихъ чиновъ облавы—шаманъ-начальникъ, который назывался тобши. Онъ служилъ соединительнымъ звеномъ между крыльями зэгэтэ-аба. Начальники двухъ крыльевъ облавы сговаривались между собой передъ походомъ насчетъ подробностей облавы: какой кругъ должна охватить облава, въ какомъ мѣстѣ или урочищѣ она должна сомкнуться, гдѣ зэгэтэ-облавщики должны были двигаться быстро, гдѣ медленно. Условившись насчетъ порядка облавы, начальники передавали приказанія загонщикамъ. Когда все было условлено и объяснено низшимъ шаманамъ-начальникамъ и простымъ зэгэтэ-облавщикамъ, шаманъ-начальникъ тобши, по обычаю зэгэтэ-аба, становился въ серединѣ между двумя крыльями облавы; на правой рукѣ около тобши занималъ мѣсто шаманъ-начальникъ праваго крыла зэгэтэ-аба со своими рядовыми зэгэтэ-облавщиками. Налѣво отъ тобши такимъ же порядкомъ строилъ свое крыло шаманъ-начальникъ лѣваго крыла. По данному тобши сигналу, оба шамана-начальника праваго и лѣваго крыла двигаются впередъ, описывая полукругъ, а за ними идутъ ихъ рядовые зэгэтэ-облавщики, растянувшись другъ отъ друга на извѣстное разстояніе; въ то же время тобши медленно двигается впередъ посрединѣ облавнаго круга. Крылья облавы постепенно удалялись другъ отъ друга и, дойдя до заранѣе обозначенныхъ мѣстъ, начинали сходиться, чтобы замкнуть кругъ. Сходясь къ зауроченному мѣсту встрѣчи, шаманы-газарши подавали другъ другу тихіе сигналы, чтобы не пугать преждевременно звѣрей, находящихся въ кругѣ. Сигналы этотъ зэгэтэ-облавщики быстро и негромко передавали по всему кругу зэгэтэ-аба; такимъ образомъ, условленный сигналъ отъ праваго и лѣваго крыла доходилъ до тобши; послѣдній по этому сигналу удостовѣрялся въ томъ, что оба крыла облавы сомкнулись и постепенно начинаютъ суживать кругъ облавы, и давалъ свой сигналъ, который зэгэтэ-облавщики быстро передавали обоимъ крыльямъ, вплоть до обоихъ шамановъ-начальниковъ фланговъ облавы; въ это самое время облавщики на обоихъ крыльяхъ начинали быстро сужать кругъ облавы, чтобы не упустить обойденныхъ звѣрей. Оба шамана-начальника праваго и лѣваго крыла послѣ сигнала тобши давали другой сигналъ погромче; этотъ сигналъ, также громко, зэгэтэ-облавщики передавали другъ другу, и онъ быстро доходилъ до тобши. Послѣдній пускалъ свою лошадь рысью и давалъ новый громкій сигналъ, быстро доходившій черезъ зэгэтэ-облавщиковъ обратно до тобши и шамановъ-начальниковъ фланговъ облавы, а зэгэтэ-облавщики сигналъ тобши громко и быстро передавали другъ другу. Съ этого момента и начиналась настоящая охота. Звѣри, охваченные кругомъ цѣпью облавщиковъ, начинали бросаться во всѣ стороны, ища выхода изъ круга. Если облавщики замѣчали, что въ кругъ попали крупные и опасные звѣри: медвѣди, сохатые,

изюбри, кабаны, рыси, росомахи и т. д., то они быстро спѣшивались и, образовавъ собою плотный кругъ, держали рогатины наготовѣ. Если зэгэтэ-облавщиковъ было много, то за первымъ устанавливался второй, а иногда и третій круги. Сильные и храбрые зэгэтэ-облавщики выходили съ рогатинами на крупныхъ звѣрей, на которыхъ нападали цѣлой артелью. Маленькихъ звѣрей: козъ, волковъ, лисицъ, зайцевъ и проч. убивали стрѣлами.

Во время самой зэгэтэ-аба низшіе шаманы-начальники—ягша, минѣши и прочіе—слѣдили за порядкомъ и провинившихся привлекали къ отвѣтственности послѣ окончанія охоты. Если зэгэтэ-аба выполнена стройно, быстро и путаницы не было, то кругъ захватывалъ много звѣрей. Окруженные цѣпью облавщиковъ, звѣри пытались вырваться изъ круга зэгэтэ-облавщиковъ, пока кругъ не смыкался въ плотное кольцо; сначала звѣрей стрѣляли изъ лука; при сомкнутомъ кольцѣ, для крупныхъ звѣрей, вмѣсто стрѣлъ прибѣгали къ рогатинамъ. Убитыхъ звѣрей передавали особо назначеннымъ людямъ, которые развозили добычу по стоянкамъ. Отъ удачнаго, быстрого и стройнаго дѣйствія зэгэтэ-облавщиковъ зависѣлъ успѣхъ и обиліе улова звѣрей. Иногда, во время самага хода зэгэтэ-аба, когда зэгэтэ-облавщики по даннымъ сигналамъ сдвигали кругъ, мелкіе звѣри: волки, лисицы и проч. ускользали изъ круга между лошадьми, а крупные и большіе звѣри: медвѣди, лоси, кабаны и проч. сваливали рядовыхъ зэгэтэ-облавщиковъ, перескакивали черезъ нихъ и вырывались изъ круга; такіе случаи часто упоминаются въ шаманскихъ призываніяхъ *).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда начальники крыльевъ облавы не попадали вовремя на назначенное мѣсто, разстраивали цѣпь, опаздывали,—облава бывала неудачна, и отвѣтственность падала на шамановъ-предводителей (газарши). Иногда крупные звѣри—медвѣди, кабаны прямо лѣзли на загонщиковъ и вырывались изъ цѣпи. Обыкновенно въ день дѣлали нѣсколько загонивъ. Вечеромъ же участники облавы сходились на стоянку, куда свозилась вся добыча; тамъ снимались шкуры животныхъ, размалось и сортировалось мясо для дѣлежя. Если ловъ звѣрей былъ обильный, лишнее мясо отдѣляли въ хан зэгэтэ-аба для запаса; если ловъ былъ плохой и мяса убитыхъ звѣрей не хватало на всѣхъ участниковъ облавы, то недостающее количество мяса брали изъ хан'а и добавляли неполные паи. Если, по случаю сильныхъ вѣтровъ или по другимъ какимъ-нибудь причинамъ, не дѣлали зэгэтэ-аба въ теченіе нѣсколькихъ дней, зэгэтэ-облавщики брали мясо изъ запаснаго фонда—хан'а.

Пока зэгэтэ-облавщики охотились на звѣрей, остальное общество находилось на стоянкѣ, которая раздѣлялась на три отдѣльныя группы, рѣзко отличавшіяся другъ отъ друга: 1-я группа жилищъ принадлежала главному шаману-галши и другимъ высшимъ шаманамъ-начальникамъ; эти жилища были обширнѣе другихъ, лучше защищены отъ холода, наружныя покрышки были изъ дорогого матеріала съ украшеніями; 2-я группа жилищъ принадлежала простымъ, рядовымъ зэгэтэ-облавщикамъ; эти жилища были устроены по состоянію хозяевъ: у богатыхъ — хорошія, а у бѣдныхъ — похуже; 3-я группа убогихъ жилищъ принадлежала рабамъ и рабынямъ.

На стоянкѣ кипѣла жизнь и шла работа подъ наблюденіемъ главнаго шамана-галши и другихъ высшихъ шамановъ-начальниковъ; всѣ рабы, рабыни и не участвовавшіе въ охотѣ простые и бѣдные зэгэтэ-облавщики таскали на стоянку убитыхъ звѣрей. Около стойбища, по указанію шамановъ-начальниковъ, разводили огни на разныхъ мѣстахъ и разстояніяхъ; между этими огнями на снѣгу настилали нарубленныя вѣтви деревьевъ; на эти вѣтви клали убитыхъ звѣрей, съ которыхъ снимали шкуры и разрѣзали мясо по указанію „харши боршіевъ“. Мѣсто, гдѣ были разложены костры и производилась обработка добычи, называлось *зуга*.

*) Въ рукописныхъ матеріалахъ автора находимъ указаніе, что планъ дѣйствія зэгэтэ-аба сохранился нынѣ среди иркутскихъ бурятъ въ видѣ національнаго танца „хатарха“.
Б. Барадійнъ.

Мягкое мясо отдѣляли отъ костей и варили особо. Кости тоже варили особо; мясо, оставшееся на костяхъ, обрѣзывалось очень тщательно; это мясо нынѣ называется жип, шуладнан или дангур. Отдѣленные внутренности убитыхъ звѣрей чистили и вымывали снѣгомъ рабыни и оставшіяся на стоянкѣ жены простыхъ зэгэтэ-облавщиковъ. Вычищенные внутренности начиняли жиромъ и кровью и варили въ котлахъ. Потомъ, по указанію шамановъ-начальниковъ, дѣлили мясо на отдѣльныя части: бѣги хайдахан, зоны хайдахан, хѣл мяхан, нѣги мяхан, даланга, отдѣляли мясо для „бара“ и т. д.

Если охота была удачная и убито было много большихъ и малыхъ звѣрей, то въ лагерѣ происходилъ настоящій праздникъ: начиналось шумное всеобщее веселье, коней отпускали на тебеневку, а между зэгэтэ-облавщиками шли нескончаемые разговоры объ охотѣ, объ отличившихся въ борьбѣ съ большими звѣрями, а также о неумѣлыхъ, неудачникахъ и трусахъ.

Какъ уже было сказано выше, въ лагерѣ при сборѣ всѣхъ участниковъ производилась сортировка мяса убитыхъ звѣрей. Послѣ этого главный верховный шаманъ-галши оканчивалъ начатый и прерванный утренній религіозный обрядъ, который прекращенъ на „сасали барьха“ (возліяніи). Утренній обрядъ былъ просительный, а послѣ облавы—благодарственный тайлганъ—мясомъ убитыхъ звѣрей за покровительство, за дарованіе обильнаго лова звѣрей, за благополучный исходъ охоты. Разсортированное мясо клали въ опредѣленномъ порядкѣ около огней: часть мяса откладывали въ нан зэгэтэ-аба, потомъ лучшее мясо клали отдѣльно для шамановъ-начальниковъ; второй сортъ мяса, котораго было больше, чѣмъ перваго, также откладывался отдѣльно и предназначался для рядовыхъ участниковъ зэгэтэ-аба; третій же сортъ, худшее мясо, внутренности отдѣлялись и клались около костра—зуга; это худшее мясо доставалось рабамъ и рабынямъ. Послѣ сортировки мяса главный шаманъ-галши отрѣзалъ кусочки мяса перваго сорта и бросалъ ихъ въ огонь, въ жертву высшимъ божествамъ, ханамъ и тэнгрямъ, для ихъ нан'а, т.-е. запаса. Затѣмъ, отбиралась часть лучшаго мяса для немедленнаго приношенія небожителямъ. То же самое продѣлывалось и съ другими сортами мяса, приносимыми въ жертву второстепеннымъ и третьестепеннымъ богамъ. Такимъ образомъ, всѣ три класса духовъ получали свои части отъ жертвоприношенія. Затѣмъ главный шаманъ-галши давалъ разрѣшеніе каждому брать свою долю мяса, сѣдять его на станѣ или забирать съ собою въ свою лачугу; этимъ оканчивался религіозный обрядъ—тайлганъ зэгэтэ-облавщиковъ.

По окончаніи религіознаго обряда происходилъ судъ и разборъ провинившихся въ чемъ-либо облавщиковъ. При этомъ разбиралось строго, насколько оплошность обвиняемыхъ зависѣла отъ ихъ нерадѣнія или отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и непреодолимыхъ препятствій. Послѣ религіознаго обряда, суда и раздѣла добычи, охотники предавались отдыху. При удачной охотѣ господствовало общее веселье и у людей и у боговъ. Всѣ были довольны своими долями добычи.

Послѣ суда зэгэтэ-облавщики ѣли полученныя части мяса и ложились спать. Если ловъ звѣрей былъ удачный, то мяса, конечно, доставалось каждому побольше, каждый зэгэтэ-облавщикъ ѣлъ досыта, оставлялъ въ запасъ и засыпалъ крѣпкимъ сномъ.

Кожи убитыхъ звѣрей морозили и сдавали въ нан зэгэтэ-аба, въ которомъ онѣ хранились до весны. Весною кожи выставляли на солнце, а потомъ тщательно сушили, сортировали и послѣ этого дѣлили между собою по обычаямъ зэгэтэ-аба; лучшія и дорогія кожи звѣрей оставались въ нан'ѣ галши *) и другихъ высшихъ шамановъ-начальниковъ.

*) Прежніе буряты зэгэтэ-облавщики и шаманы-начальники совершали особые религіозные обряды, причѣмъ посвящали звѣриныя шкурки своимъ покровительствующимъ заянамъ, которые изъ нихъ тоже шили себѣ одежду, обувь и тому подобное. Такое посвященіе звѣриныхъ шкуръ заянамъ доннынѣ сохранилось у бурятовъ, которые унаслѣдовали этотъ обычай отъ своихъ предковъ—зэгэтэ-облавщиковъ.

Изъ этихъ кожъ шились одежды, обувь, покрывала для юртъ, ковры и т. д. Среднія кожи доставались простымъ рядовымъ зэгэтэ-облащикамъ, а самыя худшія и дешевыя шли рабамъ и рабынямъ.

Какъ указываютъ старинныя народныя преданія и призыванія шамановъ, воинственные шаманы-начальники часто превращали охоту въ военный набѣгъ и нападали на другія враждебныя племена, причемъ людей забирали въ плѣнъ и обращали въ рабовъ и рабынь, а захваченное имущество дѣлили между собою; рогатый скотъ употребляли въ пищу, коней—для ѣзды: для зэгэтэ-облащика было завѣтной мечтой завести коня. Иногда зэгэтэ-облащики уходили очень далеко, охотясь на звѣрей, а на обратномъ пути старались захватить побольше коней, съ которыми старались, какъ можно скорѣе, укрыться въ глуши тайги, хотя, когда не грозила опасность, устраивали облавы и на обратномъ пути. Прежніе зэгэтэ-облащики, постоянно живя въ лѣсахъ и тайгахъ, не имѣли возможности держать рогатый скотъ, а имѣли только коней, которые сами въ зимнее время доставали себѣ кормъ изъ-подъ снѣга.

Выше мы говорили, что прежніе буряты не могли постоянно охотиться на звѣрей, а въ извѣстное время должны были по необходимости останавливаться на открытыхъ мѣстахъ. Эти необходимыя остановки дѣлались весною, лѣтомъ и осенью по слѣдующимъ причинамъ. Прежніе буряты не имѣли теплыхъ и свѣтлыхъ жилищъ, и въ зимнее время свѣтъ проходилъ туда только черезъ дверное отверстіе. Выдѣлывать кожи въ полупотемкахъ было крайне затруднительно, также и шить изъ нихъ себѣ одежду, обувь и другіе предметы. Въ силу этого они принуждены были останавливаться въ лѣтнее время на открытыхъ мѣстахъ для выдѣлки кожъ и для приготовленія разныхъ одеждъ и обуви. Для выдѣлки кожъ большихъ звѣрей требовались разные снаряды, которые въ такихъ жилищахъ помѣстить было невозможно; вслѣдствіе этого кожи большихъ звѣрей выдѣлывали внѣ жилища, для чего необходимо было теплое время года. На просторѣ, въ свѣтлые и длинные лѣтніе дни и создавались тѣ роскошныя вышивки, образцы національнаго орнамента, которыми гордились прежнія бурятскія мастерицы.

Весна, лѣто и осень вплоть до наступленія холодовъ, когда наступала пора готовиться къ зэгэтэ-аба, были временемъ домашнихъ работъ. Нужно было выдѣлать всѣ шкурки убитыхъ звѣрей, такъ какъ при перевозкѣ на вьюкахъ было крайне неудобно упаковывать громоздкія и ломкія сырыя кожи. Большая часть кожъ шла на домашнее употребленіе, а остатокъ вымѣнивался на предметы роскоши и на товары, которыхъ не было у бурятъ. Хотя общераспространенный способъ перевозки грузовъ представляла перевозка на вьюкахъ, но преданіе гласитъ, что у бурятъ были и телѣги, только безъ колесъ ¹⁾.

Во время весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ стоянокъ у прежнихъ бурятъ въ стоянкѣ кипѣли женскій трудъ и трудъ ремесленниковъ.

Всѣ женщины и дѣвицы были заняты выдѣлываніемъ звѣриныхъ кожъ по первобытному способу. Кожи большихъ звѣрей не могли выдѣлывать руками, а потому употребляли разные первобытные и нехитрые снаряды, съ помощью которыхъ выдѣлывали кожи большихъ звѣрей: медвѣдей, изюбрей и сохатыхъ. Снаряды для выдѣлки кожъ, должно полагать, были похожи на нынѣшніе; всѣ снаряды дѣлались изъ дерева; по окон-

¹⁾ Вѣроятно, это были такъ называемыя *волокуши*, и теперь еще употребляемая для перевозки тяжестей въ тайгахъ. Простѣйшій типъ волокуши: двѣ жерди, привязываемыя къ сѣдлу, скрѣпленныя деревянной поперечиной внизу. Болѣе совершенный типъ представляетъ волокуша съ поперечными дощечками, прибитыми къ жердямъ; затѣмъ имѣются волокуши, жерди которыхъ на нижнемъ концѣ загнуты въ полозья. На прискахъ къ жердямъ волокуши прикрѣпляютъ кабриолетный кузовъ.

чаніи выдѣлки кожъ, эти самодѣльные снаряды, должно полагать, бросали, потому что зэгэтэ-облашки не имѣли возможности возить ихъ съ собою ¹⁾).

Вернемся теперь снова къ лѣтнимъ занятіямъ бурятъ.

Въ ѹленши часть женщинъ и дѣвицъ выдѣлывала звѣриныя кожи. Нѣкоторыя изъ женщинъ исполняли предварительныя простыя работы, для которыхъ требовалась только одна физическая сила, какъ, напр., вымочка и проминка кожъ на снарядахъ, другія отдѣлывали вымоченныя и промятыя кожи, для которыхъ уже требовалось умѣнье и опытность; затѣмъ, послѣ окончательной отдѣлки, кожи иногда подвергали дымленію.

Въ дальнѣйшемъ изъ выдѣланныхъ кожъ особыя мастерицы выкраивали одежду и обувь, изготовляли украшенія и вышивки; здѣсь тоже работа раздѣлялась на нѣсколько специальностей. Хорошія мастерицы и шитницы шили и вышивали тонкіе и красивые узоры для нарядныхъ одеждъ и обуви. Слѣдуетъ здѣсь упомянуть, что въ ѹленши прежде всего шили на шаманскую аристократію. Судя по преданіямъ и шаманскимъ заклинаніямъ, жизнь въ ѹленши была трудная и суровая.

Въ лѣтніе долгіе и жаркіе дни, отъ восхода солнца и до заката, въ ѹленши кипѣла работа подъ зоркимъ присмотромъ женъ высшихъ шамановъ-начальниковъ. Работа была трудная, а надзирательницы, супруги всевластныхъ шамановъ, не отличались снисходительностью.

У надзирателей-шамановъ и надзирательницъ-шаманокъ была одна цѣль: не щадя силъ своихъ работницъ, какъ можно больше выдѣлать кожъ, чтобы поскорѣе окончить всѣ нужныя работы и приготовленія къ религіознымъ обрядамъ и сдѣлать запасъ одежды къ осеннимъ холодамъ. Все должно было быть готово, чтобъ не осталось ни одной невыдѣланной кожи или недошитой одежды.

Для шитья прежнія бурятки употребляли жилы звѣрей. Отъ убитыхъ звѣрей, при сниманіи кожи, ножныя жилы осторожно вырѣзывали и сушили на солнцѣ; эти жилы потомъ мяли руками и изъ волоконъ сучили тонкія и толстыя нитки (наб). Иногда для шитья обуви жилы сучили съ конскимъ волосомъ, чтобы нитка была крѣпка и не гнила ²⁾.

Кромѣ того, въ лѣтнее время изъ хвостового и гривнаго конскаго волоса вязали сѣти (гүльмэ) для ловли рыбы.

Были и другія занятія у женщинъ: нѣкоторыя нянчились съ дѣтьми, а другія собирали разные съѣдобные корни и растенія, сушили ихъ ³⁾ и толкли въ особыхъ ступкахъ (ур), заготовляя запасъ на зиму; эти корни, растенія и ягоды для прежнихъ бурятъ служили необходимымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Изъ толченыхъ корней приготовляли муку, которая шла въ пищу; изъ этой муки дѣлали особое кушанье, которое приготовляли слѣдующимъ образомъ: звѣриный жиръ смѣшивали съ приготовленною мукою и дѣлали небольшія лепешки, которыя назывались бѣн. Этими лепешками закусывали на скорую руку во время зэгэтэ-аба, когда не было времени возиться съ варкой пищи.

Во время лѣтнихъ стоянокъ все общество зэгэтэ-облашниковъ было занято своими работами, въ стоянкѣ ихъ была кипучая, дѣятельная жизнь; каждая отдѣльная работа про-

¹⁾ Г. Хангаловъ не даетъ здѣсь описанія снарядовъ и методовъ обработки кожъ, такъ какъ у него имѣется цѣлый этюдъ о кожевенномъ производствѣ у бурятъ, который мы, обработавъ, надѣемся напечатать въ будущемъ.

²⁾ Эти нитки изъ жилъ въ большомъ употребленіи не только среди инородцевъ, но и среди русскихъ; онѣ—прочнѣе дратвы. Нѣкоторые врачи даже предпочитали эти нитки шелку при зашиваніи ранъ.

³⁾ Наиболѣе распространены въ инородческой кухнѣ корни *Eriphronium dens canis*, *Lilium martagon*, *Lilium spectabile*, *Peonia anomala*, *Polygonum bistorta*, *Heraclium sibiricum* (стебель) и разные виды лука—главнымъ образомъ, *Allium ursinum* (черемша). Послѣдняя—въ большомъ употребленіи и у русскихъ; незамѣнимое средство отъ цынги.

изводилась подь особымъ присмотромъ и наблюдениемъ; всѣ работы шли правильно и быстро, а не въ хаотическомъ беспорядкѣ.

Мужчины во время лѣтнихъ стоянокъ занимались также разными работами. Однимъ изъ занятій мужчинъ было дѣланіе стрѣлъ (мѳѳоши) и луковъ. Стрѣлы были главнымъ оружіемъ на охотѣ и, во время зимнихъ зэгэтэ-аба, онѣ часто терялись въ сугробахъ снѣга. Поэтому, какъ для войны, такъ и для охоты заготавливались большіе запасы стрѣлъ.

Изготовление стрѣлъ было лѣтнимъ занятіемъ бурятъ. Зимой изъ промерзлаго дерева нельзя было дѣлать стрѣлъ, такъ какъ тогда не было приспособленій для сушки дерева, а древки стрѣлъ, сдѣланные изъ недосушеннаго дерева, кривились и становились совершенно негодными для стрѣльбы. Умѣнье дѣлать хорошія стрѣлы и луки цѣнилось высоко. Заправскій охотникъ, витязь, мерген ¹⁾, гордился тѣмъ, что онъ хорошо умѣетъ дѣлать стрѣлы. Въ одной сказкѣ, записанной еще Георги, упоминается въ видѣ высокой похвалы герою: никто не сошьетъ такъ хорошо одежду, какъ наша княжна, никто не сдѣлаетъ стрѣлы прямѣе царевича Улан-мергена. Стрѣлы дѣлались изъ березоваго дерева, безъ сучковъ. Вырѣзанные брусочки высушивали тщательно и постепенно и потомъ уже подвергали обработкѣ. Припомнимъ при этомъ, что по-бурятски стрѣльный мастеръ носилъ особое названіе: не мерген, а—мѳѳоши.

Лѣто было также сезономъ кузнечныхъ работъ. Кузнечные мастера дѣлали разнообразныя желѣзные наконечники стрѣлъ (нума) разныхъ величинъ и формъ ²⁾. Вообще, всѣ стрѣлы снабжались желѣзными наконечниками, и только бѣдняки, вмѣсто желѣзныхъ наконечниковъ, имѣли костяные, о чемъ упоминается въ старинныхъ бурятскихъ сказаніяхъ, которыя назывались яһан зорхо.

Кузнецы, кромѣ стрѣльныхъ наконечниковъ, дѣлали и другія вещи: ножи (хотѳго), мечи (һэлмэ), копья или рогатины (жада), огнива (хэтэ) и проч.

Точно такъ же на обязанности кузнецовъ лежало изготовление шаманскихъ конныхъ тростей (тѳмѳр морени һорібо). Снабжая народъ оружіемъ, начиная съ наконечниковъ стрѣлъ и кончая ножами, мечами и рогатинами, а также принадлежностями культа, кузнецы также выдѣлывали изъ желѣза хозяйственныя орудія и другіе предметы, какъ то: стремена, удила, кольца. Кромѣ того, они дѣлали украшенія изъ серебра и золота—браслеты (бугаг), серьги (һихэ), кольца (оредһон), головныя украшенія (майхабши) и другія вещи. Кузнецы у бурятъ, какъ и у другихъ народовъ, занимали въ обществѣ особое положеніе. Кузнецъ всегда является знахаремъ и мудрецомъ. Чукчи, напримѣръ, чтобы похвалить челоуѳка, говорятъ: у него лицо умное, какъ у кузнеца (Богоразъ). У бурятскихъ кузнецовъ имѣются свои геніи-покровители, изображенія которыхъ образуютъ особый циклъ иконографическихъ издѣлій, называемыхъ кузнечными онгонами.

¹⁾ *Мерген* значитъ хорошій стрѣлокъ; но теперь этотъ титулъ прилагается ко всякому мастеру своего дѣла. Мерген-лама, мерген-бѳ значать: хорошій лама, хорошій шаманъ. Мерген-хун значитъ: опытный, смѣтливый, умный, находчивый челоуѳкъ.

²⁾ Изъ этихъ стрѣлъ слѣдуетъ упомянуть одинъ видъ ихъ, имѣвшій особое назначеніе при зэгэтэ-аба. Это были тяжелыя стрѣлы, и подь наконечникомъ стрѣлы вставлялся роговой или костяной полый шарикъ съ дырочками, отчего, при полетѣ, стрѣла издавала свистъ. Такими стрѣлами вооружали часть рядовыхъ загонщиковъ. Эти стрѣлы свистомъ пугали звѣрей и сгоняли ихъ въ центръ круга. По тяжести своей стрѣла хватала недалеко, и такому загонщику рѣдко удавалось убить звѣря. Аристократія облавы, вооруженная дальнобойными стрѣлами, принимала мѣры къ тому, чтобы лучшая часть добычи не уходила изъ ея рукъ.

Въ случаѣ, когда происходило посвященіе какого-нибудь изъ старшихъ шамановъ въ высшую степень, всѣ желѣзныя принадлежности костюма выполнялись своими кузнецами. Кромѣ майхабши и различныхъ символическихъ фигуръ и украшеній, они выковывали желѣзныя пластинки для боевого оргоя (священнаго плаща) посвящаемаго; онъ замѣнялъ шаману кирасу (куякъ). Одежду же изъ звѣриныхъ кожъ и украшенія шили женщины въ уленши, употребляя при этомъ мѣха дорогихъ животныхъ.

Въ зимнее время кузнецы не могли работать: у нихъ не было постоянныхъ горновъ (хяһи), не было желѣзныхъ наковаленъ, а ковали желѣзо на каменныхъ наковальняхъ, и всѣ инструменты были первобытные и простые: желѣзные молоты (тѳмѳр балта), клещи (ѳлирбѳ), мѣхи (хѳргѳ) и т. д. Съ такими инструментами кузнецы могли работать только въ лѣтнее время, когда становились на болѣе или менѣе продолжительную стоянку на одномъ мѣстѣ; зимою, во время облавы на звѣрей, переходя съ одного мѣста на другое, они не имѣли возможности работать и таскать съ собою повсюду громоздкіе инструменты.

Сѣдельщики (эмэлгини) дѣлали сѣдла и украшали ихъ; матрасики, подушки на сѣдла шили женщины и дѣвицы изъ звѣриныхъ шкуръ въ ѳленши.

Кромѣ охоты на звѣрей, многіе мужчины занимались ловлей рыбы въ рѣкахъ и озерахъ, которой въ то время водилось очень много. Во время лѣтнихъ стоянокъ при рыбной ловлѣ употреблялись разные снаряды, какъ то: морды (гѳр), волосяныя сѣти (гѳльмѳ), остроги (һѳрѳ) и удочки (гахѳля). Прежніе буряты во время продолжительныхъ лѣтнихъ стоянокъ по необходимости питались рыбой, потому что ее можно было ловить ежедневно, а мясо звѣрей можно было имѣть не всегда.

Лѣтомъ же буряты объѣзжали дикихъ лошадей для верховой ѳзды, а уже усмиренныхъ лошадей приучали перескакивать черезъ колоды и черезъ свалившіяся деревья въ лѣсу; такое обученіе лошадей было необходимо для зѳгѳтѳ-аба. Насколько важное значеніе имѣла въ жизни буряты дрессировка лошадей, видно уже изъ того, что среди разныхъ развлеченій у буряты дѣлались маскарадныя представленія. Маскированные участники назывались онгонами для игры (игровые онгоны). Среди этихъ театрално-мистическихъ и отчасти комическихъ игръ было представленіе, изображающее укрощеніе дикаго коня *).

Пасли лошадей рабы подѣ особымъ присмотромъ на открытыхъ полянахъ. Во время лѣтнихъ стоянокъ, на открытыхъ мѣстахъ производилось обученіе зѳгѳтѳ-облашниковъ подѣ наблюдениемъ высшихъ опытныхъ шамановъ-начальниковъ. Ихъ приучали двигаться стройно, быстро и не спутывая и не разрывая цѣпи; такое обученіе было необходимо дѣлать на открытомъ мѣстѣ, гдѣ можно было начальникамъ слѣдить за ходомъ облавы. Эти учебные маневры имѣли очень важное значеніе, такъ какъ, въ сущности, хорошій ловъ звѣрей зависѣлъ отъ удачнаго, стройнаго и быстрого дѣйствія облашниковъ. Облашники стройнымъ и быстрымъ заѳздомъ моментально окружали звѣрей, которые не успѣвали замѣтить, что они со всѣхъ сторонъ охвачены кольцомъ загонщиковъ.

Рядомъ съ обучениемъ стройнымъ движениямъ цѣлой массы было и одиночное обученіе. Молодежь учили перепрыгивать черезъ колоды, черезъ заломъ, лазить по деревьямъ, чтобы спастись отъ преслѣдованія разъяренного звѣря—медвѣдя или сохатаго. Заставляли также въ часѣ перебираться съ одного дерева на другое.

Вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтомъ обучали молодежь и военнымъ тактическимъ приѳмамъ на случай нападенія на какія-нибудь враждебныя племена.

Кромѣ уже упомянутыхъ театралныхъ (игровыхъ) онгоновъ, были и другіе, имѣющіе отношеніе къ зѳгѳтѳ-аба. Такъ, напримѣръ, существуетъ „ягша онгон“, который заставляетъ молодежь обоюго пола плясать національную пляску „хатарха“ и слѣдить за пляшущими; если они хорошо и стройно пляшутъ, то „ягша онгон“ радуется, а если пляшутъ худо, то сердится, бьетъ ихъ и указываетъ, какъ нужно плясать. „Ягша онгон“—остатокъ отъ прежней зѳгѳтѳ-аба, такъ какъ послѣ охоты обыкновенно начиналось веселье и пляска. Другіе игровые онгоны тоже ясно указываютъ, какъ учили прежнихъ зѳгѳтѳ-облашниковъ. Онгонъ, который учитъ молодежь скакать черезъ трости и плясать на накрестъ положенныхъ тростяхъ, можно также признать за остатокъ отъ прежней зѳгѳтѳ-аба.

*) Авторъ подробно описалъ эти театралные онгоны въ другомъ своемъ трудѣ.

Время лѣтнихъ стоянокъ зэгэтэ-облавщиковъ было не только временемъ работы, но и разныхъ торжественныхъ и общественныхъ религіозныхъ церемоній, тайлгановъ, посвященія разныхъ молодыхъ и отличившихся людей въ шаманскій санъ, посвященія шамановъ-начальниковъ въ высшую ступень шаманства, иногда торжественное посвященіе въ санъ галши. Точно такъ же во время лѣтнихъ стоянокъ совершались свадьбы, заключались сдѣлки и тому подобное.

Всѣ эти религіозные обряды дѣлались цѣлымъ обществомъ, торжественно, съ національными играми, танцами, борьбой борцовъ, стрѣльбою изъ лука; устраивались скачки и бѣга рысаковъ. Во время этихъ торжествъ: тайлгановъ, посвященій шамановъ, совершенія свадебныхъ обрядовъ предлагалось угощеніе, и гулянки продолжались понѣскольку дней. Зэгэтэ-облавщики въ парадныхъ костюмахъ, нарядные и веселые, предавались играмъ и забавамъ.

Здѣсь кстати упомянуть и о костюмахъ эпохи зэгэтэ-аба. Обычный зимній мѣховой костюмъ назывался доха, но это не была нынѣшняя широкая неуклюжая доха, а—костюмъ, предназначенный, главнымъ образомъ, для верховой ѣзды. Это былъ длинный кафтанъ съ лѣвою полою, застегивавшеюся на правомъ боку. Внизъ отъ пояса шелъ до подола сквозной разрѣзъ, и получались двѣ длинныя фалды. Доха была съ обѣихъ сторонъ мѣховая, но снаружи на бокахъ были прорѣзы, такъ что фалда представляла собою мѣшокъ или глубокой карманъ. Такой покрой до сихъ поръ сохранился въ Маньчжуріи и отчасти въ Монголіи. Лѣтній костюмъ былъ такого же покроя, но, конечно, легче и шился изъ кожи безъ шерсти. Во время весеннихъ и лѣтнихъ праздниковъ для борьбы изготовлялась особая обувь съ большимъ толстымъ и твердымъ носкомъ, которымъ борющіеся старались защитить другъ друга.

Такимъ образомъ, лѣто было самымъ оживленнымъ періодомъ жизни первобытнаго бурята. Торжества, празднества, тайлганы, свадьбы, посвященія шамановъ чередовались съ работой, рыбной ловлей и военно-охотничьими упражненіями. Въ зимнее же время такіе торжественные народные религіозные обряды, какъ тайлганы, посвященія шамановъ, свадьбы, не дѣлались, да и некогда было ихъ дѣлать: зима была сезономъ облавъ. Въ зимнее холодное время, при тѣснотѣ жилищъ, не было и возможности устраивать подобныя церемоніи. Лѣтомъ, въ теплое время, было очень удобно, потому что всѣ такія народныя торжества устраивали на улицѣ въ присутствіи всего общества зэгэтэ-облавщиковъ. И нынѣшніе буряты по старинному обычаю, унаслѣдованному отъ своихъ предковъ, всѣ торжественные и общественные религіозные обряды: тайлганы, хураи, посвященія шамановъ обыкновенно совершаютъ въ лѣтнее время.

Впрочемъ, и климатъ и обусловленное имъ распредѣленіе занятій не позволяли устраивать праздники зимой. Съ окончаніемъ выдѣлки кожъ начиналась заготовка одежды, обуви, покрывалъ на юрты, постельныхъ принадлежностей и разнаго рода мѣшковъ. Эти мѣшки—хубсары и худалы прежнимъ бурятамъ были необходимы въ зимнее время. Зимой буряты свои жилища временно ставили на мерзлой землѣ; на полу постилали особыя мѣховыя подстилки, которыя нарочно дѣлались для этой цѣли; на этихъ подстилкахъ клали сидѣнья—худал, тоже нарочно шитыя, на которыхъ сидѣть было мягче, теплѣе и удобнѣе, чѣмъ на холодной и мерзлой землѣ. Эти разные хубсары, худалы сохранились до сихъ поръ у нынѣшнихъ бурятовъ, у которыхъ они считаются необходимыми предметами домашняго обихода. Всѣ эти вещи заготавливались въ ѹленши изъ разныхъ остатковъ и обрѣзковъ, оставшихся отъ шитья одеждъ изъ выдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, всѣ части которыхъ уходили въ дѣло.

Зэгэтэ-облавщики, съ наступленіемъ холодовъ, снимались съ лѣтнихъ стоянокъ и уходили въ глубь лѣсовъ, охотясь на звѣрей. Бурятка, которая въ другія времена года зани-

малась спеціально выдѣлкой кожъ и шитьемъ одежды, обуви и прочихъ принадлежностей, обращалась въ рядового зэгэтэ-облавщика, а въ военное время—въ война и получала свою долю изъ общаго раздѣла добычи (хуби). Она, соперничая съ мужчинами, уносилась въ вихрѣ зэгэтэ-аба, охотясь на звѣрей и участвуя, наравнѣ съ мужчинами, въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Во время облавъ и особенно при набѣгахъ на враждебныя племена нерѣдко бывали смертныя случаи, и погибшихъ приходилось хоронить. Мы опишемъ кратко похороны главнаго распорядителя зэгэтэ-аба, шамана-галши. Для такого важнаго событія временно прекращалась облава. Облава не могла оставаться безъ главнокомандующаго, и, вмѣсто умершаго, избирали замѣстителя, новаго главнаго шамана-галши, а потомъ всѣ высшіе шаманы и новый главный шаманъ собирались у умершаго и начинали приготовляться къ похороннымъ обрядамъ и церемоніямъ: сперва тѣло умершаго шамана-галши мыли освященною ключевою водою, въ которую клали богородскую траву и бересту; потомъ одѣвали покойника въ лучшую одежду, сверху которой надѣвали большой боевой оргой съ панцыремъ, на голову надѣвали майхабши; покойника клали на почетное мѣсто и около него раскладывали всѣ его шаманскія принадлежности и военныя доспѣхи—колчанъ со стрѣлами, лукъ съ футляромъ, мечъ, копье и прочіе знаки его достоинства, какіе онъ имѣлъ при жизни. Послѣ этого приготовляли коня, котораго сѣдлали самымъ лучшимъ сѣдломъ. Обряженнаго коня держалъ особый рабъ, который назывался „мори-барюхан“—державшій лошадь или хун-сэргэ—по-русски: челоуѣкъ-коновязь. На этого коня хун-сэргэ сажалъ умершаго хозяина, главнаго шамана-галши, и тотъ же хун-сэргэ хозяину помогаль слѣзать съ коня.

Затѣмъ выбранныя девять челоуѣкъ, называвшіеся сыновьями шамана, пѣли похоронныя пѣсни, въ которыхъ восхваляли разные подвиги усопшаго во время охоты, военныхъ дѣйствій, обиходной жизни и вообще перечисляли всѣ его добрыя дѣла. Высшіе шаманы-начальники шаманили, во время мистеріи предсказывали будущее отъ лица умершаго главнаго шамана-галши, который указывалъ, на какой горѣ и какъ слѣдуетъ предать его тѣло огню. Умершему главному шаману давали съѣстные припасы и звѣриныя шкуры изъ нан'а зэгэтэ-аба. Когда все было приготовлено, умершаго шамана сажали на коня, два жолоши (держатели повода) вели коня за поводъ, впереди ѣхалъ тугши, который держалъ знамя умершаго („туг“), прочіе рабы шли сзади и держали разныя шаманскія принадлежности усопшаго. Всѣ высшіе шаманы-начальники, во главѣ со вновь избраннымъ главнымъ шаманомъ, ѣхали сзади, а за ними—простые зэгэтэ-облавщики. Въ такомъ порядкѣ дѣлали три круга около стоянки; послѣ этого ѣхали на ту гору, на которой предстояло предать огню тѣло умершаго главнаго шамана-галши; отойдя нѣсколько отъ мѣста стоянки, пускали стрѣлу назадъ, а потомъ ѣхали далѣе. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, останавливались и ставили деревянную коновязь для коней умершаго главнаго шамана-галши или ставили три коновязи изъ камня: первая коновязь означала его нан, вторая коновязь служила для привязыванія его коня, а третья—для его зэгэтэ-облавщиковъ: нынѣшніе буряты называютъ эту коновязь „хуни-сэргэ“—по-русски: коновязь для народа *).

Пріѣхавъ на мѣсто сожженія, тѣло умершаго шамана-галши снимали съ коня и клали на землю; затѣмъ готовили лѣсъ, изъ котораго складывали продолговатымъ четырехугольникомъ костеръ; на костеръ постилали потникъ и на концѣ потника помѣщали сѣдло, на которое клали усопшаго шамана головой; вокругъ раскладывали всѣ его шаманскія принадлежности; послѣ этого, сверху надъ трупомъ снова клали дрова. Коня умершаго ша-

*) Пока неизвѣстно, ставили ли каменную коновязь въ видѣ челоуѣка, но преданіе о „хун-сэргэ“ намекаеть на это.

мана-галши убивали; также убивали всѣхъ рабовъ, которыхъ и сжигали на кострѣ. Сколько рабовъ убивали, трудно опредѣлить, но убивали многихъ.

Послѣ сожженія тѣла главнаго шамана-галши всѣ уѣзжали обратно на стоянку; всѣ участвовавшіе на похоронахъ, возвращаясь, старались не глядѣть назадъ, иначе умершій шаманъ-галши могъ взять душу оглянувшагося къ себѣ. Всѣ участвовавшіе въ кортежѣ, пріѣхавши на стоянку, очищались, проходя между двухъ огней, чтобъ злой духъ не вошелъ съ ними въ стоянку и не сдѣлалъ зла народу.

Пока съ похоронъ не вернутся на стоянку, изъ нея никто не смѣлъ отлучаться даже на близкое разстояніе.

Черезъ три дня съ разными съѣстными припасами выѣзжали на мѣсто сожженія умершаго главнаго шамана-галши. По пріѣздѣ собирали сгорѣвшія кости, укладывали ихъ въ берестовый футляръ, выдалбливали изъ колоды корыто, клали туда кости и задѣлывали накрѣпко доскою. Желѣзные предметы, бывшіе въ огнѣ, вѣшали на дерево.

Покончивъ съ вышесказаннымъ, совершали поминки по усопшемъ. Иногда всѣ зэгэтэ-облашники на мѣстѣ погребенія умершаго главнаго шамана-галши давали присягу вновь избранному главному шаману-галши; этотъ обычай сохранился до сихъ поръ: у нынѣшнихъ бурятъ есть обычай давать присягу на шаманскомъ мѣстѣ.

Вернувшись обратно въ лагерь, послѣ прохожденія черезъ огонь, облава продолжалась подъ руководствомъ новаго главнаго шамана-галши, но посвященіе новаго начальника откладывали до перекочевки на лѣтникъ.

Другихъ важныхъ шамановъ-начальниковъ хоронили съ меньшею торжественностью и убивали менѣе рабовъ и рабынь для услуженія усопшему въ загробной жизни.

Простыхъ рядовыхъ зэгэтэ-облашниковъ хоронили просто по обычаю зэгэтэ-аба *).

Со временемъ размножились шаманы-начальники и шаманки-начальницы и стали вести между собою вражду и интриги за первенство и за власть.

Они постепенно захватили въ свои руки всѣ выгодныя мѣста и обижали простыхъ рядовыхъ зэгэтэ-облашниковъ, которымъ становилось жить все тяжелѣе и тяжелѣе. Простые рядовые зэгэтэ-облашники роптали и часто между ними возникали возмущенія и безпорядки. Обиженные шаманы и шаманки, пользуясь этими безпорядками, возмущали и растревляли и безъ того раздраженныхъ простыхъ рядовыхъ зэгэтэ-облашниковъ.

Прежнее единство и любовь къ общему дѣлу исчезали безслѣдно.

Каждое посвященіе молодого шамана и посвященіе шамана-начальника въ высшій санъ не обходилось безъ борьбы и крупныхъ интригъ, которыя иногда оканчивались кровавыми расправами, вслѣдствіе чего постепенно разстраивалось и падало общее предпріятіе.

Подобныя столкновенія высшихъ шамановъ-начальниковъ между собою вредно отражались и на экономическомъ положеніи зэгэтэ-облашниковъ. Общая казна (хан) истощалась. Въ случаѣ плохихъ улововъ звѣрей, зэгэтэ-облашники терпѣли недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, а потому ропотъ и недовольство увеличивались со дня на день и доводили народъ до высшей степени раздраженія; недовольные и обиженные шаманы и шаманки подстрекали простыхъ рядовыхъ зэгэтэ-облашниковъ, которые узнавали всѣ шаманскія плутни и преступленія. Прежняя любовь, довѣріе и почтительность исчезли между зэгэтэ-облашниками, исчезли старинное согласіе и взаимопомощь, и на мѣсто ихъ появились недовѣріе и взаимная ненависть, а подобное настроеніе должно было имѣть пагубное вліяніе въ такомъ дѣлѣ, которое требуетъ общаго согласія. Зэгэтэ-аба, очевидно, падала и доживала свои сѣрые и послѣдніе дни.

*) См. „Этнографическое Обзорѣніе“ 1891 г., № 3: Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ бурятъ, стр. 163.

Въ это смутное время тяжело жилось простымъ рядовымъ зэгэтэ-облавщикамъ, кото-
рые были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ враждующихъ между собою партій шамановъ-
начальниковъ, и всѣ они постепенно начали сознавать это.

Кровавыя распри и преслѣдованія побѣжденныхъ партій учащались. Прежнія крова-
выя жертвоприношенія потеряли свое грозное религіозное значеніе, и медвѣжьи онгоны,
передъ которыми зэгэтэ-облавщики трепетали, тоже потеряли свой авторитетъ. У зэгэтэ-
облавщиковъ начало развиваться недовѣріе, вызванное враждующими между собою ша-
манами и шаманками, уличавшими другъ друга въ глазахъ народа въ обманъ и фокусни-
чествахъ.

Кромѣ того, сыновья и дочери высшихъ и низшихъ шамановъ-начальниковъ безна-
казанно обижали простыхъ рядовыхъ зэгэтэ-облавщиковъ, которые все это терпѣли по не-
обходимости.

Въ такое смутное время, когда умиралъ главный шаманъ - галши, на его должность
появлялось нѣсколько кандидатовъ, враждующихъ между собою. Каждый изъ нихъ имѣлъ
свою партію, которая поддерживала своего кандидата; вслѣдствіе этихъ неурядицъ, умер-
шаго главнаго шамана-галши хоронили не съ такою торжественностью, какъ прежде; все
это вліяло на простыхъ рядовыхъ зэгэтэ-облавщиковъ.

Большая и многолюдная зэгэтэ-аба, со смертью своего главы, шамана-галши, раздѣ-
лялась на нѣсколько маленькихъ и безсильныхъ облавъ. Вслѣдствіе этого, уловъ звѣрей
уменьшался, и зэгэтэ-облавщики терпѣли нужду въ съѣстныхъ припасахъ, одеждѣ и
прочихъ необходимыхъ предметахъ домашняго обихода. Чуждыя племена нападали на раз-
дробленныхъ на партіи бурятовъ, брали ихъ въ плѣнъ и уводили. Отдѣлившіеся отъ большой
облавы загонщики не могли охотиться самостоятельно по малочисленности, а потому при-
соединялись къ другой зэгэтэ-аба на невыгодныхъ условіяхъ ¹⁾).

Иногда такія отдѣльныя зэгэтэ-аба, подстрекаемая своими шаманами-начальниками,
нападали другъ на друга: происходили кровавыя драки, оплошавшихъ брали въ плѣнъ;
шаманы-начальники, прежде пользовавшіеся такимъ высокимъ авторитетомъ, не избѣгали
этой участи, а оставшіеся на свободѣ убѣгали и присоединялись къ другой зэгэтэ-аба, а
потомъ мстили своимъ врагамъ.

¹⁾ При существованіи родового строя можно задать вопросъ: изъ какихъ группъ составлялись эти частныя
отдѣльныя облавы? Здѣсь, очевидно, нашимъ авторомъ кое-что упущено изъ старыхъ обычаевъ, но восстано-
вленію ихъ намъ помогутъ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о забайкальской облавѣ, носившей названіе аба-хайдакъ.
Свѣдѣнія эти ясно указываютъ намъ, что забайкальская всенародная облава, при общемъ единствѣ дѣйствія,
состояла изъ отдѣльныхъ родовыхъ группъ. Тамъ, передъ облавою, на сборномъ пунктѣ предварительно читалась
какая-то молитва, читая которую набольшій въ облавѣ держалъ въ рукахъ стрѣлу. Затѣмъ каждому роду назна-
чался извѣстный участокъ облавы, и у каждаго рода было назначено мѣсто для стоянки на ночь. Послѣ охоты,
вечеромъ на стоянкахъ зажигали огни, и каждый изъ завѣдывавшихъ стоянкой, чтобы облавщики знали, куда имъ
итти, выкликалъ „уранъ“, призывной кличъ своего рода. Къ сожалѣнію, у бурятовъ эти ураны забыты, но сохрани-
лись полностью у киргизовъ. Киргизъ, при нападеніи на него, выкликаетъ уранъ своего рода, и всякій сородичъ обя-
занъ бѣжать на помощь къ обижаемому. Если своихъ соберется мало, и нѣтъ силы бороться съ неприятелими, то
меньшинство выкликаетъ общій уранъ всего киргизскаго народа—анасъ.

Отсюда весьма вѣроятно заключить, что отдѣльныя облавы составлялись изъ родственныхъ группъ.

Кстати: у нашего автора есть много указаній на борьбу съ чуждыми племенами. Какія это племена—онъ не
указываетъ, но въ памяти забайкальскихъ бурятовъ сохранилось одно довольно любопытное преданіе. Тунгусы и
буряты, для большей успѣшности охоты, рѣшили устроить общую облаву, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тѣ и другіе
имѣли въ виду устроить засаду своимъ товарищамъ. Между бурятами изъ рода цаганъ нашелся предатель, который
выдалъ тунгусамъ планъ нападенія бурятовъ. Буряты были разбиты. Это было лѣтъ двѣсти тому назадъ, но потом-
ство предателя до сихъ поръ состоитъ подъ опалой у своихъ сородичей и у всѣхъ агинскихъ бурятовъ.

Въ этихъ маленькихъ зэгэтэ-аба шаманы-начальники продолжали вести борьбу между собою за первенство и за власть, попережнему интриговали среди рядовыхъ зэгэтэ-облашниковъ и вооружали одну партію противъ другой. Такимъ образомъ, корыстные и жадные шаманы-начальники довели прежнюю цвѣтущую зэгэтэ-аба до окончательнаго паденія, сами были изгнаны изъ среды зэгэтэ-облашниковъ и навсегда потеряли политическую власть и вліяніе на бывшихъ столь послушными и почитательными рядовыхъ участниковъ зэгэтэ-аба.

Съ паденіемъ власти шамановъ-начальниковъ, зэгэтэ-аба перешла въ руки представителей родовъ подъ начальствомъ главнаго родоначальника һунши-ноёна, который замѣнилъ собою прежняго главнаго шамана-галши. Этотъ періодъ мы называемъ временемъ массоваго общиннаго скотоводства. Съ устраненіемъ отъ общественной облавы шамановъ, замѣненныхъ родовичами, всѣ мелкія зэгэтэ-аба опять стали соединяться въ одну большую и общую облаву подъ управленіемъ һунши-ноёна и другихъ родовыхъ представителей. Послѣдніе, второстепенные начальники зэгэтэ-аба, получали свои должности путемъ выбора. Вожаковъ, знающихъ мѣстность (газарши), и другихъ второстепенныхъ распорядителей тоже выбирали отъ каждаго рода изъ людей, отличившихся въ зэгэтэ-аба. Подъ управленіемъ такихъ родовыхъ представителей зэгэтэ-облашники охотились на звѣрей и занимались скотоводствомъ.

Первое знакомство бурятъ со скотоводствомъ ¹⁾ началось путемъ военной добычи и обмѣна скота на звѣриныя шкуры. Скотъ получался, главнымъ образомъ, изъ Монголіи и, вѣроятно, изъ минусинскихъ степей. Буряты жили тогда отъ Байкала вплоть до Енисея. Въ это время часть бурятъ, охотясь на звѣрей, уходила далеко и на обратномъ пути нападала на другія племена, у которыхъ отбивала рогатый скотъ и угоняла на родину; такимъ путемъ прежніе общинные зэгэтэ-облашники обзавелись крупнымъ и мелкимъ (овцы) рогатымъ скотомъ и весьма скоро убѣдились въ тѣхъ громадныхъ выгодахъ, которыя доставляетъ домашній скотъ.

Въ этотъ періодъ массоваго общиннаго скотоводства буряты начали селиться на открытыхъ и удобныхъ мѣстахъ для скотоводства. Съ этого времени они, охотясь на звѣрей въ массовой общинной зэгэтэ-аба, не могли уходить далеко отъ стоянокъ: оставлять надолго семейство и главное богатство—скотъ было опасно. Облавы на звѣрей старались дѣлать поблизости стоянокъ въ зимнее время, а по окончаніи возвращались домой съ мясомъ и кожами убитыхъ звѣрей. Такимъ образомъ, хотя буряты и не забросили свои охотничьи облавы, но размѣры древней зэгэтэ-аба сократились, и облава въ этотъ періодъ дѣлалась чаще всего какимъ-нибудь отдѣльнымъ родомъ.

Жилища у бурятъ были почти по образцу эпохи шаманской зэгэтэ-аба: изъ шкуръ убитыхъ звѣрей и домашнихъ животныхъ—для зимы и изъ древесной коры—жилища лѣтнія.

Въ періодъ массоваго общиннаго скотоводства прежніе буряты жили большими и многочисленными обществами подъ управленіемъ һунши-ноёновъ и другихъ родовыхъ представителей.

Очевидно, при переходѣ управленія народомъ отъ шамановъ къ свѣтскимъ людямъ, порядки сами по себѣ мало измѣнились; прибавился только одинъ новый видъ промысла—скотоводство. Прежде главнымъ источникомъ были звѣроловство и рыболовство. Молодые люди обоюго пола, какъ сказано было выше, участвовали въ зэгэтэ-аба зимой, лѣтомъ

¹⁾ Можетъ показаться страннымъ, что начало скотоводству положено было во второмъ періодѣ зэгэтэ-аба, а между тѣмъ буряты имѣли уже лошадей. Дѣло въ томъ, что лошади у монгольскихъ племенъ не называются скотомъ (мал), а адү—табунъ. Лошади были первыми послѣ собаки домашними животными у бурятъ.

ловили рыбу, собирали съѣдобные корни и ягоды и обрабатывали сырые материалы, добытые охотой; часть занималась ремеслами. Но возникла новая отрасль труда—разведение домашнего скота и, рядомъ съ нимъ, молочное хозяйство. Начавши съ лошадей и крупного рогатого скота, буряты завели у себя въ скоромъ времени и мелкій—овецъ и козъ. Часть населенія занята была пастъбой разныхъ видовъ скота. Эта работа лежала, главнымъ образомъ, на мужчинахъ, такъ какъ въ ту пору было еще очень много звѣря и охранять стада необходимо было вооруженной рукой. Доеніе и вообще молочное хозяйство было дѣломъ женщинъ. Часть женщинъ занималась доеніемъ, другая же приготовляла изъ молока пищевые продукты. За этимъ наблюдалъ особый человекъ—*нархаши-ѳѳѳѳн* *). Приготовленные подъ надзоромъ *нархаши-ѳѳѳѳна* молочные продукты ежедневно распределялись между членами общины.

Этотъ обычай донинѣ сохранился у бурятовъ во время гулянья или при потчеваніи гостей у себя дома, когда пьютъ тарасунъ или вино. Одинъ изъ присутствующихъ завѣдуетъ раздачей тарасуна или вина и подаетъ напитокъ остальнымъ поочередно, что называется „духарян“,—по-русски: очередь; за этимъ раздавателемъ вина до сихъ поръ сохранилось названіе „*нархаши-ѳѳѳѳн*“ или „*набаши-ѳѳѳѳн*“, хотя теперь это уже не постоянная должность и ее можетъ исполнять всякій. Во всѣхъ обычаяхъ и сохраненіи названій *нархаши-ѳѳѳѳн* или *набаши-ѳѳѳѳн* нельзя не замѣтить остатковъ давно минувшаго массоваго общиннаго скотоводства.

Мясо убитаго скота тоже дѣлили между собою поровну, такъ же поступали и съ кожами.

Повидимому, во время массоваго скотоводства появились такъ называемые бѣлые шаманы (*сагани бѳ*) и бѣлыя шаманки (*сагани одѳгон*)—на мѣсто прежнихъ гордыхъ шамановъ-начальниковъ, которые въ этотъ періодъ получили названіе черныхъ шамановъ (*харайн бѳ*) и черныхъ шаманокъ (*харайн одѳгон*).

Бѣлые шаманы и шаманки вполне подчинились условіямъ новой жизни наравнѣ съ простыми бурятами періода массоваго общиннаго скотоводства. Они подчинялись *нунши-ноѳну* и прочимъ родовымъ представителямъ, отъ которыхъ получали разрѣшеніе посвящаться въ шаманскій санъ, даже въ высшій, тогда какъ прежде такое разрѣшеніе получалось отъ главнаго шамана-галши.

Вслѣдствіе такого подчиненія шамановъ и шаманокъ *нунши-ноѳну* и прочимъ родовымъ представителямъ, въ шаманскихъ посвященіяхъ появились почетныя лица—*нунши-ноѳны*, *тургѳши хатаны*, разные *ѳѳѳѳны*, которымъ вновь посвящаемые шаманы и шаманки кланялись въ ноги и которыхъ угощали въ знакъ подчиненія и вѣрности. Прежніе всесильные и гордые шаманы и шаманки потеряли свое значеніе въ описанный нами періодъ.

Прежніе шаманы составляли особый, высшій классъ общества, который, кромѣ религіознаго, пользовался громаднымъ политическимъ вліяніемъ. Шаманъ былъ и воиномъ, и охотникомъ, и предсказателемъ, и судьей. Шаманы посвящали новыхъ лицъ въ свой санъ, никого не спрашивая, кромѣ членовъ своей касты, въ которой пріобрѣсти вліяніе постороннему человеку, безъ связей въ шаманской корпораціи, было крайне трудно. Шаманское званіе часто передавалось по наслѣдству. И теперь, говоря о достоинствахъ какого-нибудь шамана, перечисляютъ, сколько у него въ роду было поколѣній шамановъ, какой у него шаманскій корень. Во время же общинно-скотоводческаго періода нужно было до посвященія получить на него разрѣшеніе отъ общества. Кандидатъ въ ша-

*) Его называли также *набаши-ѳѳѳѳн* (*наба*—кожаная посуда, въ которую собиралось молоко; у киргизовъ *саба*—кожаный мѣшокъ для молока).

маны долженъ былъ кланяться и упрашивать һунши-ноёна и родовыхъ представителей, чтобы получить право на посвященіе. Вѣроятно, эта побѣда свѣтскихъ людей надъ жрецами обошлась дорого народу. Появленіе бѣлыхъ шамановъ указываетъ, что борьба была упорная. Старинные шаманы не уступали требованіямъ свѣтскаго общества. Это, вѣроятно, и навело бурятъ на мысль бороться противъ жрецовъ ихъ же оружіемъ, и они создали новый, свой шаманскій корпусъ, который согласился подчинить себя свѣтской власти.

Во время самага посвященія кандидаты въ шаманы принуждены были давать своему народу присягу, въ которой они обѣщали не дѣлать людямъ ничего худого, ѣздить ко всѣмъ по приглашенію, какъ къ бѣднымъ, такъ и къ богатымъ, и не брать много за труды. Всѣ эти требованія указываютъ, что прежніе гордые жрецы и жрицы не церемонились съ простыми бурятами, и новое свѣтское управленіе нашло нужнымъ ограничить властолюбіе, алчность и произволъ древнихъ шамановъ.

Прежніе шаманы-начальники ээгэтэ-аба были изгнаны изъ среды общества со своими сыновьями и дочерьми и одиноко доживали свой вѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, съ небольшимъ числомъ ээгэтэ-облавщиковъ удалились въ глубь лѣсовъ и дебрей тайги и безвѣстно, всѣми оставленные, доживали послѣдніе дни своего существованія.

Въ періодъ массоваго общиннаго скотоводства, вслѣдствіе измѣненія условій жизни, измѣнялись и религіозные обряды. Бѣлые шаманы и шаманки были представителями добра и производили себя отъ западныхъ тэнгриевъ, хановъ и прочихъ заяновъ. Они были представителями западнаго и добраго заяна, а потому заботились о людяхъ, которымъ старались дѣлать добро и искоренять зло; поэтому, бѣлые шаманы и шаманки были добрыми геніями для людей, которые любили ихъ и почитали.

Бѣлые шаманы и шаманки, по обычаю, ѣздили на бѣлыхъ коняхъ и въ бѣлой одеждѣ, въ знакъ чистоты и добра. Бѣлые шаманы и шаманки совершали только религіозные обряды—тайлганы разнымъ добрымъ западнымъ заянамъ, а чернымъ восточнымъ заянамъ не дѣлали никакихъ жертвоприношеній, не чествовали ихъ религіозными церемоніями. Послѣ появленія бѣлыхъ шамановъ и шаманокъ, человѣческія жертвоприношенія понемногу стали выводиться, и вмѣсто людей приносили въ жертву домашнихъ животныхъ.

Въ ээгэтэ-аба религіозныя жертвоприношенія дѣлали мясомъ убитыхъ звѣрей; пойманныхъ живыми, во время облавы, звѣрей иногда посвящали богамъ: на ухахъ дѣлали тавры и отпускали на волю.

Въ періодъ массоваго общиннаго скотоводства условія жизни измѣнились: главнымъ занятіемъ бурятъ сдѣлалось скотоводство, которое доставляло пищевые продукты—молоко и мясо. Благосостояніе бурятъ измѣрялось количествомъ скота и получаемыхъ отъ него молочныхъ продуктовъ.

Въ эту же пору, при разныхъ религіозныхъ обрядахъ, вошло въ употребленіе молоко, какъ главный пищевой продуктъ. Нерѣдко совершали религіозные обряды одною молочною пищею, а также жертвоприношенія (тайлганы) и другіе обряды покровительствующимъ добрымъ западнымъ тэнгриямъ, уһан-ханамъ и прочимъ добрымъ заянамъ. Восточнымъ же тэнгриямъ, чернымъ и злымъ заянамъ жертвоприношеній молочными продуктами не дѣлалось, что и до сихъ поръ сохранилось среди бурятъ.

Въ религіозныхъ обрядахъ—тайлганахъ, хураяхъ, посвященіяхъ шамановъ и другихъ обрядахъ молочная пища употреблялась слѣдующимъ образомъ: когда кончится „сасали барьха“ (возліянія) и заколютъ жертвенныхъ животныхъ, наступаетъ очередь молочной пищи, которою дѣлаютъ приношеніе богамъ, а затѣмъ ѣдятъ эту освященную молочную пищу; потомъ уже приступаютъ къ употребленію мяса жертвенныхъ животныхъ. Во время ээгэтэ-аба, повидимому, обряды раздѣлялись на двѣ части—сасали барьха и употребленіе мяса жертвенныхъ животныхъ, а во время общиннаго скотоводства совершались три cere-

моніи: первая состояла въ предварительныхъ дѣйствіяхъ и сасали барьха, вторая состояла изъ молочной трапезы, а въ концѣ ѣли мясо жертвенныхъ животныхъ.

Въ періодъ массоваго общиннаго скотоводства мало-по-малу вошло въ обыкновеніе совершать религіозные обряды разными домашними животными, которыхъ буряты тоже посвящали своимъ заянамъ, вмѣсто дикихъ звѣрей, какъ практиковалось во время всенародной зэгэтэ-аба ¹⁾).

Тогда же нѣкоторые общественные религіозные обряды—тайлганы и другіе начали совершать свѣтскіе начальники—һунши-ноёны; такимъ образомъ, они до нѣкоторой степени замѣняли собою главнаго жреца шамана-галши. Этотъ обычай сохранился до сихъ поръ: нынѣ нѣкоторые тайлганы и простые домашніе религіозные обряды совершаютъ свѣтскіе люди—опытные старики, хорошо знающіе ритуаль, а не шаманы, какъ дѣлалось прежде.

Постепенно общинное скотоводство разрасталось, такъ какъ оно увеличивалось не только путемъ приплода, но и путемъ угона скота у сосѣдей и обмѣна звѣриныхъ шкуръ на скоть. Такимъ образомъ, благодаря росту общиннаго скотоводства, число разнаго скота дошло до такихъ размѣровъ, что зимнихъ пастбищъ не хватало для прокормленія всей массы имѣвшагося скота въ одномъ мѣстѣ. Это обстоятельство вызвало необходимость раздѣлить общинный скоть на отдѣльныя части и прискивать для него особыя пастбища. Разумѣется, раздѣлъ этотъ долженъ былъ быть согласованъ съ требованіями родового быта, т.-е. общій табунъ былъ раздѣленъ между родовыми группами. Кромѣ невозможности пасти громадныя массы скота вмѣстѣ, явились и другія затрудненія въ веденіи общаго хозяйства цѣлымъ племенемъ. Мы уже упоминали, что при общинномъ или племенномъ скотоводствѣ ежедневно распределялась пища. Удовлетворить своевременно пищей цѣлое племя было крайне затруднительно. Кромѣ того, было донельзя трудно и даже невозможно при такомъ образѣ жизни избѣжать ежедневныхъ споровъ, нареканій и ссоръ. Все это вызвало необходимость разбиться на отдѣльныя группы вмѣсто племенной артели, удовлетворявшей потребностямъ всего народа,—разбиться на группы, по родамъ, выбирая удобныя, хотя не обширныя, пастбища. Считаю нужнымъ напомнить, что, несмотря на племенное хозяйство, каждый родъ составлялъ отдѣльную единицу. Браки внутри рода не допускались.

Поселившись на этихъ удобныхъ мѣстахъ, буряты занимались скотоводствомъ, звѣроловствомъ и рыболовствомъ, причемъ скотоводство было главнымъ занятіемъ, а звѣроловство и рыболовство служили только подсобнымъ промысломъ. Зэгэтэ-аба сохранилась и въ этомъ періодѣ, но она сильно измельчала, такъ какъ облава дѣлалась теперь однимъ родомъ. Впрочемъ, малочисленные роды, сознавая недостатокъ своихъ силъ для сбора самостоятельной облавы, входили въ соглашеніе съ другими родами и, такимъ путемъ, вмѣстѣ устраивали облаву, но это было только слабымъ намекомъ на всенародныя грандіозныя зэгэтэ-аба былыхъ временъ, съ цѣлой арміей обученныхъ и привычныхъ облавщиковъ.

Въ первое время эти маленькіе роды нападали другъ на друга, угоняли скоть и похищали женщинъ; вслѣдствіе этого, между маленькими родами возгоралась вражда, и дѣло нерѣдко доходило до вооруженныхъ столкновеній. Кромѣ того, иногда большіе роды обижали маленькіе, но противъ этого зла найдено было лѣкарство: между маленькими родами появились родовые союзы, и они общими силами защищались отъ большихъ и сильныхъ родовъ.

¹⁾ Посвященіе домашнихъ животныхъ богамъ сильно развито между всѣми шаманствующими племенами Азии. Посвященное животное носитъ у монголовъ названіе *сетертей*, у минусинскихъ татаръ *изыхъ*, у сойотовъ *идыхъ*.

Убѣдившись, что въ единеніи—сила, въ эти родовые союзы входили нѣкоторые большіе роды; такимъ образомъ, постепенно образовались родовые союзы и родовые суды, на которыхъ собирались представители отъ каждаго рода, судили провинившихся и мирили поссорившихся. Послѣ суда родовой сѣзды заканчивался увеселеніями и праздникомъ: устраивали стрѣльбу въ цѣль, борьбу, скачки и бѣга рысаковъ. Эти судебные сѣзды не всегда проходили гладко, и порой судъ оканчивался кровавыми драками и взаимными военными набѣгами. Остатки этихъ маленькихъ родовыхъ союзовъ и судовъ до сихъ поръ наблюдаются у бурятъ Иркутскаго и Верхоленскаго уѣздовъ, живущихъ по Якутскому тракту; у этихъ бурятъ до сихъ поръ существуетъ такъ называемый „hur харбаха“, по-русски—стрѣльба въ ремень ¹⁾ или стрѣльба въ мѣту ^{*)}.

Эта сохранившаяся кое-гдѣ стрѣльба цѣлыми обществами представляетъ собою остатокъ сѣдой старины. Такія упражненія въ стрѣльбѣ процвѣтали во время племенной зэгэтэ-аба, они удержались во время періода общенароднаго скотоводства и послѣ раздѣленія племени по родамъ. Въ памяти народа еще живы преданія о родовыхъ междоусобіяхъ, и народъ выразилъ свои взгляды на эти неурядицы въ слѣдующей весьма характерной поговоркѣ:

„Хуни шуһан хундэ,

Адуһани шуһан амтатай“,

по-русски:

Человѣческая кровь дорога, а

Кровь скота вкусна.

Хотя при скотоводствѣ зэгэтэ-аба имѣла уже только второстепенное значеніе, но забросить ее совершенно не рѣшались. Видя слабую продуктивность малочисленныхъ облавъ, родовичи пришли къ мысли соединить нѣсколько родовъ для охоты. Облавы этого періода уже можно приурочить къ извѣстнымъ мѣстностямъ: такъ, въ народныхъ сказаніяхъ упоминаются облавы Тайтуругская, Хэрмейская, Бодорегская, Бурягская, упоминаются и другія мѣстности, но рѣдко. Вообще, когда буряты обзавелись скотомъ, когда мало-помалу родовое скотоводство дробилось и приближалось къ семейному, облавы постепенно превращались въ развлеченіе, и сѣзжались на нихъ неохотно. Достойно замѣчанія, что въ преданіяхъ объ облавахъ этого періода не упоминается объ участіи шамановъ. О черныхъ шаманахъ, нѣкогда столь могущественныхъ, не могло быть и рѣчи. Они потеряли совершенно свое политическое значеніе, но религіозное осталось за ними. Отъ нихъ сторонились, какъ отъ слугъ враждебныхъ заяновъ и тэнгриевъ. Бѣлые же шаманы, безобидные служители западныхъ тэнгриевъ, не имѣли такого авторитета, какъ черные, такъ какъ они подчинились свѣтской родовой власти.

Черные шаманы и шаманки совершали иногда служеніе восточнымъ тэнгриямъ, но это дѣлалось рѣдко, такъ какъ сопряжено было съ серьезной опасностью для шамановъ, исполнителей этихъ обрядовъ. Если распространялся слухъ, что какіе-нибудь черные шаманы или шаманки „напускали на людей болѣзнь“ или „сѣзли у кого-нибудь душу“, то они подвергались суду народному, который въ этихъ случаяхъ рѣдко кого оправдывалъ, а обвиненнаго имъ подвергали страшной казни. Шамана или шаманку ставили внизъ головой въ нарочно вырытую яму, прижимая лицо къ землѣ, и засыпали землею для того, чтобы ни одна изъ душъ шамана или шаманки не вырвалась на волю и не получила возможности

¹⁾ Собственно не въ ремень, а въ сплетенные изъ ремешковъ цилиндрики, которые выставляютъ на извѣстномъ разстояніи (60 разъ взятая длина лука).

^{*)} См. мою статью: „Национальный праздникъ-стрѣльба у бурятъ“ въ „Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географ. Общ.“, томъ XI, № 3—4, 1880 г., стр. 30.

вредить людямъ. Въ этотъ періодъ черные шаманы и шаманки жили отъ общества бурятъ отдѣльно. Бѣлые шаманы и шаманки, какъ защитники и доброжелатели народа, жили въ средѣ бурятъ и пользовались уваженіемъ и любовью.

Маленькое родовое скотоводство размножилось черезъ приплодъ; кромѣ того, многіе родовые представители угоняли изъ Монголіи разный скотъ и пригоняли добычу домой; иногда пріобрѣтали скотъ изъ Монголіи черезъ обмѣнъ на звѣриныя шкуры. Такимъ образомъ, скотоводство увеличилось, и многія отдѣльныя лица уже имѣли свое собственное скотоводство; вслѣдствіе этого маленькое родовое скотоводство постепенно падало, такъ же какъ раньше подверглось измелечанію массовое общинное скотоводство. У cadaго отдѣльнаго домохозяина завелось свое личное или семейное скотоводство; это была уже въ полной мѣрѣ частная собственность.

Теперь уже буряты не такъ нуждались въ звѣриномъ мясѣ и кожахъ, какъ прежде, а потому не каждый выѣзжалъ на маленькую родовую эгэтэ-аба, и на нее собиралось мало народа; руководителями были свои мѣстные опытные охотники изъ родовыхъ представителей, имена которыхъ упоминаются въ народныхъ преданіяхъ, на примѣръ: сынъ Габаяхя Номошки, Шошки-мѳргѳн, Ёгсѳн-мѳргѳн, Идер-Нашин-Шитѳхэ, Энхэ-мѳргѳн и другіе. Въ честь ихъ пѣлись пѣсни, въ которыхъ хвалили ихъ, какъ мѣткихъ, славныхъ стрѣлковъ и предводителей.

Эти маленькія облавы, потерявшія свое экономическое значеніе, мало привлекали къ себѣ желающихъ. Съ разведеніемъ скотоводства, буряты мало по малу привыкали къ дому, къ удобствамъ. На облаву онъ выѣзжалъ только для развлечения. Рядомъ съ этимъ увеличилось число одиночныхъ охотниковъ, малыми артелями ходившихъ на промыселъ, главнымъ образомъ, за пушниной, которая дорого стала цѣниться русскими и требовалась въ ясакъ. Маленькія облавы существовали еще въ концѣ прошлаго столѣтія и преимущественно противъ волковъ. Въ этомъ сказался уже скотоводъ, а не охотникъ: онъ истреблялъ вредныхъ для стадъ животныхъ. Кромѣ того, весною устраивали такъ называемую „хашинха“ на козуль.

Въ эту пору при общественныхъ религіозныхъ обрядахъ—тайлганахъ и другихъ церемоніяхъ стали дѣлать жертвоприношенія исключительно домашними животными, въ которыхъ тогда не было недостатка.

Въ этотъ періодъ времени сильно развивались частные религіозные обряды отъ одного семейства, и каждый отдѣльный домохозяинъ старался завести своихъ собственныхъ онгоновъ, какъ это наблюдается у нынѣшнихъ бурятъ. Въ прежнее время одинъ цѣлый родъ имѣлъ общаго онгона, которому молились и совершали жертвоприношенія отъ цѣлаго общества домашними животными; такіе родовые онгоны теперь исчезли.

Когда буряты сдѣлались скотоводами и жили небольшими обществами на удобныхъ для скотоводства мѣстахъ, въ это время появились русскіе казаки.

—*—

Скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ облавы у бурятъ забайкальскихъ. Уже приведенное нами изъ Палласа описаніе облавы указываетъ на начавшееся разложеніе ея, и тамъ оно шло быстрѣе, чѣмъ у добайкальскихъ бурятъ. У послѣднихъ эгэтэ-аба вымерла, благодаря развитію хозяйственнаго быта, у забайкальцевъ же аба-хайдакъ имѣла еще другого сильнаго противника. Онъ былъ сильнѣе другихъ потому, что затрагивалъ нравственные мотивы бурятъ. Со временъ Екатерины II-ой въ Забайкальѣ началъ быстро развиваться буддизмъ, и ламы гремѣли въ своихъ проповѣдяхъ противъ истребленія одушевленныхъ существъ. Это, конечно, сильно смущало совѣсть буддиста.

Впрочемъ, облавы въ мизерныхъ размѣрахъ еще существовали въ Забайкальѣ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, благодаря поощренію этого занятія тайшой Жіаномъ Бодіевымъ.

— Ламамъ хорошо говорить о грѣхѣ убійства живыхъ существъ, но, вѣдь, такъ мы превратимся въ безпомощныхъ дѣтей, на случай нашествія врага не сможемъ оказать никакого противодѣйствія, а мы умѣли отбиваться отъ монголовъ, когда они еще не утратили своихъ воинственныхъ привычекъ. Да ужъ если нельзя убивать живыхъ существъ, то тогда не бейте домашняго скота. Это хуже, чѣмъ убить звѣря. Не всякій звѣрь убивается. Убить звѣря—случай, а мы растимъ скотъ и знаемъ, что растимъ его на убой.

Насколько повліяли эти сужденія на буряты—неизвѣстно, но, послѣ смерти Бодіева, объ облавахъ нѣтъ никакихъ слуховъ.

Впослѣдствіи явился у буряты новый способъ промысла—земледѣліе. Уже въ XVIII столѣтіи буряты доставляли по 10.000 четвертей ржи на продажу въ Иркутскъ. Овесъ въ Иркутскѣ получается, главнымъ образомъ, изъ Балаганскаго уѣзда, гдѣ имѣется значительное бурятское населеніе. Не всѣ буряты и теперь занимаются земледѣліемъ, но тамъ, гдѣ они воздѣлываютъ хлѣба,—воздѣлываютъ мастерски. У нихъ вездѣ, гдѣ только есть возможность, примѣняется искусственное орошеніе; рядомъ съ этимъ идетъ и удобреніе луговъ. Считать всѣхъ буряты кочевниками,—значитъ аттестовать свое полное незнаніе бурятскаго хозяйства. Кочеваніе практикуется только на сѣверѣ, гдѣ хлѣбъ не вырѣвается, и на югѣ, въ пограничныхъ съ Монголіей степяхъ.

Д. Клеменць.

М. Хангаловъ.

Этнографическія коллекціи изъ бывшихъ російско-американскихъ владѣній.

I.

Предметы, поступившіе изъ Царскосельскаго арсенала.

Лѣтомъ 1907 г. по Высочайшему повелѣнію изъ Царскосельскаго арсенала было передано въ Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея Императора Александра III цѣлое собраніе этнографическихъ предметовъ, значительная часть которыхъ (290 предм.) оказалась принадлежавшею населенію б. російско-американскихъ владѣній. Въ описи, при которой

были переданы эти предметы, какъ ихъ опредѣленіе, такъ и указанія ихъ происхожденія не отличаются, къ сожалѣнію, ни достаточной точностью, ни необходимой полнотой. Очень возможно предположеніе, что, при основаніи Царскосельскаго арсенала, въ это новое учрежденіе могли поступить, въ видѣ дублетовъ, нѣкоторые предметы изъ бывшей Кунсткамеры ¹⁾. Но происхожденіе такихъ предметовъ, представляющихъ особенную цѣнность по своей относительной древности, установить въ высшей степени трудно и если и возможно, то развѣ при помощи долгихъ архивныхъ разысканій. Что касается, затѣмъ, предметовъ изъ б. російско-американскихъ владѣній, поступившихъ непосредственно въ Царскосельскій арсеналъ, то относительно ихъ мы имѣемъ только одно вполнѣ опредѣленное, хотя и очень неполное указаніе на стр. 220-й I-го т. Каталога Царскосельскаго арсенала, изданнаго или, лучше сказать, перепечатаннаго въ 1840 г. ²⁾, гдѣ, подъ рубрикой „Оружіе и вещи американскія“, послѣ № 25-го мы находимъ примѣчаніе: „Оружіе и вещи начиная отъ № 1 до 25 подарены Ея Величествомъ Императрицей Маріей Ѳеодоровной 6-го ноября 1825 г.“ Относительно болѣе позднихъ поступленій намъ удалось узнать, что нѣкоторая часть поступившихъ къ намъ изъ Царскосельскаго арсенала коллекцій была собрана и доставлена г. Тебеньковымъ, бывшимъ главнымъ правителемъ русскихъ колоній въ Америкѣ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что большинство предметовъ нашей коллекціи было собрано въ началѣ и, во всякомъ случаѣ, не позже первой половины прошлаго столѣтія, т.-е. почти около столѣтія тому назадъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія поступленія сѣверо-американскихъ предметовъ въ Царскосельскій арсеналъ или вовсе прекратились или были уже чрезвычайно рѣдки. Въ замѣткахъ, писанныхъ въ 1842—1844 гг. ³⁾, Загоскинъ говоритъ уже, что „не прошло еще десяти лѣтъ, какъ туземцы оставили каменные топоры, пеколки, палочки для добыванія огня, костяныя иглы и многіе другіе предметы, замѣнивъ ихъ европейскими“. Тотъ же авторъ въ началѣ своего труда замѣчаетъ, что „въ главнѣйшихъ нашихъ заселеніяхъ, въ колоніяхъ... типъ народности сглаженъ. Алеуты ходятъ въ курткахъ и сюртукахъ, жены ихъ и дочери въ ситцевыхъ платьяхъ и камлеяхъ, т.-е. длинныхъ тиковыхъ или китайчатыхъ рубашкахъ“ ⁴⁾. Путешественники шестидесятихъ годовъ, какъ Whytper ⁵⁾, и новѣйшихъ временъ, какъ члены Гаррименовской экспедиціи ⁶⁾ (1899 г.), свидѣтельствуютъ уже о полномъ упадкѣ этнографической самобытности б. російско-американскихъ владѣній, превратившихся теперь, съ чисто-американской быстротой, въ почти совершенно культурную страну.

Эти послѣднія обстоятельства, вмѣстѣ съ крайней рѣдкостью предметовъ изъ б. російско-американскихъ владѣній въ этнографическихъ музеяхъ Зап. Европы и даже Америки, побуждаютъ насъ не медлить съ изданіемъ нашей сравнительно очень богатой коллекціи,

¹⁾ Въ извѣстномъ сочиненіи Бѣляева „Кабинетъ Петра Великаго“ (Спб. 1800), въ отд. II, мы находимъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: „Въ 1775 приобрѣтены съ Курильскихъ о-вовъ разныя вещи, состоящія въ платьѣ, въ различномъ оружіи, въ домашнемъ скарбѣ сихъ народовъ“ (стр. 12, 13). „Въ 1780 г. по Высочайшему повелѣнію доставлены въ Кунсткамеру разныя привезенныя съ Камчатки маіоромъ Бемомъ вещи и одѣянія разныхъ американскихъ народовъ“ (стр. 13). „Въ 1782 г. присланы въ Кунсткамеру отъ Его Сіят. кн. Алекс. Ал. Вяземскаго разныя вещи, собранныя славнымъ путешественникомъ г. Кукомъ въ Чукотской землѣ и въ разныхъ о-вахъ, между Азіей и Америкой лежащихъ“ (стр. 14). „Въ 1794 г. прислано знатное количество одѣяній и прочихъ разнородныхъ любопытныхъ вещей, собранныхъ капит. Биллингсомъ (вѣрнѣе, Сарычевымъ) въ разныхъ островахъ Америки“ (стр. 17).

²⁾ Каталогъ рѣдкаго стариннаго и восточнаго оружія, хранящагося въ Собственномъ Е. И. В. Арсеналѣ въ Царскомъ Селѣ. Спб. 1840.

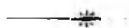
³⁾ Загоскинъ. Пешеходная опись части русскихъ владѣній въ Америкѣ. Спб. 1847, II, 179.

⁴⁾ Ibid. I, 13.

⁵⁾ Whytper. Alaska. Braunsch. 1869.

⁶⁾ Harriman Alaska Expedition. Alaska. New-York. 1901.

до сихъ поръ вполнѣ недоступной для публики и для научныхъ работъ и уступающей, по количеству и древности предметовъ, развѣ только знаменитой коллекціи Музея Антропологии и Этнографіи Императорской Академіи Наукъ. Благопріятное стеченіе обстоятельствъ позволило Этнографическому Отдѣлу, путемъ обмѣна, прибавить, въ прошломъ году, къ описываемой нами царскосельской коллекціи еще одно довольно обширное и очень интересное собраніе предметовъ тоже изъ б. російско-американскихъ владѣній, уступленное Отдѣлу кievскимъ университетомъ св. Владиміра, гдѣ оно, въ теченіе многихъ лѣтъ, пребывало въ полномъ забвеніи, находясь въ Кабинетѣ Древностей. По счастливому совпаденію, коллекція кievскаго университета почти не заключаетъ въ себѣ дублетовъ царскосельской, а замѣчательнымъ образомъ дополняетъ ея недостатки. Эту вторую коллекцію мы надѣемся описать въ слѣдующей книгѣ нашего изданія.

Населеніе б. російско-американскихъ владѣній состояло изъ четырехъ этнически различныхъ элементовъ: *эскимосовъ, алеутовъ, кенайцевъ и колошей или тлинкитовъ.*

Эскимосы или инуиты, различныя племена которыхъ живутъ по побережью и островамъ Берингова пролива (*малемуты, кинугмуты или коняги, кавиагмуты, уналигмуты, нунивагмуты* и пр.), а также по теченію рѣкъ: Нутока (Nootok-river), Юкона, Кускоквима и пр. (*кунатагмуты, квихпахцы, кускоквимцы, чугачи* и др.), принадлежатъ къ большой группѣ, населяющей все побережье Ледовитаго Океана отъ СВ Гренландіи почти до истоковъ Мѣдной рѣки (Copper-river) и перебросившейся даже черезъ Беринговъ проливъ на крайній сѣверъ Восточной Азіи. Группа, первоначально жившая южнѣе (родиной ея Rinkъ считаетъ югъ Аляски) и потомъ, подъ натискомъ болѣе южныхъ американскихъ народовъ (можетъ-быть, тлинкитовъ и кенайцевъ), передвинувшаяся на сѣверъ, характеризуется длинноголовостью, небольшимъ ростомъ, желто-темноватымъ цвѣтомъ кожи, черными, прямыми и жесткими волосами, темными глазами и нѣсколько монголоиднымъ складомъ лица и представляетъ собой черты угорской (ougrienne) и американскихъ расъ. Этнографически эскимосы б. російско-американскихъ владѣній отличаются своей одеждой (главнымъ образомъ, изъ звѣриныхъ шкуръ), преимущественнымъ употребленіемъ лука и стрѣлъ и большой склонностью къ скульптурѣ и рисунку на моржовой и мамонтовой кости, а также сравнительно мирнымъ характеромъ, благодаря которому они относительно легко подчинились русскимъ промышленникамъ и авантюристамъ.

Алеуты, населявшіе почти весь полуостровъ Аляску и Алеутскіе острова до острова Атту включительно ¹⁾, по своему брахицефальному этническому типу и другимъ признакамъ, значительно отличаются отъ эскимосовъ, хотя и говорятъ на одномъ изъ идиомовъ ихъ языка, а потому большинствомъ авторовъ и причисляются къ группѣ эскимосовъ. Если принять предположеніе Rink'a о происхожденіи эскимосовъ изъ южной Аляски, то смѣшеніе ихъ съ брахицефальными индійцами и могло образовать племя алеутовъ, этнографическія особенности которыхъ имѣютъ извѣстную долю сходства какъ съ тѣми, такъ и съ другими (особенно тлинкитами). Съ начала прошлаго столѣтія алеуты подверглись сильной метисаціи съ русскими, которые имѣли также большое вліяніе и на измѣненіе этнографическаго типа населенія Алеутскихъ острововъ.

¹⁾ На нашей картѣ, составленной на основаніи картъ Bancroft'a, Nelson'a, Niblack'a и русскихъ путешественниковъ, мы отмѣтили распространеніе алеутовъ такъ, какъ оно было во время господства русскихъ; съ тѣхъ поръ произошли извѣстные измѣненія, значительно сократившія какъ численность этого племени (теперь около 2.000 чел.), такъ и занимаемое ими пространство (см. Harriman Exped. Alaska, t. I, p. 168—169).

Кенайцы или, по Загоскину, **ттынайцы**, представляющие наиболее западное племя большой группы так называемых „краснокожих“ индейцев, известных в науку под общим именем атабасковъ, живущей по верхнему течению Юкона и Мекэнзи, занимают Кенайский полуостровъ и доходят до устьевъ Мѣдной рѣки. Этнографически они имѣют довольно много общаго съ эскимосами и алеутами, но значительно отличаются покроємъ одежды, орнаментацией и пр.

Колюжи, колюши, колоши или **тлинкиты** принадлежатъ къ группѣ сѣверо-американскихъ индейцевъ западнаго побережья и тянутся вдоль береговъ отъ мыса св. Иліи къ югу до Британской Колумбіи, занимая, главнымъ образомъ, многочисленные скалистые

Рис. 1.

Рис. 2.

острова сильно изрѣзаннаго побережья. Какъ племя чрезвычайно воинственное, они сохранили болѣе другихъ племенъ свою независимость отъ русскихъ и, въ значительной степени, удержали даже и до сихъ поръ, несмотря на вліяніе русской и особенно американской культуры, свои этнографическія особенности, заключающіяся въ богатствѣ скульптурныхъ и графическихъ изображеній—главнымъ образомъ, тотемическаго и мифологическаго содержанія—на камнѣ, деревѣ и кожѣ, большихъ общественныхъ постройкахъ, въ затѣйливо расписанныхъ стилизованными фигурами плащахъ изъ ткани, въ выдѣлкѣ и употребленіи долбленыхъ изъ дерева лодокъ, металлическихъ кинжаловъ, масокъ въ видѣ разныхъ животныхъ, чудовищъ и т. п. и въ губныхъ украшеніяхъ (калуги, калюжки, колюши), по которымъ они и получили ихъ русское имя.

Несмотря на разницу происхожденія и на этническія особенности этихъ племенъ, составлявшихъ населеніе б. російско-американскихъ владѣній, въ ихъ этнографической обстановкѣ

новкѣ есть довольно много общаго, благодаря, вѣроятно, не только близкому сосѣдству, но и довольно оживленнымъ сношеніямъ. У тлинкитовъ часто встрѣчаются луки и стрѣлы болѣе сѣверныхъ племенъ, тогда какъ у послѣднихъ нерѣдки мѣдные и особенно стальные кинжалы колошской работы и т. п. Довольно много общаго также въ употребленіи одежды изъ тюленьихъ кишекъ и рыбьей кожи, охотничьихъ шляпъ, масокъ и разнаго рода украшеній, а также и въ орудіяхъ охоты и повседневной жизни. Общность эта зависитъ, кромѣ извѣстнаго этническаго родства, больше всего отъ одинаковыхъ условій жизни, добыванія пищи и т. п. Въ виду всего этого, а также въ виду не особенной многочисленности предметовъ изъ Царскосельскаго арсенала, врядъ-ли достаточныхъ, чтобы охарактеризовать этнографически каждую изъ группъ населенія б. російско-американскихъ владѣній, и, наконецъ, въ виду трудности точно опредѣлить, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ихъ принадлежность, мы рассмотримъ эти предметы въ порядкѣ типологической классификаціи, съ упоминаніемъ, разумѣется, о принадлежности ихъ тому или другому изъ названныхъ племенъ. Изъ предметовъ, находящихся въ нашей коллекціи въ большомъ количествѣ и отличающихся другъ отъ друга только частностями, какъ, напр., стрѣлы, гарпуны и пр., мы опишемъ только наиболѣе характерные.

1. Оружіе и орудія.

а) Каменные топоры.

Топорище изъ рога сѣвернаго оленя, № 1298—23 (рис. 1), 65 см. дл. и около 4 см. въ діам., слегка изогнутое въ оси отростка; по длинѣ его съ каждой изъ четырехъ сторонъ сдѣлано по рѣзной полоскѣ изъ зигзагообразной линіи; отростокъ (11 см. длины) съ углубленіемъ для вставки каменнаго топора, къ сожалѣнію, утеряннаго, орнаментированъ съ одной стороны двумя продольными полосками изъ пересѣкающихся черточекъ и пятью поперечными изъ параллельныхъ, а съ другой стороны—четырьмя косвенными полосками. Рукоятка обшита темной кожей на 17 см. въ длину и на концѣ имѣетъ маленькую кисточку изъ ремешковъ. Значительная тяжесть такого костяного топорича дѣлала это орудіе очень пригоднымъ и опаснымъ. Совершенно подобное этому орудіе изъ лосьяго (?) рога съ полуострова Аляски описано у Niblack'a ¹⁾ подъ именемъ *slave-killer's*, съ поясненіемъ, что оно служило для убиванія рабовъ при закладкѣ новаго жилья и при погребеніи или поминкахъ ихъ хозяевъ или вообще значительныхъ лицъ. Объ этого рода обычаяхъ рассказываютъ довольно подробно и почти всѣ русскіе путешественники: Хвостовъ и Давыдовъ ²⁾, Лисянскій ³⁾, Веніаминовъ ⁴⁾, не упоминая, впрочемъ, объ употребленіи для этого какого-нибудь спеціального оружія. Вѣроятно же всего, для убиванія „калгъ“, т.-е. рабовъ, какъ ритуальнаго обычая, служило сначала обыкновенное оружіе, а потомъ—послѣ замѣны прежняго оружія новымъ, металлическимъ—для ритуальныхъ цѣлей, какъ это бываетъ обыкновенно у всѣхъ народовъ, употребляли только старинные, т.-е. каменные топоры, сдѣлавшіеся, такимъ образомъ, ритуальными и хранившіеся именно для ритуальныхъ цѣлей.

Каменный топоръ съ поперечнымъ остриемъ, кирка, *pick-shaped adze*, № 1266—69 (рис. 2, а, в и с). Самый топоръ (20 см. длины, 8 см. шир. и около 4-хъ см. толщ.) сдѣланъ изъ кварцеваго діорита (?) въ видѣ полусегмента круга съ желобкомъ на верхней выпуклой его

¹⁾ Niblack, A. P. The coast Indians of southern Alaska and northern British Columbia (Rep. of. the U. S. Nat. Mus. 1881—1887). Washingt. 1890, p. 275. Pl. XLVI, fig. 260.

²⁾ Хвостовъ и Давыдовъ. Двукратное путешествіе въ Америку. Спб. 1812, II, стр. 86.

³⁾ Лисянскій. Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803—1806 гг. Спб. 1812, II, стр. 79.

⁴⁾ Веніаминовъ, О. I. Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла. Спб. 1840, III, стр. 105.

части; острый конецъ его съ нижней стороны отшлифованъ для образованія правильного поперечнаго острія. Вставленъ онъ въ деревянную рукоятку, въ видѣ буквы Т, изъ цѣльнаго дерева, съ углубленіемъ на верхней части, въ которое входитъ нижняя часть топора; топоръ привязанъ къ топорису сыромятнымъ ремнемъ, охватывающимъ желобокъ орудія и оба плеча рукоятки. Топорище (52 см. дл. и около 4 см. въ діам.) съ двухъ сторонъ выкрашено въ черный цвѣтъ, а на оставшихся незакрашенными полоскахъ сдѣланы рядки круглыхъ черныхъ пятенъ. Одинъ изъ верхнихъ концовъ поперечной части его, противоположный острію топора, нѣсколько удлиненъ и уплощенъ въ горизонтальной, по отношенію къ топору, плоскости, и на двухъ его сторонахъ, верхней и нижней, вырѣзаны рельефомъ человѣческія лица съ изображеніемъ татуировки, сдѣланнымъ черной краской.

Рис. 3.

Рис. 2, в представляетъ топоръ сверху въ увеличенномъ вдвое размѣрѣ. Рис. 2, с изображаетъ заднюю половину нижней части топориса въ еще большемъ размѣрѣ. Похожіе топоры, но безъ всякихъ украшеній, изображены у Niblack'a (Pl. XXIII, fig. 90 и 91) и описаны очень кратко на стр. 279. Встрѣчаются у тлинкитовъ и на полуостровѣ Аляскѣ.

б) Копья съ каменными остріями.

По словамъ Нельсона, встрѣчаются только какъ на азіатскомъ, такъ и на американскомъ берегахъ Берингова пролива. Они состоятъ изъ древка отъ 6 до 7 футовъ длины съ листовиднымъ, нѣсколько округленнымъ, остріемъ изъ кремня, нефрита или другого твердаго камня, прикрѣпленнымъ къ древку при помощи ремня изъ сырой кожи или шнура изъ ивовыхъ корней ¹⁾. Употребляются на войнѣ или при охотѣ на медвѣдя для окончательнаго пораженія уже раненаго, но не убитаго стрѣлою звѣря ²⁾.

Копье съ каменнымъ остріемъ, № 1267—80 (рис. 3, а), на овальномъ въ разрѣзѣ древкѣ (3×4 см. въ діам.), большая часть котораго отрѣзана. Остріе изъ кремнистаго сланца ³⁾, въ своей видной изъ-подъ вставки (emmanchement) части 11 см. дл. и 6,5 см. наибольшей ширины, по формѣ напоминаетъ палеолитическія острія типа Мустье: верхняя плоскость его оббита нѣсколькими ударами съ старательно ретушированными краями, нижняя—плоска, съ легкой выпуклостью; судя по горбинкѣ, замѣтной изъ-подъ вставки и видной на нашемъ рисункѣ, а также по изображеніямъ, приведеннымъ у Нельсона (Pl. LVI, а), надо думать, что это остріе имѣетъ довольно длинную пятку (talon), за которую оно и прикрѣплено къ древку. Конецъ древка на сторонѣ, соотвѣтствующей плоской поверхности острія, нѣсколько удлиненъ и закругленъ, а на противоположной—стесанъ для помѣщенія основанія острія, укрѣпленнаго съ помощью кишечныхъ шнурковъ, прикрытыхъ сверху полоской китоваго уса (2 см. шир.), обернутой вокругъ вставки нѣсколько разъ и кон-

¹⁾ Nelson, E. W. The Eskimo about Bering Strait (Rep. of Bureau of Ethnology, Washingt. 1899), p. 145.

²⁾ Хвостовъ и Давыдовъ, *op. cit.* II, стр. 162.

³⁾ Опредѣленія горныхъ породъ принадлежатъ проф. К. И. Богдановичу, котораго мы покорнѣйше просимъ принять нашу живѣйшую благодарность.

цами вѣзанной въ древко. Употреблялось, вѣроятно, при охотѣ на моржей и медвѣдей ¹⁾. Похожее на это копье, съ береговъ Нортонъ-зунда, описано и изображено у Нельсона ²⁾. Въ еще большей степени конецъ нашего копья напоминаетъ, по наружному виду, старинный охотничій ножъ изъ Hotham'ской бухты, описанный тѣмъ же авторомъ ³⁾, но это послѣднее орудіе имѣетъ очень короткую рукоятку, и каменное остріе прикрѣплено къ ней ремнемъ изъ сырой кожи.

Копье съ кремневымъ остріемъ изъ залива Коцебу, № 1267—71 (рис. 3, b). Остріе— листовидное, удлинненное, коричневаго кремня и очень тщательной отдѣлки, 7 стм. длины и 3,5 стм. шир.; насажено на древко 164 стм. дл. и 2,25 стм. въ діам. и прикрѣплено къ нему скрученными жильными шнурками. Рисунокъ и описаніе подобнаго копья мы находимъ у Нельсона ⁴⁾.

Копье съ плоскимъ листовиднымъ остріемъ, очевидно, тоже эскимосское, № 1266—70 (рис. 3, c). Остріе изъ шифернаго сланца, 24 стм. дл., развито съ задней стороны и вставлено въ расколотый конецъ нѣсколько сѣуженнаго въ этомъ мѣстѣ древка, большая часть котораго на нашемъ экземплярѣ отрѣзана. Мѣсто вставки обвито очень плотно полоской китоваго уса. Подобныя орудія и съ такими же вставками описаны у Нельсона ⁵⁾.

с) Копья съ костяными остріями.

По Нельсону, встрѣчаются на берегу Norton-Sound'a, на островѣ Нунивакѣ и южнѣе, а, затѣмъ, въ гористыхъ мѣстностяхъ, между рѣками Юкономъ и Кускоквимомъ. Они бываютъ отъ 4 до 4½ ф. длины и на одномъ концѣ древка имѣютъ длинный моржовый бивень отъ 20 до 24 дюйм. длины, на другомъ же концѣ—головку изъ китовой кости съ углубленіемъ, въ которое входитъ основаніе подвижнаго костяного острія, прикрѣпленнаго къ древку длиннымъ шнуркомъ изъ жилъ ⁶⁾. Такимъ образомъ, орудія эти представляютъ собой вмѣстѣ и копье и гарпунъ. Въ нашей коллекціи имѣется только одно орудіе этого рода.

Копье-гарпунъ, № 1267—70 (рис. 6, b). Состоитъ изъ деревяннаго древка 79 стм. дл. и 5 стм. въ діам., которое однимъ концомъ, нѣсколько сѣуженнымъ, входитъ въ прорѣзъ длиннаго моржоваго бивня (70 стм. дл.), образующаго собою остріе копья. Бивень этотъ прикрѣпленъ къ древку при помощи сплетеннаго изъ сухожилій шнурка. На вогнутой сторонѣ его сдѣланъ прорѣзъ, не доходящій до остраго конца только на 3 стм. и служащій для вытеканія крови изъ раны и прохода въ нее воздуха при ударѣ. На противоположномъ концѣ древка, при помощи плетеной жильной тесьмы, прикрѣплена головка изъ моржовой кости (11 стм. длины и 5 стм. въ діам.) съ выемкой снизу (шейкой). Въ углубленіе, на концѣ этой головки, вставлялось (утерянное теперь) костяное остріе гарпуна. По исключительной длинѣ бивня и по тщательности отдѣлки, орудіе это представляетъ собой замѣчательный экземпляръ.

д) Копья съ желѣзнымъ остріемъ ножевидной формы (пальмы).

Какъ по наружному виду, такъ и по имѣющимся свѣдѣніямъ, находимыя въ Америкѣ орудія этого рода должны быть азіатскаго и именно якутско-чукотскаго происхожденія. Загоскинъ, говоря о кенайцахъ, что они „постоянно, и даже при домашнихъ отлучкахъ въ

¹⁾ Хвостовъ и Давыдовъ, *op. cit.* II, стр. 162 и 185.

²⁾ Nelson, *op. cit.*, p. 147, Pl. LVII a, fig. 22.

³⁾ *Ibid.*, p. 171, Pl. XLVII, fig. 2.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 146, Pl. LVII a, fig. 18 и 19.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 147, Pl. LVII a, fig. 24.

⁶⁾ *Ibid.*, p. 146, Pl. LVII a, fig. 1 и 2.

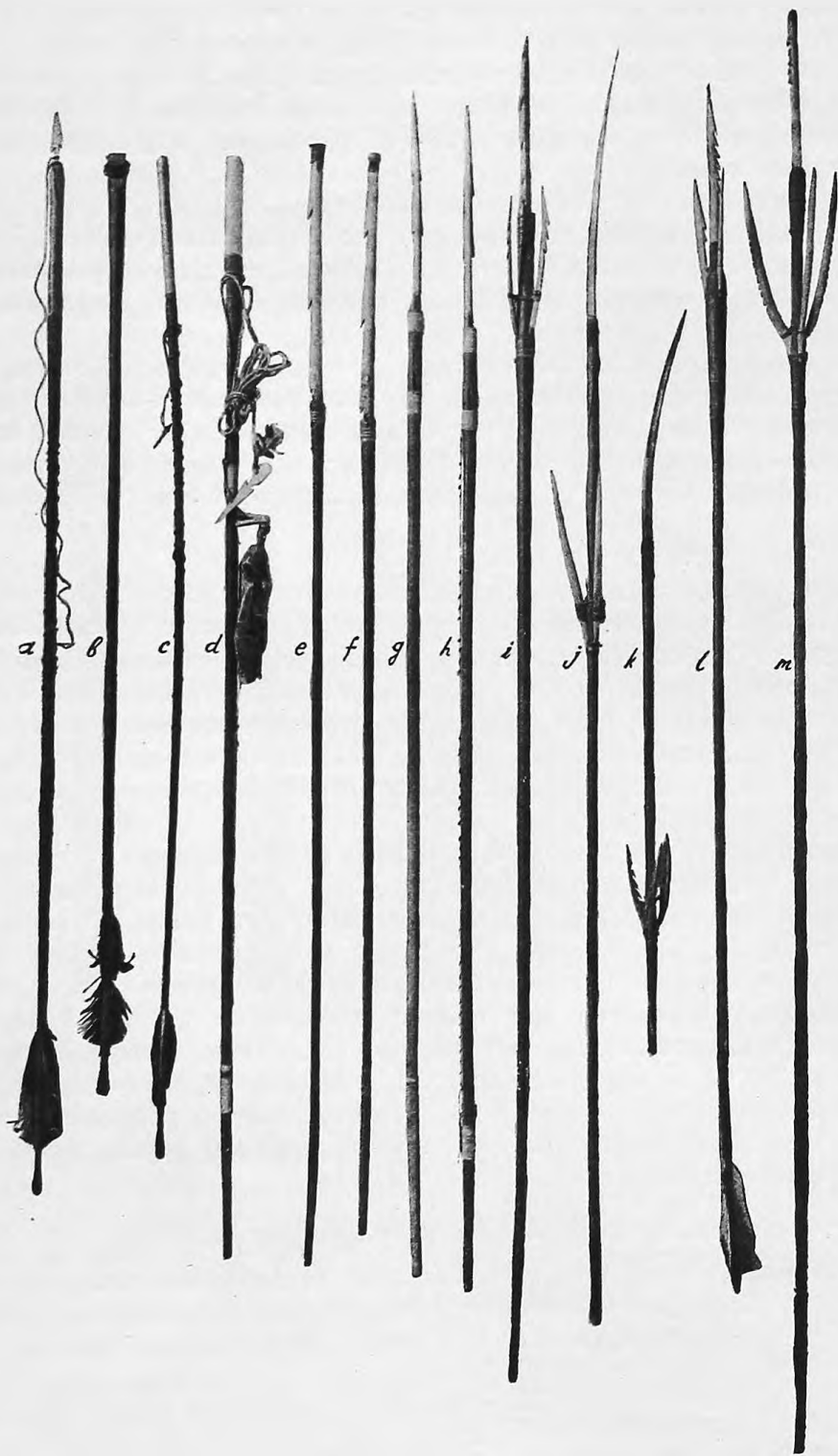

Рис. 4.

лѣсъ или по осмотру мордѣ, носятъ съ собою копыя, т.-е. пальмы, насаженныя на древки четырехъ футъ длины“, прибавляетъ, что „пальмы эти, или якутской работы копыя, получаютъ отъ чукчей“. Чукчи же, какъ извѣстно, ежегодно переѣзжаютъ черезъ Беринговъ проливъ и ведутъ торговыя сношенія съ эскимосами ¹⁾. Въ нашей коллекціи есть три экземпляра пальмъ:

Пальма № 1267 — 133 (рис. 22, а), древко деревянное, оклеенное березовой корой, 125 см. дл. и 5 см. наиб. ширины. Лезвіе имѣетъ видъ ножа съ однимъ острымъ краемъ и заостреннымъ концомъ, дл. 40 см., наиб. шир. 5 см. Общая длина орудія 165 см.

Пальма № 1267—132 (рис. 22, б) нѣсколько короче предыдущей (161 см.) и съ болѣе короткимъ ножомъ (33 см. дл. и 5 см. шир.).

Пальма № 1267—134 (рис. 22, в) длиной и способомъ отдѣлки вполне сходна съ предыдущими, но отличается значительно болѣе длиннымъ и узкимъ ножомъ (65 см. дл. и 4,5 см. шир.) и формой его расширенія посрединѣ, дающей острому краю видъ тупого угла. Основаніе ножа прикрѣплено къ древку сыромятнымъ ремнемъ. Задній конецъ древка вырѣзанъ въ видѣ штифтика, на который, вѣроятно, насажена была костяная головка.

е) Кинжалы.

Кинжалы представляютъ собою оружіе почти исключительно тлинкитовъ и, если встрѣчаются у другихъ племенъ, то почти всегда колошскаго происхожденія. Первоначально кинжалы у тлинкитовъ дѣлались изъ камня или кости и только позже, когда тлинкиты начали обмѣнивать мѣдь у туземцевъ Мѣдной рѣки, у нихъ появились мѣдные кинжалы, которые потомъ, подъ влияніемъ бѣлыхъ, замѣнены были стальными. Царскосельскій арсеналь доставилъ намъ три экземпляра этого рода оружія:

Кинжалъ желѣзный, листовидной формы, № 1298—1 (табл. VII, фиг. d). Клинокъ 14 см. длины, съ одной стороны слегка вогнутъ, а съ другой—выпуклый, съ плоской треугольной площадкой посрединѣ. Рукоятка обложена двумя полосками китоваго уса и обмотана ремешкомъ. Часть ея, прилегающая къ основанію клинка, покрыта рѣзьбой и инкрустаціей.

Кинжалъ желѣзный, двойной (double bladed dagger), № 1298—4 (табл. VII, фиг. е), листовидной формы, состоитъ изъ треугольнаго клинка (26 см. дл. и 4,5 см. въ основаніи) о трехъ вогнутыхъ плоскостяхъ сверху и одной слегка выпуклой—снизу, перехвата, образующаго ручку (9 см. дл.) и обмотаннаго ремнемъ, и головки, представляющей собой какъ бы второй, болѣе чѣмъ вдвое укороченный клинокъ (11 см. дл.), верхняя часть котораго на нашей фотографіи прикрыта деревяннымъ чехломъ. Нижняя часть головки расширена и представляетъ стилизованное подобіе лица съ 2 сквозными отверстіями, въ видѣ глазъ. Очень похожій на этотъ кинжалъ изображенъ у Niblack'a (Pl. XXV, fig. 107).

Кинжалъ желѣзный, двойной, № 1298—2 (табл. VII, фиг. с въ ножнахъ), той же формы, что и предыдущій, съ той разницей, что головка его рукоятки, образующая какъ бы второй клинокъ,—совершенно простая, безъ всякихъ изображеній. Общая длина 54 см. Перехватъ, образующій рукоятку, обмотанъ плетенымъ сухожильнымъ шнуркомъ. Ножны этого кинжала—кожаныя, по краямъ и спереди обшиты ремешками, обмотанными цвѣтными полосками изъ иглъ дикобраза; вверху—нашивка изъ кожи, съ нарисованнымъ глазнымъ орнаментомъ, подъ которою выплетенъ геометрическій узоръ (chevrons) изъ окрашенныхъ въ разные цвѣта полосокъ, выкроенныхъ изъ иглъ дикобраза. Внизу пришита длинная бахрома изъ ремешковъ. Къ ножнамъ двумя концами прикрѣпленъ длинный, около 1 м., ремень, украшенный рядомъ концентрическихъ кружковъ. Въ соч. Niblack'a мы находимъ

¹⁾ Загоскинъ, *op. cit.*, стр. 66 и 67.

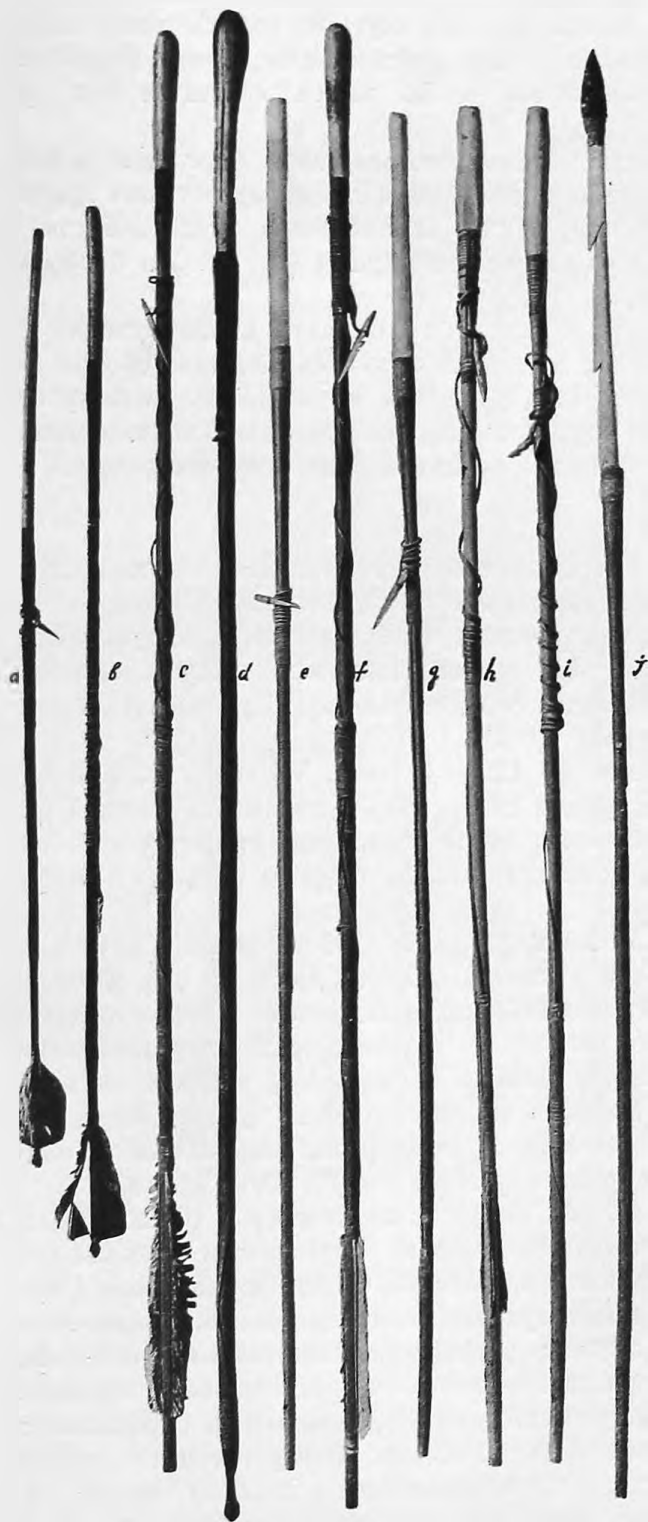

Рис. 5.

позаимствованное имъ у Dixon'a изображеніе совершенно подобнаго стариннаго кинжала (Pl. XXVII, fig. 117), сдѣланнаго изъ мѣди. Такимъ образомъ, наше орудіе можно считать воспроизведеніемъ одной изъ самыхъ старинныхъ формъ.

f) Метательныя копья или дротики.

Въ эту рубрику мы относимъ орудія съ неподвижно укрѣпленнымъ остриемъ, бросаемаыя съ помощью метательныхъ дощечекъ, т.-е. настоящіе дротики (javelots). Настоящіе дротики въ б. російско-американскихъ владѣніяхъ очень рѣдки и употреблялись, вѣроятно, для военныхъ цѣлей, но больше всего для охоты на оленей; они отличаются болѣе значительной длиной. По описанію Сарычева, „они бывають длиною въ 4 фута“ и служатъ „для нападенія на людей и большихъ звѣрей“. „Въ передній ихъ конецъ вставляютъ сдѣланный наподобіе копьеца кусокъ лавы (обсидіана) длиною въ $1\frac{1}{2}$, шириною въ $\frac{3}{4}$ дюйма“ ¹⁾. По большей части, острія ихъ бывають кремневая, иногда же — изъ кости съ небольшими зазубринами (рис. 8, фиг. g) или изъ китоваго уса (рис. 8, фиг. d).

Дротикъ съ костяной надставкой и кремневымъ остриемъ, № 1266—52 (рис. 5, j), 138 см. дл., состоитъ изъ древка (99 см. дл. и 1,5 см. въ діаметрѣ), выкрашеннаго красной краской и къ переднему концу нѣсколько утолщеннаго (2,5 см. въ діам.), наконечника изъ моржовой кости (32 см. дл.) съ тремя зазубринами на одной только сторонѣ и кремневаго острія (7 см. дл.). Такой наконечникъ съ остриемъ изображенъ у насъ отдѣльно на рис. 7. Къ этому же роду оружія относятся и дротики №№ 1266—53 и 1266—54, изображенныя у насъ на рис. 4 подъ буквами e и f (острія утеряны).

¹⁾ Сарычевъ. Путешествіе. Спб. 1802, II, стр. 160.

g) *Метательныя копья для охоты на птицъ.*

Орудія эти, бросаемыя почти всегда съ помощью метательной дощечки, почти вполне аналогичны съ *шатиной* чукчей ¹⁾ и другихъ инородцевъ сѣв.-вост. Сибири, но отличаются гораздо большею примитивностью, такъ какъ въ составъ ихъ вовсе не входитъ желѣзо. Они состоятъ изъ довольно длиннаго древка, къ которому прикрѣплены на переднемъ концѣ или ближе къ заднему по 3 или 4 расходящихся острія, имѣющихъ цѣлью захватывать летящихъ или, чаще, плавающихъ стадомъ на водѣ птицъ (гусей или утокъ) за шею или за крыло. Охота на водяныхъ птицъ производится, главнымъ образомъ, когда онѣ линяютъ, а поэтому не могутъ летать ²⁾. По числу и расположенію зазубренныхъ острій, эти американскія шатины могутъ быть раздѣлены на 3 категоріи: 1) съ тремя, рѣдко 4-мя, костяными остріями, вставленными и привязанными къ концу древка, такъ что они расходятся концами наподобіе грубой метлы; 2) съ однимъ прямымъ костянымъ остриемъ, вставленнымъ въ конецъ древка въ оси его, и обыкновенно 3-мя костяными же зазубренными остріями, прикрѣпленными въ косвенномъ положеніи или возлѣ основанія центрального острія, или немного позади его, и 3) съ однимъ прямымъ остриемъ, заканчивающимъ древко, и 3-мя поставленными косо и прикрѣпленными или посрединѣ, или ближе къ заднему концу древка. Орудій первой категоріи въ царскосельской коллекціи нѣтъ ни одного. Изъ орудій второй категоріи отмѣтимъ:

Метательное копье для охоты на птицъ ³⁾, № 1266—2 (рис. 6, к), 138 стм. дл. Древко (114 стм. дл. и около 1,5 стм. въ діам.) окрашено въ красный цвѣтъ, на переднемъ концѣ утолщено и къ нему прикрѣплено одно длинное (24 стм. дл.) острие изъ моржовой кости, въ оси древка съ четырьмя парами зазубринъ, и три болѣе короткихъ (15 стм. дл.), съ тремя зазубринами каждое подъ угломъ къ нему. На противоположномъ (заднемъ) концѣ укрѣплены, при помощи тонкихъ жильныхъ нитокъ, три половины опахала орлиныхъ перьевъ.

Метательное копье для охоты на птицъ, № 1266—1 (рис. 6, л), подобное предыдущему; древко окрашено въ черный цвѣтъ, длинное острие съ 7 зазубринами.

То же, № 1266—3 (рис. 6, j), дл. 146 стм. (древко 118, центр. острие 28 стм.); основанія всѣхъ костяныхъ острій окрашены въ красный цвѣтъ.

То же, № 1266—5 (рис. 4, l), 145 стм. дл.; среднее острие 20 стм. дл., съ шестью боковыми зазубринами.

То же, № 1266—11 (рис. 4, m), 173 стм. дл. (древко 153 стм., среднее острие 20 стм., но конецъ обломанъ); боковыя острія, съ 11 зазубринами каждое, прикрѣплены въ 24 стм. позади прикрѣпленія средняго. Бросалось, вѣроятно, рукой, безъ дощечки.

То же, № 1266—6 (рис. 4, i), 160 стм. дл.; среднее острие 21 стм. дл., съ двумя рядами боковыхъ зазубринъ.

То же, № 1266—9 (рис. 6, h), очень длинное острие (52 стм. дл.); длина самого копья 167 стм.; боковыя острія укрѣплены на разстояніи 32 стм. отъ основанія средняго.

У двухъ копьевъ №№ 1266—7 и 1266—8 (рис. 4, g и h) боковыя острія утеряны; вдоль древка перваго изъ нихъ протянута веревочка съ узелками, привязанная къ наконечнику и къ концу копья, чтобы наконечникъ не утонулъ, если древко сломается или наконечникъ снимется съ древка ⁴⁾.

¹⁾ Очеркъ матер. быта оленныхъ чукчей (Сборникъ Музея по Антропологін и Этнографіи при Импер. Академіи Наукъ. II. СПб. 1901), стр. 32. Табл. X, фиг. 10.

²⁾ Nelson, op. cit., pp. 151—152. Pl. LIX, fig. 4, 5.

³⁾ Изображенное въ атласѣ Лисянскаго, л. 11 подъ буквою п, этого рода орудіе, очевидно, по ошибкѣ названо *рыбной острогой*.

⁴⁾ Анучинъ, Д. Н. Лукъ и стрѣлы. (Труды V Тифлис. Археологич. съѣзда). М. 1887, стр. 48, 49.

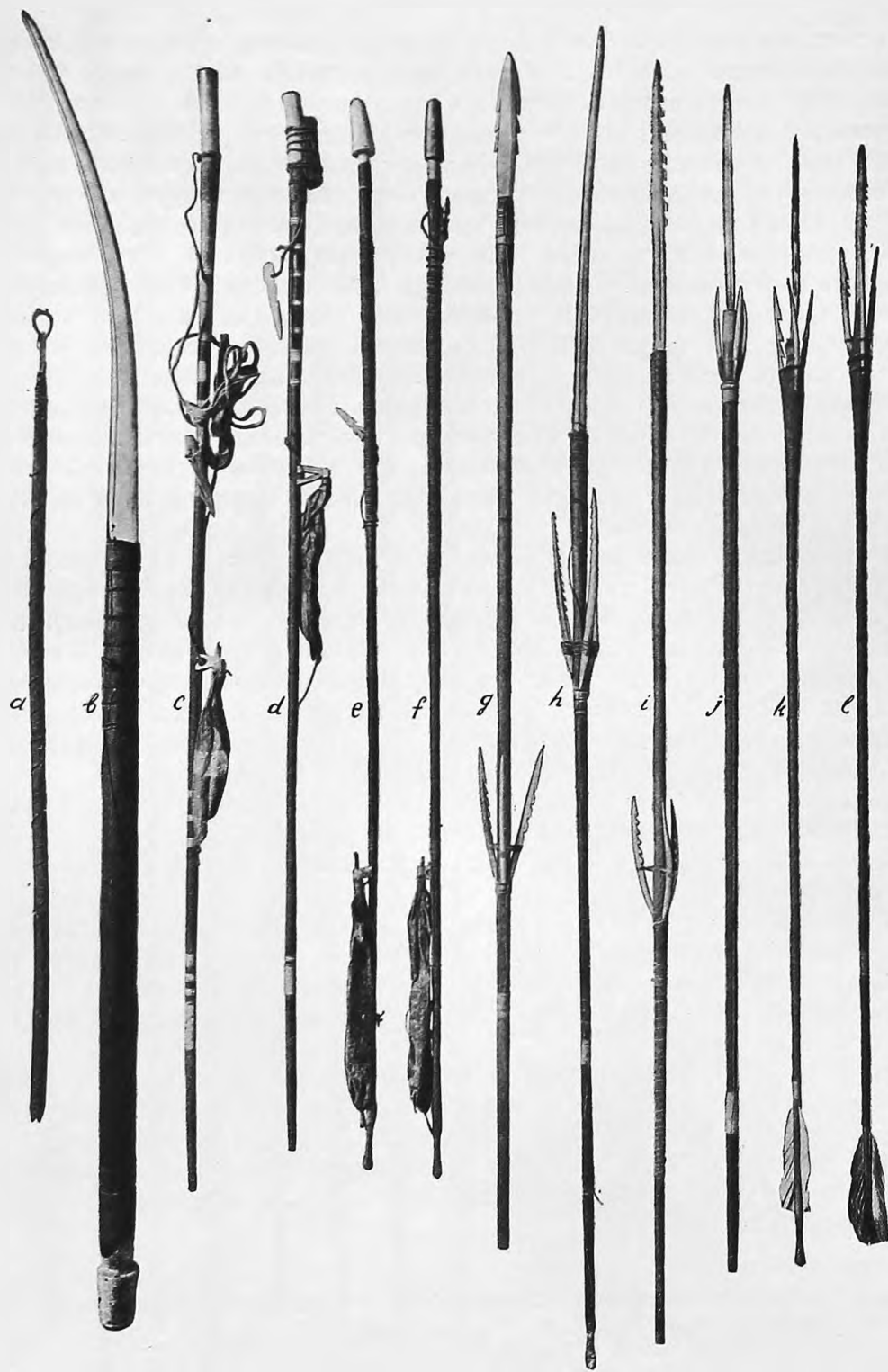

Рис. 6.

У копья № 1266—10 (рис. 4, фиг. j) боковыя острия (изъ которыхъ одно утеряно) прикрѣплены на сравнительно очень большомъ разстояніи отъ основанія передняго острия (39 стм.), довольно длиннаго (34 стм. дл.) и съ двумя рядами зазубринъ.

У копья № 1267—119 (рис. 4, фиг. k) конецъ древка обломанъ.

Изъ орудій третьей категоріи у насъ изображены:

Метательное копье для охоты на птицъ, № 1266 — 12 (рис. 6, g), 147 стм. дл. Древко (128 стм. дл.) на переднемъ концѣ нѣсколько утолщено, съ довольно широкимъ уплощеннымъ остриемъ (19 стм. дл.) изъ моржовой кости, съ двумя рядами зазубринъ; конецъ его имѣетъ ромбическую въ разрѣзѣ форму. Три боковыхъ острия съ расходящимися концами укрѣплены ближе къ заднему концу древка, чѣмъ къ переднему.

Метательное копье для охоты на птицъ, № 1266 — 13 (рис. 6, i), кромѣ довольно значительной длины (35 стм.) передняго острия изъ моржовой кости, съ 11 зазубринами съ одной стороны и 14-ю—съ другой, отличается также положеніемъ боковыхъ острий ближе къ концу древка; два изъ нихъ имѣютъ по 6 зазубринъ съ внутренней стороны, а третье— 7 паръ зазубринъ съ боковъ.

h) Гарпуны.

Этимъ названіемъ мы обозначаемъ только копьеобразныя орудія съ отдѣляющимся зазубреннымъ остриемъ, привязаннымъ къ древку посредствомъ длиннаго, крѣпкаго шнура.

Рис. 7.

Каждый гарпунъ состоитъ изъ трехъ основныхъ частей: 1) *древка*, болѣе или менѣе длиннаго, 2) насаженнаго на передній конецъ его *наконечника*, или *головки* ¹⁾, обыкновенно костяной, въ которую вставляется острие, и 3) помѣщаемаго въ углубленіе головки *острия*, или „носка“, привязаннаго къ древку упомянутымъ выше шнуркомъ или бечевкой, носящими названіе „маута“.

Древко, длиною отъ 1 до 2 и болѣе метровъ и отъ 1 до 2,5 стм. въ діаметрѣ, бываетъ сдѣлано обыкновенно изъ легкаго хвойнаго дерева—лиственницы или калифорнской чаги, отличающейся, по словамъ Веніаминава, своей легкостью ²⁾. Передній конецъ его обыкновенно бываетъ толще, задній же—болѣе тонкій (см. рис. 5). Очень часто по всей длинѣ древка бываетъ протянутъ тонкій шнурокъ, прикрѣпляемый однимъ концомъ къ срединѣ или задней половинѣ древка, а другимъ—къ наконечнику, чтобы этотъ послѣдній не утонулъ въ случаѣ, если бы древко сломалось или головка сорвалась съ него (рис. 4, h). У гарпуновъ, назначенныхъ для охоты на бобровъ, къ древку привязываютъ еще пузырь, а къ концу его—перья.

Наконечникъ, или **головка** (foreshaft), дѣлается обыкновенно изъ моржоваго клыка, китовой челюсти или рога сѣвернаго оленя и имѣетъ видъ у нерпячьихъ гарпуновъ—

¹⁾ Въ этомъ случаѣ мы рѣшаемся отступить отъ терминологіи, установленной Otis T. Mason'омъ, который словомъ головка *head* называетъ то, что мы называемъ остриемъ гарпуна, оставляя для того, что описываемъ подъ именемъ наконечника, или головки, выраженіе *foreshaft*. По нашему мнѣнію, терминъ „острие“ (*pointe*) гораздо лучше передаетъ и форму и значеніе колющаго элемента гарпуна, терминъ же „наконечникъ“ мы заимствуемъ у Веніаминава и др. русскихъ писателей, оставившихъ намъ извѣстія объ этнографіи населенія б. російско-американскихъ владѣній.

²⁾ Веніаминавъ, *op. cit.*, II, 247.

неправильнаго цилиндра съ расширеннымъ закругленнымъ переднимъ концомъ, какъ, напр., у гарпуна № 1266—57 (рис. 8, h), у бобровыхъ же—такую же менѣе расширенную форму, но съ плоско обрубленнымъ переднимъ концомъ, какъ, напр., у № 1266—59 (рис. 8, e), а у самыхъ маленькихъ (чаще всего, бобровыхъ) гарпуновъ—вполнѣ цилиндрическую форму въ видѣ иногда довольно длинной палочки, какъ, напр., у № 1266—66 (рис. 8, f). Для вставки въ древко, въ заднемъ концѣ головки, сдѣланъ вырѣзь, въ который входитъ соответственнымъ образомъ стесанный передній конецъ древка. Очень часто головка

Рис. 8.

имѣетъ просверлину, сквозь которую проходитъ шнурокъ, соединяющій ее съ концомъ древка. Головка обыкновенно бываетъ достаточно тяжела для того, чтобы, попавши въ воду, древко не тонуло, а задній конецъ его оставался въ вертикальномъ положеніи надъ поверхностью воды, указывая охотнику, гдѣ находится его добыча. Если этого не довольно и раненое животное, ныряя, можетъ увлекать съ собою и весь гарпунъ, то къ нему привязывается еще и пузырь (рис. 8, b), снабженный шейкой для надуванія и затычкою къ ней, не пропускающею воздуха обратно.

Остріе, или носокъ, гарпуна (pointe)—отъ 4,5 до 8 и болѣе стм. длины, обыкновенно изъ моржовой кости (и только для китовъ—изъ обсидіана). Носки бываютъ или съ двумя

зубцами, по одному съ каждой стороны, какъ у боброваго гарпуна № 1257—54 (рис. 9, d), или съ одной только стороны (рис. 9, h, i, j), или съ тремя—два съ одной и одинъ съ другой, какъ №№ 1266—35 и 1266—36 (рис. 9, b и c), или тоже съ тремя, только съ одной стороны, какъ № 1267—52 (рис. 9, a), или съ четырьмя зубцами, какъ у гарпуна для морской выдры съ о-ва Кадьяка № 1266—42 (рис. 9, g), или съ пятью, какъ гарпунъ алегмютовъ № 1267—64 (рис. 9, e). Изображенныхъ у Нельсона (Pl. LVII, fig. 17) острий съ четырьмя зубцами—у насъ нѣтъ.

Для прикрѣпленія маута, на каждомъ изъ небольшихъ бобровыхъ носковъ сдѣлано утолщеніе (рис. 9, b, c и d), вполне напоминающее въ этомъ отношеніи подобныя же

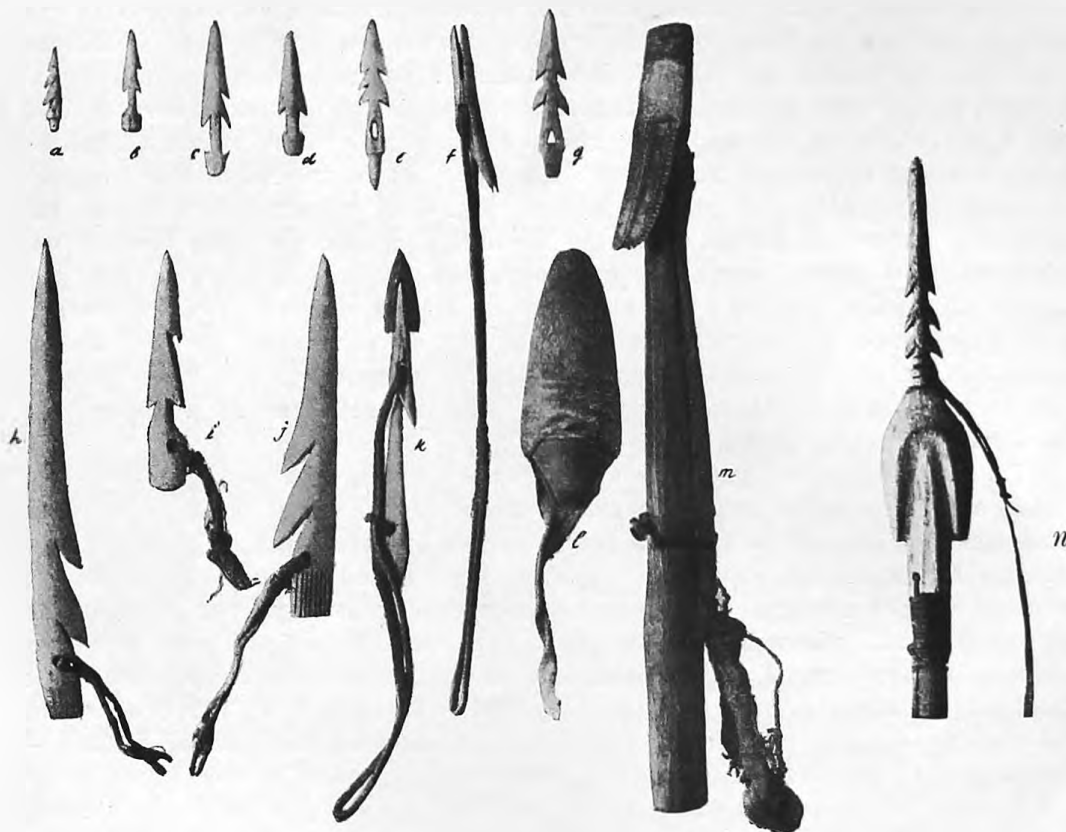

Рис. 9.

формы мадленской эпохи палеолита во Франціи¹⁾, у другихъ же, болѣе крупныхъ (нерпячьихъ), носковъ эти утолщенія замѣняются уже сквознымъ отверстіемъ (рис. 9, e, g, h, i, j), какъ у позднѣйшихъ палеолитическихъ острий гарпуновъ турасской эпохи²⁾. Въ отверстіе носковъ обыкновенно бываетъ продѣта жильная или кожаная петля, къ которой уже прикрѣпляется маутъ, какъ это можно видѣть на №№ 1266—46 (рис. 9, h), 1266—38 съ Лисьихъ о-вовъ (рис. 9, i) и 1266—45 (рис. 9, j). Рис. 9, k представляетъ сложное костяное острие гарпуна (toggle harpoon head) № 1266—63, состоящее изъ косо сръзаннаго

¹⁾ G. et A. de Mortillet. Musée préhistorique. Pl. XXV, fig. 217, 218 и 219.

²⁾ Ibid. Pl. XXXIII, fig. 288, 289, 290 и 291.

внизу костяного наконечника, въ вырѣзъ котораго вверху вставлено копьцо изъ шифернаго сланца, надѣтое на другое костяное остріе кеглеобразной формы, входящее въ расширенную нижнюю часть верхняго. Петля пропущена сначала въ сквозную дырку верхняго наконечника, а потомъ въ колечко, продѣтое въ нижнее остріе, вслѣдствіе чего, при выдергиваніи изъ острія головки, мауть натягиваетъ петлю, и верхнее остріе, соскочивши съ нижняго, повертывается въ ранѣ и становится поперекъ ея. Костяная часть верхняго острія, съ продѣтой въ него петлей, изображена у насъ отдѣльно на рис. 9, f. Подобнаго рода приспособленія описаны съ изображеніями у Nelson'a (Pl. LVII b, fig. 5 и 6) и О. Т. Mason'a (*Aboriginal american harpoons*, p. 273 и слѣд., fig. 1, 68 и Pl. I).

Для прикрытія носковъ отъ непогоды или поломки служатъ деревянные футляры, составленные изъ двухъ выдолбленныхъ изъ дерева половинокъ, связанныхъ между собою гибкимъ прутомъ изъ еловаго корня и обтянутыхъ моржовой кожей. Примѣромъ такого чехла можетъ служить № 1267—87, изображенный у насъ на рис. 9 подъ буквою l. Рядомъ съ нимъ на томъ же рисункѣ помѣщено изображеніе конца большого гарпуна № 1266—81 (рис. 9, m), вѣроятно, китоваго, съ сдѣланной въ видѣ утиного клюва костяной лопастью, въ верхнюю часть которой вставлялось каменное остріе, къ сожалѣнію, утерянное.

Прикрѣпляющійся къ древку *мауть* (рис. 8, c) представляетъ собою длинную, въ нѣсколько метровъ (а иногда и гораздо больше), плетеную жильную бечевку, чрезвычайно крѣпкую, одинъ конецъ которой прикрѣпленъ къ острію (носку), а другой, раздвоенный, однимъ концомъ привязанъ къ нижнему концу древка, а другимъ—къ верхнему, для того, чтобы увлекаемое раненымъ животнымъ древко не волочилось за нимъ по водѣ вдоль, а тащилось впоперекъ, встрѣчая гораздо больше сопротивленія и тѣмъ утомляя добычу и не давая ей далеко уплыть. У гарпуновъ для тюленей, моржей и китовъ мауты чаще бываютъ изъ тонкаго ремня.

Въ зависимости отъ употребленія, гарпуны различаются между собою и размѣрами и нѣкоторыми подробностями. Предназначенные для охоты на бобровъ гарпуны бываютъ обыкновенно снабжены на заднемъ концѣ древка вставленными въ расщелы дерева половинками орлиныхъ или вороньихъ перьевъ. Какъ къ бобровымъ гарпунамъ, такъ и для охоты на морскихъ выдръ, часто привязываютъ къ древку пузыри. Гарпуны на тюленей (нерпъ) бываютъ обыкновенно тяжелѣе и безъ перьевъ и бросаются не съ метательной дощечки, а просто рукой. Изъ имѣющихся въ нашей коллекціи гарпуновъ мы отмѣтимъ:

Гарпунъ для охоты на бобровъ, № 1266 — 22 (рис. 4, a), 123 стм. длины. Древко (104 стм. дл. и около 1,5 стм. въ діам.), выкрашенное черной краской (концы — красной), заканчивается спереди цилиндрической, слегка расширенной на концѣ, головкой изъ моржовой кости (19 стм. дл. и около 2 стм. въ діам.), въ которую свободно вставленъ костяной носокъ (6,5 стм. дл.) съ тремя зазубринами, къ заднему же концу древка жильными нитками прикрѣплены три половины орлинаго пера (14 стм. дл.). Остріе (носокъ) привязанъ къ древку плетеной жильной бечевкой, „маутомъ“ (70 стм. дл.), расходящеюся на два конца (70 стм. дл. каждый), изъ которыхъ одинъ привязанъ къ древку на разстояніи 15 стм. отъ основанія костяной головки, а другой—въ 45 стм. отъ задняго конца. Бросается съ помощью метательной дощечки.

То же, № 1266—36 (рис. 5, f), отличается нѣсколько большими размѣрами (127 стм. дл.), окраской въ красный цвѣтъ и орнаментированными концами древка.

То же, № 1266 — 59 (рис. 4, b), 128 стм. дл.; № 1267 — 68 (рис. 5, h), № 1267 — 54 (рис. 4, c), № 1267 — 60 (рис. 5, c), № 1266 — 35 (рис. 5, e), № 1267 — 47 (рис. 5, a) и 1267—53 (рис. 5, b)—сходны съ предыдущими.

Гарпунъ для охоты на морскую выдру, № 1266—38 (рис. 4, d), съ Лисьихъ о-вовъ; 132 стм. дл. Древко (120 стм. дл., 1,5 стм. въ діам.) окрашено въ красный цвѣтъ и на

переднемъ концѣ, нѣсколько утолщенномъ, заканчивается цилиндрической сплющенной головкой изъ моржовой кости (12 стм. дл. и болѣе 2 стм. въ діам.). Въ передній конецъ головки вставляется костяной носокъ (10,5 стм. дл.) съ тремя зазубринами, привязанный къ мауту (302 стм. дл.). На разстояніи 32 стм. отъ основанія головки къ древку жильными нитками привязана костяная подставочка (4 стм. высоты) съ треугольнымъ прорѣзомъ и привязаннымъ къ ней пузыремъ. Въ верхней части этой подставки просверлено отверстіе, приходящееся къ отверстію пузыря такимъ образомъ, что сквозь него можно вдвухъ въ пузырь. Бросаютъ этотъ гарпунъ, при помощи метательной дощечки, тогда уже, когда преслѣдуемое животное ранено.

Такіе же гарпуны, № 1266—39 (рис. 6, d), № 1266—40 (рис. 6, c), № 1266—41 (рис. 6, i), № 1266—42 (рис. 6, e). Разница заключается, главнымъ образомъ, въ размѣрахъ, мѣстѣ привязки пузыря (у № 1266—39 онъ—посреди древка, а въ №№ 1266—41 и 1266—42—на заднемъ концѣ его) и въ формѣ прорѣза привязной подставки—иногда треугольной, иногда круглой.

Гарпунъ для охоты на тюленя, № 1266—43 (рис. 5, i), 128 стм. дл. Древко (114 стм. дл. и около 1,5 стм. въ діам.) оканчивается цилиндрической головкой изъ китовой кости (14 стм. дл., 2,5 стм. въ діам.). Въ конецъ головки свободно вставляется костяное остріе (5 стм. дл.) съ двумя парами зубцовъ (по два съ каждой стороны). Къ древку носокъ привязанъ при помощи ременной тесьмы, у древка—двойной.

Гарпунъ для охоты на тюленя, № 1266—58 (рис. 5, d), 142 стм. дл. Древко (119 стм. дл. и около 1,5 стм. въ діам.), къ переднему концу утолщенное, заканчивается четырехгранной, къ переднему концу утолщенной и закругленной, головкой изъ китовой кости (23 стм. дл.). Въ головку, съ помощью деревянной втулки, вдѣланной въ ея углубленіе, вставлялось остріе изъ моржоваго зуба, теперь утерянное. Задній конецъ головки прикрѣпленъ къ древку шнуркомъ, проходящимъ сквозь сквозное отверстіе въ головкѣ и нѣсколько разъ накрестъ обвивающимъ древко по всей длинѣ его. Возлѣ головки въ шнурокъ этотъ вплетены довольно жесткіе волосы какого-то животнаго, дѣлающіе эту часть шнурка мохнатою.

Гарпуны № 1266—44 (190 стм. дл.), № 1266—45 (186 стм. дл.), № 1266—46 (272 стм. дл.), № 1266—47 (297 стм. дл.) отличаются очень большой длиной и тяжестью; нѣкоторые имѣютъ пузыри.

Гарпунъ для охоты на моржей, № 1267—69, дл. 143 стм. Древко (120 стм. дл.), очень тонкое на заднемъ концѣ, постепенно утолщается къ переднему и достигаетъ 2,5 стм. въ діам. Къ переднему концу плетеной жильной бечевкой прикрѣпленъ цилиндрической наконечникъ изъ моржовой кости (23 стм. дл. и 2,5 стм. въ д.), съ вырѣзаннымъ на немъ значкомъ владѣльца. Въ передній конецъ головки свободно вставляется костяное остріе (9,5 стм. дл.) съ 5-ью зазубринами, привязанное къ древку маутомъ изъ узкаго длиннаго ремня, у древка—двойного. Почти на срединѣ длины, но нѣсколько ближе къ головкѣ, въ древко вдѣланъ крючокъ изъ моржоваго зуба, служащій опорой для руки при бросаніи гарпуна безъ помощи метательной дощечки¹⁾.

Гарпунъ неизвѣстнаго намъ назначенія, № 1298—35 (рис. 9, p), 171 стм. дл. Древко, тонкое на заднемъ концѣ, постепенно утолщается къ переднему, который оканчивается очень оригинальной плоской головкой, вырѣзанной изъ кости, въ видѣ обращенной округленной стороной вверхъ слегка вытянутой подковы (115 стм. дл. и 5 стм. шир.), несущей на себѣ копьеобразное остріе съ 6-ю симметрическими зазубринами (по 3 съ каждой сто-

¹⁾ См. Otis T. Mason, *Aboriginal american harpoons* (Rep. of the U. S. Nat. Mus. for 1900), p. 283. Тамъ же на Pl. 8 помѣщены изображенія цѣлой серіи такихъ крючковъ съ 1, 2, 3 и 4-мя отверстіями, для прикрѣпленія къ древку.

роны). Остріе это (12,5 см. дл. и 2,3 см. наиб. шир.) за свою нижнюю часть привязано къ ременному длинному мауту. Головка прикрѣплена къ древку узенькой полоской китоваго уса, обмотанной многократно вокругъ вставки и охватывающей часть древка. Описанія или изображенія этого рѣдкаго гарпуна мы не могли найти ни въ одномъ изъ сочиненій, которыми мы располагали.

Рис. 10.

i) Метательныя дощечки (propulseurs, throwing-sticks).

Эти орудія, имѣющія у австралійцевъ и другихъ народовъ видъ палочекъ съ закорючиной на одномъ концѣ и очень напоминающія подобныя же орудія еще мадлѣнской эпохи палеолитическаго періода ¹⁾, у обитателей б. російско-американскихъ владѣній отличаются формой, къ которой болѣе всего подходитъ названіе дощечки. Кромѣ того, они почти всегда снабжены углубленіемъ или сквознымъ отверстіемъ для помѣщенія большого пальца руки

¹⁾ G. et A. de Mortillet, op. cit., Pl. XXVI, fig. 227.

при бросаніи съ нихъ дротика или гарпуна ¹⁾. При отсутствіи же такого углубленія или дыры она замѣняется вырѣзомъ въ дощечкѣ сбоку ея рукоятки. Въ большей части ихъ существуютъ также углубленія, выдолбленныя въ рукояткѣ для помѣщенія прочихъ пальцевъ, или же сбоку рукоятки укрѣплены два или болѣе штифтика изъ дерева или кости, между которыми и помѣщаются пальцы. Наконецъ, еще одну существенную часть метательной дощечки у жителей б. россійско-американскихъ владѣній составляетъ крючокъ или пластинка изъ моржоваго зуба, вставленная въ конецъ орудія (рис. 10, d) и иногда замѣняемая передней закраиной продольнаго углубленія или желобка (рис. 10, f), въ который помѣщается дротикъ или стрѣла, упирающаяся своимъ концомъ въ этотъ крючокъ или закраину. Для той стороны орудія, на которую кладется для бросанія дротикъ, О. Mason'омъ установлено названіе *верхней*. Дощечки бывають для правой и лѣвой руки. Соотвѣтственно различнымъ мѣстамъ, метательныя дощечки имѣють разныя формы, что и дало возможность О. Mason'у установить 13 типовъ этихъ орудій ²⁾.

Изъ 14 имѣющихся въ нашей коллекціи экземпляровъ ихъ представляютъ особенный интересъ слѣдующіе:

Метательная дощечка, № 1266—78 (рис. 10, а съ нижней стороны), съ Лисьихъ острововъ. Дл. 45 см.; съ дыркой для большого пальца и прорѣзомъ въ концѣ; треснувшая рукоятка сшита жильными нитками.

То же, № 1266—77 (рис. 10, b съ нижней стороны), съ острова Уналашки; 51 см. дл., 5,4 шир.; съ прорѣзомъ для большого пальца и полукруглымъ углубленіемъ для прочихъ пальцевъ.

То же, № 1266—75 (рис. 10, с съ нижней стороны), съ острова Уналашки; 45,5 см. дл. и 5 шир.; слѣва виденъ желобокъ и круглый прорѣзъ для большого пальца, а справа — углубленіе для прочихъ; съ верхней стороны находится вырѣзъ для ладони.

То же, № 1266—76 (рис. 10, d съ верхней стороны), съ острова Уналашки; 48 см. дл. и 5,3 шир.; прорѣзъ для большого пальца и желобокъ для помѣщенія дротика, упирающагося концомъ въ край костяной пластинки, видной въ концѣ. Верхняя сторона выкрашена красной краской, а нижняя черной.

То же, № 1266—79 (рис. 10, e съ нижней стороны), съ Командорскихъ острововъ; 49 см. дл. и 6 наиб. шир.; у старательно сдѣланной рукоятки—вырѣзъ для большого пальца и подъ нимъ рельефное изображеніе человѣческихъ ногъ и части живота. Очень похожее орудіе описано у О. Mason'а подъ названіемъ *Rogers type*, за неизвѣстностью мѣста происхожденія (О. Mason, *op. cit.* Pl. VI, fig. 8).

То же, № 1267—142 (рис. 10, f), съ верхней стороны (50 см. дл. и 5 шир.); углубленіе для большого пальца—не сквозное.

То же, № 1267—139 (рис. 10, g), съ нижней стороны (47,5 см. дл. и 7 шир.). Треугольно-удлиненной формы. У основанія рукоятки—не сквозной вырѣзъ для большого пальца.

То же, № 1267—143 (рис. 10, h), съ нижней стороны. Съ верхней стороны рукоятки—вырѣзы для концевъ пальцевъ. 52,5 см. дл. и 6,5 шир. Треугольно-удлиненной формы.

То же, № 1267—136 (рис. 10, i), съ нижней стороны; треугольно-удлиненной формы; 42 см. дл. и 4,5 наиб. шир.; въ рукояткѣ—сквозное отверстіе для большого пальца, а для прочихъ—небольшая выемка сбоку, гдѣ укрѣплено 2 костяныхъ штифтика. Островъ Кунивакъ.

¹⁾ Анучинъ, Д. Н., *op. cit.*, стр. 3. Klemm. Die Werkzeuge und Waffen. 1858, p. 39.

²⁾ Otis T. Mason. Throwing-sticks in the Nat. Museum (Rep. of the U. S. Nat. Mus. 1883—84, II), p. 279 pass.

То же, № 1267—140 (рис. 10, j), съ верхней стороны; треугольно-удлиненной формы; видны желобокъ для помѣщенія дротика и небольшая костяная пластинка съ зубцомъ, въ который упирается задній конецъ дротика при бросаніи. 47,5 см. дл. и 6,5 шир.

Метательная дощечка въ кожаномъ чехлѣ, № 1267—137 *a* и *b* (рис. 10, k), съ нижней стороны. Дощечка—49 см. дл. и 6,5 шир., треугольно-удлиненной формы; нижняя сторона—выпуклая съ выдающимся ребромъ посрединѣ; противоположная сторона—слегка выпуклая съ продольнымъ желобкомъ посрединѣ, въ концѣ котораго прикрѣплена костяная пластинка съ зубцомъ. Рукоятка съ одной стороны снабжена костянымъ штифтикомъ (2 см. дл.). Чехоль—кожаный; къ краямъ отверстия пришить ремень для подвѣшиванія.

Рис. 11.

j) Стрѣлы.

Этимъ названіемъ мы обозначаемъ всѣ метательныя колющія орудія, бросаемаыя, въ данномъ случаѣ, исключительно при помощи лука. Онѣ употребляются для охоты на крупныхъ животныхъ и для войны, для охоты на птицъ и для убиванія рыбъ. Каждая стрѣла состоитъ изъ древка, снабженнаго, почти всегда, на заднемъ концѣ небольшимъ вырѣзомъ для тетивы и вставленными въ продольномъ направленіи въ прорѣзы древка птичьими перьями, а на переднемъ концѣ вооруженнаго остріемъ, прикрѣпленнымъ или непосредственно къ древку или же вставленнымъ неподвижно въ костяной, часто зазубренный наконечникъ, прикрѣпленный къ переднему концу стрѣлы. Въ зависимости отъ употребленія, острія стрѣлъ имѣютъ различную форму и сдѣланы изъ различнаго матеріала: камня, кости

или металла. Изъ довольно многочисленнаго матеріала, представляемаго нашей коллекціей, мы приведемъ здѣсь только наиболѣе типичные экземпляры стрѣлъ и ихъ отдѣльныхъ частей.

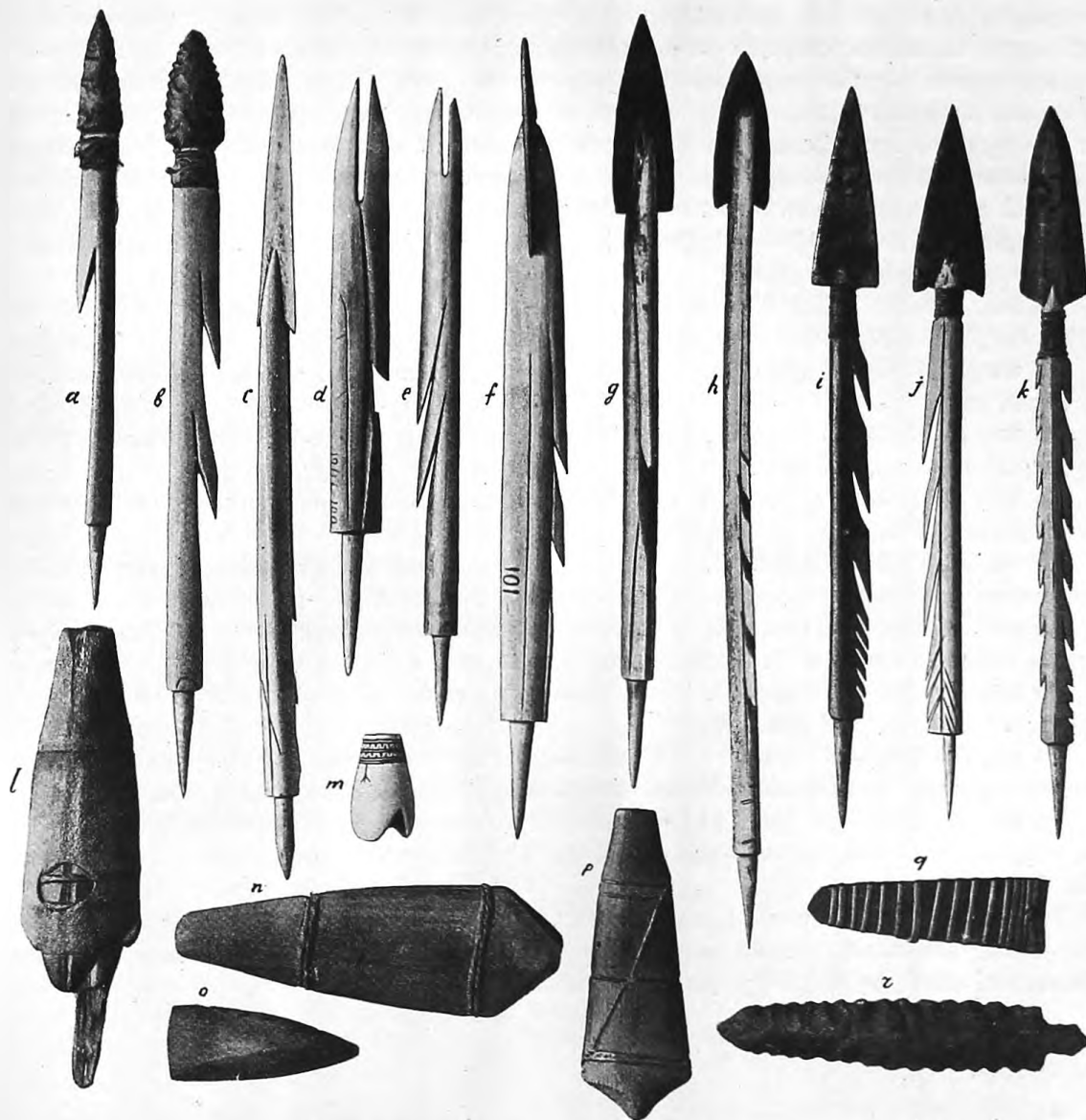

Рис. 12.

1) *Острія стрѣлъ (pointes de flèches), прикрѣпляемая непосредственно къ древку.*

Эти острія, употребляемая, почти исключительно, для охоты на крупную дичь и для войны, сдѣланы чаще всего изъ моржовой кости (бивней), затѣмъ изъ рога сѣверныхъ оленей и изъ кости другихъ животныхъ. Длина ихъ, вообще очень значительная, смотря по назначенію варьируетъ между 18 и 26-ью см. Почти всѣ они прикрѣпляются къ древку при помощи имѣющейся на заднемъ концѣ ихъ заостренной ножки (рёдонсале), плотно вхо-

дящей въ передній конецъ дrevка. Ихъ форма, почти всегда удлиненная, очень различна и зависитъ отъ числа и расположенія зазубринъ, встрѣчающихся въ количествѣ отъ 1-ой до 9-ти и болѣе и находящихся то на одной, то на обѣихъ сторонахъ острія, иногда плоскаго, иногда двояко-выпуклаго, иногда треугольнаго въ разрѣзѣ. Только въ очень исключительныхъ случаяхъ для прикрѣпленія острія служитъ не ножка, а уплощенная пятка, заостренная съ двухъ сторонъ наподобіе долотца (*base à double biseau*) и входящая въ соотвѣтственное углубленіе дrevка. Очень интересно, что такого рода пятка снабжена поперечными нарѣзками (рис. 11, b), совершенно такими же, какія мы видимъ на палеолитическихъ орудіяхъ Франціи, мадлэнской эпохи ¹⁾, и представляющими собою еще одну подробность, сближающую культуру эпохи сѣвернаго оленя во Франціи съ современной намъ культурой гиперборейскихъ народовъ Азіи и Америки.

Остріе стрѣлы, № 1266—85 (рис. 11, a), костяное съ ножкой, уплощенное, съ двумя зазубринами съ одной стороны.

То же, №№ 1267—92, 93 и 95 (рис. 11, b, c и d), костяныя, трехгранныя острія безъ зазубринъ. Длина 27,5, 20,5 и 21 см., шир. отъ 1 до 1,5 см.

То же, № 1267—94 (рис. 11, e), костяное, трехгранное съ одной зазубриной; 22 см. дл., 1 см. шир.

То же, № 1266—93 (рис. 11, f), костяное, трехгранное съ 3-мя зазубринами на одной сторонѣ; 19 см. дл., 1,5 шир.

То же, № 1266—90 (рис. 11, g), костяное, съ 8-ю зазубринами съ одной стороны; 18 см. дл. и 1 см. шир.

То же, № 1266—98 (рис. 11, h), костяное, уплощенное, съ острыми краями, съ 5-ью зазубринами съ одной и 4-мя съ другой стороны; 26,5 см. дл. и 1,5 см. шир.

То же, № 1266—97 (рис. 11, i), костяное, уплощенное съ краевъ, съ 9-ью зазубринами съ одной стороны и 7-ью съ другой; 26 см. дл. и 1,5 шир.

То же, № 1266—94 (рис. 11, j), костяное, уплощенное, съ 4-мя зазубринами съ 2-хъ сторонъ; 23 см. дл. и 2 см. шир.

То же, № 1267—97 (рис. 11, k), костяное, почти круглое, съ уплощеннымъ копьевиднымъ концомъ; у основанія—знакъ владѣльца; 22 см. дл. и болѣе 1 см. шир.

То же, № 1266—96 (рис. 11, l), костяное, съ одной зазубриной посрединѣ длины; одна сторона—плоская, другая—выпуклая, съ ребромъ посрединѣ. Длина 19 см., шир. около 2-хъ см.

То же, № 1267—96 (рис. 11, m), костяное, плоское, съ одной зазубриной внизу; у основанія—знакъ владѣльца; задній конецъ—круглый, заостренный, съ небольшимъ выпуклымъ перехватомъ посрединѣ; 22 см. дл. и 2 см. шир.

2) *Острія стрѣлъ изъ различнаго матеріала, вставленныя въ костяные зазубренные наконечники.*

Въ эту группу мы помѣщаемъ острія стрѣлъ каменныя, костяныя и желѣзныя, между которыми есть одно только общее—вставленіе ихъ въ костяные наконечники съ бѣльшимъ или меньшимъ количествомъ зазубринъ. Острія эти, если они сдѣланы изъ *кремня* или *обсидіана*, имѣютъ форму слегка выпуклую посрединѣ, листовидную, болѣе или менѣе удлиненную, съ болѣе или менѣе зазубренными краями и съ ножкой и бывають вставлены своей ножкой (*rédoncile*) въ соотвѣтственное углубленіе костяного наконечника, скрѣпленнаго въ мѣстѣ вставки нѣсколько разъ обмотаннымъ вокругъ жильнымъ шнуркомъ (рис. 12, a, b и г). Острія *костяныя* имѣютъ форму плоскую, удлиненно-листовидную, тре-

¹⁾ G. et A. de Mortillet, op. cit., Pl. XXV, fig. 214.

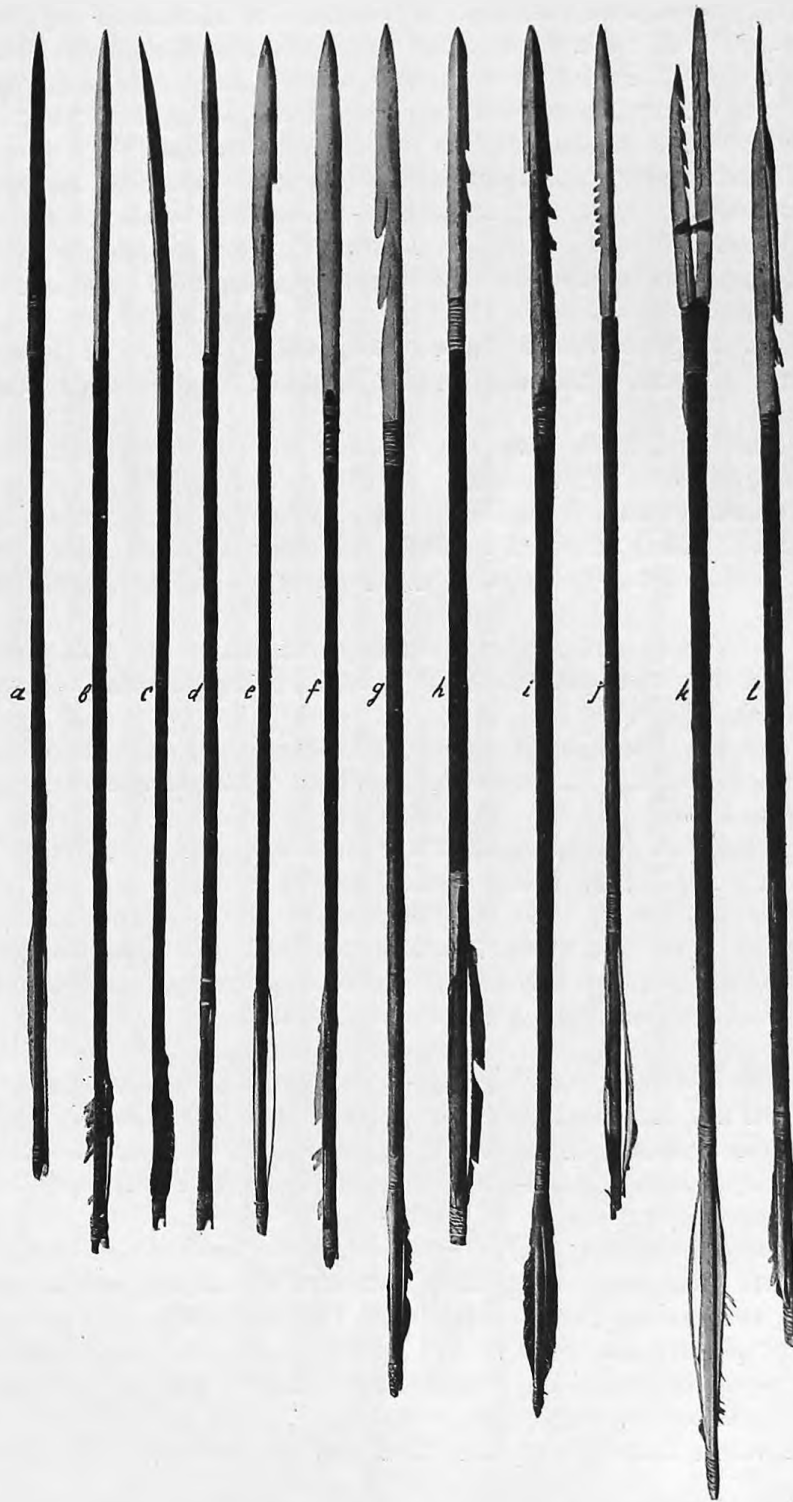

Рис. 13.

угольную, со слегка выпуклыми длинными сторонами и съ нѣскольکو вырѣзаннымъ основаніемъ. Этимъ основаніемъ они и вставляются въ сквозной вырѣзъ наконечника, образующій двѣ лопасти, въ промежутокъ между которыми крѣпко вгоняется остріе (рис. 12, фиг. с, d, e). Острія изъ *шифернаго сланца*—совершенно той же формы, какъ и костяныя, и такъ же точно вставлены въ костяные наконечники древка стрѣлы (рис. 12, f, g и h). *Жельзныя* острія, очевидно, составляютъ подражаніе шифернымъ, но, почти не отличаясь отъ нихъ по формѣ (встрѣчаются, впрочемъ, острія плоскія, слегка изогнутыя въ видѣ трехъ граней, съ одной стороны образующихъ выпуклость (рис. 12, k), а съ другой—вогнутость), вставляются въ небольшую расщелину костяного наконечника, туго стянутую жильными нитками (рис. 12, i, j и k).

Остріе стрѣлы изъ кремня на костяномъ наконечникѣ, съ одной зазубриной, № 1267—102 (рис. 12, a). Длина острія 4 см., наконечника 15,2 см. Остріе прикрѣплено жильными нитками.

То же, на наконечникѣ съ 2-мя зазубринами, № 1267—103 (рис. 12, b); дл. острія 4 см., шир. 2; наконечникъ 17 см. дл.

То же, безъ наконечника, № 1267—74 (рис. 12, г); дл. 11 см., шир. 2,5 см.

Костяной наконечникъ стрѣлы, № 1267—100 (рис. 12, d), съ одной зазубриной; дл. 19,5 см., шир. около 2-хъ см. Въ верхней части—прорѣзъ для помѣщенія аспиднаго острія (отсутствующаго).

То же, № 1267—28 (рис. 12, e), съ 2-мя зазубринами; дл. 18 см., шир. около 1,5.

Остріе стрѣлы изъ шифернаго сланца (рис. 12, o) для костяного наконечника стрѣлы (отдѣльно отъ него).

Остріе стрѣлы изъ шифернаго сланца, на костяномъ наконечникѣ съ 2-мя зазубринами, № 1267—101 (рис. 12, f); дл. острія 7 см., шир. у основанія 2,5 см.; дл. наконечника 26 см., шир. около 2-хъ.

То же, на костяномъ наконечникѣ съ 2-мя зазубринами, № 1267—32 (рис. 12, g); дл. острія 6,5 см., шир. 2,5; дл. наконечника 18,5 см.

То же, на наконечникѣ съ 5-ью зазубринами, № 1267—33 (рис. 12, h); дл. острія 6,5 см., наконечника 23,5 см.; у основанія послѣдняго вырѣзанъ знакъ собственника.

Остріе стрѣлы изъ моржовой кости, на наконечникѣ съ 2-мя зазубринами, № 1267—113 (рис. 12, c); дл. острія 9 см., шир. у основанія 1,5 см.

Два острія стрѣлъ изъ желѣза, на костяныхъ наконечникахъ съ 8-ью зазубринами съ одной стороны, №№ 1267—22 и 1267—24 (рис. 12, i и j); дл. острія 7' см. и 6 см.

Остріе стрѣлы изъ желѣза, на костяномъ наконечникѣ съ 8-ью зазубринами съ одной и съ 7-ью съ другой стороны, № 1267—25, a (рис. 12, k); дл. 6,5 см.

Чехоль изъ березовой коры на желѣзное остріе стрѣлы (№ 1267—25, b), обтянутый полоской изъ еловаго корня.

Чехоль для острія стрѣлы, № 1267—88 (рис. 12, l), деревянный, обтянутый моржовой кожей и обвязанный жильнымъ шнуркомъ; состоитъ изъ двухъ выдолбленныхъ деревянныхъ пластинокъ, связанныхъ между собою. Дл. 11,5 см., шир. 4,5 см.

Чехоль на остріе стрѣлы, № 1267—75 (рис. 12, q), сдѣланный изъ двухъ пластинокъ березовой коры, обвитыхъ прутикомъ изъ еловаго корня, съ круглымъ отверстіемъ у основанія для надѣванія на остріе. Дл. 8 см.

Деревянные чехлы на острія стрѣлъ, №№ 1267—84 и 85 (рис. 12, п и р).

3) *Стрѣлы съ костяными остріями для крупной дичи и войны.*

Описанія и изображенія подобныхъ стрѣлъ мы находимъ у Nelson'a (р. 157—159, Pl. LXI a).

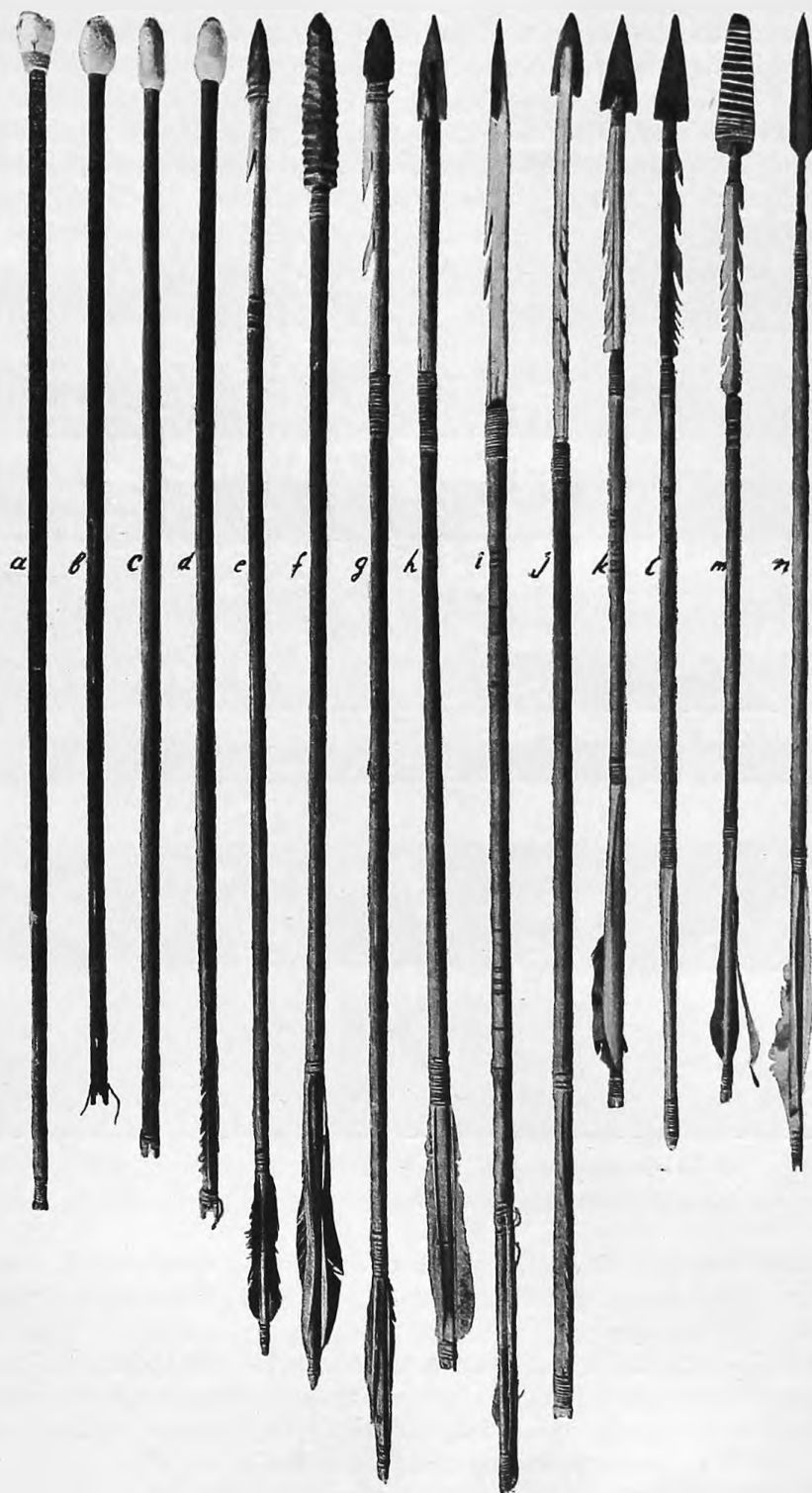

Рис. 14.

Стрѣла, № 1267—19 (рис. 13, а), 69 см. дл. Древко (53 см. дл.) оканчивается непосредственно въ него вставленнымъ пятиграннымъ остриемъ изъ моржовой кости (16 см. дл.). На заднемъ сплюснутомъ концѣ древка сдѣланъ вырѣзь для тетивы лука и прикрѣплено два пера.

То же, № 1267—9 (рис. 13, б), 74 см. дл.; древко (54 см. дл., 1 см. въ діам.) оканчивается непосредственно въ него вставленнымъ трехграннымъ остриемъ изъ моржовой кости (20 см. дл.). Конецъ древка—съ вырѣзомъ и перьями.

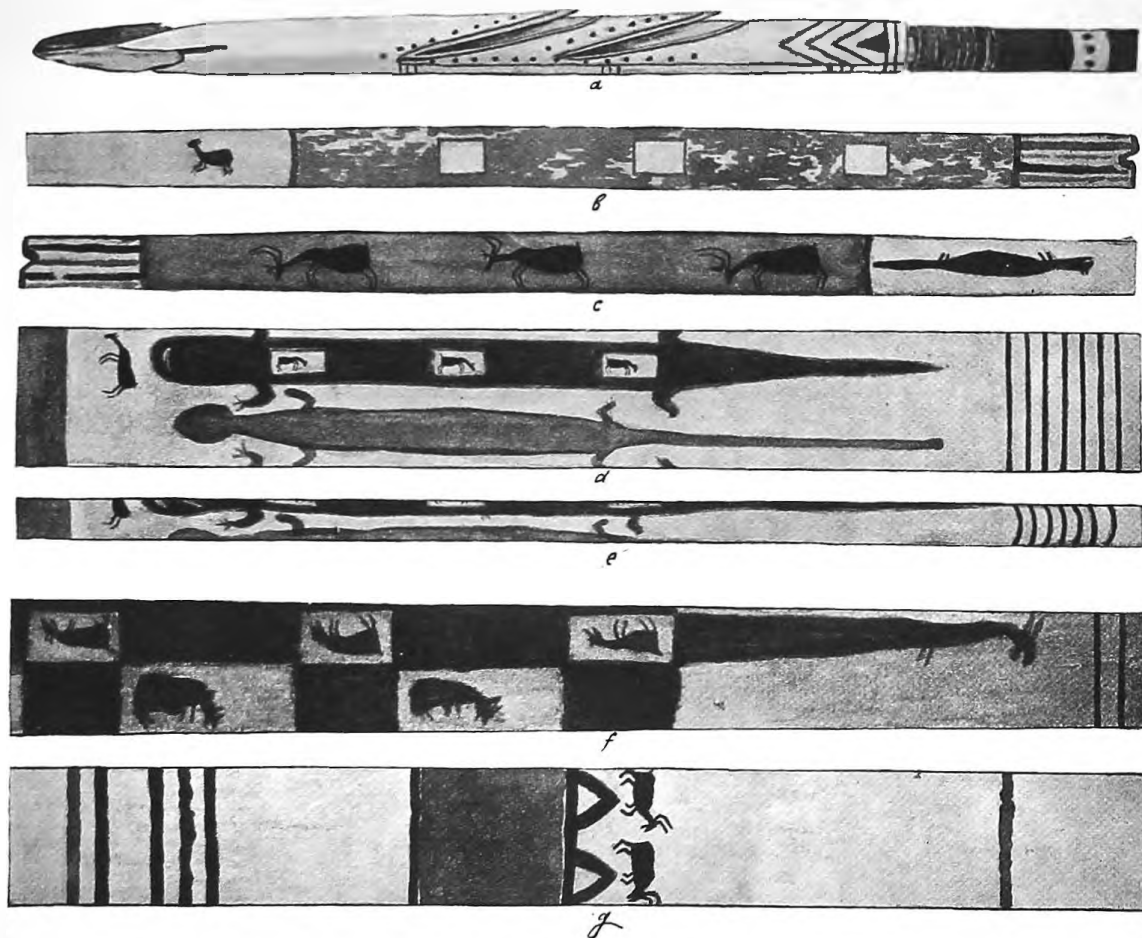

Рис. 15.

То же, № 1267—8 (рис. 13, с), 73 см. дл.; древко (55 см. дл. и 1 см. въ діам.) на переднемъ концѣ вооружено остриемъ изъ моржовой кости (18 см. дл.), слегка изогнутымъ. На заднемъ концѣ—вырѣзь и перо.

То же, № 1267—2 (рис. 13, d), 73 см. дл.; состоитъ изъ древка (53 см. дл. и 1 см. въ діам.) съ непосредственно вставленнымъ въ передній конецъ его костянымъ трехграннымъ остриемъ (20 см. дл.) съ одной зазубриной, прикрѣпленнымъ къ древку китовымъ усомъ. Задній конецъ сплюснутъ, имѣетъ вырѣзь и два пера.

То же, № 1267—11 (рис. 13, е), 73 см. дл.; древко (55 см. дл.) оканчивается длиннымъ (18 см.) и плоскимъ остриемъ изъ моржовой кости, съ одной зазубриной. На заднемъ концѣ—вырѣзь и перья.

То же, № 1267—16 (рис. 13, f), 75 см. дл.; древко (53 см. дл. и 1 см. въ діам.) вооружено непосредственно къ нему прикрѣпленнымъ длиннымъ (22 см.) и плоскимъ остриемъ изъ моржовой кости. Задній конецъ—съ вырѣзомъ и перьями.

То же, № 1266—85 (рис. 13, g), 82 см. дл.; древко (58 см. дл. и болѣе 1 см. въ діам.) оканчивается остриемъ изъ моржовой кости (24 см. дл.) съ 2-мя глубокими зазубринами. Одна сторона его плоска, другая выпукла, съ острымъ ребромъ. На концѣ древка—3 черныхъ пера.

То же, № 1266—93 (рис. 13, h), 74 см. дл.; древко (57 см. дл.) оканчивается трех-граннымъ остриемъ (19 см. дл., 1,5 см. шир.) съ 3-мя зазубринами, прикрѣпленнымъ къ нему жильными нитками. Задній конецъ древка оперень.

То же, № 1266—94 (рис. 13, i), 83 см. дл.; древко (60 см. дл. и около 1 см. въ діам.) имѣетъ на переднемъ концѣ длинное (23 см.) острие изъ моржовой кости съ 2-мя зазубринами, копьевиднымъ концомъ и знакомъ собственности у основанія. На заднемъ концѣ—перья.

То же, № 1266—90 (рис. 13, j), 72 см. дл.; къ древку (54 см. дл.) прикрѣплено плоское острие (18 см. дл.) съ 8-ью зазубринами. Задній конецъ древка—плоскій, съ тремя перьями.

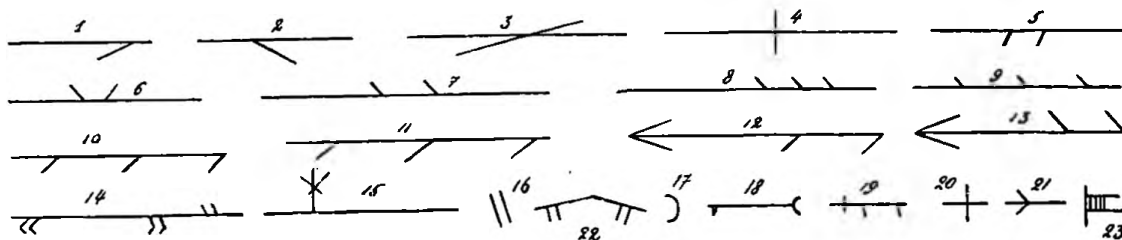

Рис. 16.

То же, № 1267—113 (рис. 13, l), 79 см. дл.; древко (55 см. дл.) вооружено наконечникомъ и остриемъ, уже описанными нами выше (рис. 12, с). Конецъ его оперень.

То же, съ костяными наконечниками древка и вставленными въ нихъ кремневыми остриями: №№ 1267—102 (рис. 14, e), 1267—74 (рис. 14, f) и 1267—103 (рис. 14, g), описанными нами выше (рис. 12, а, рис. 12, г и рис. 12, б). Длина первой—80 см., второй—83 см. и третьей—72 см. На концѣ всѣ имѣютъ оперенье.

То же, съ костяными наконечниками и вставленными въ нихъ шиферными остриями: №№ 1267—32 (рис. 14, h), 1267—27 (рис. 14, i) и 1267—33 (рис. 14, j), изъ которыхъ два (рис. 12, g и рис. 12, h) у насъ описаны выше. Длина первой—60 см., второй—88 см. и третьей—84 см. Наконечники у всѣхъ укрѣплены жильными шнурками, а концы имѣютъ оперенье.

То же, съ костяными наконечниками и вставленными въ нихъ желѣзными остриями: №№ 1267—24 (рис. 14, k), 1267—22 (рис. 14, l), 1267—25 (рис. 14, m) и 1267—23 (рис. 14, n), отчасти у насъ уже описанными (рис. 12 j, i и k). Длина этихъ стрѣлъ: первой—66 см., второй—68 см., третьей—64 см. и четвертой—70 см. Острие третьей прикрито чехломъ. Последняя (рис. 14, n)—безъ костяного наконечника на древкѣ, но длинное желѣзное острие ея (13 см. дл. и около 2-хъ шир.) имѣетъ ножку, которою и входитъ въ конецъ древка, скрѣпленный жильными нитками. Всѣ оперены на концахъ.

То же, съ костянымъ наконечникомъ и вставленнымъ въ него остриемъ изъ шифер-наго сланца, № 1267—28 (рис. 15, a, b, c, d и e). Отличается отъ прочихъ чрезвычайно богатой орнаментацией какъ наконечника, такъ и древка. Зубцы наконечника (a) обведены

рѣзными, покрашенными чернымъ и краснымъ, линиями и рядами точекъ; у основанія, нѣсколько уплощенного, съ каждой стороны вырѣзаны входящіе другъ въ друга углы изъ красныхъ и черныхъ линий (chevrons). Древко въ заднемъ концѣ (b) окрашено съ одной стороны въ зеленый и съ другой—въ красный цвѣта съ рядомъ незакрашенныхъ прямоугольниковъ и черными фигурками сѣв. оленей; съ другой стороны (c) три сѣв. оленя—на красномъ фонѣ и звѣрь, похожій на выдру или бобра—на незакрашенномъ фонѣ. На дальнѣйшихъ частяхъ древка (d и e) на незакрашенномъ фонѣ—большія ящерицы, изъ которыхъ одна—черная съ тремя прямоугольниками, заключающими въ себѣ оленей, а другая—коричневая.

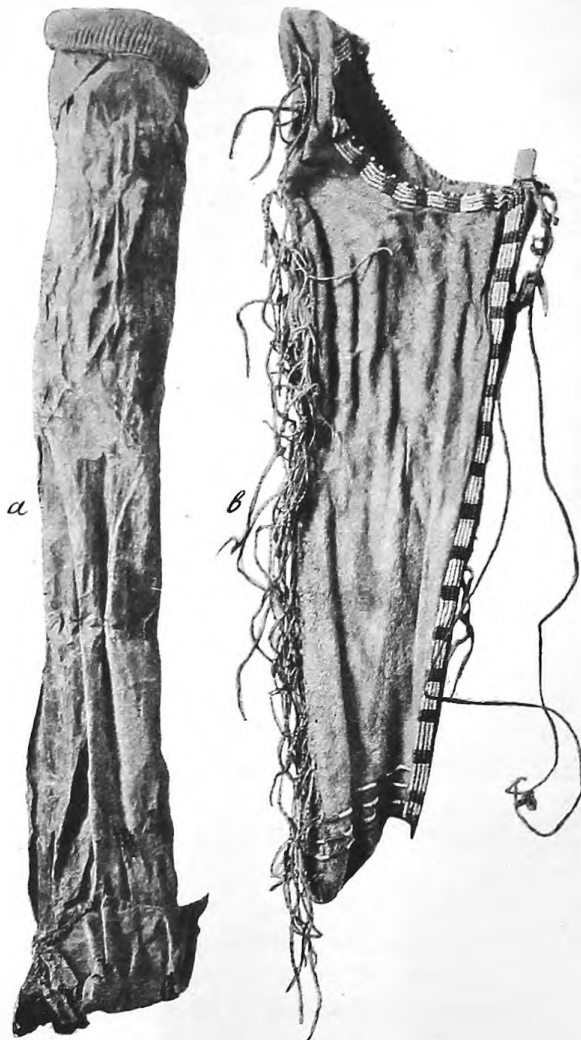

Рис. 17.

а сбоку вырѣзанъ знакъ собственника (упрощенный тотемическій знакъ племени Ворона ¹⁾).

То же, № 1267—78 (рис. 14, b), 66 см. дл.; головка—яйцеобразная (около 4-хъ см. дл. и 2-хъ въ поперечн. діам.). На концѣ древка—вырѣзъ.

То же, № 1267—77 (рис. 14, c), 77 см. дл.; состоитъ изъ древка (65,5 см. дл.) и костяной головки (4,5 см. дл. и 1,5 см. въ діам.). Въ заднемъ концѣ древка—вырѣзъ.

То же, № 1267—30 (рис. 15, f и g), съ подобной же цвѣтной орнаментацией (прямоугольники, треугольники, изображенія животного, похожего на бобра, и сѣв. оленей).

4) Стрѣлы съ тупыми головками, вмѣсто острія, для охоты на птицъ.

Стрѣлы этого рода у населенія б. російско-американскихъ владѣній отличаются отъ подобныхъ же орудій другихъ народовъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что головки ихъ, замѣняющія остріе и служащія для того, чтобы, убивая птицъ, не портить ихъ шкурокъ, употребляемыхъ для одежды, сдѣланы не изъ дерева и т. п., но, большей частью, изъ моржовой кости. Головки эти имѣютъ то яйцообразную форму, то болѣе вытянутую, иногда круглую съ двумя крестообразно-пересѣкающимися желобками наверху. Подобныя стрѣлы Национальнаго Музея въ Вашингтонѣ описаны и изображены у Nelson'a (р. 159, 160, Pl. LXI с, fig. 1—7).

Стрѣла для охоты на птицъ, № 1267—75 (рис. 14, a), состоитъ изъ древка (70 см. дл., 1 см. въ діам.) и рѣзного костяного наконечника (головки) округленной формы (3 см. дл. и 2 см. шир.). На заднемъ концѣ древка—вырѣзъ для тетивы. Оперенія нѣтъ. Головка имѣетъ рѣзные желобки сверху, внизу украшена узорнымъ бордюромъ (см. рис. 12, m),

¹⁾ Cf. Nelson, op. cit., p. 324, fig. 114.

То же, № 1267—76 (рис. 14, d), 73,5 стм. дл.; состоитъ изъ древка (69,5 стм. дл., 1 стм. въ діам.) и костяной головки (4 стм. дл. и около 2-хъ стм. шир.). Къ заднему концу древка прикрѣплены 2 пера.

5) Стрѣлы для рыбъ.

Употребляются для стрѣлянiя рыбъ изъ лука и отличаются большимъ разнообразіемъ формъ, многія изъ которыхъ описаны и изображены въ книгѣ Нельсона (стр. 160, fig. 44). У насъ имѣется только одинъ экземпляръ такой стрѣлы, аналогичный изображенному Нельсономъ подъ № 6.

Стрѣла для битья рыбъ, № 1267—26 (рис. 13, к), 88 стм. дл. Древко (71 стм. дл.) на переднемъ концѣ вооружено двумя неравной длины остріями изъ моржовой кости (18 и 15,5 стм. дл.), нѣсколько согнутыми внутрь и связанными между собою жильными нитками. На ребрахъ ихъ, обращенныхъ внутрь, нарѣзаны зазубрины (на одномъ 5, а на другомъ 6). На заднемъ плоскомъ концѣ древка сдѣлана вырѣзка для тетивы и прикрѣплены жильными нитками три пера.

6) Знаки собственности.

На головкахъ гарпуновъ, на наконечникахъ стрѣлъ и на самихъ остріяхъ (костяныхъ) очень часто вырѣзаны знаки ихъ владѣльцевъ, играющіе очень важную роль при рѣшеніи вопроса о правахъ на животное, убитое стрѣлами двухъ или нѣсколькихъ охотниковъ. Знаки эти состоятъ изъ черточекъ въ разнаго рода комбинаціяхъ, стрѣлочекъ, крестиковъ, стилизованныхъ тотемическихъ изображеній и т. п., иногда чего-то похожего на постройку и т. д. (рис. 16¹⁾) и находятся обыкновенно у основанія головокъ гарпуновъ, наконечниковъ стрѣлъ и носковъ стрѣлъ.

7) Колчаны.

Колчанъ для стрѣлъ, № 1266—99 (рис. 17, а), изъ тюленьей кожи, въ видѣ длиннаго цилиндра (70 стм. дл. и 11 стм. діам.). Дно—круглое (12 стм. діам.), изъ толстой кожи.

То же, № 1267—35 (рис. 17, б), сшитый изъ выдѣланной кожи сѣвер. оленя. Длина одного края, къ которому прикрѣплена деревянная палочка—48 стм., другого—66 стм., сред. ширина—15 стм. Верхній край и край, соотвѣтствующій палочкѣ, украшены нѣсколькими рядами разноцвѣтныхъ (бѣлыхъ, синихъ, красныхъ) бусъ; край длинной стороны колчана, вмѣсто бусъ, украшенъ длинными ремешками съ нанизанными на нихъ зернами или навязанными на нихъ пленками птичьихъ перьевъ и волосами. Къ верхней части палочки прикрѣплены два конца тонкаго плетенаго ремня (126 стм. дл.), на которомъ вѣшаютъ колчанъ.

То же, № 1267—144 (табл. VIII, б, слѣва), кожаный, удлиненно-четыреугольной формы. Между двумя деревянными плоскими палками (82 стм. дл. и 2 стм. шир.), обшитыми выдѣланной оленьей кожей, съ лицевой стороны вшиты полоски желтой орнаментированной кожи и бѣлой замши. Орнаментъ исполненъ жильными нитками и пленками съ перьевъ; съ обратной стороны вшита мягкая оленья кожа съ продольнымъ прорѣзомъ вверху для вкладыванія стрѣлъ; на срединѣ прорѣза вшиты завязки изъ ремешковъ. Къ обѣимъ палкамъ прикрѣплены ременныя петли, на которыхъ носятъ колчанъ; внизу, съ лицевой стороны, спускаются плетеныя изъ жилъ нити, съ двойными ремешками на концахъ.

¹⁾ 1) № 1267—26; 2) 1266—91; 3) 1267—113; 4) 1267—110; 5) 1267—27; 6) 1267—109; 7) 1267—29; 8) 1267—111; 9) 1267—70; 10) 1266—94; 11) 1267—108 (тотемич. знакъ Волка); 12) 1266—88 и 1266—86; 13) 1266—85 и 1266—96; 14) 1267—94 (тотемич. знакъ Мѣдвѣдя); 15) 1267—101; 16) 1267—89; 17) 1267—103; 18) 1266—93; 19) 1267—33; 20) 1267—105; 21) 1267—32 (тотемич. знакъ Ворона); 22) 1267—98; 23) 1267—112.

То же, № 1267—34 (табл. VIII, с, справа), кожаный, четырехугольной формы. Между двумя деревянными плоскими палками (80 стм. дл., 2,5 шир.), обшитыми кожей, съ лицевой стороны вшиты полоски желтой орнаментированной и бѣлой кожи; съ обратной стороны стѣнка колчана состоитъ изъ полосы выдѣланной оленьей кожи (81 стм. дл. и около 22-хъ стм. шир.) съ продольнымъ прорѣзомъ вверху. Къ обѣимъ боковымъ палкамъ придѣланы ремни, на которыхъ носятъ колчанъ.

8) Луки.

Извѣстное изслѣдованіе объ эскимосскихъ лукахъ John'a Murdoch'a¹⁾ показало, что употребленіе этого оружія было развито, главнымъ образомъ, у эскимосовъ и алеутовъ, которые и выработали его наиболѣе совершенный типъ, проникшій, путемъ торговыхъ сношеній, довольно далеко на югъ, до самой Британской Колумбіи. Характерную особенность эскимосскаго лука въ его наиболѣе чистомъ видѣ, встрѣчающемся, главнымъ образомъ, въ области между рѣками Юкономъ и Кускоквимомъ, составляетъ веревка (иногда—двѣ) изъ жильныхъ шнурковъ, протянутая вдоль наружной поверхности лука и прикрѣпленная къ нему нѣсколькими поперечными связками изъ того же матеріала. Самый лукъ отличается широкой и плоской формой, съ перехватомъ посрединѣ для руки. У другихъ эскимосовъ, какъ, напр., у конягъ побережья Нортонскаго залива, луки болѣе узки и не имѣютъ жильной веревки; у болѣе южныхъ и на о-вѣ св. Лаврентія они имѣютъ двойной изгибъ (double curve) и т. д. У тлинкитовъ эскимосскіе луки встрѣчаются только изрѣдка и случайно, да и вообще у нихъ оружіе это является только вспомогательнымъ и служитъ только для того, чтобы добывать раненую дичь, не расходуя, при этомъ, пороху и свинца, тогда какъ у эскимосовъ и алеутовъ оно, вмѣстѣ съ гарпуномъ, составляло прежде главное оружіе для звѣринаго промысла, хотя теперь, по словамъ Нельсона, оно и у нихъ употребляется больше для охоты на птицъ и рыбъ.

По свидѣтельству Загоскина, луки „выгибались у эскимосовъ изъ лиственницы или еловой крени“, а для большей упругости въ сгибѣ наружной ихъ стороны подвязывались еще пластинки моржовой кости и перетягивались по длинѣ китовыми кручеными нитками²⁾. Тонкая же „лиственъ“, преимущественно употреблявшаяся туземцами на стрѣлки и дротики, составляла, по его же словамъ, отрасль мѣновой торговли между южными и сѣверными малегмютами. Приводимъ наиболѣе типическіе экземпляры нашей коллекціи:

Лукъ, № 1298—24 (рис. 18, а), деревянный, прямой и плоскій (127 стм. дл. и около 2 стм. толщ.), посрединѣ и по краямъ суженный, въ наиболѣе широкихъ частяхъ достигаетъ 5 стм. шир. Тетива—изъ жильныхъ шнурковъ. Cf. у Nelson'a, Pl. LX, fig. 1.

То же, № 1267—36 (рис. 18, б), лукъ квихпаковъ (устья р. Юкона), широкой и плоской, 136 стм. дл., 1,5 стм., а посрединѣ 3,5 стм.—толщ., къ концамъ около 3 стм. шир., между серединой же и концами около 5,5 стм. Съ наружной стороны (вдоль спинки) во всю длину лука прикрѣплена связка витыхъ сухожильныхъ нитокъ. Съ внутренней стороны лукъ выкрашенъ въ желтый цвѣтъ съ красными полосками.

То же, № 1266—18 (рис. 18, в), широкой и плоской, 130 стм. дл., около 2 стм. толщ. посрединѣ и 1,2 къ концамъ, около 6 стм. ширины между серединой и концами и около 3 стм. возлѣ концовъ. Вдоль спинки—связка сухожильныхъ шнурковъ, посрединѣ же подложена еще деревянная пластинка (29 стм. дл.). Выкрашенъ лукъ въ зеленый и красный цвѣта. Тетива—изъ сухожильныхъ нитокъ. Cf. Nelson, Pl. LX, fig. 3.

¹⁾ John Murdoch. A study of the Eskimo Bows in the U. S. Nat. Museum (Smithson. Report, 1884).

²⁾ А. Загоскинъ, *op. cit.*, стр. 61.

То же, № 1298—26 (рис. 18, d), длинный и узкий (138 см. дл., 3 см. шир. посрединѣ и 2 см. по концамъ); почти во всю длину, за исключеніемъ концовъ, обмотанъ тонкой, крученой ниткой изъ сухожилій. По наружной сторонѣ (спинкѣ) протянута связка такихъ же нитокъ, середина обмотана ремнемъ, а съ внутренней стороны къ ней привязана

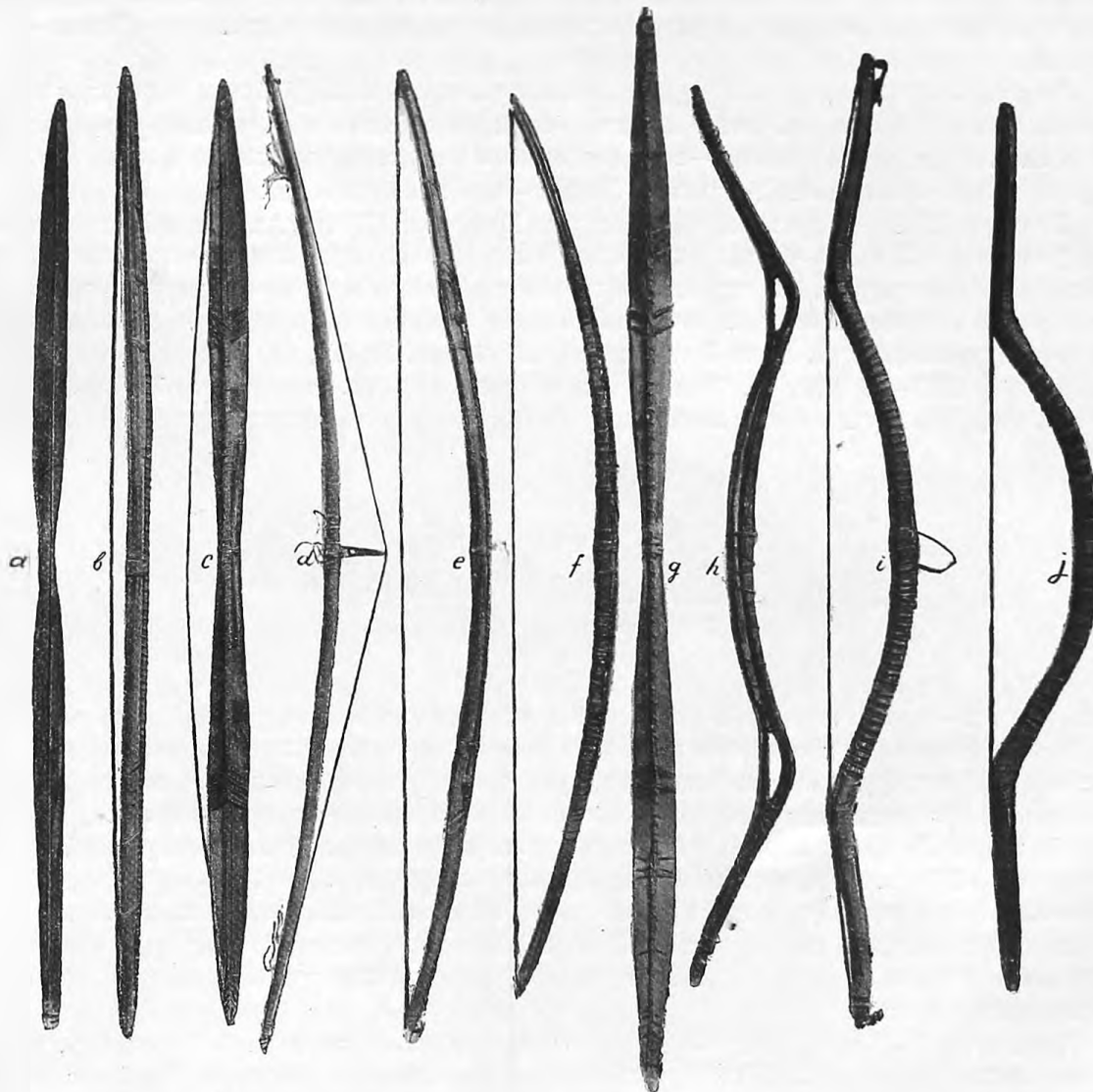

Рис. 18.

деревянная подставочка (6 см. выс.) для принятія удара тетивы послѣ спуска стрѣлы. Подобный же лукъ кенайцевъ изображенъ и описанъ у Niblack'a, Pl. XXVI, fig. 115.

То же, № 1267—38 (рис. 18, e), лукъ кусоквимцевъ, 137 см. дл. и около 3,5 толщ. посрединѣ и 1,5 см. къ концамъ; ширина посрединѣ достигаетъ 3 см., а между серединой и концами до 6 см. Съ наружной стороны (вдоль спинки)—связка жильныхъ нитокъ, подъ которую, на разстояніи 35 см. отъ концовъ, подложено два кусочка дерева около 1 см. высоты. Съ внутренней стороны лукъ окрашенъ красной, желтой и черной красками. Те-

тива—изъ жильныхъ нитокъ. Имѣеть сходство съ лукомъ съ острова Нунивака (Nelson, Pl. LX, fig. 4).

То же, № 1267—73 (рис. 18, f), лукъ чугачей (южная Аляска), 128 стм. дл., около 1,5 стм. шир., къ концамъ и срединѣ сѣуживающійся. Къ спинкѣ во всю длину прикрѣплена, плетеной изъ жилъ обмоткой, связка (посрединѣ двойная) жильныхъ шнурковъ, подъ которой подложенъ рядъ деревянныхъ пластинокъ и костяная прокладка. Тетива—изъ жильныхъ шнурковъ.

То же, № 1267—40 (рис. 18, g), съ Мѣдной рѣпки, широкой (6,5 стм. шир.), съ отогнутыми концами, 147 стм. дл., около 1,5 стм. толщ.; въ срединѣ и на концахъ сѣуженъ до 3 стм. шир. Во всю длину стѣнки—связка жильныхъ шнурковъ; выкрашенъ желтой краской, ребра и полоса подъ тетивой—красной. Тетива—изъ жильныхъ нитокъ.

То же, № 1267—42 (рис. 18, h), съ острова Нунивака; 127 стм. дл., около 1,5 стм. толщ.; посрединѣ и къ концамъ—около 3 стм. шир., между серединой и концами—до 6 стм. Концы сильно отогнуты наружу. Съ наружной стороны по всей стѣнкѣ лука прикрѣплена плетеной изъ жилъ обмоткой и туго натянута жильная веревка, подъ которую подложена костяная пластинка (50 стм. дл. и 3 стм. шир.). Cf. Nelson, Pl. LX, fig. 9.

То же, 1267—43 (рис. 18, i), вѣроятно чугачей, 136 стм. дл., около 1,5 стм. толщ., 4,5 стм. шир., къ концамъ сѣуживающійся. Концы загнуты до соприкосновенія съ тетивой.

Рис. 19.

Вдоль спинки—жильная веревка, посрединѣ двойная; подъ ней на срединѣ и на изгибахъ концовъ подложены костяныя пластинки, а между ними—поперечные ряды пластинокъ изъ китоваго уса; между этими пластинками и лукомъ—кожаная прокладка. Изгибы обшиты, а середина обмотана ремнемъ; на верхней сторонѣ середины лука—ременная петля.

То же, 1267—45 (рис. 18, j), вѣроятно, чугачей; форма подобна предыдущей; 123 стм. длины, около 1,5 стм. шир., посрединѣ и на концахъ—сѣуженный. Во всю длину наружной стороны—жильная веревка, посрединѣ двойная; на изгибахъ подложены двѣ костяныя пластинки (11 стм. дл.), а между ними—3 деревянныя и 2 маленькія костяныя пластинки. На изогнутой части лука, подъ двойной связкой, подложена костяная прокладка. Тетива—изъ жильныхъ нитокъ.

То же, № 1267—146 (рис. 19), эскимосскій, широкий и плоскій, 137 стм. дл., около 1,5 стм. толщ. (посрединѣ 2,5 стм.), посрединѣ и къ концамъ около 3 стм. шир.; между серединой и концами ширина достигаетъ 5,5 стм. Съ наружной стороны, вдоль спинки лука,—связка жильныхъ шнурковъ. Окрашенъ красной, зеленой и черной красками. Этими же красками изображены на желтыхъ поперечныхъ полосахъ фигурки человѣка, оленей и пр.

9) *Разныя принадлежности охоты и рыбной ловли.*

1) Палочка для ловли трески линеиъ, № 1266—82 (рис. 6, a), состоитъ изъ плоской деревянной, обмотанной китовымъ усомъ, палочки, 91 стм. дл. и около 2 стм. шир., къ переднему концу которой прикрѣплена китовымъ усомъ костяная пластинка съ круглымъ прорѣзомъ, образующимъ кольцо, и двумя зубчиками на его верхней части. Эта пластинка (line guide) и служитъ опорой для лinya, направляемаго при помощи палочки. Два зубчика

наверху кольца, вмѣстѣ съ вырѣзомъ на противоположномъ концѣ палочки, служатъ вилочками для наматыванія линя передъ ужениемъ. У Nelson'a, гдѣ описано это орудіе (стр. 177), на табл. LXVIII есть нѣсколько изображеній такого line guide'a разныхъ формъ (fig. 19, 12 и 26), изъ которыхъ одно (fig. 9) представляетъ экземпляръ, вполне подобный нашему.

2) Манщикъ или манчикъ, № 1266—51 (рис. 20)—шкурка молодого тюленя (дл. 87 см.), надутая воздухомъ и пускаемая на воду для приманиванія тюленей. Иногда ее просто кладутъ на скалу, а охотникъ прячется возлѣ нея и, когда тюлени подойдутъ, бьетъ ихъ палкой или стрѣляетъ изъ лука, иногда же заманиваютъ въ разставленную предварительно сѣть ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ манщикъ употребляется просто вмѣсто пузыря, привязываемаго къ гарпуну или мауту, какъ объ этомъ говорится у О. Mason'a, причемъ приведенъ и рисунокъ манщика ²⁾.

Веніаминовъ упоминаетъ еще объ употребленіи маншиковъ вмѣстѣ съ пузырями, какъ матеріала для сооруженія предательской лѣстницы, по которой приглашенные гости должны спускаться въ барабору (зимнее жилище) или кажимъ (общественная постройка) алеутовъ ³⁾, съ рискомъ, разумѣется, упасть—къ великому увеселенію хозяевъ и зрителей.

Рис. 20.

3) Байдарки, по отзывамъ русскихъ путешественниковъ, достигли наибольшаго технического совершенства у алеутовъ, у эскимосовъ же отличаются валкостью и болѣе медленнымъ ходомъ (у жителей устьевъ Квихпака и Кускоквима). Онѣ дѣлались изъ китоваго уса, кости и ровдуга, т.-е. выдѣланныхъ и продымленныхъ—по большей части, сивучьихъ—кожъ, и бывали однолучныя, двулучныя и трехлучныя. Въ дѣйствительности, однолучная байдарка представляетъ собою основной типъ; двулучныя, по свидѣтельству Веніаминова, употреблялись только стариками, не надѣявшимися на свои силы и бравшими съ собою мальчика, а трехлучныя дѣлались только для поѣздокъ русскихъ начальниковъ, и постройка ихъ началась только съ прибытія русскихъ ⁴⁾. Въ позднѣйшее же время, т.-е. въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онѣ, повидимому, вытѣснили собой прочія и сдѣлались наиболѣе обыкновенными ⁵⁾. У кенайцевъ, по словамъ Загоскина, лодочки дѣлались изъ бересты ⁶⁾, а у тлинкитовъ—изъ дерева различнаго рода, смотря по назначенію (для охоты, перевозки, войны или путешествія ⁷⁾). Байдарки намъ переданы изъ Царскосельскаго арсенала только въ видѣ маленькихъ, хотя и превосходно сдѣланныхъ, моделей.

¹⁾ Bancroft. The native races. I, 78; Хвостовъ и Давыдовъ, *op. cit.*, II, 190, 192—3.

²⁾ Otis T. Mason. Aboriginal american harpoons (*Rep. of. B. S. Nat. Mus. for 1900*), p. 207, fig. 5.

³⁾ Веніаминовъ, *op. cit.*, II, 88.

⁴⁾ *Ibid.* II, 222—223.

⁵⁾ Fr. Whympcr. Alaska, s. 149.

⁶⁾ Загоскинъ, *op. cit.*, II, 66.

⁷⁾ Niblack, *op. cit.*, p. 294 pass.

Модель байдарки однолючной (икахъ), № 1266—60 (рис. 21, d), сшита изъ нерпячьей (тюленьей) кожи. Въ люкъ—рѣзная изъ дерева фигурка алеута въ камлейкѣ и деревянной, раскрашенной шляпѣ, въ которыхъ алеуты выѣзжаютъ обыкновенно на промыселъ. Въ рукахъ у алеута—двухлопастное весло. На верхней поверхности байдарки укрѣплены два превосходно сдѣланныхъ бобровыхъ гарпуна, съ древкомъ, костяной головкой, остриемъ и маутомъ. Сзади люка—одно маленькое весло. Дл. модели 54 см., наиб. шир. 6 см.

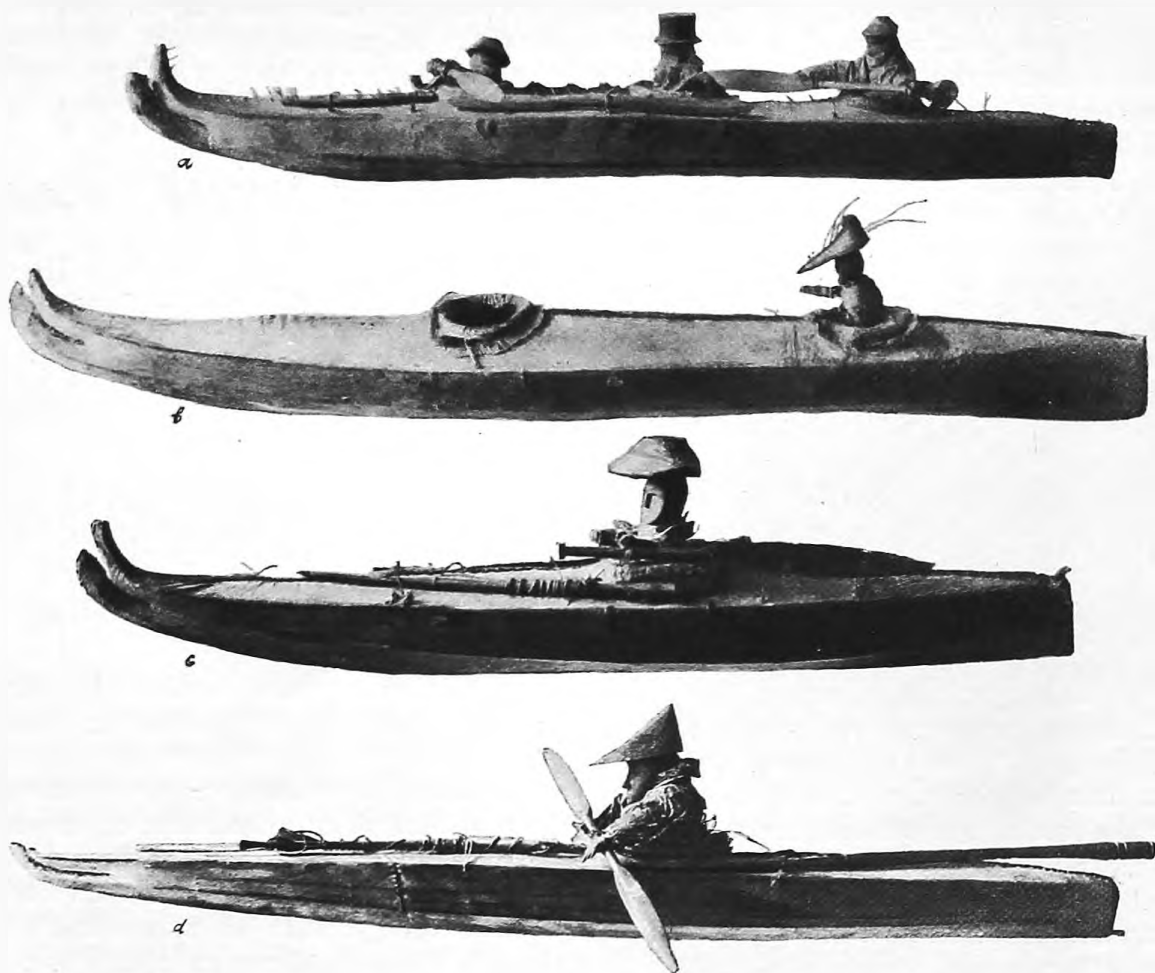

Рис. 21.

Модель байдарки однолючной, № 1298—32 (рис. 21, c), сшита изъ тюленьихъ кожъ. Въ люкъ—деревянная фигурка тлинкита въ шляпѣ, снаружи раскрашенной. Къ лѣвой рукѣ фигурки привязано весло, лопасть котораго выкрашена черной краской. Наверху байдарки, въ носовой части, находятся два гарпуна. Дл. модели 49 см.

Модель байдарки двулючной, № 1266—61 (рис. 21, b), изъ нерпячьей кожи. Въ заднемъ люкъ—сдѣланная изъ дерева фигурка алеута въ камлейкѣ и деревянной раскрашенной шляпѣ. Средній люкъ не занятъ. На поверхности байдарки къ бортамъ прикрѣплены два гарпуна. Дл. модели 69 см.

Модель байдарки трехлючной (улюхтакъ), № 1298—33 (рис. 21, a), изъ тюленьей кожи. Въ среднемъ люкъ—фигурка человѣка въ цилиндрической шляпѣ, въ переднемъ и

заднемъ—двѣ деревянные фигурки тлинкитовъ въ камлейкахъ и круглыхъ раскрашенныхъ шляпахъ, съ веслами въ рукахъ. Лопаста весель окрашены въ черный цвѣтъ. Наверху байдарки находится двухлопастное весло. Длина модели 60 см.

4) **Весла.** Судя по формѣ и по окраскѣ, можно думать, что переданныя намъ изъ Царскосельскаго арсенала весла принадлежать конягамъ, такъ какъ, по словамъ Хвостова и Давыдова ¹⁾, у нихъ употреблялись однолопастныя весла, у алеутовъ же двухлопастныя.

Весло, № 1298—9 (рис. 22, f), 136 см. дл.; лопасть—узкая, листовидная, 11 см. шир., выкрашена въ черную краску; рукоятка—круглая, съ утолщеніемъ на концѣ.

То же, № 1298—34 (рис. 22, e), 150 см. дл.; лопасть—узкая, листовидная (въ видѣ ивовога листа), выкрашена черной краской. Рукоятка—круглая (59 см. дл.), съ утолщеніемъ на концѣ.

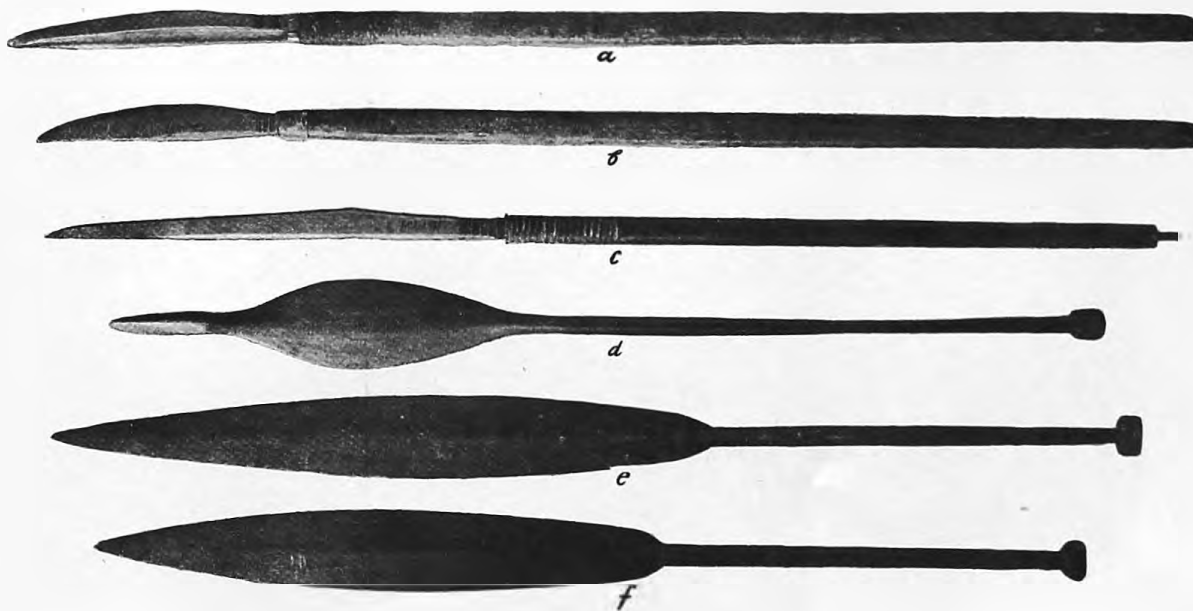

Рис. 22.

То же, № 1266—100 (рис. 22, d), 136 см. дл., съ узкой (11 см.) и короткой лопастью, которая оканчивается плоскимъ утолщеніемъ, перпендикулярнымъ плоскости лопасти. Рукоятка—тонкая, съ утолщеніемъ на концѣ.

II. Предметы одежды и домашняго обихода.

Собственно о предметахъ одежды, за исключеніемъ нѣсколькихъ шляпъ, намъ говорить вовсе не придется, такъ какъ всѣ парки и камлейки изъ птичьихъ шкурокъ, сивучьихъ кишекъ и т. п., хранившіяся въ Царскосельскомъ арсеналѣ, при передачѣ ихъ, оказались въ видѣ маленькихъ кусочковъ, изъ которыхъ нельзя было сдѣлать никакого употребленія и которые, поэтому, даже не попали въ опись. Пробѣль этотъ очень счастливо заполненъ коллекціей Кіевскаго университета, о которой было уже упомянуто выше и которая заключаетъ въ себѣ довольно большое количество одежды. То же, что мы имѣемъ изъ Царскосельскаго арсенала, ограничивается панцырями, шлемами и шляпами.

¹⁾ Хвостовъ и Давыдовъ, *op. cit.*, II, 147.

а) *Панцыри.*

Переданные изъ Царскосельскаго арсенала три экземпляра панцырей не только принадлежатъ тремъ различнымъ народностямъ, но и несомнѣнно представляютъ собою три различныя ступени развитія этого защитнаго вооруженія. Нельзя поручиться, разумѣется, что панцырю изъ костяныхъ пластинокъ не могли предшествовать кирасы изъ сплошной твердой кожи, какъ это было у тлинкитовъ, или изъ кожаныхъ полосъ, какъ у чукчей, изображенныя и описанныя у Hough'a ¹⁾, но, безъ сомнѣнія, костяной панцырь, въ свою очередь, былъ прототипомъ деревяннаго съ аспидными дощечками, а затѣмъ просто деревяннаго и, наконецъ, и металлическаго, который встрѣчался на Аляскѣ ²⁾ и, конечно, былъ предшественникомъ японскаго, носящаго явные слѣды подражанія костяному.

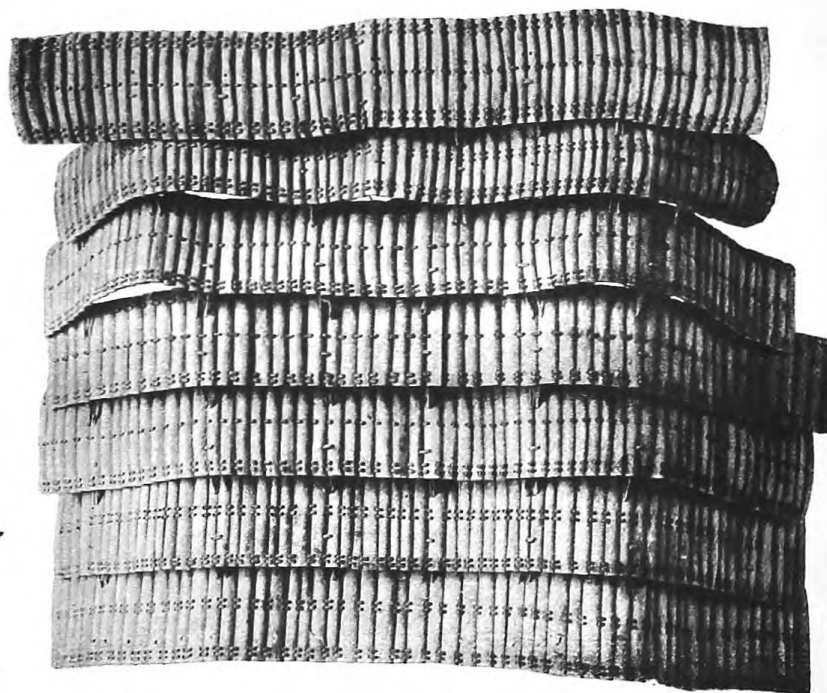

Рис. 23.

Панцырь, № 1267—118 (рис. 23), состоитъ изъ костяныхъ пластинокъ (12 см. дл. и 1,5 шир.) съ просверленными въ три ряда отверстіями, сквозь которыя пластинки эти сшиты ремешками. Пластинки сдѣланы изъ реберъ и трубчатыхъ костей; всѣхъ рядовъ пластинокъ—семь; весь онъ имѣетъ 97 см. въ длину и 60 см. въ шир. Въ списокѣ Царскосельскаго арсенала панцырь этотъ обозначенъ какъ *чукскія* латы; выраженіе это можно понимать какъ *чукотскія* и какъ *чугачскія*, и оба эти обозначенія приложимы къ данному предмету, такъ какъ подобные панцыри встрѣчаются и на сѣверо-востокѣ Азіи и у эскимосовъ. У Нельсона (стр. 330, Pl. XCII) и у Hough'a (Pl. 2, fig. 1) мы находимъ описаніе и изображеніе точно такого же панцыря съ Діомидовыхъ (Гвоздевыхъ) о-вовъ и о-ва св. Лаврентія въ Беринговомъ проливѣ.

¹⁾ Hough (Walter). Primitive american armor (Rep. of U. S. Nat. Mus. for 1893). Pl. 16 and Pl. 4, fig. 2.

²⁾ Id., op. cit., p. 632, Pl. 2, fig. 2, съ мыса принца Уэльскаго.

Панцырь, № 1298—28 (рис. 24), тлинкитскій, сдѣланъ изъ деревянныхъ дощечекъ и палочекъ, переплетенныхъ между собой сухожильными нитками. Онъ состоитъ изъ 4 частей, связанныхъ между собой ремешками. Часть, прикрывающая грудь (съ правой стороны рисунка), 57 см. дл. и 42 шир., почти сплошь опутана нитками, за исключеніемъ середины, на которой находится тотемическое изображеніе Ноорты (Медвѣдя), одного изъ подраздѣленій племени тлинкитовъ. Другая часть, прикрывающая спину (51 см. дл. и 28 шир.), съ выдающимся внизъ мысомъ, украшена такимъ же изображеніемъ. Надъ грудной и спинной частями, при помощи ремня, прикрѣплены еще двѣ пластины (надъ грудной 14×36, надъ спинной 14×26), для защиты шеи. Панцырь этотъ очень близко напоминаетъ такого же рода защитную одежду, изображенную въ атласѣ Лисянскаго (л. 11, М.), откуда это изображеніе было перепечатано у Niblack'a (Pl. XIV, fig. 49) и у Hough'a (op. cit., Pl. 9).

Рис. 24.

Панцырь, № 1267—145 (табл. VIII, d), вѣроятно, чукотскаго происхожденія, состоитъ изъ двухъ связанныхъ ремешками частей. Верхняя часть, прикрывающая голову и плечи, состоитъ изъ трехъ досокъ: одна, имѣющая форму четырехугольника (37×53 см.), снаружи обтянута желтой кожей и обита по краямъ и по угламъ жестью, посрединѣ прибита жестяная пластинка ромбической формы, украшенная синими, голубыми и бѣлыми бусами; двѣ другія доски обтянуты кожей и имѣютъ неправильную четырехугольную форму со сръзаннымъ верхнимъ краемъ. Нижняя часть, прикрывающая туловище, состоитъ изъ восьми рядовъ небольшихъ (2×11 см.) желѣзныхъ пластинокъ, связанныхъ между собою ремешками и украшенныхъ синими бусами. Къ свободному (не прикрѣпленному къ верхнему щиту) краю верхняго ряда желѣзныхъ пластинокъ прикрѣплена деревянная дощечка, обтянутая кожей и обитая жестяными пластинками съ полукруглымъ вырѣзомъ у верхняго края. Длина панцыря 123 см., шир. нижней части 86 см.

в) Деревянная забрала (visors).

Представляютъ собою выдолбленные изъ дерева полые цилиндры, сръзанные снизу такимъ образомъ, что верхній край остается горизонтальнымъ, а нижній поднимается спереди

назадъ, такъ что передняя часть ихъ имѣетъ полукруглый видъ и почти вчетверо выше, чѣмъ задняя, снабженная прорѣзомъ и ременными завязками. Почти посреди высоты въ передней части сдѣланы двѣ круглыя (довольно, впрочемъ, узкія) дырочки для глазъ и одна для носа; съ внутренней стороны, для помѣщенія носа, сдѣлано соотвѣтственной формы углубленіе. Приборъ этотъ надѣвался на лицо въ видѣ забрала, причемъ верхняя часть головы оставалась открытой или закрывалась отдѣльнымъ шлемомъ, иногда въ видѣ головы какого-нибудь чудовища, что, разумѣется, увеличивало ростъ одѣтаго такимъ образомъ тлинкитскаго воина.

Деревянное забрало, № 1298—10 (рис. 25), 18 и 24 см. въ діам., 2 см. толщ.; выс. спереди 16 см. и сзади 4 см.; выкрашено по голубому фону красной и черной красками въ видѣ глазного орнамента, изображающаго, повидимому, тотемическій знакъ Медвѣдя. Просверлены отверстія для глазъ и носа.

То же, № 1298—15 (табл. VII, f); передняя сторона, 16-ти см. высоты, имѣетъ отверстія для глазъ и посреди нѣсколько большее для дыханія; задняя сторона съ вырѣзомъ имѣетъ

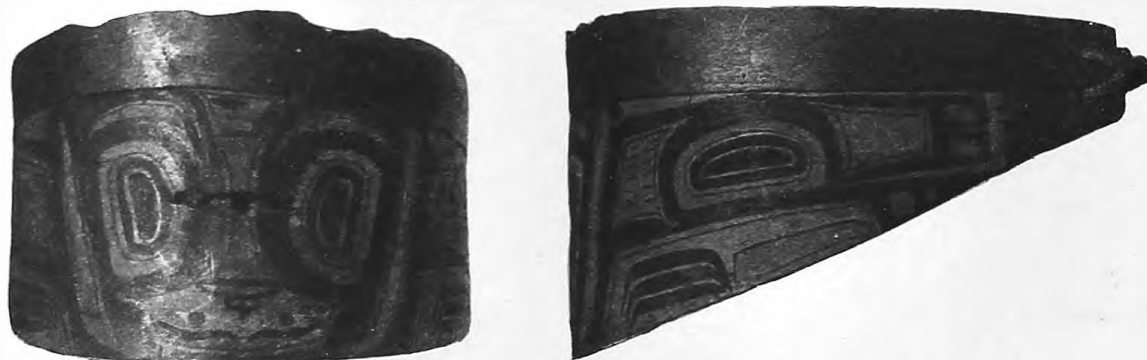

Рис. 25.

всего около 4 см. выс.; діам. 18—21 см., толщ. около 2-хъ см. Снаружи забрало почти сплошь украшено глазнымъ орнаментомъ, представляющимъ тотемическій знакъ Медвѣдя.

с) Деревянные шлемы.

Этотъ очень рѣдкій головной уборъ, изображеніе котораго, по словамъ Niblack'a¹⁾, можно найти только на рѣзныхъ столбахъ и древнихъ пиктографіяхъ, помѣщался на головѣ сверхъ забрала и защищалъ ея верхнюю часть; дѣлались такіе шлемы обыкновенно изъ выдолбленнаго дерева довольно значительной толщины, въ видѣ шапки съ изображеніемъ чело-вѣческаго лица (см. Niblack, Pl. XIII, fig. 42), или въ видѣ чудовищной чело-вѣческой головы (какъ на рис. Лисянскаго), или звѣриной (Niblack, Pl. XIII, 41). Держались на головѣ при помощи ремешковъ, прикрѣпленныхъ съ боковъ и подвязывавшихся подъ подбородкомъ. Въ позднѣйшее время эти шлемы выродились въ ритуальныя маски вождей племени и дѣлаются хотя тоже изъ дерева, но очень незначительной толщины. Такія маски будутъ описаны далѣе.

Деревянный шлемъ, № 1298—16 (табл. VII, b), представляетъ собою подобіе не то чело-вѣческой, не то медвѣжьей головы, выдолбленное изъ дерева и полое внутри, съ довольно толстыми (около 4-хъ см.) стѣнками. Сверху не только верхняя часть головы, но и все лицо

¹⁾ Niblack, op. cit., p. 270.

обтянута моржовой шкурой; вмѣсто глазъ вставлены круглыя, выпуклыя пластинки изъ красной мѣди (4 см. въ діам.); губы также изображены выпуклыми мѣдными пластинками (14 см. дл. и 5 см. шир.), въ которыя вставлены два ряда искусственныхъ зубовъ.

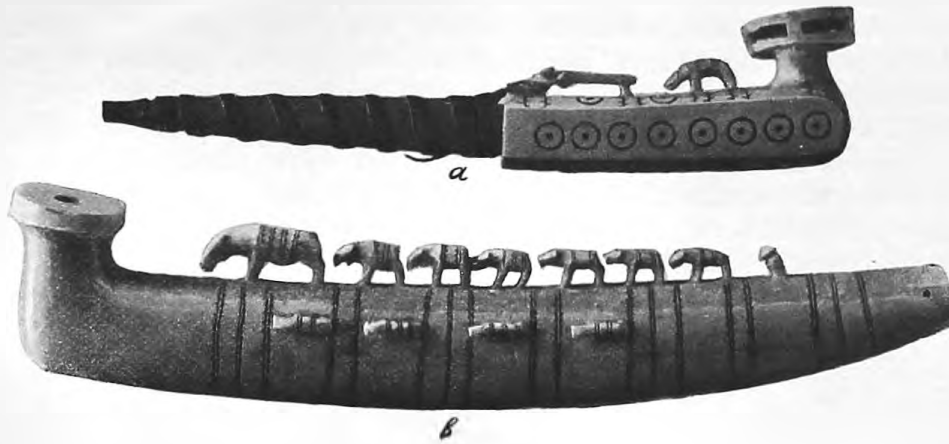

Рис. 26.

Высота шлема 21 см., окружность внизу и снаружи 94 см.; продольн. внутр. діам. 22 см., поперечн. 18,5. Изображеніе очень похожей на эту тлинкитской маски мы находимъ въ изданіи Гаррименовской экспедиціи ¹⁾.

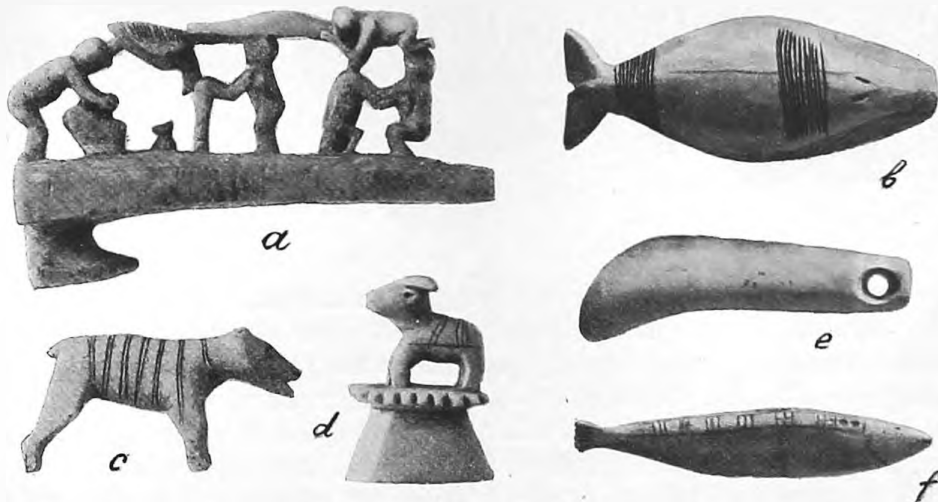

Рис. 27.

Такой же шлемъ, № 1298—18 (рис. 28), изъ долбленаго дерева съ толстыми (около 4-хъ см.) стѣнками, изображаетъ собою медвѣжью голову съ открытой пастью. Сверху голова обтянута моржовой кожей съ волосами. Губы и ноздри выкрашены красной, а большіе глаза—черной краской. На мѣстѣ ушей остались только прорѣзы, куда они были вставлены. Зубы почти не сохранились. Продольный внутр. діам. 21,5 см., поперечн. 18 см.

¹⁾ Alaska (Harriman Alaska Expedition), т. I, стр. 149.

d) Деревянные шляпы.

Этот, тоже довольно исключительный теперь, головной убор употреблялся прежде у эскимосов Берингова пролива и, главным образом, у алеутов, для предохранения глаз от отражения солнца на водѣ, а по Вениаминову—от брызг морской воды ¹⁾. У эскимосов онъ имѣетъ видъ невысокаго конуса, иногда со срѣзанной вершиной и съ однимъ болѣе вытянутымъ краемъ, выдолбленнаго изъ легкаго дерева и или вовсе безъ украшеній или украшеннаго рѣзными изъ кости пластинками и перьями (см. Nelson, *op. cit.* Pl. LXIV). У алеутовъ онъ имѣетъ тоже основную форму конуса, обращеннаго вершиной вверхъ, одинъ изъ краевъ основанія котораго вытянуть далеко впередъ, въ формѣ болѣе или менѣе напоминающей утиный клювъ. Эта шляпа и у алеутовъ сдѣлана изъ легкаго дерева и принимаетъ самыя разнообразныя формы, причемъ, напр., вершина конуса округляется и шляпа получаетъ видъ утиной головы. Очень интересны украшенія этихъ шляп ²⁾. Кромѣ узорчатыхъ рѣзныхъ пластинокъ изъ кости, о которыхъ было уже сказано,

Рис. 28.

Рис. 29.

Рис. 30.

всѣ эти шляпы бывають еще украшены прикрѣпленными сзади сивучьими усами, иногда унизанными бисеромъ; на вершинѣ конуса очень часто прикрѣплена вырѣзанная изъ кости фигурка человѣка, одной или двухъ птичекъ и т. п. Но самымъ главнымъ украшеніемъ алеутскихъ шляпъ служитъ ихъ роспись разными красками. Иногда она имѣетъ характеръ тотемическій, иногда представляетъ человѣческое лицо, иногда же покрыта очень сложнымъ рисункомъ, изображающимъ охотничьи или церемоніальныя сцены и т. п. Роспись эта чрезвычайно прочна, не смывается ни дождевой, ни морской водой и не выцвѣтаетъ или очень мало выцвѣтаетъ отъ времени. Зависитъ это, по словамъ путешественниковъ, отъ употребленія исключительно минеральныхъ красокъ. Лисянскій говоритъ, что „наиболѣе употребительныя краски суть: черная, темно-красная и зелено-голубая“ ³⁾. По словамъ Вениаминова, на Алеутскихъ о-вахъ находятъ глины разныхъ цвѣтовъ, годныя на разныя употребленія, какъ то: бѣлая, красная, желтая и сѣрая. Сверхъ того, есть глины

¹⁾ Вениаминовъ, *op. cit.*, II, стр. 218.

²⁾ Vancroft, *op. cit.*, I, 88—89.

³⁾ Лисянскій, *op. cit.*, IV, 149.

другого рода, которыя гораздо иѣжнѣе и цвѣтистѣе первыхъ и здѣсь извѣстны подъ именемъ *алеутскихъ красокъ*; онѣ бываютъ различныхъ цвѣтовъ: желтаго, краснаго, зеленаго, чернаго, синяго и чернаго блестящаго (графитъ ¹⁾). Наконецъ, Загоскинъ даетъ наиболѣе опредѣленныя свѣдѣнія, говоря, что маски окрашиваютъ цимолитомъ (краснаго цвѣта), болюсомъ (чернаго), кровавикомъ и фосфоро-кислымъ желѣзомъ (въ свѣтло-голубой цвѣтъ ²⁾). Для разведенія красной краски, по словамъ Загоскина, употреблялась урина ³⁾; что же касается прочихъ, то, по единогласному свидѣтельству почти всѣхъ русскихъ писателей, онѣ разводились на кровяной сукровицѣ. Сарычевъ рассказываетъ, что „кровь для сего употребленія достаютъ алеуты изъ своего носу, вкладывая въ него соломенку и ковыряя ею въ ноздрѣ, доколѣ вытечетъ достаточное количество крови“ ⁴⁾. О томъ же говорятъ Вальcroft ⁵⁾, Хвостовъ и Давыдовъ ⁶⁾; послѣдніе прибавляютъ, что если хотятъ, чтобъ краска на шляпѣ или иномъ чемъ долго держалась, то разводятъ ее на отстоѣ крови, пущенной изъ нарочно разбитаго носа. По словамъ Веніаминова, этого рода шляпы въ прежнее время были между алеутами большой рѣдкостью; только тоэны и почетные могли имѣть ихъ, потому что лучшая шапка стоила отъ одного до трехъ калгъ ⁷⁾ (рабовъ).

Деревянная шляпа, № 1266—104 (табл. IX посрединѣ), алеутская, съ сильно выдающейся передней частью. Снаружи покрыта цвѣтнымъ рисункомъ, напоминающимъ тотемическій знакъ Ворона. Сзади, на мѣстѣ шива, прикрѣплена рѣзная изъ моржовой кости пластинка, съ птичьей головой наверху и со сквозными прорѣзами посрединѣ, въ которые вставлены моржовые усы. По бокамъ прикрѣплены двѣ рѣзныя костяныя пластинки треугольной формы, наверху закругленныя. Длина 43 см., шир. 20 см. и выс. 21 см.

То же, № 1266—103, отличается отъ предыдущей только рисункомъ орнаментаціи и двумя птичками наверху. Длина 39 см., шир. 21 и выс. 18.

е) Шляпы плетенныя изъ растительныхъ волоконъ.

Встрѣчаются, главнымъ образомъ, у тлинкитовъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей гайда, а также на о-вѣ Кадьякъ и принадлежатъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ плетеныхъ издѣлій. Онѣ выплетены, почти всѣ безъ исключенія, изъ тонкихъ развѣтвленій еловыхъ корней и украшены сверху обыкновенно какимъ-нибудь тотемическимъ изображеніемъ

Рис. 31.

¹⁾ Веніаминовъ, *op. cit.*, I, стр. 45.

²⁾ Загоскинъ, *op. cit.*, II, 38.

³⁾ *Ibid.*, стр. 22.

⁴⁾ Сарычевъ. Путешествіе. СПб. 1802, II, 161.

⁵⁾ Вальcroft, *op. cit.*, I, 91.

⁶⁾ Хвостовъ и Давыдовъ, *op. cit.* II, 16.

⁷⁾ Веніаминовъ, *op. cit.*, II, 218.

разныхъ цвѣтовъ. Шляпы эти, по формѣ, очень напоминаютъ китайскія, представляя собой конусъ съ очень широкимъ основаніемъ и часто срѣзанной вершиной; иногда же вершина выплетается въ видѣ довольно высокаго и узкаго въ діаметрѣ цилиндрика ¹⁾.

Шляпа плетеная, № 1298—21 (табл. IX внизу слѣва), конической формы со срѣзанной вершиной, сплетена изъ еловыхъ корешковъ и снаружи сплошь закрашена, главнымъ образомъ, тотемическимъ рисункомъ. По краямъ и посрединѣ нашитъ, мѣстами, голубой и бѣлый бисеръ. Изнутри пришита полоска (4 см. шир.), тоже изъ еловыхъ волоконъ, облегающая голову. По нижнему краю, для крѣпости, пришитъ тонкій пруть китоваго уса. Діам. внизу 37 см., выс. 14 см.

Рис. 32.

То же, № 1298—20 (будетъ описана во II т.).

f) Плетенія издѣлія.

Въ б. російско-американскихъ владѣніяхъ плетенія издѣлія достигали очень высокой степени совершенства, особенно у кенайцевъ, алеутовъ (жителей Лисьихъ о-вовъ), тлинкитовъ и родственныхъ съ ними гайда. Изъ предметовъ Царскосельскаго арсенала мы приведемъ здѣсь только описаніе двухъ сумочекъ, отличающихся особенно артистическимъ исполненіемъ:

Сумочка, № 1266—74 (табл. VII, g), съ Лисьихъ о-вовъ, кожаная, сильно попорченная молью, сплошь зашита узоромъ изъ волосъ, бѣлыхъ пленокъ со стержней птичьихъ перьевъ и разноцвѣтныхъ (красныхъ, черныхъ, золоченыхъ) нитокъ. Орнаментъ—геометрический, подкладка—голубая, атласная. Задняя половина сумочки, оканчивающаяся полукруглой лопастью, перегибается на переднюю сторону и прикрываетъ отверстие. Размѣръ 7,5×12 сантиметровъ.

То же, № 1266—73 (табл. VII, h), съ Лисьихъ о-вовъ, кожаная, сплошь зашита узоромъ изъ волосъ, пленокъ со стержней птичьихъ перьевъ и разноцвѣтныхъ нитокъ, надерганныхъ изъ русскихъ тканей; задняя

половина заламывается полукруглымъ лоскутомъ на переднюю и закрываетъ отверстие сумочки. Къ этому полукруглому краю прикрѣплены три волосяныя нитки. Въ доступной намъ литературѣ мы подобныхъ предметовъ не нашли.

g) Разные предметы изъ мамонтовой и моржовой кости ²⁾.

Подобные предметы изготовлялись, по показаніямъ почти всѣхъ русскихъ путешественниковъ, какъ эскимосами, такъ алеутами и др. Загоскинъ говоритъ, что квихпахцы

¹⁾ Niblack, Pl. XII, p. 267; Otis T. Mason. Basket-work of the north american aborigines. Washingt. 1890. (Rep. of Smiths. Inst. U. S. N. M. 1883—1884, part II). Pl. IX.

²⁾ Какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ насъ очень стѣсняло отсутствіе въ русскомъ языкѣ

пользовались костями ископаемых животных и очень искусно вырѣзываютъ изъ нихъ куклы, табакерки и разныя украшенія ¹⁾). По словамъ Хвостова и Давыдова, „коняги очень искусно обдѣлываютъ кость согнутымъ ножичкомъ... Къ распиливанію кости употребляютъ они простое помачиваемое часто жиромъ или водою желѣзцо, а къ просверливанію дыръ—небольшое долотцо, сооруженное такъ, что оно, помощію обернутой вокругъ него веревки, можетъ вертѣться“ ²⁾). Эти отзывы заставляютъ думать, что этого рода предметы изъ Царскосельскаго арсенала, несмотря на ихъ поразительное сходство съ чукотскими, могли и не быть пріобрѣтены эскимосами отъ чукчей путемъ обмѣна, а сдѣланы самостоятельно.

Трубка курительная, костяная, № 1267—127 (рис. 26, а), изъ моржовой кости, съ деревяннымъ чубучкомъ, обмотаннымъ полоской кожи, 23,5 стм. дл., 4,5 стм. выс. и 3 стм. толщ. Украшена рѣзбой (кружки и линіи съ зубцами и скульптурной сценой, изображающей охотника, цѣлящагося изъ ружья, на сошкахъ, въ медвѣдя). Отверстіе для табаку—очень маленькое.

То же, № 1267—126 (рис. 26, б), изъ моржовой кости (29 стм. дл., 5,5 стм. высоты и 3 стм. толщ.). Украшена сверху рядомъ изъ 7 штукъ постепенно уменьшающихся въ величинѣ медвѣдей, а съ каждой боковой стороны—четырьмя фигурками моржей. Кромѣ того, на ней есть еще и гравированная орнаментация. Отверстіе—очень небольшое.

Костяная пластинка, № 1267—130 (рис. 27, а), 6,5 стм. дл. и 2,5 высоты, съ четырехугольнымъ прорѣзомъ съ одной стороны и костянымъ крючкомъ

внизу—съ другой. Сверху пластинки вырѣзана какая-то сцена изъ пяти человѣческихъ фигурокъ и птицы. Весь предметъ—изъ одного куска мамонтовой (?) кости.

Костяная фигурка, № 1267—129 (рис. 27, б), изъ мамонтовой кости, изображающая въ небольшомъ размѣрѣ (8,5 стм. дл. и около 3 стм. толщ.) кита; около хвоста и возлѣ головы на спинѣ—ряды поперечныхъ нарѣзокъ.

Костяная фигурка, № 1267—125 (рис. 27, с), изображающая медвѣдя, около 4 стм. дл. Кругомъ черезъ спину нарѣзано 7 паръ тонкихъ поперечныхъ полосокъ.

Рис. 33.

выраженія, соответствующаго лат. *ebur*, франц. *ivoire*, англ. *ivory*, вслѣдствіе чего мы должны были употреблять выраженія: *слоновая, мамонтовая, моржовая* кость; но очень возможно, что гдѣ-нибудь выраженіе *моржовая кость* могло проскользнуть и въ смыслѣ обыкновенной кости моржа.

¹⁾ Загоскинъ, *op. cit.*, II, 18, 22.

²⁾ Хвостовъ и Давыдовъ, *op. cit.*, II, 105.

Колюжка или колюжина, № 1298—31 (рис. 27, d), рѣзная, изъ мамонтовой кости. На небольшой овальной подставочкѣ, вставляющейся въ нижнюю губу—маленькая фигурка козла. Вся длина 2 стм. и высота 3 стм.

Подвѣска изъ мамонтовой кости, № 1267—131 (рис. 27, e), удлиненной формы (7 стм. дл. и 1,5 стм. въ діам.), съ отверстіемъ возлѣ болѣе узкаго конца и загнутымъ широкимъ концомъ; могла служить инструментомъ для лощенія (lissoir).

Костяное изображеніе рыбки, № 1267—124 (рис. 27, f), 8 стм. дл., орнаментированное. Не принадлежало къ царскосельской коллекціи и было доставлено Д. А. Клеменцомъ.

III. Предметы ритуальные и употреблявшіеся для танцевъ.

а) Плащи.

Относительно плащей и соответствующихъ имъ масокъ мы находимъ очень цѣнныя указанія у Веніаминова: „Въ послѣдній вечеръ (праздника поминокъ покойниковъ) главный изъ сдѣлавшихъ игрушку (праздникъ) уходитъ въ свою конуру и тамъ одѣвается въ *завѣтный нарядъ* своего поколѣнія, который только при таковыхъ именно случаяхъ и можетъ быть надѣтъ... Завѣтные наряды бываютъ различны; напр., у колошъ *волчьего* рода или у кухонтановъ нарядъ сей состоитъ изъ волчьей шкуры съ хвостомъ и лапами и изъ дерева или даже изъ мѣди выдѣланною головою и зубами; у поколѣнія *лягушечьяго* дѣлается деревянная шляпа съ изображеніемъ на ней лягушки въ большомъ видѣ и плащъ также съ изображеніемъ лягушки, съ различными украшеніями изъ ремешковъ, горностаевъ и т. п. Анкау или главный изъ хозяевъ, одѣвшись въ завѣтный нарядъ, выходитъ на сцену, ведя съ собою нѣсколькихъ калговъ. Въ это время кто-нибудь на улицѣ долженъ кричать по-волчьи или по-лягушечьи, т. е. крикомъ того звѣря, къ которому принадлежитъ поколѣніе дѣлающихъ игрушку. Крикъ этотъ есть знакъ или рѣшеніе участи калговъ, которыхъ ведетъ Анкау. Если крикъ звѣря или птицы хорошъ или веселый, тогда калговъ не бьютъ, но отпускаютъ на волю. Если же воронъ клохчетъ, какъ обыкновенно къ худой погодѣ, то, говорятъ, будетъ худая погода, т. е. много будутъ бить калговъ“...¹⁾ Какъ увидитъ читатель, характеръ и изображенія нижеслѣдующихъ колошскихъ плащей вполнѣ совпадаютъ съ приведенными описаніями Веніаминова.

Ритуальный плащъ тлинкитовъ, № 1298—29 (табл. VII, a), состоитъ изъ куска оленьей замши, 105 стм. дл. и 47 стм. шир., короткія стороны котораго изрѣзаны въ видѣ бахромы, а два нижніе угла срѣзаны, чтобы дать ему болѣе или менѣе видъ полукруглой пелерины. Съ лицевой стороны украшенъ орнаментомъ, исполненнымъ красной краской и, мѣстами, голубымъ и бѣлымъ бисеромъ и изображающимъ въ стилизованномъ видѣ лягушку (тотемъ рода). Съ обѣихъ сторонъ—тоже стилизованныя изображенія съ глазами.

Ритуальный плащъ тлинкитовъ, № 1298—30 (табл. VIII, a), состоитъ изъ куска оленьей замши, 108 стм. дл. 21 стм. шир. по краямъ и 41 посрединѣ. Украшенъ орнаментомъ, исполненнымъ черною и красною красками и представляющимъ собою стилизованное тотемическое изображеніе Ворона (Нооуеһ). Къ нижнему краю пришита бахрома изъ длинныхъ полосъ замши (42 стм. дл.), съ козьими копытцами на концахъ, и изъ короткихъ полосъ (11 стм. дл.), съ топорковыми клювами на концахъ.

б) Маски.

Ритуальная маска тлинкитовъ, № 1298—19 (табл. IX вверху), деревянная, въ видѣ стилизованной вороньей головы, раскрашенной разноцвѣтными красками; по верхнему

¹⁾ Веніаминовъ, *op. cit.*, I, стр. 104—105.

краю воткнуть рядъ вороньихъ перьевъ (большинство утеряно). Самая маска составляетъ переднюю часть кожаного колпака, къ верхней части котораго (покрытой прежде чернымъ мѣхомъ), съ боковъ и сзади, пришиты куски кожи, раскрашенные глазнымъ орнаментомъ разныхъ цвѣтовъ. Наверху и по краямъ (мѣстами) прикрѣплены пучки волосъ.

Такая же маска, № 1298—17 (табл. IX внизу съ правой стор.), деревянная, изображающая собой медвѣжью голову съ открытой пастью и клыками. Снаружи маска сплошь расписана глазнымъ орнаментомъ, исполненнымъ разнообразными яркими красками. Дл. 34 см., выс. 19 см.

Маска, имѣющая видъ человѣческаго лица, № 1298—13 (рис. 29), деревянная, окрашена въ разные цвѣта, съ оскаленными зубами, крючковатымъ носомъ, глазами изъ

Рис. 34.

Рис. 35.

Рис. 36.

круглыхъ желѣзныхъ пластинокъ и выходящими изъ зрачковъ пучками черныхъ волосъ. Въ нижнюю губу вставлена колюжина.

То же, № 1298—10 (рис. 30), деревянная, раскрашена въ разные цвѣта. Для глазъ, ноздрей и рта просверлены отверстія.

То же, № 1298—11 (рис. 31, а), деревянная, раскрашена въ разные цвѣта; отверстія— для глазъ, ноздрей и рта. Отличается большимъ реализмомъ исполненія.

То же, № 1298—12 (рис. 31, б), деревянная, раскрашенная въ разные цвѣта; нижняя губа—съ колюжиной; отверстій нѣтъ.

с) Погремушки.

Погремушка, № 1298—7 (рис. 32), деревянная, состоитъ изъ двухъ полыхъ внутри половинокъ на одной ручкѣ, орнаментированныхъ и раскрашенныхъ въ разные цвѣта. Одна половина, меньшая, представляетъ собой человѣческое лицо съ косо поставленными глазами и птичьимъ клювомъ, погруженнымъ въ голову стилизованной лягушки. Другая поло-

вина изображаетъ туловище, шею и голову ворона, на спинѣ котораго лежитъ человѣческая фигура съ высунутымъ языкомъ, дотрогивающимся до клюва находящейся внизу птичьей головы. По объясненію Niblack'a, со словъ судьи Swan'a, изображенный на погребушкѣ воронъ (Hooуeh) есть родовой тотемъ, изображенная на груди его голова принадлежитъ ястребу-голубятнику, всунувшему свой клювъ въ голову лягушки, которая обладаетъ въ головѣ тонкимъ ядомъ, дающимъ способность очаровывать. Человѣческая фигура на спинѣ ворона есть *Oolalla* или *Ka-ka-hete*, свистящій демонъ, живущій въ горахъ и иногда переселяющійся въ лѣса и хватающій дѣтей ¹⁾; своимъ языкомъ онъ прикасается къ хоботку тотемическаго комара (?). Это — одна изъ наиболѣе распространенныхъ погребушекъ; она изображена въ атласѣ Лисянскаго, у Niblack'a и др. авторовъ.

То же, № 1298—6 (рис. 33), состоитъ изъ двухъ полыхъ внутри половинокъ, соединенныхъ на общей рукояткѣ. Какъ одна, такъ и другая половина представляютъ собой лица: одно—съ косо поставленными глазами, плоскимъ носомъ и широкимъ ртомъ, а другое, вмѣсто носа и рта—съ сильно выдавшимся впередъ прямымъ клювомъ, со сквознымъ прорѣзомъ. Діам. погребушки 13 см., дл. ручки 9 см.

Рис. 37.

То же, № 1298—8 (рис. 34 и 35), изъ 2-хъ половинокъ. Одна изъ нихъ представляетъ стилизованное человѣческое лицо, а другая—то же, но съ совершенно круглыми глазами.

То же, № 1298—5 (рис. 36), состоитъ изъ двухъ рѣзныхъ дощечекъ въ видѣ двухлопастныхъ веселъ, сложенныхъ наподобіе буквы X, къ которымъ концентрически прикрѣплено три обруча. Къ каждому изъ нихъ привязано большое количество „топорковыхъ носковъ“, т.-е. клювовъ птицы топорка (*Lunda cirhata*, Pal.), которые, при потрясаніи, производятъ шумъ. Очень распространенное орудіе, описанное и изображенное у многихъ авторовъ.

d) Символы власти.

Трость, № 1266—17 (рис. 37), составлена изъ четырехъ костяныхъ и трехъ изъ китоваго уса палочекъ или столбиковъ, входящихъ концами одинъ въ другой. Костяныя части круглы (1,5 см. въ діам.), рѣзныя и, мѣстами, выкрашены въ красный и бирюзовый цвѣта. Особенно тщательно сдѣлана ручка, составляющая верхнюю часть перваго костяного столбика. Столбики—изъ китоваго уса, четырехгранной формы, съ небольшою орнаментацией въ видѣ ямочекъ, въ которыя вбиты кусочки свинца. Длина трости 100 см. Къ просверленному отверстию нижней части ручки жильнымъ шнуркомъ прикрѣплена кожаная вышитая петля 16 см. дл. По объясненію списка Царскосельскаго арсенала, трость эта представляетъ собой тойонскій жезлъ. Въ литературѣ ни одного подобнаго предмета мы не встрѣтили.

Ө. Волковъ.

С. Руденко.

¹⁾ Niblack, op. cit., p. 324. Pl. LIII.

a

b

c

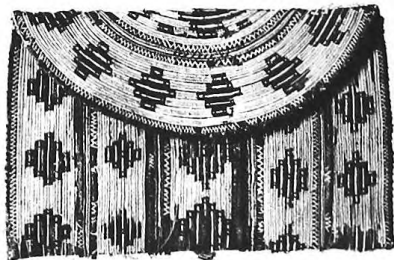
d

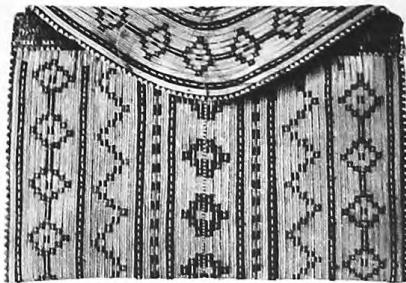
e

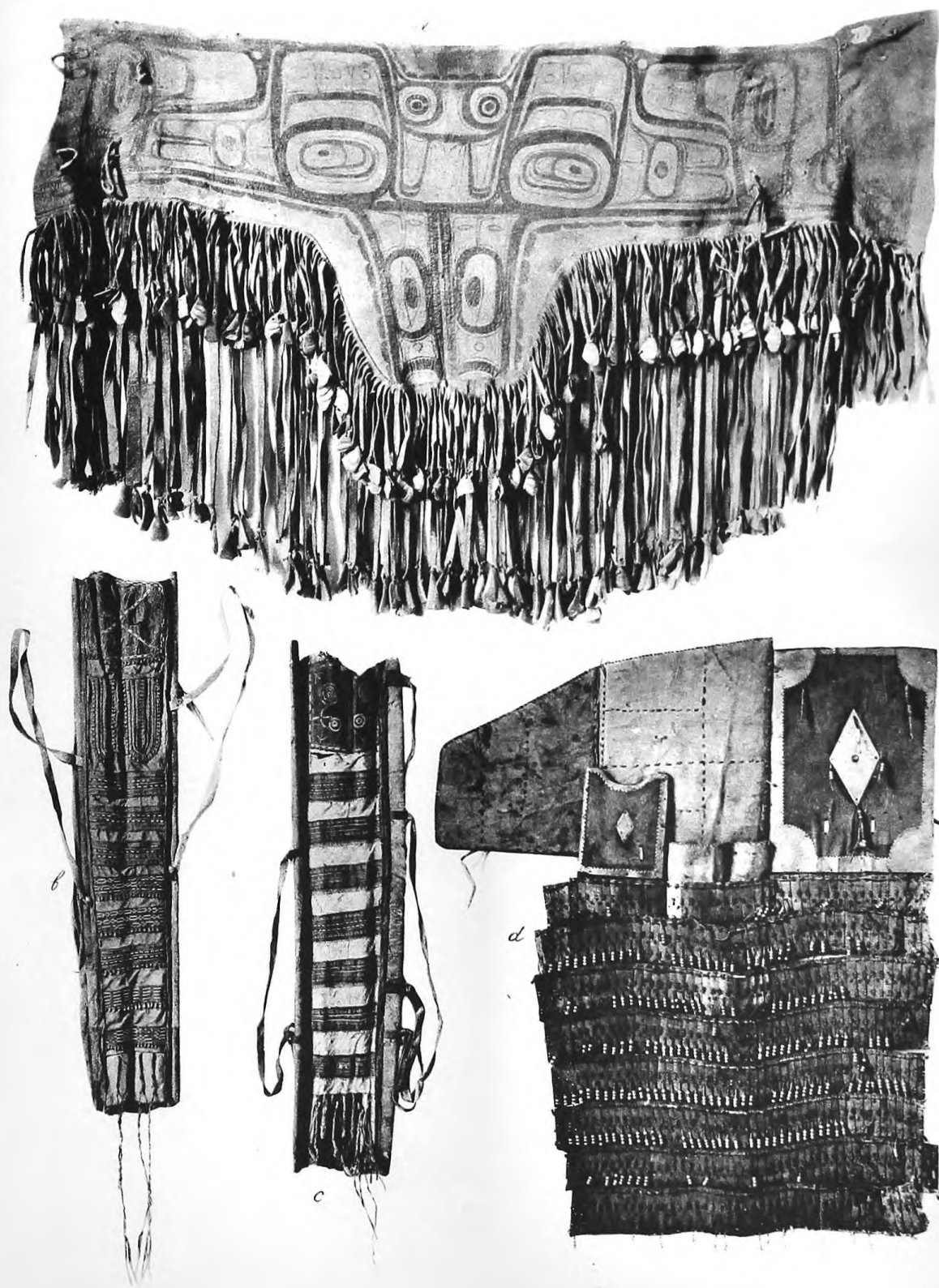
f

g

h

УКАЗАТЕЛЬ

этнографическихъ предметовъ, личныхъ и географическихъ именъ.

- Аба** (облава) 124, 129; аба-хайдакъ 124, 147, 153; зэгэгэ-аба, см. зэгэгэ.
Абай-гэсэр-Богдо-ханъ 129—132.
Абжнъха (Шасту-) 64, 66.
Абида 91, 92.
Абнъ-Инчъваху 69.
Абхазія, абхазцы 61—80, 122.
Авалокитешвара 92.
австралійцы 172.
Австралія 119.
Агапитовъ 132.
адарша (жертвен. зеркало) 92.
Адзюбжа, с. 62.
Ажвепшиа 69; **Ажвепшиа-Абнъ-Инчъваху** 69.
Акшинская ст. 124.
Акшинскъ 124.
алегмюты (нар.) 169.
Алеутскіе о-ва 157, 194.
алеуты 156—158, 184, 187—189, 194—196.
Алтай 113, 125, 126.
алтарь 92.
Алхазъ (имя) 63.
Аляска 157, 159, 160, 186, 190.
амбаръ 2, 4, 73.
Америка 119, 129, 156, 159, 161, 176.
американцы 129.
Амитаба 89—92; **Амитаба-Будда** 91, 92.
Амитаюсъ 91.
амулеты 53, 70.
Амурская обл. 126.
Амуръ, р. 113.
Андреевичи, с. 37—39, 41.
Анкау 198.
антилопы 118, 120, 121.
Анучинъ, Д. Н. 165, 173.
Апцá (бож.) 67.
Анчабадзе (княж. фамилія) 63, 64.
апхерца (музык. INSTR.) 68, 70.
арба 75.
арканъ 124.
Арсан Дуолаі 102.
артель 138.
арфа 70.
Археологическая Комиссія 21.
Археологическое Общество 116.
Арьяболо 92.
асно (оснъ) или **асцёнъ** (остень) 51.
астрога, см. волокуша.
асцёнъ (остень), см. асно.
Ата-Уланъ 130—132.
атабаски (нар.) 158.
атальчество 65.
Атту, о-въ 157.
Афонькина ст. 86.
Африка 120.
Аффы 66.
ацаны (племя) 63.
Ач-ачба (Шервашидзе) 63, 64.
Ачандара, с. 69.
Ачба (княж. фамилія) 63; **Ачба** (Анчабадзе) 64.
Бабка (для клепанія кость) 57.
байдарки 187—189.
Байкаль 131, 148.
бакланъ 117, 119.
Балаганскій у. 154.
Балицкий, П. А. 44.
барбора (зимнее жилище) 187.
Барадійнь, Б. 132, 138.
барана (борона) 53.
баранъ (живот.) 118.
— (у бороны) 53.
Бемъ, майоръ 156.
береста 145, 178, 187.
Берингово море 129.
Беринговъ пр. 157, 160, 163, 190, 194.
беркутъ 128.
Бесланъ (имя) 63; **Бесланъ Хварцкія** 69.

- бизоны 120.
 Биллингсъ, капит. 156.
 било (у рогача) 49.
 бисеръ 194, 196, 198.
 бичъ 59.
 близѣнки забратыя (узоръ) 15.
 Бобрѣкъ, с. 10.
 бобръ 167, 182.
 Богдановичъ, К. И. 160.
 Богоразъ, В. Г. 142.
 Богородицкій у. 1, 2.
 Богородицкъ, г. 17.
 богородская трава 145.
 Бодди (дерево) 91.
 бодисатва 90—92.
 Бодіевъ, Жіанъ 154.
 божникъ 14.
 Большая Колесница (Маһауапа) 90.
 болѣзни 68, 82, 85, 101.
 болюсъ (черный) 195.
 бомборское вино 75.
 борона 47, 49, 74.
 — плетушка 54.
 борьба 144.
 браки 151.
 браслеты 142.
 Брасово, с. 18.
 Британская Колумбія 158, 184.
 брусокъ 57.
 Брянскій у. 4.
 бубень (шаманскій) 93—96, 113, 115, 134—136.
 Бугульминскій у. 83, 86, 87.
 Будда 89, 92.
 буддизмъ 90, 92, 153.
 буйволъ 74, 118.
 Буковина 36, 40.
 бурдюкъ 68, 78.
 бурханы 91, 92.
 буряты 90, 117—154.
 бусы 87, 183, 191.
 бушмены 128.
 бѣга 144.
 Бѣлгородскій у. 18.
 Бѣловѣжская пуша 121.
 Бѣлоруссія 46, 58.
 бѣлоруссы 38, 45, 47, 55—58.
 — полѣшуки (полѣскіе) 45, 51.
 Бѣлошицы, с. 30, 36, 39.
 бѣлуха 118.
 Бѣляевъ, О. 114, 115, 156.
 Бэръ, К. Э., фонъ- 19.

Валакъ 54.
 валекъ 59.
 Васильевъ, В. Н. 94, 95, 99—101, 107, 108, 110, 111, 115, 116.
 вачжра 92.
 Вашингтонъ, г. 182.

 Веніаминовъ, О. I. 159, 167, 187, 194, 195, 198.
 Вербки, с. 32, 33, 37.
 веревки жильныя 170, 171, 184.
 Верх. Дунавецъ, с. 23.
 Верхоленскій у. 152.
 Верхоянскій окр. 116.
 вершалина 51, 52.
 Веселовскій, Н. И. 116.
 весло 188, 189.
 вечеринки 133.
 Виленская губ. 48.
 вилки желѣзныя 78.
 вилы 54, 55, 58, 59.
 Вилюйскій окр. 99, 116.
 вина (абхазскія) 75.
 виноградъ 75.
 винодѣліе 75.
 Владимірская губ. 1.
 Владиміръ Мономахъ 121.
 власть (символы) 200.
 военно-охотничьи упражненія 144.
 военные достѣхи 145.
 возліянія 136, 139, 150.
 война 160, 164, 174, 175.
 волки 118, 123, 137, 138; волчья шкура 198; волчій родъ 198.
 Волковъ, Ѳ. К. 44, 200.
 волокуша 49, 51, 52, 140.
 Волосковцы, с. 32.
 волосы 95, 141, 183, 196.
 волшебникъ 94.
 Волинская губ. 39, 42.
 Волянъ 21—44, 48.
 вооруженіе защитное 190.
 воровство 70.
 Воронежская губ. 12.
 воронъ 182, 195, 198, 200.
 вороньи глазки 9, 15.
 ворота 2, 72.
 Восточно-Кангаласскій улусъ 94.
 Врангель, бар. 119.
 Всеволодъ, кн. 121.
 вставка острія стрѣлы 160, 161, 172.
 выдра 182.
 — морская 169.
 выдѣлка кожъ 135, 140, 141, 145.
 выпалываніе 56.
 Высоцкъ, с. 22, 23.
 вышивки 7, 15, 16, 140, 141.
 Вышняя Залегошь, с. 7, 16.
 вѣра: черная вѣра (шаманство) 116.
 вѣялка 59.
 Вяземскій, кн. Алекс. Ал. 156.

 Габахай Номошки 153.
 гагара 99, 100, 111.
 Гагры (Черном. губ.) 61.
 гадалка 64.

- гаданіе 115, 136, 137.
газарши 137, 138, 148.
газыри 76.
гайда (народъ) 195.
гайтанъ 15.
Галиція 35, 36, 40—42, 44.
галунѣчки (узоръ) 9.
ганзейскій союзъ 129.
ганокъ 23.
гарпунъ 161, 167—173, 183—188.
— турасской эпохи 169.
— бобровый 169, 170, 188.
— для охоты на моржей 171.
— для охоты на морскую выдру 170.
— нерпячій 167, 171.
Гаррименовская экспедиція 156, 193.
Гвоздевы (Діомидовы) о-ва 190.
Гегегуевскій дацанъ 90.
геніи 133, 135, 142, 150.
Гентей 125.
Географич. О-во (И. Р.) 19, 115—117.
Георги 93, 107, 114, 115, 142.
Германія 123.
гізны 118.
глазной орнаментъ 199.
Глашкина сл. 3.
глина разныхъ цвѣтовъ 194.
Глоднево, с. 11.
Гмелинъ 93, 125.
Гнилецъ, с. 22.
головка (у рогача) 49.
— (наконечникъ стрѣлы) 167, 168, 170—172, 182, 183, 188.
головной уборъ 2, 7, 10, 11, 192, 194.
голосникъ 34, 36.
гонта 28, 34.
гончарный кругъ 17.
Горленко, В. 21—23, 28, 39.
горностай 198.
горнъ 78, 143.
Городецкій Музей 21, 27, 33, 35.
Городищенскій у. 85.
Городокъ, с. 32, 34, 37, 43.
Гороховъ, Н. Н. 94, 95, 116.
Готама Шакья Муни 90.
грабельки (грабки) 57.
грабли 54, 59.
Гренландія 157.
гробъ 81, 82, 146; дверь и окно въ гробу 82.
грудь: ихъ изображенія 102.
Грумъ-Гржимайло, Г. Е. 124.
Грюнведель, А. 91.
Гудаутскій уч. (Абхазія) 62, 69.
гумно 59.
Гусиноозерскій дацанъ 90—92.
гусь 99, 100.
Гуцульщина 36, 40.
Гэсэр-ханъ 130.
Давыдовъ, Г. И. 159—161, 187, 189, 195, 197.
даурскіе народы 125.
Дацинскій домъ 126.
двери шестиугольныя 39.
дворъ 2—4.
дельфины 117, 129.
демоны 89, 101, 200.
Джунгарская Гоби 124.
джунгли 118.
Джучи (имя) 126.
Дзапхыкъ, р. 125.
дзуки (литовцы) 48.
дзы (монг.: стрѣла свистунъ) 125.
Диваджинъ 90—92.
Дидьова, с. 36.
Діомидовы (Гвоздевы) о-ва 190.
діоритъ 159.
Діяни-Будда 90, 92.
Дмитровскій у. 8, 11.
Добруджа 23.
добыча (раздѣлъ ся) 139, 145.
долганскій шаманъ 102, 110.
долото 197.
дощечки копьевидныя 88; дощечки метательныя 164, 165, 170—174.
драконы: ихъ изображенія 103.
древко (у копья, стрѣлы) 160, 161, 163 — 165, 167, 168, 170—176, 178, 180—183, 188.
дротики 164, 173, 184.
дуализмъ 131.
дуга 14; дуги (узоръ) 9, 15.
Дудинъ, С. М. 13.
Дудрюпшъ (гора) 64, 65, 69.
Дузу-Калэ (Черном. губ.) 79.
Дунавецъ (Верх.), с. 23.
духи 92—96, 99—102, 106, 109, 110, 112—115, 132—135, 139, 146.
— воздуха 92.
— добрые 96, 110.
— злые 96, 102, 109, 110, 132, 146.
— низшаго ранга 132.
духъ-хозяинъ 115.
— покровитель шамана 101.
душа 68, 81, 82, 85, 92, 100, 101, 132—135, 146; хорошая душа 132—134; средняя душа 133; худая душа 133.
дьяволъ 95, 102.
дѣлежъ мяса и кожъ 139, 140, 149.
дѣтоубійство 129.
Екатерина II 153.
Екатеринославская губ. 18.
еловый корень 170, 178, 196.
Енисей, р. 125, 148.
Епифанскій у. 2, 4, 18.
Жамцарано, Ц. 132.
жгуты кольчатые 97.
жезлъ громовой (перунъ) 92.

жезлъ тойонскій 200.
Желтая рѣка 125.
желѣзки (шаман. плаща) 97, 103, 104, 109—111, 142.
желѣзныя пластинки (панцыря) 191.
желѣзо 197.
женщины 136, 140, 149.
— (занятія жен.) 140, 141, 149.
— (похищеніе жен.) 151.
жердь (для лазанья по деревьямъ) 76, 77.
жерновъ 74.
жертвенное зеркало (адарша) 92.
жертвенныя животныя 150.
жертвы, жертвоприношенія 64, 66, 67, 69, 70, 101, 115, 131, 132, 134, 139, 147, 150, 153.
— (кровавыя) 129.
жестыяныя пластинки (у панцыря) 191.
Жехо, м-ко 126, 127.
животныя 89, 95, 99, 100, 109, 110, 114, 150.
— изображенія жив. 95.
— посвященіе жив. богамъ 150, 151.
жилище 140, 148, 159, 187.
жильная веревка 171, 186.
— тесьма 161.
жильные шнуры 161, 163, 176, 178, 181, 184, 186, 200.
жильныя нитки 173, 178, 181, 185.
Житомирскій у. 30, 31, 36, 38, 39.
жрецъ 135, 150; жрецъ шаманъ-галши 131 — 139, 144 — 148, 151.
журавль 2, 73.
— (бѣлый) 99.
Забавы 144; см. игры.
Забайкалье 153, 154.
Забайкальская обл. 91, 92.
Заболотье (Заболотье), с. 21, 23, 25, 26, 38.
заборъ (ограда) 70, 71.
забрало 191, 192.
завѣтный нарядъ 198.
загадки 116.
загонщики 119, 122, 123, 137, 138, 143, 147; кличане (кричане)-загонщики 119, 121.
Загоскинъ, А. 156, 158, 161, 163, 184, 187, 195—197.
загробная жизнь 81, 85, 132, 133, 146.
закладки (узоръ) 15.
заклинанія 95, 101, 104, 115.
закута свиная, баранья 2.
Залисы (Залиси), с. 26, 27, 38, 40.
замша 183, 198.
Замшаны, с. 25, 26.
занавѣска 7, 15, 16.
завоза (у ярма) 48, 51.
западни 77, 120.
запястье 104.
Заславскій у. 22, 23.
заступъ 46, 47, 52.
заяцъ 121, 138.
Званбай (авт.) 65, 66.
звонецъ 110.

звѣроловство 129, 148.
Звягель, г. 31.
земледѣліе 129, 154.
земля („средній міръ“) 108.
землянка 129.
Зиберь, Н. И. 121.
змѣя 97.
знаки „тура“ у чувашъ 86.
— шаманскаго достоинства 101, 145.
— собственника 171, 176, 178, 181—183.
— тотемическіе 182, 183, 192, 195.
знамя облавное 126.
— шамана („тур“) 145.
знахарь 142.
зубры 121.
зубъ моржовый 171, 173.
Зуевъ, Вас. 124.
зэгэтэ-аба 117, 124, 129—154.
— (паденіе) 146—148.
зэгэтэ-облавышки 130—148.
Иванишевъ, Н. Д., проф. 32.
Ивлево, с. 1, 2, 4, 5, 7, 15, 16.
иглы костяныя 156; иглы дикобраза 163.
игрушка (праздникъ) 198.
игры 67, 143, 144; игровыя онгоны 143.
Идер-Нашин-Шитухэ 153.
идоль 83, 95, 107.
изба 2, 4.
— курная 4.
издѣлія иконографическія 142.
— плетенныя 195, 196.
изображенія металлическія на шаман. плащѣ 94, 96, 98.
— умершаго 85.
— духовъ 101.
— частей человѣка 105, 173, 192.
— звѣрей или птицъ 114.
— (костяная рыбка) 198.
— тотемическія 183, 195, 198.
— на постройкахъ 158.
изюбрь 138; см. мараль.
иконы (подставка для нихъ) 14.
Или св. мысь 158.
Илорскій храмъ 64.
Ингуръ, р. 61.
индійцы 157; индійцы краснокожіе 158.
инкрустация 163.
инструментъ для лошенія 198.
инуиты (нар.) 157; см. эскимосы.
Иркутская губ. 132.
Иркутскій у. 152.
Иркутскъ 154.
Юновъ, В. М. 95.
Кабаны 122, 137, 138.
Кабарда 71.
кабардинцы 62.

- каблукъ (у бороны) 53, 56.
 кавіагмуы (нар.) 157.
 каганецъ 59.
 Кадьякъ, о-въ 169, 195.
 кажимъ (обществ. постройка) 187.
 калачикъ (у бороны) 53.
 калачъ у бороны 53, 56; у ярма (цяжмо) 50.
 Қалганова, сл. 4.
 калги (рабы) 159, 195, 198.
 Калужская губ. 12.
 камланіе 111, 112, 115; камлальная одежда 96.
 камлея, камлейка, 156, 188, 189.
 камушки подъ палицами 50.
 Камчатка 156.
 канныбализмъ 129.
 капаница (мотыка) 45.
 капканъ 128.
 каплиці 23, 24; см. часовни.
 касатка (морская ласточка) 117, 118.
 каста 149.
 катокъ для уплотненія почвы 54.
 кафры 120, 121.
 кафтанъ 12, 96—98, 144.
 квихпаки, квихпахцы (нар.) 157, 184, 187, 196.
 Кенайскій полуо-въ 158.
 кенайцы (нар.) 157, 158, 161, 185, 187, 196.
 кенгуру 119.
 Киндгахъ, с. 75.
 кинжалы 158, 159, 163, 164.
 кинугмуы (нар.) 157.
 кираса 142, 190.
 Киргизскія степи 126.
 киргизы 123, 124, 147, 149.
 кирпичики (узоръ) 9.
 кисточка изъ ремешковъ 159.
 Китай 129.
 китайцы 126.
 китовый усъ 160, 161, 180, 186, 196.
 кить 117, 118, 168, 197; челюсть кита 167.
 кичка, кика 8, 9, 12.
 кишки сивучьи 189.
 Кіевская губ. 22, 39—41; Кіевъ 41.
 кладбище 21, 23, 36, 38, 41, 81—83, 85, 86, 88; кладбищенскій начальникъ 81, 82; кладбищенскій сторожъ 81; кладбищенскій судья 81.
 кладзь (перекладина) 53.
 клевецъ или клепецъ (молотокъ) 57.
 Клеменць, Д. А. 117, 154, 198.
 клепадло (бабка) 57.
 клѣпша 4.
 клещи 143.
 клинъ (масница) 48.
 кличане-загонщики 121.
 клыкъ моржовый 167.
 клювъ птицы 199; клювы топорковые 198.
 ключевая вода 145.
 кнуть 51, 115, 134; кнутовище 51.
 князья 63.
 Ковель, г. 28, 29, 32, 34, 36.
 Ковельскій у. 21, 23, 25—27, 32—34, 37—40.
 ковры 135, 140.
 коготочки (узоръ) 9.
 Кодорскій участокъ (Абхазія) 62, 68, 70.
 Кодоръ, р. 62.
 кожа моржовая 178, 180.
 — сивучья 187.
 — сѣв. оленя 183.
 — тюленя 183, 187, 188.
 — волчья 198.
 кожевенное производство 140, 141.
 кожи животныхъ: раздѣлъ ихъ 139, 140, 149.
 козелъ 122; фигурка козла 198.
 козы 118, 124, 125, 138, 149.
 коклюшки 17.
 кокошникъ 12.
 колодезь 2, 73.
 колоколь 77.
 колокольни (дзвониці) 34, 36—38.
 колокольчики 93, 107.
 колотушка (къ шаман. бубну) 94, 95, 113—115.
 колоши (нар.) 157, 158, 163, 198; колошскіе плащи 198.
 Колумбія 158, 184.
 колчанъ 136, 145, 183, 184.
 Колыма, р. 119.
 Колымскій округъ 109, 119.
 Колымскъ, г. 119, 120.
 кольца 142; кольцо желѣзное 101, 102, 108, 112; плоское 103.
 кольчуга 113.
 колюжи, см. колоши.
 колюжка, колюжина 198, 199.
 Командорскіе о-ва 173.
 Комарицкая волость 18.
 коневодство 140.
 коновязь 145; коновязь-человѣкъ 145.
 конь, кони 143, 145, 150; см. лошади.
 коньякъ 75.
 конюшня 2.
 коняги (нар.) 157, 184, 189, 197.
 копейщики 126.
 Копенгагенъ, г. 19.
 копытце 15; (козье) 198.
 копье-гарпунъ 161.
 копя 119—121, 142, 145, 160, 161, 163—165, 167, 170.
 — метательныя 164, 165, 167.
 — съ каменными остріями 160.
 — съ костяными и желѣзными остріями 161.
 коржи 75.
 корзины 56, 75, 78.
 корни и растенія съѣдобныя 141, 149; корни ивы 160.
 коробка 56.
 коромысло 54.
 корона шаманская 134.
 Коропчевскій, Д. А. 1.
 Король, г. 40.
 коршунъ 97.
 корыто 2, 59, 78, 146.

- коса 57.
 косиньки (узоръ) 15.
 костерь 145, 146.
 кости предплечія у птицъ 104, 105.
 — реберныя 102.
 — рукъ у человѣка 105.
 кость китовая 171.
 — мамонтовая 196—198.
 — моржовая 167, 168, 170, 171, 181, 182, 195—197.
 — слононая 197.
 костюмъ 1, 12, 80, 144.
 — шаманскій 93, 94, 95, 97, 99, 100—103, 106, 108—110, 115.
 костяные наконечники 176, 182.
 костяныя острія 176.
 — фигурки 197, 198.
 косьевище 57.
 котель 122.
 котики 129.
 Коцебу (зал.) 161.
 кочевники 136, 154.
 кошки 118; дикія кошки 121; ловля дикой кошки 124.
 кража 128.
 краски 194, 198.
 — алеутскія 195.
 — минеральныя 194.
 Красно-Александровскій аулъ (Черном. губ.) 69.
 Красное-Буйцы, с. 4, 18.
 крестовина (быарык) 114.
 кресточки (узоръ) 9.
 кресты 36, 37, 39, 40, 43.
 — надгробныя 36—38.
 — придорожныя 36—39.
 — церковныхъ погостовъ 36.
 — холерныя 38, 40.
 кричане (загонщики) 119, 122.
 кровавикъ 195.
 кровать 5.
 кровомшеніе 65.
 кровь 195; сукровица кровяная 195.
 Кролевецкій у. 40.
 кругъ гончарный 19, 111.
 кружѣчки (узоръ) 9.
 кружка 78.
 кружокъ желѣзный 102, 107, 110, 111.
 крыльцо 14.
 крылья (изображенія крыльевъ птицы) 105.
 крысоловка 77.
 крюкъ (крукъ) 46, 54, 55.
 крючокъ 173; крючокъ изъ моржоваго зуба 171.
 кувшинъ 78; кувшинъ винный 76.
 Кузнецовъ 85.
 кузнецы 142, 143; кузнечныя работы 142; кузнечныя онгоны 142.
 кузница 4, 64, 66, 78.
 кукла 84, 197.
 кукунорцы (нар.) 126.
 кукуруза 73.
 Кухъ, Джемсъ (путеш.) 156.
 куланъ 123, 124.
 кульбака 48, 51.
 культъ ламайскій 91, 92.
 — мертвыхъ 81.
 — шаманскій 94.
 — языческій 66.
 кумачъ 15.
 кунатагмюты (нар.) 157.
 кунивагмюты (нар.) 157.
 Кунивакъ, о-въ 173.
 Кунсткамера 156.
 купина (болотная кочка) 59.
 Курбскій, А. М., кн. 32.
 Курильскіе о-ва 156.
 курительная трубка 197.
 Курляндія 122.
 Курская губ. 18.
 куртки 156.
 кускоквимцы (нар.) 157, 185.
 Кускоквимъ, р. 157, 161, 184, 187.
 Кутеповъ, Н. Н. 121.
 кухонтаны (колоши) 198.
 куякъ 113, 142.
 Лаврентія св. о-въ 184, 190.
 Лавриновскій, Н. П. 18.
 лазы (нар.) 123.
 ламаизмъ 92.
 лампы 92.
 ламы 91, 92, 142, 153.
 Лапландія 113.
 лапти 12.
 латы чугачскія, чукотскія 190.
 лебедь 99, 100.
 Левшинъ, А. И. 123.
 лейка 76.
 лемехъ 47—49.
 лемки (нар.) 40.
 лепешки 141.
 линь (для уженія рыбы) 186.
 лисица 129, 138.
 Лисьи о-ва 169, 170, 173, 196.
 Лисянскій, Юрій 159, 191, 192, 194, 200.
 Литва 48, 121.
 ловля рыбы—принадлежности 186.
 — трески—палочка 186.
 ловушки 77, 120, 128.
 Логарѣвка, д. 11, 12.
 лодки 158, 187.
 ложки 78.
 Лоначевскій, А. 123.
 лопата 46, 59; лопата сердечная 88.
 лопатни (хлопунцы на косъ) 57.
 лось 138; см. сохатый.
 лотось 10, 90—92.
 лошади 127, 148, 149; см. кони.
 — дикія 143.

- лошади (дрессировка или обучение ихъ) 143.
 лукъ (оружіе) 77, 126, 136—138, 144, 145, 159, 174, 183—187; изготовленіе стрѣлъ и луковъ 142.
 луна 110.
 лутки 39.
 Луцкій у. 48.
 лучина 59.
 лучокъ 57, 79.
 лыжи 76.
 Лыхны (Абхазія) 63.
 лѣстницы 73, 187.
 лѣтникъ 146.
 лягушка (тотемъ) 198—200.
- Маакъ**, Р. 99, 108, 109, 113, 114, 116.
Магнитскій, В. 82, 84—86, 88.
 магометанство 66, 87.
 мадлэнская (эпоха) 169, 172.
Макаренко, Н. Е. 41.
Макаръевскій у. 85.
 малегмюты (нар.) 184.
 малемуты (нар.) 157.
Малзан-Гөрмб 131.
 мамалыга 69, 75.
 маншикъ 121, 187.
Маньчжурія 144.
 маньчжурская династія 126.
 мараль 129; см. изюбрь, олени.
Мартиновичъ, Порф. 21—23, 28, 39.
 маскарадныя представленія 143.
 маски 158, 159, 193, 195, 198, 199.
 мѣтица 4.
 мауть 167, 169—172, 187, 188.
 махавки (махалки) 120.
 Махайяна 90.
 медвѣдь 109, 118, 137, 143, 160, 197, 199.
Мекэнзи, р. 158.
 мельницы 75.
 ментушка 57.
Мессершмидтъ 125.
 метательная дощечка 164, 165, 170—174.
 метисація 157.
 метла 59.
 мечъ 136, 137, 142, 145.
Мидскъ, с. 21.
Мизово, с. 39.
Миллеръ, А. А. 80, 122.
Мингрелія 61, 62, 69, 77.
 мингрельцы 62, 63, 65, 74.
Минская губ. 45.
 минусинскія степи 148.
 мистеріи шаманскія 93, 94, 100, 110, 145.
Миткевичъ, В. А. 18.
Михайловскій, В. М. 93, 116.
 мѣрь (сотвореніе) 131, мѣрь средній (земля) 108, мѣрь верхній 111, мѣрь нижній 110—112, 114.
 могила 83—88.
Могилевская губ. 43.
- Могилевскій у.** 43.
Могилянскій, Н. М. 13, 19.
 модели байдарки 188.
Мозырскій у. 45.
 молитва 147.
 молоко 78, 149, 150.
 молотилка 58.
 молотокъ 57.
 молоть 143.
 молотьба 59, 74.
 молочная пища 150; молочные продукты 149, 150; молочная трапеза 151.
 молочный сынъ 66.
Монголія 113, 125, 126, 144, 148, 153, 154.
 монголы 124, 126, 127, 136, 151, 154; монгольскія племена 123.
 мониста 15, 17.
 морда (рыбол.) 143.
 мордва 11, 13, 15, 83—85, 88.
 моржъ: бивни 161, кожа 193, усь 195, фигурки 198.
Москва 2.
Московская губ. 1.
 мостки 32, 34.
 мотыка (матыка) 45—47, 52.
Моховое, с. 18.
Мугуджарскія горы 123.
 музыка 70.
 мука 141.
 мунгалы (нар.) 124.
Мурадъ (имя) 63.
 мылица (рукоятка сохи) 47—49.
Мѣдная рѣка (Copper-river) 157, 158, 163, 186.
 мѣдь 163, 193.
 мѣновая торговля 184.
 мѣсяць 110.
 мѣхи (кузнечные) 143.
 мѣшокъ 76, 78, 144.
Мюллеръ 121.
 мясо 78, 150.
 — (сортировка) 138, 139; (дѣлежъ) 149.
 — жертвенныхъ животныхъ 151.
- Навозъ** 46, 54.
 нагрудникъ 96, 99—102.
 надгробія 38; надгробный столбъ 87.
 надосникъ 55.
 надставка 164.
 назатылень 8.
 наковальня 57, 78.
 — каменная 143.
 наконечники землед. орудій 46, 55.
 — стрѣлъ 142, 164, 165, 167, 170, 171, 174, 176, 178, 181, 183.
 — стрѣлъ костяные 142.
 наличники 14.
 налобникъ 7.
 напѣрстокъ 57.
 наплечники 103.

- Нарбековъ, В. 43, 44.
 нарогъ (сошникъ) 48—50; (у желѣз. виль) 55.
 нарядъ завѣтный 198.
 наугольникъ 4.
 Нахарскій наслегъ 94.
 начальникъ 7, 11.
 нашивка 163.
 небо 93, 132.
 небожители 101, 139.
 негры 62.
 Нельсопъ 160, 161, 169, 183, 184, 190.
 Немировка, с. 24, 25, 34.
 нерпа 170; см. тюлень.
 Нижегородская губ. 85.
 Никольскій, И. 4.
 Нирвана 89.
 нитки 141.
 — изъ жилъ 141, 165, 170, 171, 184, 185.
 — изъ тканей 196.
 Новоградъ-Волынкскій у. 38, 39.
 Новоградъ-Волынкскъ, г. 31, 33, 36.
 Новосильскій у. 2, 5, 7, 16, 18.
 ножичекъ 197.
 ножка 175, 176, 181.
 ножницы 79.
 ножны 78, 163.
 ножъ 137, 142.
 — охотничій 161.
 Нортонскій зал. 184.
 Нортонъ-зундъ 161.
 носила (насилы), носилки (насилки) 58.
 носокъ 167—171.
 — нерпячій 169.
 ночевки (начоуки) 59.
 Нунивакъ, о-въ 161, 186.
 Нутокъ, р. 157.
Обезьяны 121.
 облава 117—154.
 — Бодорегская, Тайтуругская, Хермейская и Буяг-ская 152.
 — воронкой 122.
 — забайкальская 147.
 — конная 123.
 — подвижная 122.
 — россомашья 129.
 — царская 126—128.
 облавный кругъ 117.
 облавщики 130—148.
 облавы у хищныхъ животныхъ 118.
 — частныя отдѣльныя 147.
 облака (въ изображ. рая) 91.
 — (изобраз. на шаман. плащѣ) 111.
 обработка поля 74.
 обрядъ (костюмъ) 6, 7, 9.
 обряды 65, 88, 129, 130, 134—137, 139, 141, 144, 150, 151, 153.
 обувь 129, 135, 139—141, 144.
 община 149.
 обычаи 135; (ритуальные) 159.
 Овручскій у. 24, 25, 27, 30, 33, 36, 38, 39.
 Овручъ, г. 27, 28, 34, 36.
 овцы 118, 148, 149.
 овчарухъ (баранья закута) 2.
 огниво 142.
 огонь 139, 145, 146.
 — (добываніе) 156.
 одежда 129, 135, 139—142, 145, 150, 158, 159, 182, 189.
 — (заготовка) 144.
 — (защитная) 191.
 — (шаманская) 101, 107, 110.
 — (шитье) 141.
 ожерелье 15, 17, 87, 91.
 окладчики 122.
 олень 119, 120, 122, 128; (рога) 167, (фигуры) 186; см. мараль.
 Олсуфьевъ, гр. А. В. 18.
 Ольхонъ, о-въ 131.
 онгоны 134, 143, 147, 153.
 — театральные или игровые 143.
 — сойотскіе 112.
 онучи 12.
 опасанъ 23, 31.
 оратай 51.
 оргой (шаманскій плащъ) 134—136, 142, 145.
 орель (пт.) 103.
 — перья 170.
 Орель, г. 18.
 Орловская губ. 1, 4, 8, 10, 16, 18.
 Орловскій у. 4.
 орнаментация 106, 112, 195, 197, 200.
 орнаментъ 9, 11, 12, 86, 87, 97, 101, 103, 104, 106, 108, 110, 111, 140, 163, 181, 182, 183, 192, 196, 198.
 орошеніе искусственное 154.
 орудія 159, 161, 164, 165, 167, 172—174, 182, 187.
 — земледѣльческія 45—59; для удобренія почвы 54; для косьбы и жатвы 57.
 — хозяйственныя (у бурятъ) 142.
 — охоты 159.
 оружіе 137, 142, 159, 184.
 Орхонъ, р. 125.
 осиновый колъ 88.
 османы 62.
 осочники 121.
 Остзейскій край 123.
 острія стрѣлъ 159—161, 164, 165, 167, 168, 170—172, 174—176, 180—183, 178, 188.
 — палеолитическія типа Мустье 160.
 — боковыя 167.
 — желѣзныя 178.
 — стрѣлъ изъ кремня 178.
 Островскихъ, П. Е. 106.
 острога рыбная 143, 165.
 Острожскій у. 32.
 оступъ 122, 123.
 остяки 18.
 Оточі (бурханъ) 92.
 охота 76, 77, 160, 164, 165, 174, 175, 182, 184.

охота на птицъ 165.
— (принадлежности) 186.
охотники амурскіе 128.
охотничій промыселъ 129.
охоты общественныя 117—154.
— китайскаго императора 126.
очагъ 72.
очередь 149.
очищеніе 146.
Павлиновъ, А. М. 42.
Павлуцкій, Г. Г. 21, 22, 39, 41.
пагода 92.
Падмапани-Авалокитешвара 90, 92.
пакатѣкъ 54.
Пакуль, с. 40.
Пакьяновъ бубень 114.
Паланки, с. 43.
палевики (полевики) 45.
палець (у сохи) 48, 49.
палица 47, 48, 50.
Палласъ, П. С. (путеш.) 93, 124, 153.
палочка для ловли трески линемъ 186.
палукашакъ (полукошъ) 56.
пальма (раст.) 92.
— (оружіе) 161, 163.
памятники надгробныя 81, 86, 88.
панѣва 7, 11, 15.
панцырь 145, 190, 191.
парка (одежда) 95, 189.
паркъ звѣриный 126.
пастбища 151.
пастухи 76.
пастьба 149.
— лошадей 143.
патроны 76.
Пекарскій, Э. К. 97, 99, 101, 103, 115, 116.
пеколка (орудіе) 156.
пеликанъ 117, 119.
Пензенская губ. 12, 84.
перевесло (перавясло) 58.
передникъ 102.
передокъ у телѣги 55.
перезитки 70.
перекочевка 146.
перелазы 70, 71.
перемѣтъ 4.
перерожденія 89, 92.
перетыка (вышивка) 7, 14, 16.
пермяки 85.
персы 68.
перунъ 92.
перья птицъ 107, 167, 174, 180, 181, 183.
— орлиныя 165, 170.
— вороньи 170.
песочница 57.
Петербургъ 6.
петля 128, 169, 170, 183, 186.

Петровскій зав. 91.
Петръ Великій 19, 115.
Печановка, с. 41.
пища 78.
пищевые продукты 149, 150.
пластинка желѣзная четырёхугольная 103.
— костяная 173, 174, 195, 197.
пластинки желѣзныя 98, 104, 108—111.
— ажурныя желѣзныя 103.
— мѣдныя 97, 101.
— узорчатыя (на шляпахъ) 194.
платье шамана 99; см. плащъ.
платья ситцевыя 156.
плаха (расоха) 49, 50.
пахта 11.
плащи 198.
плащъ шамана 93—99, 101—105, 109, 110—113, 134.
— принадлежности его 96—112.
— ритуальный глиняный 198.
плетеніе ручное 129.
плетушка (борона) 54.
плеть 115, 136.
плиты известковыя 86.
плугъ 46.
пляска національная 143.
побрякушки 94, 115.
Повитье (Повитѣе), с. 25.
поводъ (держатели повода) 145.
поводья 112.
повозка 14.
повойникъ 11.
Поволжье 13, 81, 84.
повязка 8.
погонялка 117.
погребеніе 61, 88, 133, 159.
— (принадлежности) 81.
погребъ 2.
погремушки 93, 97, 105, 111, 199, 200.
подвываніе 121.
подвѣска-шеркунецъ 105.
подвѣски 98, 104, 106, 107, 111, 198.
— мелкія желѣзныя 105.
подвѣсочныя полоски 98, 105—111.
поддевка 12.
подземное царство 114.
подковы 76, 77.
подляхи 48.
подмылокъ (падмылакъ) у сохи 48, 49.
поднязь (поднизь) 17.
Подолія 33, 40, 43.
Подольская губ. 40, 43.
подпалокъ 50.
подпорка 55.
подсвѣчникъ 72.
подставка (у гарпуна) 171.
— (у лука) 185.
подсѣлъ (подстиль) 54.
подушка 19, 143.

- пожилина 4.
 позатылень 8.
 покойники 81—85, 88, 145, 198.
 — домъ покойника 84, 85.
 — угощеніе покойника 83.
 — покойникъ ряженный 85.
 поколюга 119, 120.
 покровители бѣлыхъ шамановъ 95.
 — черныхъ шамановъ 109, 110.
 покрывала для юртъ 140.
 Покрышкинъ, П. П. 44.
 поливка 57.
 полотенце 14, 16.
 — головное 87.
 Полтавская губ. 18, 37, 40.
 Польша 42, 48, 121—123.
 Полѣсье 37, 51, 58.
 — бѣлорусское 38, 45, 48.
 полѣшуки 51.
 поминки 81—85, 159, 198.
 помость 72.
 порты 12.
 Порядинъ, П. Ф. 110.
 посвященіе шкуръ 139.
 посвященія (шамановъ) 144, 149, 150.
 постройки дворовыя, великоруссовъ 2—5.
 — религиозныя, см. *церкви, часовни, кресты*.
 — у абхазцевъ 71—75; у алеутовъ 187.
 Потанинъ, Г. Н. 100, 102, 108—110, 113, 114, 116.
 потникъ 145.
 похороны 68, 83, 133, 145, 146.
 празднества 144.
 праздникъ 198.
 праникъ 59.
 праща 77.
 преданія 129, 130—132, 135, 136, 140.
 предназначенованіе 131.
 предсказанія 115, 145.
 прессы 75.
 привѣски металлическія къ шаманскому костюму 93, 95,
 96, 98, 107, 108, 115.
 призыванія шаманскія 134, 135.
 Приклонскій, В. Л. 97, 99, 101, 102—111, 114—116.
 Припеть, р. 45.
 Припузовъ, Н. П. 94, 97—99, 110, 113, 114, 116.
 присадникъ 2.
 присяга 64, 66, 69, 146, 150.
 Прокопій Кесарійскій 69.
 Прокопьевъ, 86.
 промыслы звѣриныя 129.
 — рыбныя 129.
 прорубь (изображеніе) 110.
 просо 52.
 психическія болѣзни 101.
 псковичи 122.
 Псковъ, г. 36.
 Псху (Абхазія) 62.
 птицы 100, 103, 105, 165, 182.
 птицы ловчія 128.
 — (изображенія) 99.
 пуга (кнутъ) 51.
 пузырь 167, 168, 170, 171, 187.
 пунька 2, 4, 5.
 пчеловодство 77.
 пчелы дикія 76.
 пѣнне 70.
 пѣсни 1, 70, 116.
 — похоронныя 145.
 пяльцы 11.
 пята (входной слѣдъ звѣря) 122.
 пятка (у рогача) 49.
 — (у камен. орудія) 160.
 — (у стрѣлы) 176.
 Работорговля 61.
 рабы 62, 133, 135, 136, 138—140, 143, 145, 146, 195.
 — (убіеніе и сожженіе ихъ) 146, 159; см. *калги*.
 — (души ихъ) 132.
 Радинскій у. 48.
 развлеченія 143.
 раздѣль добычи 139, 145.
 — скота 151.
 рассоха (расоха) 49, 53.
 рай 89—92.
 рало (землед. орудіе) 52, 53.
 рамена (креста) 39.
 рапсодъ бурятскій 132.
 Ратно, м-ко 34.
 рѣбрышки (узоръ) 9.
 религиозныя приношенія 132.
 — церемоніи 144, 150.
 религія 90.
 ремень 160, 161, 163, 183, 185, 186.
 ремесла 78, 140.
 ремешки 115, 183, 190, 191.
 — (украшенія изъ нихъ) 198.
 ремни 184.
 рига 2.
 рисунки на кости 157, 194.
 ритуальныя предметы 192, 198.
 ровдугъ 187.
 Ровенскій у. 21—23, 32, 37, 38, 43.
 рога (на голов. уборѣ) 8, 9.
 — (на шаманскомъ бубнѣ) 114.
 — турьи 76.
 рогатина 137, 138, 142.
 рогатки (узоръ) 9.
 Рогачево, с. 38.
 рогачь (рагачъ) у сохи 47—49, 53.
 рѣгъ (у сохи) 48, 49.
 родовые союзы 152.
 родовые суды 152.
 родовыя группы 147, 151.
 родоначальникъ 148.
 родъ 147, 148; волчій родъ 198; тотемъ рода 200.
 рожденіе: злое рожденіе 89.

- Ромны, г. 41.
 Ронделе (Rondelet) 117.
 российско-американскія владѣнія 155, 156, 158, 172, 173, 182.
 россомахи 117, 137, 138.
 россомашья охота 129.
 рощи священныя 69.
 рубанокъ 79.
 рубаха 12, 15, 16, 156.
 Руденко, С. И. 88, 200.
 ружье 76.
 рукоятка (топора) 159—161.
 — кинжала 163.
 — метательной дощечки 173, 174.
 Румынія 44.
 Румянцевскій Музей 2, 19.
 ручки (у телѣги) 55.
 — кинжала 163.
 рушникъ 14.
 рыба 117, 119, 129, 143, 149.
 рыбная ловля 129, 141, 143, 144, 148.
 рыбы (изображенія на платьѣ шамановъ) 99, 100, 108, 109, 111.
 рыдаль (лопата) 46.
 рысь (жив.) 137, 138.
 рѣзьба (по дереву) 14, 91.
 — (по кости) 197.
 — (по металлу) 163.
 Рязанская губ. 12.
- Саадакъ** 136.
 сайга (жив.) 125.
 Саквала 89.
 Самарская губ. 12, 81, 86, 87.
 самострѣль 128.
 самоѣды 18.
 Самурзакань (Кутаис. губ.) 62.
 сани 49.
 сарай 4, 73.
 сарафанъ 7.
 Сарипутра 89.
 Сарычевъ, Г. А. 156, 164, 195.
 саха, см. соха.
 сашникъ, см. сошникъ.
 сбруя верховая 136, 143.
 свадьбы 65, 133, 144.
 сванеты 63.
 свинья дикая 137.
 свистуны (стрѣлы) 125.
 свѣтильникъ 72.
 секіэрка, см. сѣкира.
 Селенга, р. 131.
 сельди 129.
 Сербія 44.
 сердце дьявола 102.
 Сережино, д. 86.
 Сержпутовскій, А. К. 38, 59.
 серпъ 58, 74.
 серьги 142.
 Сибирь 115, 117, 122, 123, 129, 165.
 сивучьи усы 194.
 сигналы 137, 138.
 Симбирская губ. 12.
 сказанія 130, 142.
 сказки 95, 99, 103, 111, 113, 115, 116, 129, 131, 132, 142.
 скамьи 72.
 скачки 144.
 Сквирскій у. 22.
 скирда (торпъ) 58.
 сковорода 75.
 скотоводство 148, 149, 151, 153.
 скоть 148—150.
 скрипка 84.
 скульптура 157.
 Славута, с. 22, 23.
 слега 2.
 слесарь 78.
 словаки 40.
 Слуцкій у. 45.
 слѣды выходные 122; слѣды входные 122.
 смерть 82.
 Смирновъ, И. Н. 13, 14, 88.
 Смирновъ, Я. И. 41.
 смыкъ 51, 52.
 снаряды (первобытн.) 141, 143.
 Снижки, с. 22.
 собака дикая 118.
 собаки 121, 122, 124, 125, 148.
 соборъ 28, 36.
 собственность частная 153.
 совокъ 59.
 сожженіе тѣла 146.
 сойоты 151.
 Соколовскій, М. 44.
 соколякъ 128.
 Соликамскій у. 85.
 солнце (изображ. на платьѣ шамана) 107, 108, 110.
 Соловьевъ, Ѳ. 115, 116.
 сорока (головн. уборъ) 7—9, 11, 12.
 сосуды деревянные 78.
 соха (въ постройкѣ) 2.
 соха (саха) 46—49, 51, 53, 74.
 сохатый (лось) 137, 143.
 сошки (для ружья) 197.
 — (на могилахъ) 88.
 сошникъ 47—50, 74.
 спень (у гончар. станка) 19.
 Спицынкъ, А. А. 112, 116.
 спичакъ 48.
 Срасвати 89.
 срубъ 22, 41.
 ссовалка 54.
 стаканъ 78.
 старики 151.
 Стясовъ, В. В. 13, 14.
 Стеллеръ, Георгій 118.

стерхъ (птица) 99, 100.
стойбище 136, 138.
столбики (ручки) у телъги 55.
столбочки (узоръ) 9.
столбъ (Иоба) надгробный 83, 85—88.
столики (у абхазцевъ) 72.
столочекъ (скамеечка) 59.
Сторонецъ-Путилив, м-ко 36.
стоянки 138, 140, 141, 143, 145—148.
— лѣтнія 142, 144.
стремена 142.
строка 16.
стропило 4.
строчка 7.
стрѣлка (въ крышѣ) 4.
стрѣлокъ 126, 127.
стрѣлы 110, 125, 136—138, 144, 145, 147, 159, 173—176,
178, 180, 181, 185.
— свистящія 125.
— съ тупыми головками 182.
— для рыбъ 183.
стрѣльба въ ремень 152.
— въ цѣль 152.
ступка 141.
судъ 139; судебные сѣзды 152.
судьба 115.
судьи 64.
Сукавати (Sukhâvatî) 89, 90, 92.
сукно 1, 80.
сумка 78.
сумочка 78, 196.
сунская династія 90.
Сусловъ, В. В. 42, 44.
Сушки, с. 30, 31.
Суцаны, с. 29, 36, 39.
сѣвокъ 56.
Сѣвскій у. 10, 11, 18.
сѣвъ 56.
сѣдалище 111.
сѣдельщики 143.
Сѣдлецкая губ. 48.
сѣдло 143, 145.
сѣкира 51, 70.
сѣнцы 2.
Сѣрошевскій, В. Л. 93, 96, 97, 101, 105, 106, 109—112,
116.
сѣрякъ 7.
сѣти 141, 187.
— волосяныя 143.
Сѣцинскій, Е., прот. 33, 40, 43.
сѣялка 56.
сюртукъ 156.

Табакерка 197.
тавро 150.
Тамбовская губ. 12.
тамга 77.
танцы 138, 144, 198.

Тара (бурханъ) 92.
тарасунъ 136, 149.
Тарашанскій у. 22.
Татарновичи, с. 27, 28, 33, 36.
татары 151.
Тебеньковъ, М. 156.
телъги 49, 140.
тенета (сѣти) 122.
Теодоровичъ, Н. И. 28, 36.
терки каменные 75.
тесма ременная 171.
тетива 174, 184—186.
Тибетъ 90.
тигръ 118.
тиски 78.
ткани 1, 158.
ткацкій станокъ 17.
ткацкое дѣло 129.
глинкиты 157—159, 163, 184, 187, 190—192, 195, 196, 198.
Тола, р. 125.
топорище 159, 160.
топоръ 51, 74, 79, 160; топоры каменные 156, 159.
Торговица, м. 22.
торжества 144.
тотемъ 198, 200.
точильная лопатка 57.
тоэны 195.
трава богородская 145.
траяны 58, 59.
Третьяковъ, П. 95, 102, 110, 115.
Трокскій у. 48.
тронъ 92.
тростъ (жезлъ) 200; трости конныя 136, 142.
Трошанскій, В. Ф. 93, 95, 97, 98, 100, 101, 105—113,
115, 116.
трубка курительная 197.
тынайцы, см. кенайцы.
туалетъ женскій 87.
туг (знамя шамана) 145.
тугши 145.
Тульская губ. 1, 5, 16.
тунгусы 124, 147.
тура (знаки на могильныхъ камняхъ) 86.
Турійскъ, м-ко 26, 27, 36.
Турія, р. 32.
турки 61.
Туруханскій край 115.
Туруханскъ 120.
Турція 61, 62, 75.
тэнгри (духи) 130, 131, 137, 139, 150, 152.
тюлень 118, 170, 187; тюленья кожа 183, 187, 188.

Уборъ 8.
— головной 2, 7, 9, 10, 15, 86.
Уваровъ, гр. А. С. 40.
Уна-Лобсан-ханъ 130.
уна-ханы 132, 150.
удила 142.

- удобреніє луговъ 154.
 удочки 143.
 уженіє 187.
 узгалавень (надосникъ) 55.
 узоръ 15, 108, 141, 163, 182, 196.
 Украина 21—23, 27, 40, 41, 43.
 украшенія 1, 87, 134, 141, 142, 158, 159, 194, 197.
 — головныя 142.
 — шейныя 15.
 — дьявольскія 106, 107.
 Улан-мергенъ 142.
 улей 78.
 УЛЕНШИ (женская мастерская) 135, 141, 142.
 Ульгенъ (бож.) 131.
 улюхтакъ (лодка) 188.
 Уманскій у. 22.
 Уналашка, о-въ 173; Уналашкинскаго отдѣла о-ва 159, 167.
 уналигмуты (нар.) 157.
 Упёртъ, р. 2.
 урало-алтайцы 13, 113.
 уранъ 147.
 урина 195.
 урянхайцы 113.
 усадьба 2, 3, 71.
 устрицы 129; ловля устриць 129.
 утварь 77.
 — охотничья 76.
 Ухтомскій, кн. Д. Э. 92.
 Ухтомскій, кн. Э. Э. 91, 92.
 Ушомиръ, м-ко 36, 38.
 Уэльскаго принца мысь 190.

Фазаньи яйца 129.
 Фарѣрскіе о-ва 129.
 фартухъ 16.
 фигуры (на плащѣ шамановъ) 98, 99, 104, 109—112.
 — животныхъ 95, 182.
 — костяныя 197, 198.
 — символическія 142.
 — челоѣчскія 16, 100, 101, 112, 186, 188, 194, 197, 200.
 Финляндія 122.
 Фотинскій, О. А. 44.
 Франція 169, 176.
 французы 126.
 футляръ (для лука) 145, (для носка гарпуна) 170; см. чехоль.

Жан-Тюрмесъ 130; Хан-Тюрмес-тэнгри 130—132.
 Хангаловъ, М. Н. 117, 128, 132, 141, 154.
 ханы 129, 132—134, 139, 150.
 Харьковская губ. 12.
 хаты 132.
 хвигури (придорож. кресты) 36, 37.
 Хвостовъ, Н. А. 159—161, 187, 189, 195, 197.
 хвостъ конскій 115.
 хижина 72.
 Хинганъ 126.
 Ходаки, с. 33, 35, 36, 38.

 хозяинъ шаман. плаща, бубна, колотушки 115.
 — души 133.
 хозяйство молочное 149.
 холера 38.
 холсть 15, 16.
 хомуть 77.
 храмъ 41, 90.
 храмы греческой постройки 43.
 — южно-славянскіе 44.
 хрѣсть (узоръ) 9.
 христіанство персидское 90.
 хрѣщыкъ (хлѣбець) 53.
 Хуанъ-ди 126—128.
 Худяковъ, И. А. 110, 113, 115, 116.

Цаганъ (бурятскій родъ) 147.
 Цадждинъ бичикъ (Ойратское уложеніе) 128.
 цапило (рукоятка цѣпа) 59.
 Царевококшайскій у. 84, 85.
 царская облава 126—128.
 царскія врата 35.
 Цебельда (Абхазія) 62.
 церкви 21, 41.
 — однокупольныя 39.
 — трехкупольныя 39, 43.
 — пятикупольныя 40, 43.
 — трехсрубныя-однокупольныя 24.
 — трехсрубныя-трехкупольныя 29.
 — пятисрубныя 40, 43.
 церковное зодчество 42.
 цимолить 195.
 цурка (палка для вязки сноповъ) 58.
 цѣлебное средство отъ цынга 141.
 цѣпъ 59.
 Цянь-лунь 126.

Чага калифорнская 167.
 чайка 99, 100.
 часовня 22, 23.
 чашка 76, 78, 136, 137; чашечки жертвенныя 92.
 Чебоксарскій у. 84.
 челоѣко-птица 112.
 челоѣкъ (фигуры) 16, 100, 101, 112, 186, 188, 194, 197, 200.
 Чердынскій у. 85.
 черемисы 13, 83—85.
 черкесы 62, 63, 69.
 Черниговская губ. 2, 18, 37, 40.
 Черниговскій у. 40.
 Черноморская губ. 69, 79.
 черпакъ 76.
 четки 91.
 чехоль 163, 174, 178, 181; см. футляръ.
 Чешлама, д. 86.
 Чжанъ (стоянка) 127.
 Чжунъ-гуанъ (крѣпость) 126.
 Чингисханъ 125, 126.
 Чистопольскій у. 83.
 Чичба (абхазская фамилія) 65.

чуваши 13, 82—85, 87, 88.
— язычники 81, 86—88.
чугачи (нар.) 157, 186.
чудовища 192.
Чукотская земля 156.
чукчи 142, 161, 163, 165, 190, 197.
чуланъ 2.
чурбанъ-идолъ 83.
чучело 68.

Шакалы 118.

Шакья-Муни 92.

шалаши 129.

шаманка 97, 111, 136, 147.

шаманки бѣлыя 95, 149, 150, 153.

— черныя 149, 152.

— начальницы 141, 146.

шаманство 93, 111, 115—117, 134.

шаманъ 93, 94, 97, 99, 100—102, 109, 110, 112, 114, 115, 130, 132, 135—137, 142, 147, 150; шаманскій плащъ 135; шаманская корона 135, 136; шаманскія изображенія 116; шаманскія принадлежности 145; шаманскій санъ 144, 149; шаманская корпорація 149, 150; шаманское посвященіе 134, 146; шаманскія призыванія 129, 136, 138, 140.

— верховный: галши 131—139, 144—148.

— нахарскій 95, 99—102, 105, 107—109.

— долганскій 102, 110.

шаманы бѣлые 94—96, 149, 150, 153.

— черныя 94—96, 100, 115, 149, 152.

— простые 133.

— начальники 130, 133—139, 141, 143, 145—150.

— (вліяніе ихъ) 149.

— высшіе: дѣти ихъ 133, 145.

шапка валеная 12.

Шасту-Абжнѣха 64, 66.

Шатиловъ, И. И. 18.

шѣтина (метат. копье) 165.

Шашковъ, С. 115.

шелководство 80.

Шептицкій, Афанасій, митр. 32.

Шервашидзе 63, 64.

шерсть 80.

Ширванъ (Бакин. губ.) 63.

шишечки 114.

Шкловскій, И. 119.

шлемъ 70, 189, 192, 193.

шляпы 159, 188, 189, 198.

— деревянные 194.

— плетенныя изъ растительныхъ волоконъ 195, 196.

шнурки 160, 168, 171.

— жильные 161, 163, 176, 178, 181, 184, 186, 200.

Шоломки, с. 34—37.

штаны 12.

Штейнгель, бар. Э. Р. 21, 24, 27, 32—34, 44.

штрафъ 128.

Щербаковскій, В. 22.

шука 109.

Щукинъ, Н. 102, 112, 115.

Эйръ, Эдв. Дж. (путеш.) 119.

Эяхэ-мѳргѳн 153.

Эоны 90.

эпосъ тибетскій 130.

эскимосы 152, 158, 161, 163, 184, 186, 187, 190, 194, 196.

Юба (Юба) 83.

Юконъ, р. 157, 158, 161, 184.

Ягоды 141, 149.

ядъ 200.

язычество 116.

язычники 81, 86—88.

Якобій, П. И. 18.

якорь 78.

Якутская область 112, 116.

Якутскій окр. 94, 116.

Якутскій трактъ 152.

якутскій языкъ 116.

Якутскъ, г. 95.

якуты 94—96, 112, 113, 116, 161, 163.

Ялта, г. 117.

яма волчья 128.

Ямпольскій у. 43.

Яновичъ, Д. Т. 1, 3, 4, 5, 18.

японцы 129, 190.

ярмо 48, 49, 51, 74, 75.

Ярышево, с. 43.

ясакъ 153.

ясли 2.

ястребъ 128.

ящерица (изображеніе) 182.

Alaska 156, 159, 193.
Avaivartya 89.

Bancroft 157, 187, 194, 195.
Beal 89.
British Columbia 159.

C*anis dukhunensis* 118.
Canis lupus pallipes 118.
Capra hydrophobos 125.
chevrons 163.
China 90.
Copper-river 157.
Cypraea moneta 87.

bDe-ba-can 90.
Dixon 164.

Ebur 197.
Edkins, Joseph 90.
Elster 11.
emmanchement 160.
Equus hemionus Pall. 123.
Equus Przewalskii 124.
ex-voto 69.

Foreshaft 167.

Grünwedel, Alb. 90.

Harakka 11, 12.
Harriman 156, 157, 193.
head 167.
Heikel, A. 11, 15.
hoorts 191.
Hooyeh 198.
Hotham inlet 161.
Hough, W. 190, 191.

Javelots 164.

Ka-ka-hete 200.
Klemm 173.
Kumârajîva 89.

Line-guide 186.
lissoir 198.
Lunda cirhata Pall. 200.

Mahâyâna 90.
Mason, O. T. 167, 170, 171, 173, 187, 196.
Mokłowski, K. 44.
Mortillet, G. et A. 169, 172.
Murdoch, John 184.
Museum Nat. U. S. 173.

Nelson 157, 161, 165, 170, 178, 182, 184, 186, 187, 194.
Niblack 157, 159, 160, 163, 185, 187, 191, 192, 196, 200.
Nootok-river 157.
Norton-Sound 161.

Oolalla 200.
Orca gladiator 117.

Pédoncule 175, 176.
pick-shaped adze 159.
pointes de flèches 175.
propulseurs 172.

Rhys Davids 90.
Rink 157.
Rogers type 173.

Schott 90.
slave-killer 159.
Sokolowski, M. 44.
Sukhâvati 90.
Swan 200.

Talon 160.
throwing-sticks 172.
Tibet 91.

Visors 191, 192.
Vogelauge 15.

Waddell 91.
Whymper 156, 187.

Yo-Shî-Fo 90.

Matériaux pour l'Ethnographie de la Russie,
publiés par la Section Ethnographique du Musée Russe de l'Empereur Alexandre III,
sous la rédaction de **M. Th. Volkov.**

TOME I, 1910.

Contenu des mémoires et explications des figures.

I. N. MOGULIANSKY. Excursion ethnographique dans la Russie centrale.

Sommaire.

Voyage en été 1902 aux gouvernements de Toula et d'Orel dans la Russie centrale. Description sommaire d'un village avec les plans montrant la disposition topographique de la maison habitée et des autres bâtiments. Plan de la maison et la disposition des bâtiments suivant les régions, matériaux de construction, etc. Etude plus détaillée sur les habitants, hommes et femmes, avec plusieurs clichés faits par l'auteur au cours de son voyage. Variations de la coiffe des femmes, suivant leur état social et les régions. Industrie primitive à domicile; art textile, fabrication de dentelles, broderie, art du potier, etc.; formes très archaïques et instruments de travail rappelant les temps bien éloignés.

Explication des figures.

Fig. 1. Vue générale du village Ivlevo au bord de la rivière Oupiorte (district de Bogoroditzk, gouvern. de Toula). Fig. 2. Plan montrant la situation de la maison habitée par rapport aux autres constructions et à la rue: a) maison habitée, b) vestibule, c et d) chambres de débarras, e) cour, f) porcherie, g et h) écurie, i) bergerie, j) porte, k) séchoir pour le blé, l, m et n) puits, o) cave, p) hangar, r, s et t) magasins. Fig. 3. Plan de la maison habitée: a) — vestibule, b) chambre de débarras, c) porte de la cour, d) porte de la rue, e) table, f) icônes, g) banc, h) plateforme menant sur la galerie sous le plafond laquelle sert de dortoir pendant l'hiver, i) four, j) baquet avec de l'eau, k) planche pour la vaisselle. Fig. 4. Maison de paysans dans le district d'Orel, gouvern. d'Orel. Fig. 5. Maison et autres bâtiments de paysans dans le district de Briansk, gouvern. d'Orel. Fig. 6. Petite hutte spécialement construite pour passer la nuit en été — dite „poúgneka“ (district de Novosil, gouvern. de Toula). Fig. 7. Schéma d'une construction en pierre (toit en paille) destinée à servir de hangar pendant l'hiver et de chambre à coucher en été (village Ivlevo, gouvern. de Toula). Fig. 8 et 9. Deux femmes mariées en leur costume de fête. La première porte sur la tête une parure, dite „soróka“. Fig. 10. Partie d'une parure de tête de femme mariée — dite „soróka“, brodée d'or; la partie couvrant le front en perles de verre. Fig. 11. Deux spécimens de partie de devant de la parure, dite „soróka“—brodées en fil de soie de couleur; la première — un exemple rare du point de vue de la technique. Fig. 12. Partie postérieure d'une parure de tête, dite „soróka“, couvrant la nuque et le cou jusqu'au dos. Fig. 13. Deux femmes: l'une mariée et l'autre jeune fille du district de Dmitrovsk, gouvern. d'Orel. On voit le costume très riche de la femme mariée: la tête est coiffée d'une „soróka“; elle porte une sorte de jupon, dite „paniova“, richement ornée de broderie multicolore. La jeune fille à côté n'a pour vêtement qu'une longue chemise avec une très modeste ceinture et une coiffe très

simple. Fig. 14. Les mêmes femmes (voir fig. 13) vues du dos. Fig. 15. Un spécimen de „kitchka“ servant de base pour fixer la parure de tête d'une femme mariée. Fig. 16. Partie supérieure d'une parure de tête — broderie en or — district de Siévsk, gouvern. d'Orel. Fig. 17. Partie supérieure d'une parure de tête—broderie en fil de soie de couleur, district de Siévsk, gouvern. d'Orel. Fig. 18. Partie d'une parure de tête de femme mariée, couvrant le front — broderie en fil de soie. Fig. 19. Groupe de paysans du village Logarevka, distr. de Siévsk, gouvern. d'Orel; la jeune femme mariée est en costume de fête. Fig. 20. Métier avec un spécimen de broderie en or et en fil de laine de couleur. Fig. 21. Un paysan du village Logarevka, district de Siévsk, gouvern. d'Orel; son costume tout entier est fait au village. Fig. 22. Huit spécimens de broderie en fil de soie servant pour orner les chemises des femmes du village Ivlevo, district Bogoroditzk, gouvern. de Toula. Fig. 23. Désignation de figures ornementales d'après les explications des paysannes: a) arcs, b) arcs barrés, c) petits ongles entre les croix, d) briquets, e) petits galons, f) petites croix avec des galons, g) yeux de corbeau (chez les Tchérémisses, d'après M. Heikel, — „Vogelauge“) ou petits cercles, h) petites côtes, i) petits poteaux, j) croix du pape. Fig. 24. Motifs ornementaux géométriques (blancs et en couleurs), qu'on rencontre sur les bouts des essuie-mains, aux bords des tabliers, etc. Fig. 25. Spécimen du motif ornemental avec des figures d'hommes stylisées. Fig. 26. Spécimen du motif ornemental (figures d'hommes fortement stylisées). Fig. 27. Spécimen d'ornement tissé, dit „pérétyka“. Fig. 28. Motifs ornementaux, qu'on rencontre sur les morceaux tissés, dits „pérétykas“, avec désignations populaires qui ne se prêtent pas facilement à la traduction. Fig. 29. Deux spécimens de broderie en fil de coton de couleur (monochromes). Fig. 30. Deux spécimens de broderie en fil de soie de couleur (polychromes). Fig. 31 et 32. Spécimens de broderie en fil de coton (monochromes) sur les essuie-mains servant pour orner les images saintes etc. Fig. 33. Mode de fabrication de dentelles à l'aide des „kokliouchki“. Fig. 34. Sorte de collier-chaîne—dit „tchipotchka“ en perles de verre de couleur, avec une image de saint suspendue en bas. Fig. 35. Instrument pour fabriquer la poterie: a) planchette pour la terre-glaise, b) roue en bois que le potier assis sur le siège *d* met en marche par un mouvement de la main.

Planche I. Parure de tête — dite „soróka“ portée par les femmes mariées dans le district de Dmitrovsk, gouvern. d'Orel—vue de devant (en haut), vue de derrière (en bas). Planche II. Motifs ornementaux de technique spéciale, morceaux dits „stróky“, servant à orner les chemises, les essuie-mains, les tabliers etc. Planche III. Spécimens de colliers en perles de verre, qu'on porte comme une chaîne ou bien au cou et un exemplaire de la partie couvrant le front pour la parure dite „soróka“.

II. TH. VOLKOV. Anciennes églises en bois en Volynie.

Sommaire.

Caractères distinctifs des anciennes églises en bois en Ukraine. Essai de la classification. Anciennes constructions religieuses en Volynie: chapelles, églises à trois compartiments et à une coupole, églises à trois compartiments et à trois coupoles, clochers, croix, cimetières. Distribution géographique. Evolution probable des caractères principaux du style des églises en Ukraine.

Explication des figures.

Fig. 1. Cimetière du village de Zabolotié, distr. de Kovel. Fig. 2. Chapelle au cimetière de Slavouta, distr. de Zaslav. Fig. 3. Chapelle à Vyssotzk, distr. de Rovno. Fig. 4. Id. de côté. Fig. 5. Plan général des églises à trois compartiments. Fig. 6. Eglise de St. Michel à Némirovka, distr. d'Ovroutch. Fig. 7. Eglise de St. Michel à Povitié, distr. de Kovel. Fig. 8. Eglise de St. Michel à Zamchany, distr. de Kovel. Fig. 9. Eglise de la S-te Croix à Zabolotié, distr. de Kovel. Fig. 10. Eglise de St. Eustache à Touriysk, distr. de Kovel. Fig. 11. Eglise de S-te Parascève à Zalissy, distr. de Kovel. Fig. 12. Eglise de St. Jean Théologien à Tatarnovitchy, distr. d'Ovroutch. Fig. 13. Eglise de St. Nicolas à la ville d'Ovroutch. Fig. 14. Eglise cathédrale de l'Annonciation à la ville de Kovel. Fig. 15. Eglise de la S-te Trinité à Souchtchany, distr. d'Ovroutch. Fig. 16. Eglise de St. Démétrius à Biélochitzi, distr. d'Ovroutch. Fig. 17. Eglise de St. Nicolas à Souchky, distr. de Jitomir. Fig. 18. Eglise de la S-te Trinité à Novograd-Volynsk. Fig. 19. Galerie autour de l'église de la S-te Trinité à Novograd-Volynsk. Fig. 20. Eglise de la S-te Trinité à Verbky, distr. de Kovel. Fig. 21. Trottoir menant à l'église de la S-te Trinité à Verbky. Fig. 22. Eglise de St. Nicolas à Gorodok, distr. de Rovno, avec l'ancienne maison métropolitaine. Fig. 23. La porte sainte de l'église de l'Intercession de la S-te Vierge, au village de Khodaky. Fig. 24. Clocher de l'église de St. Nicolas à Ovroutch. Fig. 25. Clocher de l'église cathédrale de l'Annonciation à Kovel. Fig. 26. Clocher de l'église à Cholomky dans son état primitif. Fig. 27. Clocher à Khodaky, distr. d'Ovroutch. Fig. 28. Clocher à Ouchomir, district de Jitomir. Fig. 29. Croix près de la grande route à Andréyévitshy. Fig. 30. Plan de l'église à trois compartiments et à une coupole. Fig. 31. Le même, l'église à trois coupoles. Fig. 32. Croix près de l'église à Verbky, distr. de Kovel. Fig. 33. Croix barrant la route au choléra à Zalissy, distr. de Kovel. Fig. 34. Vieux cimetière à Andréyévitshy. Fig. 35. Croix de cimetière fabriquées dans un seul morceau de bois. Fig. 36. Croix de cimetière fabriquée dans un seul morceau de bois. Fig. 37. Monument funéraire fabriqué dans un seul morceau de bois dans la Russie Blanche. Fig. 38. Croix au carrefour dans le village Gorodok, distr. de Rovno.

III. A. SIERZPUTOWSKI. Instruments d'agriculture de la Russie Blanche.

Sommaire.

Instruments d'agriculture des habitants de Poliëssié c. à d. du pays marécageux des districts de Sloutzk et de Mozyr du gouvern. de Minsk.

Explication des figures.

Fig. 1. Formes diverses de pioches. Fig. 2. Bêches diverses. Fig. 3. 1 — bêche. 2 et 3 — différentes formes de sochet. Fig. 4. Araire et son avant-train. Fig. 5. Sochet à brancards. Fig. 6. Charrue avec matériel. Fig. 7. Matériel d'une charrue. Fig. 8. Herse primitive. Fig. 9. Herses. Fig. 10. Instruments d'engraisement du sol. Fig. 11. Chariot. Fig. 12. Faux avec son matériel. Fig. 13. Faucille. Fig. 14. Instruments pour le transport des blés et du foin. Fig. 15 et 16. Instruments pour battre et pour vanner le blé.

IV. A. MILLER. Excursion en Abkhazie en 1907.

Sommaire.

Ancienneté de la population abkhazie aux bords de la mer Noire. Absence d'anciennes sépultures dans ce pays et d'habitations tout près de la mer. Emigration en Turquie. Moeurs féodales, droit usuel. Forge comme lieu sacré. Vendetta. Sacrifice à la foudre. Sacrifices et autres pratiques contre la sécheresse. Forêts et arbres sacrés. Superstitions et amulettes. Vol. Constructions, enclos, habitations, mobilier, moyens de transport. Nourriture et sa préparation. Fabrication du vin. Instruments de chasse. Outils de divers métiers.

Explication des figures.

Fig. 1. Lieu de sacrifice sur le mont Doudrupche. Fig. 2 et 3. Instruments de musique. Fig. 4. Diverses formes d'enclos. Fig. 5. Marche-pieds pour franchir l'enclos. Fig. 6. Portes-cochères. Fig. 7. Détails de la construction des portes-cochères. Fig. 8. Porte-cochère fermant automatiquement. Fig. 9. Cabane d'ancienne forme. Fig. 10. Etable pour les chèvres. Fig. 11. Cabane moderne. Fig. 12. Hangar pour le maïs. Fig. 13. Détails sur l'arrangement du plafond. Fig. 14. Crémaillères, crochets pour les lampes et paniers. Fig. 15. Lampe en fer et cierge. Fig. 16. Tables et bancs. Fig. 17. Cabestan pour monter l'eau. Fig. 18. Hache et autres instruments de travail. Fig. 19. Deux sochets et joug de buffles. Fig. 20. Herse. Fig. 21. Ruche, panier à battre le maïs et mortier à piler le „gomi“ (espèce de mil). Fig. 22. Moulin à eau. Fig. 23. „Harba“ (char). Fig. 24. Articles de ménage. Fig. 25. Pressoir à exprimer les raisins. Fig. 26. Vases à eau et à vin. Fig. 27. Articles de chasse. Fig. 28. Cuillères en bois et en citrouille. Fig. 29. Piège à sanglier. Fig. 30. Piège à martre. Fig. 31. Ratière. Fig. 32. Marques de chevaux. Fig. 33. Vases en bois. Fig. 34. Paniers, sac en écorce, blague à tabac en haricots et trois sacs en cuir. Fig. 35. Outils de forgeron, faucille (fig. 7) et haches diverses (fig. 1-4).

V. S. ROUDENKO. Monuments sépulcraux des Tchouvaches.

Sommaire.

La vie d'outre-tombe d'après les croyances des Tchouvaches. Le cimetière—c'est le village des morts. Administration des morts; leurs chefs; congés pour visiter les vivants, invitations par les vivants et participation à leurs fêtes. Les poteaux sépulcraux sont les images des morts. Cérémonies d'inauguration de ces monuments. Explication de leurs détails.

Explication des figures.

Fig. 1—2. Poteaux de chêne érigés sur les tombes des hommes. Le triangle creusé représente la tête, la gravure au dessus—la coiffe. Fig. 3—4. Poteaux de tilleul sur les tombes des femmes. La gravure représente une coiffe de femme. Fig. 5—6. Le même. Fig. 7. Poteaux de tilleul sur une tombe de jeune fille. La gravure représente une coiffe et un collier de jeune fille. Fig. 8—11. Petites planches en forme de lance (t'rë-kalak—lance de coeur), posées sur les tombes près des poteaux (probablement la survivance de l'usage d'enfoncer un pieu de tremble dans les tombes des morts qui existe encore chez les Mordvines). Fig. 12—13. Monuments sépulcraux. Fig. 14. Femme tchouvache en costume moderne. Fig. 15. Gravure représentant une coiffe et un ornement pectoral—sur le poteau d'une tombe de femme.

VI. PRINCE D. OUKHTOMSKY. Le Paradis Sukhāvati.

Origine de la légende du Paradis Sukhāvati sous l'influence de l'école de la Mahāyāna. Influences du christianisme persan. Les Dyani-Bouddhas. Autels consacrés au culte de Sukhāvati (tib. bDe-ba-can) dans la plupart des temples bouddhiques. Celui du Musée—en bois sculpté, fait par les lamas artistes bouriates dans les cloîtres bouddhi-

stes de la Transbaikalie. Disposition des figures: a) Bouddha-Amitâbha sur un trône. b) L'arbre Boddhi. c) 8 Boddhisatvas. d) 9 lamas adorant l'Amitâbha. e, f, g) Lotus épanouissants où renaissent les âmes venant au paradis. h) Grand lotus servant de piédestal au Bouddha Śakia-Muni. Dans les pagodes (i, k, l, m)—différentes divinités (Zôn-kâpa, les deux Târas, Padmapâni, Manjoushiri etc.

Sur la marche inférieure sont représentés des bosquets de palmiers de forme bizarre. Trois petits lacs. Des arcs-en-ciel, représentés par des rubans tricolores, sortent du sein d'Amitâbha; ils représentent la liaison mystique entre diverses divinités. Sur les nuages on voit des génies de l'air et des musiciens célestes.

VII. E. PIEKARSKI et V. VASSILIEV. Manteau et tambour du chaman yakoute.

Sommaire.

Description détaillée du manteau et du tambour d'un chaman yakoute, reçus en 1907 de l'arsenal de Tzarskoïé Sêlo et enregistrés sous les №№ 1374—1 et 1374—2.

Explication des figures.

Planche VI. Manteau du chaman yakoute. Fig. 1. Vêtement court en peau de renne avec un tablier pareil orné d'une quantité de plaques figurées en fer et en cuivre, ainsi que de diverses pendeloques symboliques. Le poids du manteau est de 8,82 kilos. Fig. 2. Deux figurines humaines en plaque de cuivre sur le tablier. Fig. 3. Epaulières en fer avec figures de dragon. Fig. 4. Plaques rondes sur les omoplates. Fig. 5. L'une des deux figures en fer sur les revers des manches. Fig. 6 et 7. Plaques en fer représentant les os du humerus et des avant-bras. Fig. 8. Pendeloques en fer représentant les plumes. Fig. 9 et 10. Diverses pendeloques en fer attachées sur le dos. Fig. 11. Une des cinq rondelles en fer attachées en arrière et autour du col. Fig. 12, 14 et 17. Trois plaques oblongues du dos en fer. Fig. 13. Anneau de fer—représentant le soleil troué. Fig. 15. Petite figure en cuivre fondu représentant une bête quelconque. Fig. 16. Rondelle en fer aux rebords ébréchés—„la lune ébréchée“. Fig. 18. Rond en fer—„siège du chaman“—et tube conique en fer—„flèche“. Fig. 19. Anneau en fer—„trou dans la glace“—et figure en plaque de fer représentant un poisson. Fig. 20. Tambour—„cheval du chaman“.

VIII. D. KLEMENTZ et M. KHANGALOV. Zéguété-aba.

Description des battues, pratiquées dans l'ancienneté par les Bouriates, dont le souvenir est conservé dans les traditions de ce peuple. Tableau aussi complet et vif que possible de cette chasse, qu'on peut reconstituer d'après les traditions populaires. Importance de cette battue comme moyen unique de procurer la provision pour toute l'année. Participation à cette chasse par le peuple tout entier. Organisation. Rôles des chamans, des guerriers, des gens du peuple et des esclaves. Plan de la chasse et son exécution. Discipline. Partage du butin etc. Conséquences sociologiques issues de l'organisation de ces battues. La préface de M. Klementz est un essai sur l'évolution de la battue depuis son embryon chez les animaux jusqu'à l'homme de nos jours.

IX. TH. VOLKOV et S. ROUDENKO. Collections ethnographiques provenant des anciennes possessions de la Russie en Amérique du Nord. I. Objets reçus de l'Arsenal de Tzarskoïé-Sêlo.

Sommaire.

Quelques données historiques sur ces collections. Population des anciennes possessions russes en Amérique: Esquimaux, Aléoutes, Kenai et Tlinkites. Objets provenant de leurs pays. I. Armes et outils: a) haches en pierre, b) lances à pointes en pierre, c) lances à pointes en os, d) lances à pointes en fer en forme de coutelas, e) poignards, f) javelots, g) javelots pour la chasse aux oiseaux, h) harpons, i) propulseurs, j) flèches et leurs pointes. Autres instruments de la chasse et de la pêche. II. Vêtements et ustensiles: a) armures, b) visières en bois, c) casques en bois, d) chapeaux en bois, e) chapeaux en fibres végétales, f) objets tressés, g) objets divers sculptés en ivoire. III. Objets rituels et objets employés pour les danses: a) manteau, b) masques, c) hochets, d) symboles du pouvoir.

Explication des figures.

Frontispice: Carte ethnographique des anciennes possessions de la Russie en Amérique. Fig. 1. Manche en bois de renne de la hache en pierre. Fig. 2. a) hache en pierre, b) la même, vue du haut, c) du côté opposé. Fig. 3. Pointes de lance: a) en schiste siliceux, b) en silex, c) en ardoise. Fig. 4. a, b, c, d) harpons, e, f) javelots, g—m) javelots pour la chasse aux oiseaux. Fig. 5. a—i) harpons, j) javelots avec pointe en silex. Fig. 6. a) instrument pour la pêche à la ligne, b) lance-harpon, c—f) harpons avec les vessies, g—l) javelots pour attraper les oiseaux. Fig. 7. Pointe de javelot en silex, emmanchée dans un morceau d'os dentelé. Fig. 8. Diverses parties du harpon. Fig. 9. a—n) diverses pointes de harpon, étui pour la pointe. Fig. 10. a—j) propulseurs de diverses formes, k) propulseur en étui. Fig. 11. a—m) diverses formes de pointes de flèche en os. Fig. 12. a, b) pointes de flèche en silex en emmanchure dentelée

en os; c) pointe de flèche en schiste, d—h) pointes de flèche en ardoise, emmanchées en os dentelé, i—k) pointes de flèche en fer avec le même emmanchement, o) pointe en ardoise, l, n, p, q) étuis pour les pointes de flèche; m) tête de flèche en os pour la chasse aux oiseaux, r) pointes de flèche en silex. Fig. 13. a—j et l) flèches de guerre et pour le gros gibier, k) flèches pour les poissons. Fig. 14. a—d) flèches pour la chasse aux oiseaux, e—g) flèches avec les pointes en silex, h—j) flèches à pointes en ardoise, k—n) flèches à pointe en fer (m—avec l'étui). Fig. 15. Tronçons de deux flèches ornées de dessins, représentant les rennes et les autres animaux. Fig. 16. Marques de propriété sur les flèches: № 11 signe totémique de loup, № 14 le même signe d'ours, № 21 le même signe de corbeau. Fig. 17. a et b) carquois en peau de renne. Fig. 18. Diverses formes d'arcs. Fig. 19. Bout d'un arc orné de dessins. Fig. 20. Peau d'otarie enflée servant pour attirer les phoques. Fig. 21. Baïdarka's—les kaïacs en peau de morse ou de baleine. Fig. 22. a, b et c) lances avec pointes en coutelas; d, e et f) rames des Esquimaux. Fig. 23. Armure en lames d'os. Fig. 24. La même en bois. Fig. 25. Visière en bois peint. Fig. 26. a) pipe en ivoire sculpté; les figurines représentent un chasseur armé de fusil et tirant à l'ours blanc; b) le même avec une série d'ours blancs en haut et deux séries de morse des deux côtés. Fig. 27. a) plaquette en ivoire sculpté, b) figure représentant une baleine, c) la même représentant un ours, d) ornement labial en ivoire surmonté d'une figurine de bouquetin, e) espèce d'un polissoir en ivoire, f) petit poisson. Fig. 28. Casque en bois recouvert de peau de phoque et représentant une tête d'ours avec les gros yeux peints en noir; les oreilles et la plupart des dents manquent. Fig. 29. Masque de danse en bois; les yeux sont remplacés par des plaquettes en fer avec des mèches de cheveux dans les trous au milieu. Fig. 30. Masque de danse en bois peint. Fig. 31. a et b) masques en bois peint. Fig. 32. Hochet en bois sculpté, composé de deux moitiés réunies et représentant un corbeau mythologique qui porte sur sa poitrine une tête d'épervier dont le bec est plongé dans la tête stylisée d'une grenouille, contenant un poisson subtil qui donne la faculté de charmer; la figure humaine sculptée sur le dos du corbeau représente le *Oolalla* ou *ka-ka-heté*—le démon sifflant qui touche avec sa langue celle d'un moustique (?). Fig. 33. Hochet en bois peint, représentant sur chacune de ses moitiés une tête humaine bizarre. Fig. 34 et 35. Le même. Fig. 36. Hochet composé de trois cercles en bois, réunis par deux rames croisées et garnies de becs de perroquets produisant un bruit à chaque mouvement de cet instrument. Fig. 37. Canne composée de trois morceaux en baleine et quatre en os qui, d'après le registre de l'arsenal de Tzarskoïé-Sélo, représente le symbole du pouvoir d'un toïon ou chef de village.

Pl a n c h e VII. a) manteau rituel des Tlinkites de la tribu de la Grenouille, en peau de renne; b) casque en bois recouvert de peau de phoque, représentant une tête d'ours (?); les yeux et les lèvres en plaques de cuivre; c) poignard en acier dans un fourreau en cuir orné d'une broderie en piquants de porc-épic; d) poignard court en fer; e) le même plus long, orné d'une tête stylisée sur le manche; f) visière en bois sculpté; g et h) sachets tressés en cheveux et en fils divers. Pl a n c h e VIII. a) manteau rituel des Tlinkites avec des signes totématiques de la tribu du Corbeau; b et c) carquois en cuir ornés de broderie, d) armure dont la partie supérieure est en bois recouvert de peau et de plaques de fer blanc, et la partie inférieure est en plaquettes en fer, très semblables à celles des armures japonaises. Pl a n c h e IX en haut—masque en bois et en cuir représentant la tête du corbeau totémique; au milieu—chapeau en bois des Aléoutes, orné de peinture et de moustaches de morse; en bas à gauche—chapeau aléoute tressé en fibres végétales et couvert de peinture, en bas à droite—masque de danse en bois peint, représentant une tête d'ours.

